80 коп.

Индекс 70544

ISSN 0131—2251

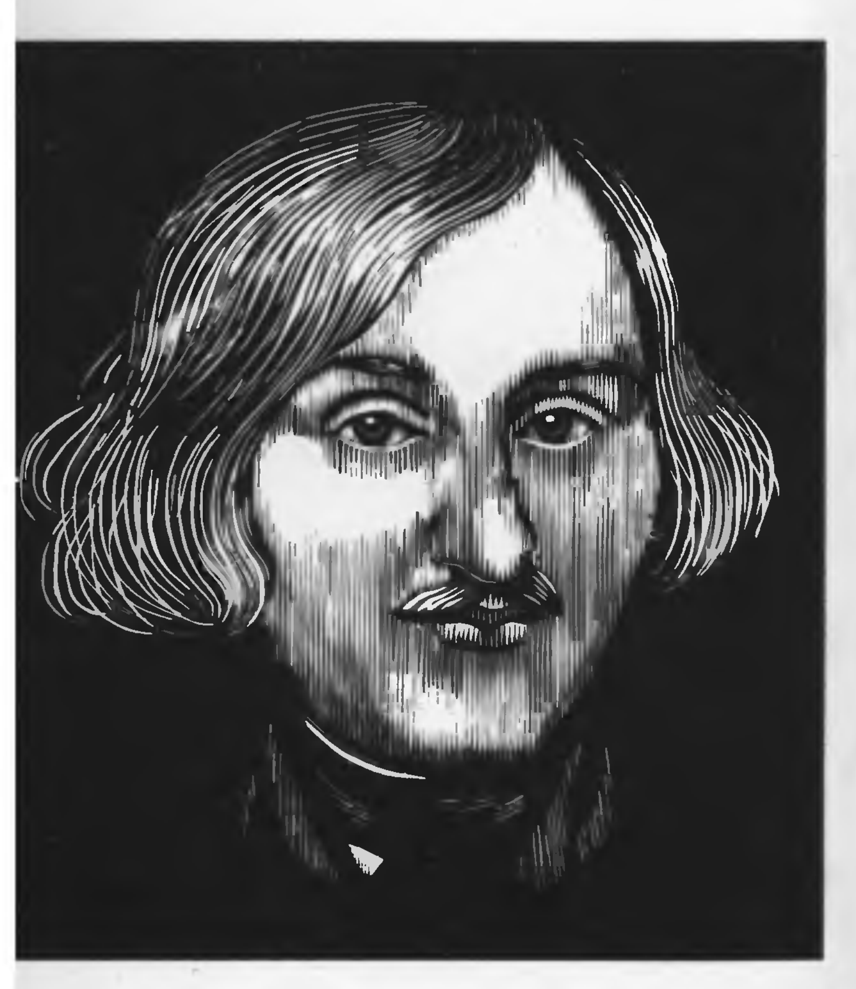
Молодая гвардия 4 · 1989

Молодая гвардия

1989

4

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

К 180-летию со дня рождения

Гравюра Владимира Воронина

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Фрагмент панно художников В. Арлашина и А. Барахтянского «Наука». Фото С. Майданюка.

«Молодая гвардия», 1989, № 4, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

ПОЭЗИЯ

Игорь ЖЕГЛОВ

СТОЯЛА МУЗЫКА В ГЛАЗАХ

МЕЩЕРА

Трясина чавкала и выла
И прогибалась, чуть дыша,
И в темноте невольно стыла
Непосвященная душа.
Кричала птица на болоте
Про чью-то горькую вину,
И рвался крик на дикой ноте,
Усугубляя тишину.
Здесь на заре охота будет,
И боль взметнется до небес.
Зачем в леса приходят люди,
Душа которых — темный лес?
Зачем на отчую Мещеру
Ложится их кривая тень,
Они,
Не ведая позора,
Стучатся в окна деревень.
За жизнь толкуют с мужиками,
И лезут в дальнюю родню,
И душу,

Как холодный камень,
Несут лукаво к их огню.
На заповедные дороги
Зачем идут они опять?
Здесь предназначено немногим
Родиться,
Жить
И умирать,
Болеть о поле и о лесе,
Вновь
Тяготеет надо мной
Гостеприимство этих весей
Непоправимою виной.

ЕЩЕ РАЗ О ЯМЩИКЕ

Настанет неласковый день,
И боль из глазниц упадет...
Ямщик!
Не гони лошадей!
И тот лошадей бережет.

Не свадьба, не праздник —
Нужда
Сквозит из открытых бровей...
Ямщик!
Догоняет беда,
Что медлишь? —
Гони лошадей!

Но слух обостренный его
Не дрогнул от ветреных слов,
И рыщет безмерное зло
По следу саней и подков.

В полнеба седые глаза,
И нет в них ни страха, ни слез...

Ямщик, что в степи замерзал,
Доселе еще не замерз.

НА ОСЕННЕМ ВЕТРУ

Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода...

Для нас условен стал герой,
Мы любим тех, кто в черных масках...

С. А. Есенин

Как больно на ветру стоять глухом
И чувствовать спиной тугое время,
Не думая о времени другом, —
Об этом лишь,
С осенней горькой прелью.

Безмолвны гнезда стылые грачей
Над влажным вечереющим погостом...

Ни лозунгов,
Ни праздничных речей —
Все в этом мире
Обнаженно просто.

Есть и герой-радетель, и судья,
И память есть,
Да только вот какая?
И черные безмерные поля
За окоем медлительно стекают.

Вот время — разобраться и постичь,
Что старых истин не отринуть боле, —
Не сладкий пряник,
Не жестокий бич, —
Отец и сын,
У них земля и воля,
И вера в ту торжественную суть
Прощения,
Любви
И гордой силы...
Мы б только это у судьбы просили.
Иной удел желает кто-нибудь?

ЗМЕИНЫЙ МЕД

...И стали мне рассказывать тогда
Историю о глупых, злобных пчелах,
Чурающихся доброго труда,
Но славящих свой улей в разговорах.
Они-де не пригодны ни к чему,
Пожрать медок,
Поспать в каморке душной.
Ужалить разве?
Много ли уму
Трудиться для такого дела нужно?

...И стали мне рассказывать тогда,
Для верности стократно повторяя:
Мол, ты из улья — это не беда,
Кто вылетел до срока — не страдает.
Над ульем стань —
Невидим и велик,
И мудростью змеиною исполнись,
Чтоб тайну сохранить, забудь язык
И полдню предпочти глухую полночь.

...И стали мне рассказывать тогда
Грядущего астральные картины,
И шел я в них сквозь страны и года
К неведомым,
Всеблагостным вершинам.

Я шел —
Осиротевший и чужой,
Но боль моя и совесть оглянулись,
А сзади чей-то улей был сожжен,
И пчелы в улье так и не проснулись.
А позади, в полуденной тиши,
Не так уже дышала медуница,
И нужно было выжить, чтобы жить,
Рассказчикам моим всмотревшись в лица.

Я к дому шел
Сквозь кровь свою и пот,
К земле своей
Сквозь небеса и звезды,
А в соты затекал змеиный мед...
Я к дому шел,
Я знал — еще не поздно.

ПРИТЧА О ЛЕГКОЙ МИНУТЕ

Доселе неизвестная как будто,
А может, не любимая судьбой —
Жила на свете легкая минута
И жаловала благостный покой.
Хотя она была роднею кровной
Эпохе бед, прозрений и побед,
И часу роковому,
И огромной
Вселенной, где ее невидим след.

И вот однажды (как ведется в сказе)
Привиделось минуте этой враз,
Что время сотворило безобразье —
И на земле явился легкий час.
И взвизгнула минута:
— Что за шутки?!
Что самозванец долгий натворит?
Но легкие за ним явились сутки,
Прибавив ей негаданных обид.
И помрачнела, съежилась минута —
Царица краткой милости тому,
Кто и не чаял большего
(И тут-то
Вопрос недоуменный ваш сниму).

Она ушла, как миллион таких же
Коротких, но с претензией на власть
И право знать, кто на земле унижен.
(Она того на миг возвысит власть,
Пожалует покоем и достатком,
Надеждою, как вспышкою звезды,
И скроется в своем покое гадком,
Поди с нее спроси,
Сыщи следы...)

Я слышу — дышит вешняя земля,
Я вижу — слышит
Слухом почки каждой,
Что видел я
И то, что слышал я, —
То рассказал, не приукрасив даже...
Скитается тяжелая минута
Под легким небом, на чужой земле.

Ей славы нет,
Прощенья
И уюта...
Такая притча
О добре и зле.

БЕТХОВЕН

Уходит слух.
Обожжены глаза
Мучительнейшей болью и утратой.
Вселенная —
Один безмолвный зал,
Где на созвездьях
Музыка распята.

Еще один фатальный крик его,
Подернуто лицо рожденьем звука,
Идущего из тела самого,
Как некогда скрываемая мука.
Еще до воспаленнейших октав
Придет к нему возможность дотянуться,
И клавиши,
К рукам его припав,
Вдруг нашими руками обернутся.
И мы поймем
В холодной глухоте
Спустя века,
На рубеже столетий:
Ничто нас так не движет к чистоте,
Как поиски гармонии на свете;
Ничто так не желанно в этот час,
Сквозь глухоту,
Наследственную, может,
Себя услышать,
Как в последний раз,
Больной душой
И воспаленной кожей.

О высший слух!
Какой бы ни был день —
Безмолвием ниспосланный на землю,
Нас нитью сквозь иглу свою продень,
Чтоб каждый прошептал:
— Люблю и внемлю...

ТАБУН

Какая графика!
Табун кровей горячих.
Закат.
Смеркается.
В предгорьях все свежей...
А кони в жизни очень много значат,
Не нужно только ставить на коней.

Надежда на себя —
Уже полдела,
Еще полдела — на своих друзей...

Я помню:
Вся долина онемела
От совершенства медленных коней.

Старик туркмен, меня сопровождавший,
Как в первый раз, восторженно вздыхал,
Он был меня раз в пять, наверно, старше,
Как говорят,
Почтенный аксакал.

Мы тихо шли
На зов зари вечерней,
И здесь, о чудо, в памяти моей
Живет поныне светом непомерным
Та пара бело-розовых коней.

Старик сказал:
— Смотри, пустые кони,
В них древняя порода умерла,
Их от себя табун горячий гонит,
Их не продать,
Хоть их цена мала.

Два облака.
Отдельно.
На отшибе.
О, сколько горькой стати и тоски?!
О как порой бывают нам близки
Природы гениальные ошибки!

Старик хвалил
Лихих гнедых коней,
И я кивал ему
И с ним не спорил.

Один вопрос кричал в душе моей:
Как совершенство
Нам приносит горе?
Так хорошо в спокойном табуне:
Растет твоя и ценность, и порода,
Нет ярлыков,
И трудной доли нет...

Туман кумысный плыл от небосвода.
Я уходил —
Мечтателен и юн,
Лишь память все рельефней
Год от года:

А так ли мы ценили бы табун,
Когда б других не видели поодаль?!

СТОЯЛА МУЗЫКА В ГЛАЗАХ...

Я уезжал,
А на часах
Минута долгая кричала.
Стояла музыка в глазах
И боль любимой означала.
Слеза, как нота, пролилась
Ее невыносимой болью,
Берущей над моей судьбою
Неограниченную власть.
Она повелевала мне
Прожить всю жизнь,
Как посвященье
Одной любимой на земле,
Что мне приносит очищенье,
Святую боль,
Высокий слог,
И музыку в глазах бездонных,
И лучшую из всех дорог
К любви моей
Неразделенной.

В РАЗЛУКЕ

Любимая! Вот письмена мои.
Заплачет память на ветру осеннем.
Как никогда мир полон потрясений,
Как никогда недостает любви.
Как никогда открыта суть души
И беззащитна искренность стремлений,
Так быстро люди учатся грешить,
Предав забвенью святость всетерпенья.
Любимая, вот письмена мои,
Какие бы нас дни ни посетили,
От Родины, от дома и семьи
Любовь и жизнь даруются в России,
И я живу целительной мечтой,
Что сохраним мы крепкие устои.
Жить Родиною,
Домом
И тобой,
И значит это — жить на свете стоит.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

И. А. БЕНЕДИКТОВ: О СТАЛИНЕ И ХРУЩЕВЕ

Интервью с Иваном Александровичем Бенедиктовым, в течение двух десятилетий (с 1938 по 1958 год) занимавшим ключевые посты в руководстве сельским хозяйством страны, хорошо знакомым с методами и стилем работы И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, других видных политических и хозяйственных деятелей, основано на нескольких беседах с ним, состоявшихся в 1980 и 1981 годах в бытность моей работы корреспондентом Гостелерадио СССР. Иван Александрович в тот период был на пенсии, но активно занимался общественной работой, в частности, по линии Общества советско-индийской дружбы — в конце своей служебной карьеры Бенедиктову довелось поработать сначала советским послом в Индии (1959—1967 гг.), а затем в Югославии (1967—1970 гг.).

Подготавливая по заданию редакции передачи о советско-индийском сотрудничестве, я не удержался и стал задавать Ивану Александровичу вопросы на другую, более волновавшую меня тему. Бенедиктов со свойственной аппаратному работнику сдержанностью отвечал сначала сухо и односложно, явно давая понять, что не намерен тратить время на праздные разговоры. Однако, почувствовав, видимо, искренность моего стремления разобраться в происшедшем, стал говорить раскованно, охотно и откровенно, согласившись даже специально побеседовать на острые темы за чашкой чая в своей просторной, «наркомовской» квартире на улице Горького.

Иван Александрович не возражал против публикации своих высказываний, хотя и сильно сомневался в возможности этого. Здесь он оказался полностью прав — все мои попытки «пристроить» интервью даже в самом усеченном виде в литературно-художественные издания кончались неудачей. Но, и потеряв реальную надежду, я не оставлял их — хотелось доказать бывшему наркому несостоятельность его пессимистических оценок и, возможно, заложить фундамент для последующей литературной обработки его мемуаров. Через несколько месяцев после получения очередного отказа из редакции известного журнала Ивана Александровича не стало... Основания для продолжения борьбы отпали сами собой, и я предоставил рукопись «грызущей критике мышей».

Сейчас, когда вошло в моду публиковать ранее запретные, шедшие вразрез с официальными установками произведения, думаю, есть смысл вновь вернуться к ней. Конечно, далеко не со всеми бенедиктовскими высказываниями можно согласиться: некоторые из них и ныне, как и в те годы, представляются мне ошибочными. Да и он, думаю, сейчас на некоторые вопросы ответил бы иначе. Но я оставил все, как есть, все, как он говорил в то время, когда мне приходилось с ним встречаться.

Б. ЛИТОВ,
член Союза журналистов СССР,
кандидат экономических наук

— С конца 70-х годов в развитии нашей экономики наметился очевидный спад. В официальных документах его объясняют как объективными трудностями, так и субъективными просчетами. Большинство же ученых и специалистов видят корень зла в отсутствии подлинно экономического механизма развития и управления народным хозяйством и особенно внедрения научно-технических достижений... Хотелось бы знать мнение по этому вопросу человека, занимавшего важный пост в нашей экономике в период, когда она развивалась едва ли не самыми быстрыми в мире темпами...

— Боюсь разочаровать вас своим «консерватизмом» и «догматизмом». Я считал и считаю, что экономическая система, действовавшая у нас до середины 60-х годов, и сейчас могла бы обеспечивать высокие и стабильные темпы роста, устойчивую ориентацию на эффективность и качество и, как закономерное следствие, постоянное повышение благосостояния широких слоев трудящихся. Конечно, жизнь есть жизнь, кое-что надо было изменить и обновить. Но это касается лишь второстепенных узлов и деталей, в целом же проклинаемая многими экономистами «сталинская система», как вы правильно заметили, доказала высокую эффективность и жизнеспособность. Благодаря ей к концу 50-х годов Советский Союз был самой динамичной в экономическом и социальном отношении страной мира. Страной, уверенно сокращавшей свое, казалось бы, непреодолимое отставание от ведущих капиталистических держав, а по некоторым ключевым направлениям научно-технического прогресса и вырвавшейся вперед. Достаточно вспомнить наши достижения в космосе, мирном освоении ядерной энергии, успехи фундаментальных наук.

Ошибаются те, кто думает, что мы добились всего этого за счет экстенсивных, количественных факторов. В 30-е, 40-е да и 50-е годы упор как в промышленности, так и в сельском хозяйстве делался не на количество, а на качество, ключевыми, решающими показателями были рост производительности труда за счет внедрения новой техники и снижение себестоимости продукции. Эти два фактора были положены в основу экономического роста, именно этим оценивали и продвигали хозяйственных руководителей, именно это считалось главным, прямо вытекающим из основ марксистско-ленинского учения. Конечно, с позиций сегодняшнего дня такая «жесткость» и прямолинейность выглядит немного наивной, да и тогда она приносила определенные «минусы». Но в целом направление было выбрано совершенно правильно,

что доказывает опыт современных американских, западногерманских и японских фирм, которые уже довольно широко планируют как рост производительности труда, так и снижение себестоимости продукции на многие годы вперед...

То же самое можно сказать и о социальной сфере, идейно-политическом климате в обществе. В своей основной массе советские люди были довольны жизнью и с оптимизмом смотрели в будущее, верили своим руководителям. Когда Хрущев выдвинул задачу достижения наивысшей в мире производительности труда и выхода на самые передовые в мире рубежи научно-технического прогресса, мало кто сомневался в конечном успехе — столь велика была уверенность в своих силах, способности догнать и перегнать Америку.

Но Хрущев не Сталин. Плохой капитан способен посадить на мель самое хорошее судно. Так и произошло. Наши капитаны сначала сбились с курса, потеряв заданные темпы, потом стали шарахаться из одной крайности в другую, а затем и вообще выпустили из своих рук руль, заведя экономику в тупик. И, не желая открыто признать свою беспомощность, явное несоответствие высоким постам, стали сваливать все на «корабль», на «систему», поставив на конвейерный поток производство бесконечных решений и постановлений о ее «развитии» и «совершенствовании». А «теоретики» и ученые начали оправдывать эту бумажную карусель высокоумными рассуждениями о некой «оптимальной экономической модели», которая-де сама по себе, автоматически обеспечила бы решение всех наших проблем. Руководству, мол, придется лишь сидеть у пульта этой «модели», время от времени нажимая ту или иную кнопку. Нелепая, чисто кабинетная, профессорская иллюзия!

— Но ведь и Ленин призывал экспериментировать, искать оптимальные варианты...

— Не к месту вы здесь ссылаетесь на Ильича, совсем не к месту. Стремление к реорганизациям и реформам, постоянный перестроечный зуд Ленин считал самым безошибочным признаком бюрократизма, в какие бы «марксистские» одежды он ни рядился. Вспомните пророческие ленинские слова о том, что система системой, а есть еще и культурный уровень, уровень «умелости» работы как «наверху», так и «внизу», который системе не подчинишь. Не суйтесь к народу с «ломкой системы» и реорганизациями, предупреждал Владимир Ильич еще в начале 20-х годов, подбирайте людей и проверяйте фактическое исполнение дела, и народ это оценит. Этот важнейший, пожалуй, самый главный ленинский завет управления, завет, который буквально пронизывает все последние произведения, записки и документы Ильича, на деле — на словах, разумеется, все за! — сейчас забыт. Что же удивляться тому, что дела у нас вопреки лавине «назревших» постановлений и реорганизаций идут все хуже и хуже...

При Сталине же ленинский лозунг «Кадры и контроль решают все» последовательно и твердо проводился в жизнь. Несмотря на очевидные ошибки и упущения (у кого их нет?), все крупные исторические задачи, стоявшие перед страной, будь то создание экономических основ социализма, разгром фашизма или восстановление народного хозяйства, удалось решить. А назовите мне хотя бы одну экономическую или социальную проблему, которую даже не решить, а сдвинуть с места удалось Хрущеву и его пре-

емникам! Всюду тонны слов и граммы дел, а реального продвижения вперед так и не видно. Скорее наоборот, сдаем уже завоеванные позиции...

Поймите меня правильно. Я не против реформ и реорганизаций как таковых. Я против того, чтобы переносить на них основной упор, ожидая от очередного постановления чудодейственных результатов. Надо уменьшить раз в десять число таких постановлений и реорганизаций, а все силы бросить на кропотливую, черновую, будничную работу по реализации немногих, но четких и конкретных решений. Тогда и появятся чудодейственные результаты, укрепится доверие народа к партии, которое, увы, расшатывается сейчас с каждым годом. Впрочем, здесь я Америк не открываю. Именно в таком духе работал партийно-государственный аппарат в так называемые годы «культа личности». Думаю, не напрасно к опыту тех лет присматриваются — и с немалым успехом! — руководители крупнейших западных монополистических корпораций.

— Простите за откровенность, Иван Александрович, но ваши рассуждения кажутся мне слишком упрощенными. Получается, что от того, кто возглавит страну, зависит в конечном счете все... Не придается ли в таком случае личностному фактору некая демоническая сила, что, несомненно, идет вразрез с краеугольными положениями марксизма-ленинизма...

— Ленин, судя по вашей логике, «шел вразрез», когда после окончания гражданской войны заявил, что для победы социализма в России нужна была лишь «культурность» коммунистов. Иначе говоря, умение управлять страной, по отношению к которой они были «каплей в народном море». Это говорилось в условиях страшной разрухи, голода, средневековой отсталости деревни, да и города, в ситуации, когда страна, говоря теми же ленинскими словами, напоминала «смертельно избитого человека»!

Подавляющее большинство ученых и специалистов как в России, так и за рубежом, загипнотизированные так называемыми «объективными факторами», открыто называли ленинский план строительства социализма «больной иллюзией», ставкой на «демонические силы большевистской партии». Демоны демонами, а социализм в кратчайшие сроки мы построили вопреки всем «премудрым пескарям» с учеными степенями и званиями!

Впрочем, исторические аналогии мало кого убеждают. Перейду лучше к сегодняшнему дню. Даже при нынешней экономической системе у нас есть десятки предприятий как в промышленности, так и сельском хозяйстве, не уступающие мировому уровню, а кое в чем даже превосходящие его. Возьмите, например, станкостроительное объединение в Иванове, которое возглавляет Кабаидзе, или известный колхоз председателя Бедули.

Главное, решающее условие успехов, достигнутых флагманами нашей экономики, — уровень руководства, профессиональная компетентность директора или председателя. Не подготовят Кабаидзе или Бедуля достойных себе преемников — все опять пойдет под откос, скатится до преобладающего у нас уровня посредственности и серости, уровня малопрофессионального ремесленничества. Выходит, корень зла не в существующей экономической системе — в ее условиях талантливые люди способны делать чудеса! — а в том, что принято называть «субъективно-личностным фактором».

У нас много говорят о возрастании роли этого фактора при социализме. Что ж, положение верное, только роль этого фактора нельзя понимать однозначно, в розовом свете. Умный, компетентный руководитель резко ускоряет продвижение вперед предприятия, отрасли, страны, слабый и посредственный также резко тормозит, замедляет его. Отсюда — жесткая требовательность к руководящим кадрам, постоянный и всесторонний контроль за их профессиональным, идейно-нравственным и политическим ростом. Без этого социализм не только не реализует, а, напротив, растеряет свои исторические преимущества.

Если и говорить о создании «новой системы», то это должна быть крупномасштабная, широко разветвленная, глубоко продуманная система выявления, продвижения, стимулирования роста одаренных людей во всех эшелонах управления, как государственного, так и партийного. Сумеем подготовить и «зарядить» на высшие интересы несколько десятков тысяч Кабаидзе и Бедуль — страна совершит резкий рывок вперед. Нет — будем топтаться на месте под фанфарный звон очередных постановлений и реорганизаций. Основной задачей партийного и, во многом, государственного аппарата и должно быть нахождение и продвижение талантливых людей. А у нас сейчас думают об этом чуть ли не в последнюю очередь, посвящая едва ли не все время подготовке очередных решений и постановлений и организации вокруг них пропагандистской шумихи. Более того, талантливых, ярких людей стараются задвинуть подальше, отдавая предпочтение послушным, серым, а то и вовсе не умным людям, которые прорвались сейчас даже на министерские посты. А когда «наверху» все поставлено с ног на голову, и «внизу» дело не пойдет. И я ничуть не удивляюсь возросшей стихийности экономических и социальных процессов в обществе, падению дисциплины, сознательности и ответственности рядовых тружеников, разрастанию того, что модно ныне называть «антисоциалистическими явлениями». Повторяю, главный источник наших бед — резкое снижение уровня партийно-государственного руководства, забвение гениальных заветов Ленина о подборе кадров и проверке исполнения как основном, решающем инструменте партийного влияния...

— Насколько мне известно из официальных документов и утверждений видных историков, избавляться от талантливых людей в высшем эшелоне начал именно Сталин, кадровую политику которого вы считаете образцовой...

— Если вы хотите добраться до сути, побольше работайте собственной головой. С момента прихода к власти Хрущева в эти документы попало столько фальши и конъюнктурщины, что подчас диву даешься — как могло появиться такое в наших партийных, коммунистических изданиях! «Видные» же ученые-специалисты, которые сегодня пишут одно, завтра другое, а послезавтра третье, тоже не очень надежный источник.

Теперь по сути. При Сталине продвижение в высшие эшелоны управления осуществлялось только по политическим и деловым качествам — исключения, конечно, были, но довольно редкие, подтверждавшие общее правило. Главным критерием являлось умение человека на деле и в кратчайшие сроки изменить ситуацию к лучшему. Никакие соображения личной преданности и близости к «вождю», так называемый «блат», не говоря уже о семейно-родственных связях, в расчет не брались. Более того, с людей, к которым Сталин особо симпатизировал, точнее, ставил в пример другим, спрос был и жестче, и строже. Я имею в виду В. М. Молотова, Г. К. Жукова, Н. А. Вознесенского, авиаконструктора А. Н. Яковлева и некоторых других...

Существовавшая в те годы подлинно большевистская система подбора и расстановки кадров приводила к тому, что на ключевых постах в партии, государстве, армии действительно оказывались наиболее талантливые и подготовленные в профессиональном отношении люди, совершавшие по нынешним меркам невозможные вещи, буквально чудеса. Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов, В. А. Малышев, И. Ф. Тевосян, Б. Л. Ванников, А. И. Шахурин, Н. С. Патоличев — перечисляю лишь немногих, все они обладали выдающимися способностями и дарованиями и, что немаловажно, заняли высшие посты в самом расцвете своих сил. При Сталине Советское правительство по возрастному составу было едва ли не самым молодым в мире. Меня, к примеру, назначили наркомом земледелия СССР в 35 лет, и это являлось не исключением, а скорее правилом. Большинство наркомов было примерно такого возраста, даже моложе, да и многим секретарям обкомов партии в тот период едва перевалило за 30 лет. Лозунг «Молодым везде у нас дорога» в 30-е и 40-е годы последовательно, с железной настойчивостью и твердостью проводился в жизнь. Начав свою работу в сельскохозяйственном учреждении совсем еще молодым человеком, я был твердо уверен, что все успехи по службе зависят исключительно от моих личных достоинств и усилий, а не от сложившейся конъюнктуры или заступничества влиятельных родственников. Как и многие мои сверстники, я знал, что если проявлю себя должным образом на деле, то мне не дадут засидеться на месте, не позволят долгие годы «выслуживать» один чин за другим, растрачивая энергию и напор молодости на перекладывание канцелярских бумаг, а сразу же дадут дорогу, «двинут» через несколько ступеней «наверх», туда, где действуют и решают.

Могу с полным основанием сказать, что курс на выдвижение молодежи был сознательной, всесторонне продуманной и взвешенной линией как самого Сталина, так и других членов Политбюро ЦК нашей партии. И эта линия полностью оправдала себя. Убежден, что, если бы мы вступили в войну с шестидесятилетними наркомами и командующими армиями, ее результаты могли бы быть иными... Хотя бы потому, что решить невиданные по сложности задачи и выдержать чудовищное напряжение военных лет, а затем восстановительного периода сумели бы лишь творчески, нешаблонно мыслящие и действующие молодые люди.

Вспоминается в этой связи Дмитрий Федорович Устинов, бывший в период войны наркомом вооружений. Совсем еще молодой человек, не имевший, естественно, большого жизненного и инженерного опыта, он смело, на свой страх и риск, принимал за несколько часов решения, связанные со строительством и оснащением военных заводов, которые обычно требуют многомесячной работы целых коллективов и проектных институтов и столь же многомесячных согласований с различными инстанциями... И, как признавали специалисты, не ошибался в расчетах...

Или Авраамий Павлович Завенягин, много сделавший и для обороны, науки и техники. «Это невозможно, немыслимо, противоречит мировому опыту», — возмущались по поводу сроков вы-

двигавшихся им проектов наши высокоинтеллектуальные научные «светила» и специалисты. Но Завенягин добивался своего и совершал это «невозможное» и «немыслимое».

Или возьмите высший командный состав Красной Армии. Конечно, репрессии 1937—1938 годов ослабили его, дали возможность некоторым маршалам и генералам старой закваски усилить свои позиции. Но параллельно с этим шел и процесс подбора и роста талантливых людей, умеющих воевать по-современному. В целом накануне войны в своем преобладающем большинстве руководящие должности и в армии, и в Генштабе заняли достойные люди, способные военачальники, правильность выдвижения которых была подтверждена жестоким опытом самих сражений. Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, К. Т. Мерецков, другие наши прославленные военные деятели сумели превзойти на полях битв лучших полководцев гитлеровской Германии, обладавшей, бесспорно, самой сильной армией капиталистического мира.

И дело не только в исконной талантливости, патриотизме и революционном энтузиазме нашего народа. Все эти замечательные качества, как показывает опыт последних десятилетий, утрачиваются чуть ли не полностью, когда нет порядка и должной организации дела, когда отсутствует подлинно большевистская система выявления, продвижения и стимулирования талантливых людей.

Не могу согласиться с утверждениями иных «знатоков» истории о том, что молодые и способные люди были привлечены в государственный и партийный аппарат, чтобы заполнить «вакуум», образовавшийся в результате репрессий 30-х годов. Во-первых, наряду с молодежью бок о бок работали и старые, опытные кадры, обеспечивалось довольно эффективное сочетание молодости с опытом. Во-вторых, и это главное, на ключевые посты даже после репрессий 1937 года конкурентов, включая опытных заслуженных деятелей, вполне хватало. Говорю это с полным основанием, поскольку хорошо помню тогдашнюю ситуацию в наркоматах сельскохозяйственного профиля. Да и в других картина была примерно такой же. Помню и недовольство ветеранов с дореволюционным партийным стажем назначением молодых наркомов. Все было... Но ЦК твердо отстаивал свою линию, не делая никаких скидок на бывшие заслуги и героические дела.

Что бы ни говорили о Сталине, при нем на руководящих постах находилось несравненно больше одаренных, талантливых людей, чем при Хрущеве, не говоря уже о его преемниках. Кстати, и спрос за упущения был конкретный, индивидуальный, а не размыто-коллегиальный, как сейчас, когда пропадают миллиарды, приходят в запустение целые регионы, а ответственных днем с огнем не сыщешь! В наше время ситуация подобного рода была просто немыслимой. Нарком, допустивший перерасход двух-трех тысяч рублей, рисковал даже не своим постом, жизнью! Может быть, кое-кому это и покажется жестоким, однако с точки зрения государственных, народных интересов такой подход, на мой взгляд, полностью оправдан.

Хорошо, конечно, что в последние годы почти прекратились нападки на Сталина со стороны обывательски настроенных или пострадавших от репрессий лиц, стали более объективно показывать его государственную и военную деятельность. Но, увы, методы и стиль руководства не возрождают или просто не могут...

— Складывается впечатление, что вы принципиально отвергаете реформу 1965 года и видите спасение в сталинском лозунге «Кадры решают все». Но ведь эта реформа отнюдь не была кабинетной выдумкой бюрократов, решивших во что бы то ни стало отомстить Сталину... Мне не раз доводилось встречаться с руководителями передовых предприятий и колхозов, которые жаловались на несовершенство сложившейся в 30-е и 40-е годы экономической системы, особенно ее оценочных показателей. К тому же «зацикленность» на кадровом факторе связана, видимо, с исторической спецификой нашей страны и сейчас уже вряд ли оправдана, тем более что она противоречит мировому опыту...

— Люди всегда стремятся к лучшему, а руководители, даже самые передовые, к облегчению своей тяжелой, зачастую неблагодарной участи. Понять по-человечески их можно: уравниловка, некомпетентность «верхов» больней всего бьют именно по передовым коллективам, — но подходить к решению государственных вопросов надо с государственной, а не личной или ведомственной колокольни, к чему склонны, к сожалению, даже весьма достойные и уважаемые мной люди.

Да, я сторонник текущего, но отнюдь не капитального ремонта нашей экономической системы, огромные потенциальные возможности которой, повторяю, доказаны опытом 30-х, 40-х и 50-х годов.

Косыгинские реформы оцениваю неоднозначно. Алексей Николаевич, которого я глубоко и искренне уважаю, был, бесспорно, наиболее компетентным, умелым и знающим хозяйственным руководителем за послевоенные годы, что, кстати, вызывало открыто враждебное отношение к нему Хрущева, органически не выносившего более способных, чем он, людей. В косыгинских предложениях есть ценные и полезные элементы, которые можно и нужно внедрить в экономический механизм. Но только как элементы, строго подчиненные плановому началу. В целом ориентация на прибыль, активизацию товарно-денежных отношений, возрождение рыночных факторов как регулирующих основ экономического развития в наших условиях крайне вредна и опасна. Такое изменение хозяйственной стратегии неизбежно ведет и уже привело к умалению планового характера экономики, падению государственной дисциплины во всех звеньях, усилению неконтролируемости экономических и социальных процессов, росту цен, инфляции и другим негативным явлениям. Конечно, есть и определенные «плюсы». Но на фоне перечисленных мной огромных «минусов» они малозначительны.

— В ваших исходных позициях, Иван Александрович, есть, на мой взгляд, очевидное противоречие. Вы утверждаете, что отход от сталинской экономической системы обернулся громадными «минусами». Но ведь фактически отхода-то и не было: реформы 60-х годов реализовать не удалось, они забуксовали на первых же шагах. По сути, последние десятилетия у нас сохранялась та же самая система, которая сложилась в 30-е и 40-е годы. В этом плане куда логичней предположить, что наши неурядицы проистекают из самой сути системы, а не в результате ее изменений...

— Я уже говорил вам о плохих капитанах, способных посадить на мель самое современное судно...

Да, косыгинские реформы забуксовали, здесь вы правы. Но кое-

что все-таки внедрили, расшатав плановое начало и государственную дисциплину. Спросите у любого директора завода, что ему нужно в первую очередь для выполнения плана и выпуска качественной продукции? Он наверняка ответит — нормальное материально-техническое обеспечение, выполнение поставщиками всех своих обязательств. А именно это и отошло сейчас на задний план, уступив место стоимостным показателям и погоне за прибылью.

Вполне допускаю, что, если бы косыгинские реформы удалось реализовать до конца, а не трусливо-половинчато, как привыкли поступать сейчас в любом вопросе, ряд экономических показателей существенно бы улучшился. Но достигнуто это было бы недопустимо высокой и, главное, неоправданной с точки зрения государственных интересов социальной ценой. В данном случае предлагаемое сторонниками кардинальных реформ лекарство неизбежно окажется хуже болезни: легочное заболевание с помощью таких «медикаментов» может перерасти в раковую опухоль...

К счастью, пока «минусы» рыночной модели проявляются, так сказать, в уменьшенно-замороженном варианте. В Югославии же, где действовали более решительно и последовательно и где уже во многом прошли тот путь, на который мы только становимся, эти «минусы» проявили себя во всей красе. Стихия рыночных факторов привела к острым диспропорциям между различными отраслями хозяйственного комплекса, целыми регионами страны, научно-техническая база страны безнадежно устаревает, в экономике буквально свирепствует «групповой» эгоизм. Хотя югославам и удалось за послевоенные годы существенно поднять жизненный уровень населения, добиться очевидных успехов в производстве некоторых товаров, ряде отраслей сервиса и услуг, этот подъем произошел на нездоровой основе и за счет факторов, неизбежно ведущих к созданию взрывоопасной обстановки, к общенациональному кризису, о чем, впрочем, совершенно откровенно говорят ведущие экономисты страны.

«Рыночный социализм» привел к безудержному росту инфляции, резкой социальной дифференциации и поляризации населения, по уровню которых Югославия уже превзошла некоторые капиталистические страны, к массовой безработице и, как закономерное следствие, к растущему недовольству широких слоев трудящихся, особенно рабочих, забастовки которых давно уже стали обыденным явлением. Не сомневаюсь, что, если открыть все шлюзы рыночной стихии, такая же точно, а может быть, даже хуже перспектива ждет и нас... И наивны надежды, что эту стихию удастся сдержать в социалистических рамках, под плановым контролем. В Югославии, где немало толковых экономистов, думающих руководителей, не раз пытались — ничего не вышло. Тут уже действуют объективные факторы. Субъективными намерениями, пускай самыми благими, их не отменишь...

Теперь о «мировом опыте». Тенденция здесь как раз не в пользу рыночных факторов, скорее наоборот. Усиление плановых начал, акцент на перспективу наблюдаются сейчас в деятельности всех крупнейших американских, японских, западногерманских корпораций, делающих погоду в капиталистической экономике. Менеджеры процветающих компаний, особенно японских, все больше думают о завтрашнем и даже послезавтрашнем дне, предпринимают шаги, идущие вразрез с механическим равнением на рыночную конъюнктуру. О росте государственного сектора экономики практически во всех капиталистических странах, принятии и успешной реализации долгосрочных экономических и научно-технических программ я уже не говорю — здесь капиталисты кое в чем и нас обошли. А ваши экономисты-«новаторы» представляют равнение на товарно-денежные ориентиры чуть ли не как панацею от всех бед!

Если мы действительно хотим черпать полезное из-за границы, а не только говорить об этом с высоких трибун, начинать надо с создания подлинно научной и современной системы подготовки, роста и продвижения кадров. Здесь Запад далеко оставил нас позади. Ведь это факт, что даже при примерно равной технической оснащенности производства за счет так называемых организационных факторов, определяемых в первую очередь компетентностью руководящих кадров, капиталистические фирмы добиваются производительности в 2—3 раза более высокой, чем наша. Подготовке кадров западные предприниматели уделяют куда больше внимания и времени, чем реорганизациям и перестройкам. Это уже не говоря о том, что с нашими шараханьями из одной крайности в другую при таких реорганизациях любая, даже самая процветающая, капиталистическая фирма разорилась бы в две недели...

— Но в западных фирмах куда более продуманная организационная структура управления, чем у нас.. Почему бы не заимствовать этот опыт!

— Заимствовать надо с умом, а не механически. Надо всегда идти своей дорогой и брать только то, что отвечает особенностям национальной экономики, органически вписывается в нее. Как это делают, к примеру, японцы.

Мой хороший знакомый, вернувшийся из командировки в Японию, рассказал, что на предприятиях крупных корпораций, где практически отсутствует наглядная агитация, он видел только один лозунг «Кадры решают все!», причем японцы хорошо знают, кому этот лозунг принадлежит... Последовательно внедрив его в соответствии со своей национальной спецификой буквально во все звенья производственного процесса, хозяева корпораций добились поразительных успехов, сумев на ряде важнейших направлений обойти даже своих американских конкурентов. В так называемых «кружках качества», позволивших японским фирмам полностью избавиться от брака, использован опыт нашего стахановского движения, опыт организации социалистического соревнования, и в частности, саратовской системы бездефектной сдачи продукции, что в Японии и не скрывают... Ведущие компании Страны восходящего солнца регулярно составляют планы внедрения рабочими рационализаторских предложений, передовиков производства всячески рекламируют и прославляют, как у нас в 30-е и 40-е годы. Мне рассказывали, что наибольший интерес к павильону «Социалистическое соревнование» на ВДНХ проявляют именно японские специалисты, которые самым тщательным образом изучают все ценное, что появляется в этой сфере. И еще один интересный факт. Оказывается, рабочие-рационализаторы и передовики производства в Японии получают почти символическое вознаграждение — там не без основания считают, что идейно-моральные факторы — корпоративный коллективизм, взаимовыручка, солидарность — действуют намного сильней материального

стимулирования! А ведь мы открыли это еще в 30-х годах! Открыли и... забыли, увлекшись чисто материальными стимулами, отодвинув в сторону другие, не менее, а, пожалуй, даже более действенные!

Вот так и получается: капиталисты активно используют наш опыт и наши достижения, мы же от своих огромных объективных преимуществ фактически отказываемся, покаянно преклоняя колени перед пресловутой «рыночной моделью», ориентируясь даже не на вчерашний — позавчерашний день капиталистической экономики! Если это «новаторство» и «прогресс», то что же тогда считать «консерватизмом» и «ретроградством»?

Вспоминается в этой связи такой эпизод. В конце 30-х годов, будучи наркомом земледелия СССР, я одновременно занимал и пост председателя Главного выставочного комитета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, располагавшейся тогда на территории нынешней ВДНХ. Сталин и другие члены Политбюро уделяли работе выставки большое внимание, считая ее главным центром распространения стахановского движения в области сельского хозяйства. Как-то во время осмотра экспонатов Сталин обратил внимание на то, что некоторые овощи, фрукты, а также зелень, доставленные на выставку с передовых хозяйств юга, имели, мягко говоря, не совсем товарный вид.

— В чем дело, товарищ Бенедиктов? — спросил он. — Это выставка передовых достижений или залежалого товара?

— Продукция на выставку поступает по железной дороге, на что, естественно, уходит несколько дней. Госконтроль возражает против доставки ее самолетами, ссылаясь на неоправданные расходы.

— Госконтроль смотрит на дело со своей, ведомственной колокольни. А вы должны подойти к вопросу с государственных позиций и не губить нужное дело формализмом. Для того вы нарком и председатель выставки, чтобы защищать эти позиции и бороться с таким формализмом. Люди своими глазами должны увидеть, какие овощи и фрукты можно выращивать. Надо вызвать у них желание и тягу к передовому опыту, к его распространению. А ваша пожухлая продукция к этому не располагает. Экономите тысячи, а теряете миллионы.

Вскоре после этого продукцию на выставку стали доставлять самолетами. Сталин оказался прав: мне не раз доводилось быть свидетелем того, как посещавшие выставку делегации колхозов и совхозов буквально загорались идеей «вырастить такую же свеклу и капусту».

Кстати, стахановское движение позволило поднять производительность труда в стране минимум в полтора раза, повысив одновременно сознательность и культуру труда рядовых рабочих и колхозников. И все это в кратчайшие сроки и без каких-либо крупных затрат.

— И все-таки трудно поверить, что кадровая политика при Сталине была на недосягаемой для нашего времени высоте. Сейчас, по крайней мере, нет массовых репрессий, нет дикого произвола и беззакония, выкашивавших лучших людей, интеллектуальный цвет нации. . Или вы считаете, что 1937 год укрепил ряды руководящих кадров!

— Думаю, когда вы познакомитесь не с частью, а со всеми относящимися к теме репрессий фактами и документами, проанализируете и продумаете их в контексте тогдашней сложной, напряженной и противоречивой обстановки, вам станет стыдно за фальшивые фразы, услышанные от озлобленных, сбитых с толку, потерявших способность здраво рассуждать людей. Не могла бы наша страна так быстро и уверенно избавляться от средневековья, идти вперед, не сумела бы она стать вопреки всем испытаниям современной и великой державой, а советская культура достичь вершины своего расцвета, если бы «цвет нации», как вы утверждаете, систематически выкашивали «злодей» Сталин и его окружение. Потому и шли вперед, потому и преодолели испытания, которые не выдержала бы ни одна страна в мире, что удалось раскрепостить, выдвинуть на первый план все талантливое, смелое, творческое и честное в нашем народе. А вот когда кадровая политика изменилась, когда в общегосударственном масштабе стал проводиться курс на преследование и травлю талантливых людей, когда в моду вошли приспособленчество и карьеризм, творческие силы народа действительно стали истощаться и мы докатились до позора регулярных закупок за рубежом зерна и другого продовольствия, острейшего дефицита товаров первой необходимости, допотопного состояния сферы обслуживания, прогрессирующего отставания от Запада в научно-технической сфере. Убежден, бескровные потери в экономике, политике, идеологии, которые мы понесли и несем в последние десятилетия, многократно превосходят тот ущерб, который причинили репрессии и беззакония 30-х и 40-х годов. По сути, растрачен, разъеден обывательской идеологией и психологией творческий потенциал нескольких поколений самого талантливого и наиболее здорового в своей нравственной основе народа! За это придется, да и приходится расплачиваться самой дорогой ценой.

Да, в 30-е годы пострадали тысячи невинных людей. Конечно, человека, у которого незаконно расстреляли отца или мать, мало утешит то, что на одну невинную жертву приходилось немало справедливо осужденных. Тут надо перешагнуть через свою боль, перестать смотреть на историю, мир через призму личной озлобленности. Хотя бы ради элементарной объективности — о партийно-классовом подходе не говорю, — для многих ваших «интеллектуалов» он как красная тряпка для быка... Что бы ни говорили о том времени, его атмосферу, его настрой определяли не страх, не репрессии и террор, а мощная волна революционного энтузиазма народных масс, впервые за много веков почувствовавших себя хозяевами жизни, искренне гордившихся своей страной, своей партией, глубоко веривших своим руководителям.

К тому же надо объективно, строго документально, всесторонне и, главное, с наших классовых позиций разобраться в том, что произошло, установить общее число как заслуженно, так и невинно пострадавших людей, определить личную вину Сталина, его окружения, а также выслуживающихся перед начальством перегибщиков на местах, которых и тогда было немало. А уж после этого обличать, метать громы и молнии... У нас же все наоборот: сначала накричим, обольем себя грязью, в потом начинаем задумываться: а правильно ли сделали, не нагромоздили еще себе искусственных проблем, которые потом героическими усилиями надо будет преодолевать? Я уверен: настанет пора задуматься о необходимости воссоздать подлинную картину происшедшего,

а пока наши противники на нашем молчании зарабатывают себе солидные очки.

Давно, давно пора сделать это, тем более что работы здесь непочатый край. Очень много ведь было преподнесено с подачи Хрущева, который ненавидел Сталина и перенес своекорыстные интересы и личную озлобленность в большую политику. Компетентные люди говорили мне, что Хрущев дал указание уничтожить ряд важных документов, относящихся к репрессиям 30-х и 40-х годов. В первую очередь он, конечно же, стремился скрыть свою причастность к беззакониям в Москве и на Украине, где, выслуживаясь перед Центром, погубил немало безвинных людей. Одновременно уничтожались и документы другого рода, документы, неопровержимо доказывавшие обоснованность репрессивных акций, предпринятых в конце 30-х годов против некоторых видных партийных и военных деятелей. Тактика понятная: выгородив себя, свалить всю вину за беззакония на Сталина и «сталинистов», со стороны которых Хрущев усматривал основную угрозу своей власти.

Впрочем, я увлекся, впал в предположения, стал говорить о том, чего твердо не знаю. Тут нужны документы и бесспорные факты, а я ими не располагаю. Так что прошу больше не касаться этой темы: говорить, не имея документальных доказательств, не привык...

— Получить эти документальные свидетельства у меня еще меньше шансов, архивы закрыты напрочь... Толковых исследований по этому вопросу вообще нет, у партийных идеологов эта тема считается закрытой, а тут и вы, активный участник тех событий, отказываетесь что-либо сообщить.. Но я хочу знать правду — что мне делать! Обращаться к тем самым писателям и «интеллектуалам», которые, судя по вашим высказываниям, наводят тень на плетень! Или к западным кремленологам, которые, как вы правильно заметили, весьма ловко зарабатывают очки!

— Хорошо, хорошо, я расскажу вам подлинный эпизод из моей жизни, произошедший, если мне не изменяет память, в 1937 году. Выводы же делайте сами...

В то время я занимал руководящий пост в Наркомате совхозов РСФСР. Зайдя как-то утром в кабинет, обнаружил на столе повестку — срочный вызов в НКВД. Особого удивления и беспокойства это не вызвало: сотрудникам наркомата довольно часто приходилось давать показания по делу раскрытых в нашем учреждении вредительских групп.

Интеллигентный, довольно симпатичный на вид следователь, вежливо поздоровавшись, предложил мне сесть.

— Что вы можете сказать о сотрудниках наркомата Петрове и Григорьеве (фамилии по соображениям этики изменяю. — **И. Б.**)?

— Отличные специалисты и честные, преданные делу партии, товарищу Сталину коммунисты, — не задумываясь ответил я. Речь ведь шла о двух моих самых близких друзьях, с которыми, как говорится, не один пуд соли был съеден...

— Вы уверены в этом? — спросил следователь, и в его голосе, как мне показалось, прозвучало явное разочарование.

— Абсолютно, ручаюсь за них так же, как и за себя.

— Тогда ознакомьтесь с этим документом, — и у меня в руках оказалось несколько листков бумаги.

Прочитав их, я похолодел. Это было заявление о «вредительской деятельности в наркомате Бенедиктова И. А.», которую он осуществлял в течение нескольких лет «по заданию германской разведки». Все, абсолютно все факты, перечисленные в документе, действительно имели место: и закупки в Германии непригодной для наших условий сельскохозяйственной техники, и ошибочные распоряжения и директивы, и игнорирование справедливых жалоб с мест, и даже отдельные высказывания, которые я делал в шутку в узком кругу, пытаясь поразить друзей своим остроумием... Конечно, все происходило от моего незнания, неумения, недостатка опыта — какого-либо злого умысла, естественно, не было, да и не могло быть. Все эти факты, однако, были сгруппированы и истолкованы с таким дьявольским искусством и неопровержимой логикой, что я, мысленно поставив себя на место следователя, сразу же и безоговорочно поверил во «вредительские намерения Бенедиктова И. А.».

Но самый страшный удар ждал меня впереди: потрясенный чудовищной силой лжи, я не сразу обратил внимание на подписи тех, кто состряпал документ. Первая фамилия не удивляла — этот негодяй, впоследствии получивший тюремное заключение за клевету, писал доносы на многих в наркомате, так что серьезно к его писаниям уже никто не относился. Когда же я увидел фамилии, стоявшие на втором и третьем месте, то буквально оцепенел: это были подписи Петрова и Григорьева — людей, которых я считал самыми близкими друзьями, которым доверял целиком и полностью!

— Что вы можете сказать по поводу этого заявления? — спросил следователь, когда заметил, что я более-менее пришел в себя.

— Все факты, изложенные здесь, имели место, можете даже их не проверять. Но эти ошибки я совершал по незнанию, недостатку опыта. Рисковал в интересах дела, брал на себя ответственность там, где другие предпочитали сидеть сложа руки. Утверждения о сознательном вредительстве, о связях с германской разведкой — дикая ложь.

— Вы по-прежнему считаете Петрова и Григорьева честными коммунистами?

— Да, считаю и не могу понять, что вынудило их подписать эту фальшивку...

Понимать-то я уже начал, прокручивая в памяти отдельные, ставшие сразу же понятными нотки отчуждения, холодности и натянутости, появившиеся у моих друзей сразу после того, как я получил назначение на ключевой пост в наркомате... И Петров, и Григорьев, пожалуй, были специалистами посильнее меня, но исповедовали философию «премудрых пескарей», подтрунивая подчас над моей инициативностью и жаждой быстрых изменений.

— Это хорошо, что вы не топите своих друзей, — сказал следователь после некоторого раздумья. — Так, увы, поступают далеко не все. Я, конечно, навел кое-какие справки о вас — они неплохие, человек вы неравнодушный, довольно способный. А вот о ваших друзьях — «честных коммунистах», отзываются плохо. Но и нас поймите, Иван Александрович: факты имели место, честность тех, кто обвиняет вас во вредительстве, сомнению вами не подвергается. Согласитесь: мы, чекисты, просто обязаны на все это прореагировать. Еще раз подумайте, все ли вы нам честно сказали. Понимаю, вам сейчас сложно, но и отчаиваться не надо —

к определенному выводу мы пока не пришли, — сказал на прощанье следователь, пожав мне руку.

Не помню, как я добрался домой, что говорил жене. В памяти сохранилось только, как мы лихорадочно обзванивали своих друзей и как жена, упрямо сжав губы, чтобы не расплакаться, писала открытки и письма родным и близким — связи с семьей «врагов народа» могли всем им сильно повредить, и мы просто обязаны были сделать соответствующие предупреждения.

Во второй половине дня, когда я, превозмогая мрачные мысли и предчувствия, старался у себя на работе, в кабинете, вникнуть в смысл поступивших бумаг, раздался телефонный звонок — меня приглашали в Центральный Комитет партии утром следующего дня. «Все ясно, — убито подумал я, — исключат из партии, а потом суд».

Жена все-таки сорвалась, проплакала всю ночь. А наутро собрала мне небольшой узелок с вещами, с которым я и направился в здание Центрального Комитета на Старой площади. Помню недоуменный взгляд, которым окинула меня сидевшая на регистрации у зала заседаний пожилая женщина. «Это можно оставить здесь», — сказала она, показав на столик рядом с дверью.

На заседании обсуждались вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства. Я почти не вникал в смысл выступлений, ждал, когда же назовут мою фамилию, начнут клеймить позором. Фамилию наконец назвал... Сталин.

— Бюрократизм в наркомате не уменьшается, — медленно и веско сказал он. — Все мы уважаем наркома — старого большевика, ветерана, но с бюрократизмом он не справляется, да и возраст не тот. Мы тут посоветовались и решили укрепить руководство отрасли. Предлагаю назначить на пост наркома молодого специалиста товарища Бенедиктова. Есть возражения? Нет? Будем считать вопрос решенным.

Через несколько минут, когда все стали расходиться, ко мне подошел Ворошилов: «Иван Александрович, вас просит к себе товарищ Сталин».

В просторной комнате заметил хорошо знакомые по портретам лица членов Политбюро Молотова, Кагановича, Андреева.

— А вот и наш новый нарком, — сказал Сталин, когда я подошел к нему. — Ну, как, согласны с принятым решением или есть возражения?

— Есть, товарищ Сталин, и целых три.

— А ну!

— Во-первых, я слишком молод, во-вторых, мало работаю в новой должности — опыта, знаний не хватает.

— Молодость — недостаток, который проходит. Жаль только, что быстро. Нам бы этого недостатка, да побольше, а, Молотов? — Тот как-то неопределенно хмыкнул, блеснув стеклами пенсне. — Опыт и знания — дело наживное, — продолжал Сталин, — была бы охота учиться, а у вас ее, как мне говорили, вполне хватает. Впрочем, не зазнавайтесь — шишек мы вам еще много набьем. Настраивайтесь на то, что будет трудно, наркомат запущенный. Ну а в-третьих?

Тут я и рассказал Сталину про вызов в НКВД. Он нахмурился, помолчал, а потом, пристально посмотрев на меня, сказал:

— Отвечайте честно, как коммунист: есть ли какие-нибудь основания для всех этих обвинений?

— Никаких, кроме моей неопытности и неумения.

— Хорошо, идите, работайте. А мы с этим делом разберемся.

Только на второй день после этого разговора, когда мне по телефону позвонил один из секретарей ЦК, я понял, что гроза прошла мимо. А узелок, кстати, в этот же день прислали из ЦК в наркомат — я был настолько ошеломлен, что совсем про него забыл...

— Видимо, Сталину просто неудобно было отменять уже принятое решение, и это вас спасло...

— Не думаю. За многие годы работы я не раз убеждался, что формальные соображения или личные амбиции для него мало значили. Сталин обычно исходил из интересов дела и, если требовалось, не стеснялся изменять уже принятые решения, ничуть не заботясь о том, что об этом подумают или скажут. Мне просто сильно повезло, что дело о моем мнимом «вредительстве» попало под его личный контроль. По вопросам, касавшимся судеб обвиненных во вредительстве людей, Сталин в тогдашнем Политбюро слыл либералом. Как правило, он становился на сторону обвиняемых и добивался их оправдания, хотя, конечно, были и исключения. Обо всем этом очень хорошо написал в своих мемуарах бывший первый секретарь Сталинградского обкома партии Чуянов. Да и сам я несколько раз был свидетелем стычек Сталина с Кагановичем и Андреевым, считавшимися в этом вопросе «ястребами». Смысл сталинских реплик сводился к тому, что даже с врагами народа надо бороться на почве законности, не сходя с нее. Займись моим делом кто-нибудь другой в Политбюро, наветам завистников и подлецов мог бы быть дан ход...

— Выходит, репрессии и произвол творились за спиной у Сталина, без его ведома! Но ведь на XX съезде приводились неопровержимые доказательства того, что именно Сталин был инициатором репрессий, намечал основные жертвы...

— Насчет неопровержимости у меня немалые сомнения. Все делалось тогда наспех, с явной целью опорочить Сталина и, главное, его сторонников. Сломив их сопротивление, Хрущев и его ближайшее окружение рассчитывали добиться монопольного положения в партии и государстве. А когда идет борьба за власть, в ход пускают всякие аргументы, подчас сомнительные. Прозвучавший, например, в известном докладе Хрущева более чем прозрачный намек на участие Сталина в убийстве Кирова так и не удалось подтвердить реальными доказательствами. Хрущевские слова о том, что Сталин якобы «руководил военными действиями по глобусу», оказались вздорным оговором, что подтвердили практически все маршалы и генералы, работавшие с ним в годы войны. Вообще в докладе Хрущева на XX съезде наряду с очевидными фактами много и неясного, противоречивого, просто непонятного, особенно там, где речь идет об участии в репрессиях тогдашних членов Политбюро, в число которых, как известно, входил и сам Хрущев... Повторяю: здесь нужно кропотливое изучение архивных документов и материалов, глубокий анализ и размышление с наших партийных, классовых позиций, учитывающих все факторы и обстоятельства, а не только те, которые вписываются в заданную теоретическую «схему».

А у нас вместо такого анализа и размышлений начинают сводить счеты со своими политическими противниками под видом, разумеется, «восстановления исторической справедливости», нажи-

вать соблазнительный идеологический капитал «новаторов» и борцов с очередным «измом», который, конечно же, надо оформить как «крупный творческий вклад». Хрущев ведь тоже стал жертвой такого, мягко говоря, сомнительного подхода. Обругали последними словами, потом полностью вычеркнули из всех исторических документов, как будто и не было такого деятеля в нашей истории. Мало еще у нас политической культуры, много низкопробной конъюнктурщины, погони за сиюминутными результатами, которая в конечном счете бьет по долгосрочным, стратегическим интересам...

— Итак, надо ждать анализа и изучения архивов. Но ждать-то, видимо, придется долго... А что же делать сейчас, когда противники социализма наносят чувствительные удары по нашей идеологии, подрывают у людей доверие к партии, чернят путь, пройденный народом! Мне, как пропагандисту, лектору общества «Знание», часто приходится выступать перед молодежной аудиторией. Вопросов на тему культа и репрессий задается немало. Что отвечать, чем заполнять вакуум, если даже из публикуемых мемуаров, когда их, конечно, публикуют, все острое, относящееся к этой теме, беспощадно вымарывается! Почему вы, активный участник и свидетель тех событий, не можете высказать свое мнение, свою версию, гипотезу, в конце концов! Ведь высказываются на эту тему абсолютно некомпетентные, озлобленные люди, преподнося свое мнение как окончательную истину и убеждая кое-кого в этом... Или вам, сталинскому наркому, коммунисту, наконец, нечего им возразить и нам надо стесняться своей истории!

— Ваша настойчивость убеждает. Стесняться нашей истории действительно не следует — при всех своих драматических страницах это героическая история, история великого народа. Выскажу, ничего не поделаешь, личную точку зрения, не подтвержденную, повторяю, необходимыми документами и фактами.

Да, я активный участник событий тех лет, много раз встречался со Сталиным, хорошо знал видных партийных и хозяйственных руководителей 30-х и 40-х годов, много раз присутствовал на заседаниях Политбюро. Но все-таки большую часть времени занимался вопросами сельского хозяйства, в другом, естественно, разбираюсь значительно слабей. Получше, конечно, нынешних крикунов, но все-таки недостаточно профессионально. Так что прошу учесть это.

Репрессии 30-х и отчасти 40-х годов вызваны главным образом объективными факторами. Прежде всего, конечно, бешеным сопротивлением явных и особенно скрытых врагов Советской власти. Первых было значительно меньше, чем вторых, и в этом-то и состояла вся трудность.

Далеко не все, кто в результате Октябрьской революции потерял богатство, привилегии, возможность жить за счет труда других, бежали за границу. Немало этих людей, воспользовавшись сумятицей и неразберихой первых послереволюционных лет, сумели пробраться в государственный, партийный аппарат, даже в НКВД. Тем более что образованных людей, квалифицированных специалистов не хватало всюду. Потенциальной «пятой колонной» была значительная часть дореволюционной интеллигенции, утратившей ряд привилегий и льгот, особенно материального плана, и перешедшей на работу в советский аппарат, как говорится, «скрепя сердце», не имея другой альтернативы... К этой «пятой

колонне» относились и бывшие нэпманы, либо ненавидевшие Советскую власть кулаки, часть среднего крестьянства и некоторые рабочие, пострадавшие в результате эксцессов и разгула стихии, которыми неизбежно сопровождаются любая революция и крупные социальные преобразования. Меньшую, но вполне ощутимую опасность представляла и деятельность ушедших в подполье буржуазных, мелкобуржуазных и даже монархически настроенных политических групп и группок, ряд которых поддерживал регулярные связи с эмигрантскими кругами. Все это было не выдумкой Сталина или НКВД, а самой что ни на есть прозаической реальностью.

Достаточно сказать, что в ходе расследования дела так называемой Промпартии, преследовавшей явно антисоветские цели, было выявлено около двух тысяч человек, сознательно и целенаправленно занимавшихся вредительской деятельностью. В середине 30-х годов я лично был свидетелем случаев сознательного вредительства в химической и кожевенной промышленности. Да и в Наркомате совхозов РСФСР, Наркомате земледелия СССР, где мне довелось работать, некоторые специалисты из числа дореволюционных интеллигентов не упускали случая подставить нам подножку.

С этими подрывными акциями смыкалась деятельность троцкистско-зиновьевской, а затем и бухаринской оппозиции. Их лидеров, правда, еще в конце 20-х годов вынудили отойти на задний план, выступить с покаянными речами. Однако немало сторонников Троцкого и Бухарина осталось в партийном и государственном аппаратах, в армии, органах госбезопасности, где они продолжали вредить Советской власти по «идейным» соображениям, лицемерно ссылаясь при этом на идеалы Октября. Кстати, среди командного состава Красной Армии было немало бывших царских офицеров. Многие из них, включая Тухачевского, Якира, Уборевича и других, перешли на сторону большевиков в результате большой организационной и пропагандистской работы, проделанной Троцким, вклад которого в укрепление обороноспособности революции, как вы знаете, высоко ценил Ленин. Конечно, большинство этих людей, сохраняя определенные предрассудки и предубеждения своего социального слоя, лояльно относились к Советской власти. Но были и те, кто держал камень за пазухой, что также являлось источником определенной опасности, поскольку Троцкий с его выдающимися организационными способностями и талантом конспиратора умудрялся поддерживать, находясь в эмиграции, регулярные связи с недовольными внутри страны. О прямых агентах капиталистических разведок, которых на территории Союза в 30-е годы засылалось немало, я уже не говорю.

Конечно, противники Советской власти, а их суммарно было, видимо, несколько миллионов, составляли явное меньшинство в народе. Однако, учитывая важность занимавшихся ими постов, более высокий уровень интеллекта, образованности, знаний, сбрасывать их со счетов как потенциальную угрозу социализму было бы преступным, совершенно недопустимым для серьезного политического деятеля легкомыслием. В условиях не скрывавшего свою враждебность капиталистического окружения, надвигавшейся смертельной схватки с фашизмом высшее руководство страны просто обязано было принять решительные крупномасштабные меры, чтобы обезопасить ее от возможных ударов из-за спины, обезвредить потенциальную «пятую колонну», обеспечить максимальное

единство в руководящих эшелонах партии, государства, армии.

— Вы коснулись врагов Советской власти и идейных противников Сталина. Но среди репрессированных было немало тех, кто был готов отдать за него жизнь. .

— Верно. Но это лишний раз доказывает, что репрессировали не за отсутствие личной преданности Сталину, как кое-кто хотел бы представить, а по другим, более серьезным соображениям. Каким? Ну хотя бы взять объективно назревший процесс оздоровления и омолаживания руководства.

Среди старой партийной гвардии, сумевшей «зажечь» и поднять массы на Октябрьскую революцию, оказалось немало, говоря ленинскими словами, «святых» и «безруконьких» «болванов», которые умели «важничать и болтать», но не умели работать по-новому, с учетом стоявших перед страной задач. Мой наркомат, к примеру, возглавлял старый большевик, человек, несомненно, заслуженный и честный (поэтому не называю его фамилии), но совершенно неспособный организовать дело. Бесчисленные уговоры и совещания, собрания с «яркими» лозунгами, постоянные здравицы в честь революции, Ленина, к месту и не к месту — таков был его стиль, и переделать себя он был просто не в состоянии. Не помогал и высокий уровень образованности, культуры, высокие нравственные качества — деловых свойств ничем не заменишь.

В своих последних работах Ленин не раз подчеркивал, что большинство (вплоть до $^9/_{10}$) в партии составляют люди, не умеющие действовать по-новому, призывая освобождать их с ответственных постов, невзирая ни на какие заслуги, «вычищать» их. Все это, увы, соответствовало действительности. Естественно, что массовое выдвижение на руководящие посты более молодых, способных, умеющих работать по-современному людей не могло проходить безболезненно, вызывало недовольство, обиды и обвинения со стороны ветеранов, сопротивление которых также надо было сломить.

Но больше всего людей, конечно, пострадало не за это.

Помните слова Ленина о том, что русский человек — плохой работник по сравнению с рабочим западных стран? Что греха таить: расхлябанность, безответственность, обломовщина у нас у всех в крови — от рабочего до министра, культура труда у многих низкая, если не сказать примитивная. И чтобы вытравить все эти «родимые пятна прошлого», еще много времени и усилий потребуется.

Убежден, что в 30-е годы, когда решался вопрос жизни и смерти Советского государства, надо было использовать весь арсенал борьбы с нашими исконно русскими «болячками», применяя наряду с мерами материального и морального стимулирования меры административного порядка и даже карательно-репрессивные. Да-да, тот самый кнут, без которого подчас просто невозможно вышибить из части наших людей (и не такой уж маленькой) элементарное варварство, дикость и бескультурье.

Полистайте последние тома Собрания сочинений В. И. Ленина, где собраны его служебные письма, телеграммы, записки. Любое дело, не уставал повторять он, «расхлябается», при наших проклятых, обломовских нравах в две недели, если не подгонять, не проверять, не бить в три кнута» *. «Христа ради, посадите Вы за

* Ленин В. И. ПСС, т. 44, с. 364—370.

волокиту в тюрьму кого-либо. Ей-ей, без этого ни черта толку не будет» *. Чуть ли не через каждую строчку призывы к «кнуту», к арестам и репрессиям, вплоть до высшей меры, за безрукость, нерадивость, обломовщину, взятки и попытки «замять» некрасивые дела... И по отношению к кому эти призывы? К руководящим работникам, в том числе и высшего звена, к большевикам, к людям, прошедшим тюрьмы, каторгу, ссылки! Да, Ленин уважал людей, ценил их деловые качества. Но когда этого требовала обстановка, проявлял жесточайшую требовательность, не останавливался перед применением самых суровых и крутых, если хотите, «карательных» мер. Сталин унаследовал такой стиль, да иначе и нельзя было в то время.

В специфической обстановке 30-х и 40-х годов приравнять бесхозяйственность, безответственность и разгильдяйство к политическим преступлениям было просто необходимо. И люди, в своем преобладающем большинстве сознавая это, поддерживали такие меры. С практической точки зрения ведь абсолютно все равно, по какой причине построенный за счет крайнего напряжения сил завод не выдает столь нужную всем продукцию — из-за диверсии вражеских агентов или элементарного головотяпства тех, кто не способен наладить производство и больше думает о личных интересах, чем об общественных... И меня ничуть не трогают жалостливые истории о матери двух детей, получившей несколько лет тюрьмы из-за кражи двух пшеничных колосков. Конечно, по отношению лично к ней приговор был, что и говорить, жесток. Но он надолго отбивал охоту у сотен, тысяч других протягивать руку за государственным добром, наживаться за чужой счет... Разве нынешние, до предела обнаглевшие несуны и махинаторы всех сортов не лишают государство миллиардов, а может быть, десятков миллиардов рублей, которые, к примеру, можно было бы использовать на социальные пособия не одной, не двум, а миллионам матерей?

Впрочем, я отвлекся. Подытожу сказанное. Репрессии 30-х годов были в своей основе неизбежны. Думаю, проживи Ленин еще лет 10—15, он стал бы на этот же путь. Не случайно наиболее последовательные критики Сталина и так называемого «сталинизма» рано или поздно начинают критиковать и Ленина. В логичности этим людям, по крайней мере, не откажешь...

Но, конечно же, издержек и перегибов при Ленине было бы намного меньше.

— В чем же конкретно, по вашему мнению, состояли эти издержки и где грань, отделяющая объективные факторы от субъективных ошибок и упущений!

— Я уже говорил, что в партийном аппарате, органах НКВД были как затаившиеся враги Советской власти, так и разного рода карьеристы, честолюбцы и проходимцы. Исходя из своекорыстных, личных интересов, они зачисляли в разряд «врагов народа» честных и талантливых людей, фабриковали соответствующие «дела», привлекая в качестве «свидетелей» всяческих подлецов, вроде моих бывших друзей Петрова и Григорьева.

Перехлестам и перегибам, особенно на местах, способствовал невысокий политический, общекультурный уровень — а другого просто не могло быть! — руководящих кадров на местах. Тем более что и пропаганда в этом смысле работала «по-ударному»,

* Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 161.

среди широких масс населения возник какой-то психоз обнаружения «вредительства», под которое без разбору подводили все подряд, даже случайные ошибки, отсутствие должного опыта у честных людей. Конечно, в идеале каждый случай срыва и остановки производства, выпуска бракованной продукции и т. п. надо было разбирать объективно и индивидуально, тщательно выясняя, где был недостаток опыта, где преступная халатность, а где сознательное вредительство. Но так происходило далеко не всегда — куда ведь легче и проще было все валить на «врагов народа», тем более что память об этих врагах, издевавшихся над простыми людьми в царское время, была еще свежа...

Повторилась, правда, в видоизмененном варианте, ситуация первых лет революции и гражданской войны, когда стихия многовековой ненависти эксплуатируемых к эксплуататорам привела к гибели десятков тысяч невинных людей из «верхнего» и «среднего» сословия. Вправе ли мы винить за эти эксцессы, эти жестокости Ленина, Дзержинского, их соратников? Абстрактно говоря, да — там недосмотрели, здесь недоучли, то недодумали и т. п. Однако на практике унять разбушевавшиеся страсти, остановить жестокую резню и кровопролитие сразу, «одним махом» было просто невозможно. Большевики все делали для этого, рисковали жизнью, но обуздать стихию не всегда удавалось. Примерно то же самое произошло и в 30-е годы, при Сталине.

Да, тот факт, что в ходе репрессий пострадали тысячи честных, невинных людей, говорит о большом вреде, который был нанесен нашему обществу. Но в целом крупномасштабная, решительная чистка партийно-государственного аппарата, армии укрепила страну и сыграла положительную роль. Без издержек, подчас весьма болезненных и крупных, в истории не было, да и никогда не будет подлинно революционных преобразований.

— Вы говорите о «народной стихии». Но ведь репрессии организовывались партийным аппаратом и органами НКВД, которые прочно держал в своих руках Сталин...

— Откуда приходили в партийный аппарат и органы госбезопасности люди? Конечно же, из народа, в основном из рабочих и крестьян. Не испытывать на себе влияния их настроений, суждений и психологии они не могли. А рабочие и крестьяне тогда тоже не сплошь и рядом были передовыми...

Трагизм обстановки состоял в том, что очищать, укреплять страну приходилось с помощью засоренного аппарата, как партийного, так и НКВД, другого просто не было. Поэтому за одной волной чистки следовала другая — уже против тех, кто допустил беззакония и злоупотребления должностью. Кстати, в процентном отношении больше всего, пожалуй, пострадали органы госбезопасности. Их «вычищали» регулярно и радикально — без всякой снисходительности к прошлым заслугам и революционной биографии.

Сталин, несомненно, знал о произволе и беззакониях, допущенных в ходе репрессий, переживал это и принимал конкретные меры к выправлению допущенных перегибов, освобождению из заключения честных людей. Кстати, с клеветниками и доносчиками в тот период не очень-то церемонились. Многие из них после разоблачения угодили в те самые лагеря, куда направляли свои жертвы. Парадокс в том, что некоторые из них, выпущенные в период хрущевской «оттепели» на волю, стали громче всех трубить о сталинских беззакониях и даже умудрились опубликовать об этом воспоминания!

— Простите, но ваши слова о непричастности Сталина к расправам над честными людьми не убеждают. Если даже допустить это, то в таком случае он был просто обязан, во-первых, честно и открыто признаться перед всем народом в допущенных беззакониях, во-вторых, реабилитировать несправедливо пострадавших и, в-третьих, принять меры к недопущению подобных беззаконий впредь. Ничего ведь этого не было сделано...

— Вы, видимо, просто не в курсе дел. Что касается во-первых и во-вторых, то январский Пленум ЦК ВКП(б) 1938 года открыто признал беззакония, допущенные по отношению к честным коммунистам и беспартийным, приняв по этому поводу специальное постановление, опубликованное, кстати, во всех центральных газетах. Так же открыто, на всю страну говорилось о вреде, нанесенном необоснованными репрессиями, на состоявшемся в 1939 году XVIII съезде ВКП(б).

Сразу же после январского Пленума ЦК 1938 года из мест заключения стали возвращаться тысячи незаконно репрессированных людей, в том числе и видные военачальники. Все они были официально реабилитированы, а кое-кому Сталин принес извинения лично.

Ну а по поводу в-третьих, я уже говорил, что аппарат НКВД едва ли не больше всех пострадал от репрессий, причем значительная часть была привлечена к ответственности именно за злоупотребление служебным положением, за расправы над честными людьми... Наибольшую ответственность, как вам, наверное, известно, за такие расправы несут Ягода и Ежов — бывшие наркомы НКВД. Вместе со своими подручными они были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны именно за то, что погубили лучших людей, опытные партийные кадры. Пришедший им на смену Берия слыл «либералом» и на первых порах действительно резко сузил размах репрессий. Однако, не выдержав испытания властью, тоже стал допускать злоупотребления, полностью разложился в морально-бытовом плане. За год до смерти Сталина его сняли с поста наркома, ближайшие бериевские сподвижники были арестованы и находились под следствием. Кольцо вокруг Берии неумолимо сжималось, недаром он проявлял лихорадочную активность в последние месяцы жизни Сталина, а сразу же после его смерти первым начал кампанию его дискредитации.

Теперь о мерах по недопущению репрессий. Они были приняты XVIII съездом ВКП(б) в 1939 году. Съезд отменил практиковавшиеся до того регулярные массовые чистки партии. Лично я считаю, что это было ошибочное решение. Обеспокоенный ущербом, нанесенным партии массовыми репрессиями, Сталин ударился в другую крайность и явно поторопился. Ленин был куда ближе к истине, когда подчеркивал, что правящая партия должна постоянно чистить себя от «шкурников» и «примазавшихся». Забвение этого завета обошлось и обходится нам страшно дорого. Правда, это стало очевидным лишь сейчас — тогда я не сомневался в правильности принятого решения.

В связи с заданным вами вопросом вспоминается такой эпизод. Когда в сельскохозяйственные наркоматы в конце 1938 года стали возвращаться из заключения незаконно осужденные люди, я

в присутствии Сталина выразил удовлетворение по поводу этого. Реакция, однако, была неожиданной.

«А куда вы смотрели раньше? — сердито сказал Сталин. — Наверняка ведь знали этих людей, понимали, в каком положении они оказались. Почему не заступились за них, не пришли ко мне, в конце концов? Неприятностей боитесь? Так если вы спокойной жизни ищете, с наркомовского поста уходить надо. Тут премудрые пескари немало вреда наделать могут».

Сталин был здесь не совсем прав — что мог, я предпринимал, а идти ва-банк, как это делали другие наркомы, действительно добивавшиеся спасения честных людей, в моем случае нужды не возникало. Сталин, к счастью, редко, впадал иногда в необъяснимое раздражение, порой даже озлобленность, хотя обычно очень хорошо владел собой, умело контролировал эмоции. Но я привел этот случай для того, чтобы показать, каков был действительный настрой его мыслей в тот период.

— Все-таки трудно поверить в то, что Сталин не знал и не ведал, что творилось в Наркомвте внутренних дел...

— При Сталине наркомам предоставлялась достаточно большая свобода рук. Это считалось важнейшей предпосылкой инициативной и самостоятельной работы. Контроль, довольно жесткий и постоянный, касался разработки перспективных, «стратегических» направлений развития отрасли, а также практической результативности проводимого курса. В оперативную, повседневно текущую работу наркомата не вмешивались, как сейчас, когда министр буквально каждый свой небольшой шаг, не говоря уже о крупных решениях, согласует и пересогласует с соответствующими подразделениями Центрального Комитета и другими руководящими инстанциями. Впрочем, и отраслевых отделов ЦК, за исключением аграрного, тогда не существовало. Я, конечно же, советовался с сотрудниками ЦК, других учреждений, но решения всегда принимал самостоятельно, иногда даже вопреки их мнению.

По горькому опыту других и отчасти своему хорошо знал, что спрос за результаты будет персональным — никакие «советчики» и «соучастники» вплоть до секретарей ЦК и даже членов Политбюро не помогут. Сталин быстро и надолго отучал прятаться за чужие спины, перекладывать ответственность, как он иногда раздраженно выражался, на «колхоз безответственных лиц». Думаю, аналогичный принцип действовал и в отношении других наркоматов, включая НКВД.

В целом такой подход повышал КПД руководящих кадров, позволял четко видеть «кто есть кто» на деле, что сейчас трудно определить — слишком много страховочных и перестраховочных подписей и согласований. Но была, к сожалению, и обратная сторона. Я имею в виду «закрытость» наркоматов от внешних влияний и возможность злоупотреблений. Видимо, эти обстоятельства и дали о себе знать, когда во главе НКВД были поставлены вполне подготовленные в профессиональном, но недостаточно устойчивые в политическом и морально-нравственном плане люди. Контроль в конце концов сработал — они были сняты со своих постов и получили по заслугам. Но пострадали невинные люди, и определенную долю ответственности за это, конечно, Сталин несет.

Сейчас, правда, через 40 лет, легко кричать об ошибках прошлого, куда трудней объективно разобраться и понять, почему они

произошли. Впрочем, языком всегда легче работать, чем головой. Тут я вашего брата журналиста и литератора хорошо понимаю...

— Разрешите еще один каверзный вопрос. Вы сказали, что Сталин даже поощрял наркомов отстаивать незаконно репрессированных людей. Интересно, сохранили бы вы свой пост, вступившись, скажем, за Тухачевского, Вознесенского или Блюхера? Распространено мнение, что репрессии против них были вызваны тем, что Сталин видел в них конкурентов в борьбе за власть...

— За людей, перечисленных вами, я не вступился бы по той простой причине, что был тогда полностью уверен в их виновности, как, впрочем, и подавляющее большинство советских людей. Насчет же «борьбы за власть», устранения «конкурентов», это, извините, досужие вымыслы.

Упрощенные оценки всегда привлекательней. Очень хорошо сказал по этому поводу Белинский: «Чем односторонней мнение, тем доступней оно для большинства, которое любит, чтобы хорошее неизменно было хорошим, а дурное дурным, и которое и слышать не хочет, чтобы один и тот же предмет вмещал в себя и хорошее и дурное». Ну а если по сути, еще раз повторяю, и на этот раз без всяких оговорок о моей некомпетентности: деспотизм и властолюбие никакого отношения к репрессиям не имели, по крайней мере, со стороны Сталина — о его окружении же разговор особый...

Я десятки раз встречался и беседовал со Сталиным, видел, как он решает вопросы, как относится к людям, как раздумывает, колеблется, ищет выходы из сложнейших ситуаций. Могу сказать совершенно определенно: не мог он, живший высшими интересами партии и страны, сознательно вредить им, устраняя как потенциальных конкурентов талантливых людей. Люди, с ученым видом знатоков изрекающие подобные глупости, просто не знают подлинной обстановки, того, как делались дела в руководстве страны.

Вопреки распространенному мнению, все вопросы в те годы, в том числе и относящиеся к смещению видных партийных, государственных и военных деятелей, решались в Политбюро коллегиально. На самих заседаниях Политбюро часто разгорались споры, дискуссии, высказывались различные, зачастую противоположные мнения в рамках, естественно, краеугольных партийных установок. Безгласного и безропотного единодушия не было — Сталин и его соратники этого терпеть не могли. Говорю это с полным основанием, поскольку присутствовал на заседаниях Политбюро много раз.

Да, точка зрения Сталина, как правило, брала верх. Но происходило это потому, что он объективней, всесторонней продумывал проблемы, видел дальше и глубже других. Люди есть люди — постепенно к этому привыкли и, следуя линии наименьшего сопротивления, переставали отстаивать свое мнение до конца. Сталин сознавал возникавшую здесь опасность, сердился, ставил в пример Н. А. Вознесенского, который был тверд и последователен в отстаивании своих взглядов, однако изменить ситуацию так и не смог — перевалив 70-летний рубеж, он стал заметно сдавать, сказывался, видимо, возраст и колоссальное напряжение государственных дел. В конце же 30-х годов коллегиальность в работе Политбюро проявлялась достаточно четко: бывали случаи, правда, довольно редкие, когда Сталин при голосовании оказывался в

меньшинстве. Особенно это касалось репрессий, где Сталин, как я уже говорил, занимал более «мягкие» позиции, чем ряд других членов Политбюро.

Убежден, что Тухачевский, Якир, Блюхер и другие крупные деятели были репрессированы по политическим соображениям и на основе коллегиальных решений Политбюро. Личные моменты, если и были, играли подчиненную роль. Другое дело, насколько эти соображения обоснованны и продуманны. Ошибки, естественно, были возможны. Но чтобы разобраться в них, выяснить подлинную картину происшедшего, надо посмотреть на дело политически, с точки зрения государственных интересов, провести всесторонний и глубокий анализ...

— И все-таки Тухачевский...

— Заладили: Тухачевский, Тухачевский... Кругом только и слышишь: изверг Сталин погубил-де самого талантливого советского полководца. Сколько раз приходилось рассказывать о 30-х годах, и везде один и тот же вопрос... Не выдержал как-то, спросил об этом своего старого знакомого, кстати, ярого критика Сталина, имевшего самое прямое отношение к работе комиссии, реабилитировавшей Тухачевского.

— Непростой был человек, — отвечает. — Партийное руководство над армией не очень-то признавал, самоуверенности и дворянской спеси тоже хватало. Но полководцы такие редко появляются — на десятилетия время опередил, талантище огромный, недаром его немцы больше всех боялись. Они и состряпали фальшивку, а НКВД сфабриковало дело. С юридической точки зрения обвинения полностью несостоятельны. Реабилитировали правильно, не сомневайся.

— Постой, неужели только дым и был, ни малейшей искорки? Ведь обвинительный документ Блюхер и Алкснис подписали. Они-то под страхом смерти не стали бы честных людей оговаривать, ты же знаешь...

— Да, было кое-что. Установлено, что Тухачевский проводил секретное совещание, на котором обсуждались планы смещения Ворошилова (тогдашний нарком обороны. — **В. Л.**). Но юридически ни один пункт обвинения не был подтвержден.

— Вот те на! Да в любой стране за это не только с постов снимают, под суд сразу же отдают! Везде министра обороны смещает и назначает высшее руководство. Или ты думаешь, что Тухачевский надеялся убедить Сталина и других членов Политбюро своим красноречием? Зачем тогда секретность? Да ведь это фактически заговор, государственная измена...

— Не горячись, Иван! Ты в юриспруденции всегда плохо разбирался. Нужны были улики, точные факты, неопровержимые доказательства, словом, все атрибуты законности, а их просто состряпали! Да и не был Тухачевский изменником — тут речь скорее шла об интриге, о борьбе таланта с бездарностью...

Не знаю, как юридически, а с точки зрения защиты интересов страны Тухачевского и его группу, если, конечно, намерение сместить наркома обороны имело место, надо было с ключевых постов убрать! Надвигалась война, на карту, по сути, ставилась судьба социализма, народа, и иметь среди высшего командного состава людей, способных нарушить элементарную дисциплину, воинский долг, было бы преступлением. Можно представить себе, как обернулись бы события, если в самые критические моменты войны вместо одного генерала, изменившего Родине — Власова, — их оказалось бы несколько десятков, да еще на куда более влиятельных постах! И мало что меняет, если бы даже они ударили по «сталинскому режиму» из-за спины по «идейным соображениям». Результат-то был бы один и тот же. Французскую армию фашисты разгромили за несколько недель в немалой степени и потому, что в военно-политических кругах страны не было единства, генералы перессорились с политиками, поддались пораженческим настроениям...

Видите, стоило копнуть чуть глубже, в сторону от традиционных антикультовских представлений, и схема «деспот Сталин уничтожил талантливых людей» начинает трещать по швам... Думаю, многое в репрессиях 30-х и 40-х годов выйдет из рамок этой схемы, если делом заняться объективно и всерьез.

— Ваше мнение созвучно позиции видного деятеля большевистской партии, соратника В. И. Ленина Елены Дмитриевны Стасовой. При всей своей антипатии к Сталину она считала, что на него нельзя возлагать прямую ответственность за неоправданные репрессии и уничтожение честных людей. Елена Дмитриевна возмущалась действиями Хрущева, называла его «безответственным авантюристом», «прожектером» *. Ваши оценки близки и к суждениям выдающегося немецкого писателя Л. Фейхтвангера, посетившего Советский Союз в 1937 году и опубликовавшего об этом книгу. Фейхтвангер хотел лично разобраться в том, действительно ли Сталин в целях укрепления режима своего деспотизма уничтожает талантливых людей. Писатель, который оговаривает свое принципиальное несогласие с «большевистскими» методами руководства, особенно «в области искусства», присутствовал на процессе Пятакова и Радека, лично с глазу на глаз беседовал со многими обвиняемыми и пришел к твердому выводу о том, что процессы были полностью обоснованны, а действия Сталина и его соратников отвечали высшим интересам советского народа и государства. Фейхтвангер охарактеризовал поведение многих западных интеллигентов, поднявших шумиху о «сталинских злодеяниях», «близоруким», «недостойным» и «бесчестным». И все-таки это, так же, как и ваши суждения, убеждает мало: слишком много очевидных фактов, идущих с ними вразрез...

— Что ж, я высказал свою личную точку зрения и предупреждал вас, что необходимыми архивными документами и материалами не располагаю. Но насчет «очевидности» советую все-таки быть поосторожней. Волюнтаризм мы осудили, а волюнтаристскую подачу истории пока нет, хотя в этом направлении и сделано в последние годы несколько робких шажков...

Подумайте еще вот над чем. В «деспотические» 30-е годы стенограммы политических процессов публиковались открыто и были доступны фактически каждому, хотя там высказывались и шедшие вразрез с официальными мнения и версии. При Хрущеве, стороннике «открытости» и «гласности», все это было переведено в служебные и секретные фонды. Не потому ли, что они противоречили «очевидности» официально преподнесенных и истолкованных «фактов»?

Что касается Фейхтвангера, то он был далеко не одинок. Р. Роп-

* По свидетельству бывшего порученца ЦК ВЛКСМ при Е. Д. Стасовой в 50-х годах.

лан, А. Барбюс, М. А. Нексе, другие прогрессивные писатели, ученые, деятели искусств выступали в поддержку курса Сталина и его соратников. Даже не очень-то благоволивший «силовым методам» в политике Эйнштейн отказался подписать воззвание, осуждавшее репрессии... Ведь это факт, что лучшая часть западной интеллигенции, доказавшая верность прогрессивным и гуманистическим идеалам, отмежевалась от крикливой кампании разоблачения «сталинских злодеяний». И наоборот, лицемеры и крикуны, изменившие этим идеалам, докатившиеся до сотрудничества с фашизмом и реакцией, больше всех надрывали горло по поводу «сталинского террора». Тоже хороший повод для размышлений...

— Вы стали наркомом земледелия СССР как раз в то время, когда в советской биологической науке разрастался конфликт между сторонниками традиционного, мичуринского направления и генетиками, Лысенко и Вавиловым. Как известно, Сталин и ваш наркомат поддержали Лысенко, советская школа генетики подверглась настоящему разгрому, многих ее приверженцев, включая Вавилова, репрессировали. Отечественная биологическая наука, занимавшая в те годы передовые позиции, стала серьезно отставать от мирового уровня. Согласитесь, после всего этого трудно поверить, что сталинское руководство наукой было компетентным. Я уже не касаюсь недопустимых методов расправы с инакомыслящими. Хрущев, при всех его недостатках, относился к ученым, по крайней мере, цивилизованно...

— Хрущев куда больше повинен в отставании генетики, чем Сталин. В 30-е годы было несравненно труднее предвидеть ее перспективность, чем в 50-е. Никиту Сергеевича буквально заворожили блестящие посулы и обещания Лысенко, которому он в отличие от Сталина верил безоговорочно, и в результате генетики не получили необходимой поддержки как раз в то время, когда у них стали намечаться осязаемые успехи. Не сомневаюсь, что, если бы Сталин, обладавший незаурядным чутьем на практическую ценность новых направлений, протянул бы еще лет 5—6, генетики получили бы все необходимое, и даже сверх того. Уж что-что, а концентрировать силы и средства на решающих участках, находить и продвигать талантливых ученых-организаторов он умел, как никто иной. Ведь это факт, что именно Сталин был одним из первых политических лидеров мира, осознавших всю громадную практическую значимость ядерных исследований и освоения космоса. Да и твердая поддержка им малоизвестных в то время И. В. Курчатова и С. П. Королева, которых не очень-то признавала академическая элита, говорит о многом. Ломая косность и рутинерство тогдашних научных «светил», ЦК партии под руководством Сталина придал работам на этих, казавшихся многим даже в научном мире полуфантастическими направлениях общегосударственное значение. В результате, отставая от Запада в экономическом отношении на десятилетия, наша страна на ключевых участках научно-технического прогресса сумела занять ведущие позиции, подвела необходимый материальный фундамент под статус великой державы.

— Вы уже говорили об этом в начале нашей беседы, касаясь экономики...

— Что ж, повторю еще раз, придется вам потерпеть, раз взялись выслушать меня до конца.

Большинство оригинальных школ, выдвинувших советскую науку

на передовые рубежи в мире, сложились и набрали силу в проклинаемый иными журналистами и литераторами сталинский период. Их расцвет приходится на конец 50-х — начало 60-х годов, после чего все постепенно пошло под откос. Знаменитые отечественные школы стали захиревать, в науке возобладали групповые интересы и монополизм именитых кланов, ученые, особенно гуманитарного профиля, стали мельчать прямо на глазах.

Вы, наверное, находите в газетах многочисленные примеры того, как могущественные научные кланы расправляются с талантливыми «чужаками». Можете говорить что угодно, но я абсолютно убежден в том, что в начале 80-х годов КПД нашей науки стал куда ниже, чем сорок лет назад, а всякой дряни, мешающей ее нормальному развитию, несравненно больше. Впрочем, очистительные процессы замедлились всюду...

— И все-таки хотелось бы поподробней о генетике...

— Что ж, вернусь к ней. В конце 30-х годов и в первые послевоенные годы, когда страна испытывала острейшую нехватку сил и средств для выживания в схватке с фашизмом, а затем и восстановления из руин, мы просто не могли иметь роскошь содержания бесплодной, оторванной от жгучих требований жизни науки. Все, буквально все в те годы жестко подчинялось интересам укрепления экономического и оборонного потенциала, к любому вопросу подходили прежде всего именно под таким углом.

Научные исследования, проводившиеся Лысенко и его сторонниками, были четко нацелены на реальную отдачу и в ряде случаев уже приносили осязаемый практический эффект. Я имею в виду как повышение урожайности, так и внедрение новых, более перспективных сельскохозяйственных культур. Работы же Вавилова и его последователей каких-либо практических результатов не обещали даже в обозримом будущем, не говоря уже о тогдашнем настоящем.

Кстати, среди генетиков преобладали ученые буржуазной, дореволюционной закваски с элитарными, подчас явно антинародными замашками, афишировавшие свою «аполитичность» и преданность «чистой науке», которой, мол, не до «заземленных», практических нужд. Кое-кто из них чуть ли не в открытую солидаризировался с человеконенавистническими расовыми «теориями» фашизма и даже работал на их подтверждение. Один из таких академических снобов — биолог Тимофеев-Ресовский — пошел даже на прямое предательство Родины, добровольно оставшись в фашистской Германии, где всю войну протрудился в научно-исследовательском институте в Берлине, тесно связанном со спецслужбами гитлеровского рейха.

Симпатии такие люди, естественно, не вызывали. Но главное, повторяю, в том, что тогдашние генетики не сумели доказать важность и перспективность своего направления.

Конечно, с позиций сегодняшнего дня очевидно, что проявленный здесь чрезмерный «практицизм» притормозил развитие «большой науки». Но виновны за этот просчет скорее те, кто нес прямую ответственность за академическую науку, а также в определенной мере и я, как министр земледелия Союза. Сталин, который от данной проблемы стоял довольно далеко, постоянно, кстати, побуждал нас, руководителей министерского ранга, следить за перспективными научными направлениями, последними достиже-

ниями и техническими новинками, защищать талантливых ученых от нападок и интриг бездарностей и завистников.

Но допущенный просчет все же решающего значения не имел. И сейчас, с высоты прошедших десятилетий, я по-прежнему считаю, что проводившийся партией курс на всемерное приближение сельскохозяйственной науки к жизни, к ее потребностям и нуждам был в своей основе правильным. Да и сам Вавилов, возглавлявший тогда Институт растениеводства, фактически признавал это, давал неоднократные обещания преодолеть чрезмерно узкую специализацию его исследований, переориентировать деятельность института в сторону сельскохозяйственной практики. Но своих обещаний, к сожалению, не сдержал.

— И все-таки вы же не будете отрицать, что в споре Лысенко — Вавилов победа осталась на стороне невежества и непорядочности, нетерпимости к иной точке зрения и что симпатии Сталина к Лысенко способствовали утверждению в биологии того самого монополизма одной группы людей, который сейчас превратился а едва ли не самый главный тормоз развития науки...

— Почему же не буду отрицать? Буду отрицать, и отрицать решительно. Но сначала позвольте мне, старику, поворчать немного. Тенденциозность и односторонность вопросов о Сталине и о Вавилове не делают вам чести. Похоже, что вы уже заняли определенные позиции, повторяя неумные выдумки, которые любят муссировать в так называемых «интеллигентских кругах». Зачем же тогда вам мои суждения? Журналист должен быть более объективным и беспристрастным, если он искренне стремится понять что-то, а не «заклеймить» непонятое модными фразами. Хочу в данной связи привести замечательные слова В. И. Ленина: «...Необходимо рассматривать не отдельные факты, а **всю совокупность** относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без **единого исключения**, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение в том, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется» *.

Похоже, вы и попались на такую «субъективную стряпню». Только в вопросе о Сталине ее использовали для оправдания своих неприглядных дел нечистоплотные политики, а в истории с Вавиловым — столь же нечистоплотные деятели науки.

— Что же, критику принимаю, постараюсь быть более объективным, хотя, как вы понимаете, отказаться сразу от того, что считал само собою разумеющимся, не так-то просто... И все же, как вы расцениваете широко распространенные утверждения о шарлатанстве Лысенко и мученичестве Вавилова?

— Как типичнейший пример групповщины. В интересах утверждения своей монополии определенные люди — а последние 20 лет, как известно, генетики держат в биологии ключевые участки — распространяют заведомо ложные, порочащие «конкурентов» сведения.

Я хорошо знал Трофима Денисовича Лысенко, его сильные и слабые стороны. Могу твердо сказать: это был крупный, талантливый ученый, много сделавший для развития советской биологии, в чем не сомневался и сам Вавилов, который, кстати, и двинул его в большую науку, чрезвычайно высоко оценив первые шаги мо-

* Ленин В. И. ПСС, т. 30, с. 351.

лодого агронома. Ведь это факт, что на основе работ Лысенко созданы такие сорта сельскохозяйственных культур, как яровая пшеница «Лютенцес-1173», «Одесская-13», ячмень «Одесский-14», хлопчатник «Одесский-1», разработан ряд агротехнических приемов, в том числе яровизация, чеканка хлопчатника. Преданным учеником Лысенко, высоко чтившим его до конца своих дней, был и Павел Пантелеймонович Лукьяненко, пожалуй, наш самый талантливый и плодовитый селекционер, в активе которого 15 районированных сортов озимой пшеницы, в том числе получившие мировую известность «Безостая-1», «Аврора», «Кавказ». Что бы ни говорили «критики» Лысенко, в зерновом клине страны и по сей день преобладают сельскохозяйственные культуры, выведенные его сторонниками и учениками. Побольше бы нам таких «шарлатанов»! Давно, наверное, решили бы проблему повышения урожайности, сняли с повестки дня обеспечение страны зерном. Успехи генетиков пока куда скромней — и не от этой ли слабости позиций, низкой практической отдачи крикливые обвинения своих соперников? Хотя, разумеется, я этих успехов не отрицаю, просто убежден в том, что воцарившаяся монополия одной научной школы приносит немалый вред...

Да, ряд лысенковских положений не нашел экспериментального подтверждения, а кое-какие из них и просто оказались ошибочными. Но назовите мне хотя бы одного ученого, который бы не ошибался, не выдвигал ложных гипотез? Что же, «шарлатаном» объявлять его за это?

Теперь о борьбе вавиловского и лысенковского направлений. Здесь бытует немало спекуляций, искажающих истинную картину происходившего. Во-первых, эта борьба шла с переменным успехом: бывали, и не раз, моменты, когда Лысенко оказывался в меньшинстве. В решениях, например, февральского Пленума ЦК 1947 года говорилось об ошибочности ряда направлений его деятельности. Хорошо помню резкую критику Лысенко заведующим Отделом науки Центрального Комитета партии Юрием Ждановым, который, правда, позднее, в ходе разгоревшейся дискуссии изменил свою точку зрения.

Далее. Как бы ни драматизировались гонения на генетиков, фактом остается то, что многие ученые этого направления, подвергнутые резкой критике на известной сессии ВАСХНИЛ в 1948 году, где сторонники Лысенко взяли верх, продолжали, хотя и в ухудшившихся условиях, свою работу. Немчинов, Дубинин, Раппопорт, Жебрак, называю лишь тех, кого помню, — все они оставались в науке, несмотря на довольно резкое осуждение Лысенко и его сторонников, и, что весьма характерно, отказывались от «покаяний». Что касается репрессий, то их применяли отнюдь не за те или иные взгляды, а за конкретные вредительские действия, хотя и здесь, видимо, имелись случаи произвола и беззакония, кстати, и по отношению к ученым, находившимся от генетиков по другую сторону научных баррикад. Один такой судебный процесс, если мне не изменяет память, был проведен незадолго до войны.

И еще на одно обстоятельство хочу обратить ваше внимание. После развенчания Лысенко и его сторонников все ключевые участки в биологической науке, воспользовавшись благоприятным моментом, заняли его научные противники. Уже одно это говорит о том, что «поголовное уничтожение генетиков» — злобная

выдумка, подхваченная, к сожалению, несведущими журналистами и литераторами.

— И все-таки Сталин, судя по всему, благоволил Лысенко и недолюбливал Вавилова...

— Тут с вами, пожалуй, можно согласиться. С одной лишь оговоркой: Сталин обычно не руководствовался личными симпатиями и антипатиями, а исходил из интересов дела. Думаю, так было и в этом случае.

Не помню точно, кажется, в 1940 году в Центральный Комитет партии обратились с письмом двое ученых-биологов — Любищев и Эфроимсон. В довольно резких тонах она обвиняли Лысенко в подтасовке фактов, невежестве, интриганстве и других смертных грехах. В письме содержался призыв к суровым оргвыводам по отношению к «шарлатану», наносящему огромный вред биологической науке.

Мне довелось принять участие в проверке письма. Лысенко, конечно же, оправдывался, приводил разные доводы, когда убедительные, когда нет, но никаких «контрсанкций» по отношению к обидчикам не требовал. Это был его стиль — не превращать науку в конкурентную борьбу с обязательным устранением проигравших. Он страстно, фанатически верил в свою правоту, испытывая подчас наивные надежды, что противники в силу неопровержимости фактов рано или поздно придут к таким же выводам и «сложат оружие» сами, без оргвыводов со стороны руководящих инстанций. «Вот видите, — сказал по этому поводу Сталин, органически не выносивший мелких склок и дрязг, характерных для научной и творческой среды. — Его хотят чуть ли не за решетку упечь, а он думает прежде всего о деле и на личности не переходит. Хорошее, ценное для ученого свойство».

И второй, весьма типичный для Лысенко факт. Когда арестовали Вавилова, его ближайшие сторонники и «друзья», выгораживая себя, один за другим стали подтверждать «вредительскую» версию следователя. Лысенко же, к тому времени разошедшийся с Вавиловым в научных позициях, наотрез отказался сделать это и подтвердил свой отказ письменно. А ведь за пособничество «врагам народа» в тот период могли пострадать люди куда с более высоким положением, чем Лысенко, что он, конечно же, прекрасно знал...

Не хочу сказать, что Трофим Денисович всегда был таким. Иногда верх брали упрямство, предвзятость, склонность к трескучей политической фразе. Но людей без недостатков, увы, не бывает. Важно, чтобы достоинства перевешивали.

Впрочем, я сужу с «общечеловеческих», моральных позиций. Сталин же, уверен, подходил к этому, как и к другим вопросам, политически. Что я имею в виду?

Чтобы преодолеть отсталость, выйти на передовые рубежи технического прогресса, стране нужны были ученые нового, социалистического типа, свободные от недостатков русской буржуазной интеллигенции с ее дряблостью, ленью, «безрукостью», барски-пренебрежительным отношением к простому народу. Говоря современным языком, в 30-е годы сформировался массовый социальный заказ на ученого с активной жизненной позицией, тесно связанного с трудящимися, их революционной борьбой за создание нового общества, людей, непримиримых к академической рутине и догме, «почиванию на лаврах», людей, нацеленных на решение назревших практических задач.

В прекрасном фильме «Депутат Балтики», герой которого «делался» с великого русского ученого-биолога Тимирязева, глубоко и правдиво передан весь драматизм противостояния такого ученого преобладавшему в тогдашней науке «образованному мещанству», насквозь пропитанному буржуазными привычками и предрассудками. Увы, большая часть дореволюционной интеллигенции заняла обывательские позиции, Тимирязевы были единичным явлением. Но их эстафету взяли в свои руки ученые нового, социалистического мира, вышедшие из самых глубин народа, как Лысенко. Вавилов же так и не сумел избавиться от недостатков дореволюционной академической элиты...

В научной полемике, которая разгорелась между ними в 30-х годах, Лысенко и его сторонники продемонстрировали куда больше бойцовских качеств, твердости, настойчивости, принципиальности. Вавилов же, как признавали даже его единомышленники, лавировал, сдавал одну позицию за другой, старался сохранить хорошие отношения и с «вашими» и с «нашими», что у меня, например, всегда вызывало раздражение и недоверие — значит, не уверен в своей позиции, боится ответственности. Думаю, что у людей, непосредственно руководивших в тот период наукой, были такие же чувства, хотя, конечно, в таких делах решать должны не эмоции.

Определенное малодушие и слабость проявил Вавилов и находясь под следствием, когда, не выдержав психологического давления следователей, оговорил не только себя, но и других, признав наличие вредительской группы в Институте растениеводства, что, естественно, обернулось мучениями и страданиями совершенно невинных людей. Но об этом, правда, я узнал намного позже. В тот же период ни я, как нарком земледелия, ни тем более Сталин во все перипетии борьбы между Лысенко и Вавиловым, в обстоятельства его ареста не входили...

Лысенко же даже под угрозой четвертования не оговорил бы ни себя, ни тем более других. У него была железная воля и стойкие моральные принципы, сбить с которых этого человека представлялось просто невозможным. Другое дело, что иногда он впадал в необъяснимое упрямство и раздражение, начинал подводить под свои эмоции «теоретическую» базу...

Полагаю, что не случайно к Трофиму Денисовичу так тянулась научная молодежь, которой подчас не хватает опыта, но которая весьма чутка к истинному и фальшивому. Мне доводилось не раз бывать на встречах Лысенко со студентами, аспирантами, молодыми учеными и могу сказать вполне определенно: он умел «зажигать» аудиторию, вести ее за собой, внушать молодежи страстное желание к творческому поиску, к достижению неординарных результатов. А вот ученые старой, дореволюционной закваски, и я это хорошо помню по учебе в Сельскохозяйственной академии в 20-х годах, симпатии у нас, рабочей молодежи, рвавшейся осваивать большую науку, не вызывали. Многие из них приняли революцию с большим запозданием, да и то, как говорится, «держа камень за пазухой», проявляли открытую неприязнь к «кухаркиным детям», осмелившимся начать продвижение к научному Олимпу. Для выходцев из рабоче-крестьянской среды Лысенко был своим, до мозга костей преданным идеалам рево-

люции, наглядным примером того, сколь многого может достигнуть простой человек, одержимый жаждой истины, страстным желанием превратить науку в мощный рычаг улучшения жизни людей. Все это, конечно же, сказывалось на отношении Сталина, стремившегося активней вовлечь в науку рабоче-крестьянскую молодежь, к Лысенко.

— Но вы сказали, что Сталин более критически относился к деятельности Лысенко, чем Хрущев...

— Да, недостатки ученого он видел довольно отчетливо. При мне Сталин, правда в тактичной форме, не раз отчитывал Трофима Денисовича за стремление подвести «марксистский базис под жакетку», то есть распространить марксистскую идеологию и терминологию на сферы, не имевшие к ним прямого отношения. В таком же духе Сталин сделал критические пометки на одобренном им в целом докладе, с которым Лысенко выступил на известной сессии ВАСХНИЛ в 1948 году.

Небезынтересно отношение Сталина к невыполненным лысенковским обещаниям поднять урожайность пшеницы в 4—5 раз. «Товарищ Лысенко, по-видимому, поставил малореальную задачу, — сказал как-то он. — Но даже если удастся повысить урожайность в полтора-два раза, это будет большой успех. Да и не стоит отбивать у ученых охоту к постановке неральных, с точки зрения практиков, задач. То, что сегодня кажется нереальным, завтра может стать очевидным фактом. К тому же в нашей науке немало ученых «пескарей», предпочитающих спокойную жизнь, без нереальных задач. Накажем Лысенко — таких «пескарей» станет еще больше».

Кстати, уже не в связи с Лысенко. Сталин неоднократно поддерживал «внегрупповых» ученых, изобретателей-одиночек, ставивших, по мнению общепризнанных специалистов и государственных институтов, «нереальные» задачи, настаивая на оказании им необходимой поддержки, выделении средств и так далее. Как и другим наркомам, мне тоже часто доставалось «на орехи» за отказ поддержать того или иного чудака с очередным проектом «вечного двигателя». В большинстве случаев, естественно, «вечный двигатель» не заводился, о чем и сообщалось Сталину, хотя бывали и исключения. Многочисленные неудачи «кустарей-одиночек», однако, не обескураживали его, и он снова и снова просил наркомов внимательно разобраться с очередным «новаторским» проектом. Тогда сталинские действия казались мне ошибочными, отвлекавшими от более важных дел, губящими массу времени и нервов. Теперь же я смотрю на вопрос иначе.

Сталин приучал нас, хозяйственных руководителей, с предельным вниманием относиться к проектам и предложениям «аутсайдеров», всемерно поощрять техническое творчество масс и кое-чего добивался. Конечно, изобретателям и рационализаторам, особенно шедшим наперекор официальной линии, было в 30-е и 40-е годы не очень-то легко — любителей «спокойной жизни» и тогда хватало на всех уровнях. Но, по крайней мере, с консерватизмом, косностью, «групповым эгоизмом» ведомственных и научных учреждений в те годы боролись эффективно и результативно, всей этой мерзости было несравненно меньше. Ситуация же, когда многие важнейшие и ценнейшие открытия и изобретения лежат на полке десятилетиями, а их авторы подвергаются изощренной травле и унижениям со стороны преследующих своекорыстные

интересы ведомств и научных институтов, в те годы представляю немыслимой. Волокитчиков еще на ранних стадиях уличили бы во «вредительской деятельности» — а, по сути, она таковой и является — со всеми вытекающими из этого для них малоприятными последствиями. Честно говоря, когда читаешь сегодняшние газеты, описывающие мытарства современных Кулибиных и Ползуновых, поневоле думаешь, что старый метод в конечном счете куда полезней и «гуманней» для страны, чем бесконечные увещевания и призывы к «партийной совести» с самых высоких трибун...

— Однако по отношению к генетике Сталиным все же был допущен явный произвол, да и кибернетику объявили...

— Заладили: генетика и кибернетика, кибернетика и генетика. Всюду только это и слышишь. Поверить иным литераторам и журналистам, так у нас в сталинский период и науки-то не существовало, были лишь гонения на нее да сплошные ошибки...

Да, ошибки делались, просчеты допускались, в любом деле без них не обойтись. Но правда в том, что в 30-е годы таких ошибок делалось несравненно меньше, чем сегодня, да и сам климат в науке был более здоровым, творческим и, если хотите, нравственным. По крайней мере, тогда погоду делали истинные ученые, сегодня — посредственности и бездари, создавшие такую обстановку, в которой истинные ученые просто задыхаются. Сужу, конечно, по сельскохозяйственной науке, но ситуация примерно везде одинаковая.

Десятки, сотни никому не нужных, работающих «на себя» институтов, миллионы бездельников, целыми днями бьющих баклуши, монопольные кланы «знаменитостей», разделивших науку на сферы влияния и объединяющих усилия только для того, чтобы разделаться с талантливыми «чужаками», — вот вам настоящая, а не сусальная картина сегодняшней науки, которая, разумеется, «свободна» от сталинского «насилия и диктата»! А попытайся честный человек навести здесь хоть какой-то порядок, почистить научные сферы от паразитирующих элементов, всякой швали — сразу же вопли на весь мир: караул, возврат к 1937 году, порочным и осужденным методам «культа»!

Вместо того чтобы бороться с мерзостями сегодняшнего дня, давно превзошедшими и по масштабу, и по пагубности воздействия все, что было в прошлом, копошатся в реальных и мнимых ошибках сорокалетней давности, талдычат о генетике и кибернетике, кибернетике и генетике... Впрочем, понятно: пнуть лишний раз мертвых вождей ничего не стоит, а вот попробуй какого-нибудь нынешнего директора института или даже просто заведующего кафедрой...

«Корни ищем», — объяснил мне как-то знакомый литератор. Скорее всего, братцы мои, просто шумите, от неумения и нежелания работать как надо ударились в столь близкое сердцу просвещенного мещанина смакование «острого» и «пикантного». Если бы искали, то ставили вопрос совсем по-другому: почему то, что было при Сталине единичным явлением, исключением, стало сейчас правилом, превратилось во всеобъемлющую систему, без разрушения которой выход советской науки на самые передовые в мире рубежи просто невозможен?

Скажете, это произошло, потому что репрессированы наиболее талантливые и честные. Но с таким же успехом можно свалить вину за сегодняшние беды на Петра Первого или Ивана Грозного.

Уж сорок лет прошло после репрессий, от «порочных методов» культа личности отмежевалось не одно поколение партийных лидеров, а наши литераторы все в одну дуду: Сталин, Сталин, Сталин... Да за эти десятилетия при нашем строе, при нашем талантливом народе почище «японских» или «западногерманских» чудес можно было совершить! А у нас не то что на прогресс, на регресс дело пошло...

— Позвольте теперь, Иван Александрович, перейти несколько в другую сферу. Вы были наркомом и министром сельского хозяйства при Сталине и Хрущеве. Нельзя ли сравнить их подход к важнейшей отрасли экономики!

— Хрущев слыл в Политбюро специалистом по сельскому хозяйству. И это в значительной мере соответствовало действительности. Никита Сергеевич довольно-таки неплохо разбирался в вопросах сельского хозяйства, особенно земледелия, приближаясь по запасу знаний и компетентности к уровню хорошего агронома. Сталин здесь ему явно уступал, чего, впрочем, и не скрывал, обращаясь за советом в тех случаях, когда обсуждались проблемы отрасли.

Однако, как это ни парадоксально, возглавив страну, Хрущев совершил несравненно больше ошибок и просчетов в области сельского хозяйства. Увлекаясь какой-либо, обычно здравой в своей основе идеей, Никита Сергеевич буквально загорался стремлением как можно быстрее воплотить ее в жизнь, спешил, шел напролом, теряя всякое представление о реальной действительности. В результате некоторые его действия имели губительные, просто катастрофические последствия, чего Сталин никогда бы не допустил...

Думаю, корень всего — в отношении к специалистам: ученым, агрономам, компетентным в области сельского хозяйства людям.

Сталин, ставивший на первое место интересы дела, принимал решения, как правило, выслушав мнения наиболее авторитетных специалистов, включая противоречащие точке зрения, к которой склонялся он сам. Если «диссиденты» выступали аргументированно и убедительно, Сталин обычно либо изменял свою позицию, либо вносил в нее существенные коррективы, хотя, правда, были и случаи, когда с его стороны проявлялось неоправданное упрямство. Хрущев, действия которого со временем все больше определялись личными амбициями, относился к специалистам, особенно «инакомыслящим», иначе. В моду стали входить те, кто умел послушно поддакивать, вовремя предугадать и «научно обосновать» уже сложившееся мнение Первого, которое он не менял даже вопреки очевидным фактам. С легкой руки Никиты Сергеевича в сельском хозяйстве, да и других отраслях с невиданной быстротой стали размножаться руководящие и научные кадры типа «чего изволите», затирая тех, кто привык думать собственной головой и отстаивать свою точку зрения до конца.

— Ваша оценка противоречит широко распространенному представлению о том, что при всех своих сумасбродствах Хрущев был демократичней, гуманней и терпимей к чужому мнению, чем Сталин...

— Глубоко ошибочное представление. Видимость часто принимают за сущность — в этом-то и вся закавыка. В случае с Хрущевым это тем более сложно, что с ним за годы пребывания на посту № 1 произошли разительные метаморфозы.

Я хорошо знал Никиту Сергеевича как в довоенные, так и в первые послевоенные годы. Это был сильный, динамичный и чрезвычайно работоспособный руководитель. Большой природный ум с крестьянской хитрецой и сметкой, инициативность, находчивость, врожденные демократизм и простота, умение расположить к себе самых разных людей — все эти качества заслуженно позволили Хрущеву занять высокие посты в партии, войти в Политбюро. В те годы он действительно был демократом, считался с чужим мнением, относился к людям по-настоящему уважительно. Впрочем, таков был общий настрой, определявшийся Сталиным и его окружением, и Никита Сергеевич, как умный человек, старался «идти в ногу».

Сделавшись Первым и укрепив свою власть отстранением «антипартийной» группы, Хрущев буквально на глазах начал меняться. Природный демократизм стал уступать место авторитарным замашкам, уважение к чужому мнению — гонениям на инакомыслящих, в число которых сразу же попадали те, кто не высказывал должного энтузиазма по поводу «новаторских» идей «выдающегося марксиста-ленинца».

По правде говоря, я не сразу уловил эти изменения и продолжал на Политбюро, ответственных совещаниях унаследованную со сталинских времен привычку говорить то, что думаешь и считаешь правильным, приятно или неприятно это «вождю». Хрущев вначале реагировал на это спокойно. Постепенно, однако, в его отношении ко мне стала ощущаться какая-то отчужденность, а затем и открытая враждебность. Наиболее ощутимо я почувствовал ее, когда выступил против неумного, мягко говоря, предложения Никиты Сергеевича перевести Сельскохозяйственную академию из Москвы в деревенскую местность. Раскручивавшаяся в то время кампания «ближе к производству» приводила к несуразностям, нарушавшим нормальное управление многими отраслями народного хозяйства.

«Послушай, Иван, не лезь ты на рожон, — сказал мне близкий друг, работавший в аппарате Хрущева. — Не такой он демократ, как кажется на первый взгляд. Убедить все равно не сможешь, а вот портфель потерять — вполне». Совету этому я не внял и вскоре действительно расстался с руководящими постами в народном хозяйстве, получил назначение послом в Индию...

Впрочем, и на дипломатической должности я не изменил своей привычке «лезть на рожон», иными словами, предпринимать казавшиеся мне нужными шаги, которые, однако, могли вызвать недовольство руководства. Так, действуя на свой страх и риск, я организовал, наверное, впервые в нашей советской истории покупку крупного участка земли за рубежом, в Дели, под территорию посольства СССР. Сегодня стоимость земли в индийской столице возросла в десятки раз, и мы экономим за счет этого большие валютные средства. Но в то время на подобные операции смотрели косо, под идеологическим прицелом — приобретение земельной собственности, мол, «чуждый социализму метод» и более приличествует «буржуазному рантье», чем коммунисту. С большим скрипом, используя свои давние связи в Госплане и Министерстве финансов, сумел добиться выделения необходимых средств. Вот тогда-то, на собственном примере ощутил возросший на высших этажах бюрократизм и механическое равнение на Первого, стремление уйти от личной ответственности, застраховаться

максимальным количеством подписей и виз. «Новый» стиль управления давал себя знать — плохое намного быстрее распространяется, чем хорошее, а склонность к перестраховке, перекладыванию ответственности на чужие плечи в аппарате была всегда.

Возвращаясь к вашему вопросу, хочу еще раз повторить: именно Хрущев начал избавляться от людей, способных твердо и до конца отстаивать свои взгляды. Многие сталинские наркомы, привыкшие говорить в лицо самую горькую правду, постепенно уходили со своих постов. А те, кто оставался, превращались, за редким исключением, в умных царедворцев, прекрасно сознававших всю пагубность хрущевских «начинаний», но считавшихся со сложившейся расстановкой сил и тем, кто ее в конечном счете определял... Хрущев был прав, когда в октябре 1964 года, выслушав упреки в «авантюризме» и «прожектерстве», обвинил своих соратников в том, что они своим соглашательством и молчанием способствовали всему этому. Он, правда, забыл, что сам поощрял подобный стиль поведения, который постепенно стал преобладающим. Ведь именно Никита Сергеевич навсегда убрал из «большой политики» деятелей так называемой «антипартийной группы» во главе с Молотовым, осмелившихся высказывать собственное мнение о деятельности Первого секретаря ЦК, остро критиковавших его недостатки и упущения...

— Допускаю, что Хрущев был более авторитарен, чем принято полагать, но поверить в то, что Сталин в большей степени считался с чужим мнением, самостоятельностью людей, трудновато...

— И тем не менее это так. Почитайте воспоминания компетентных людей — тех, кто близко знал Сталина, работал с ним, как говорится, бок о бок. Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, Н. Г. Кузнецов, И. С. Исаков, С. М. Штеменко, другие наши военачальники — все они в один голос признают, что Сталин ценил самостоятельно мыслящих, умеющих отстаивать свое мнение людей. Г. К. Жуков, знавший Сталина лучше, чем кто-либо, прямо пишет, что с ним можно было спорить и что обратное утверждение просто неверно. Или полистайте превосходную, лучшую, на мой взгляд, книгу о нашем времени авиаконструктора А. Яковлева «Цель жизни», где он дает оценку стилю и методам работы Сталина, его человеческим качествам с позиций честного русского интеллигента, не склоняющегося к тому или иному идеологическому лагерю.

Так уж устроен мир: обычно выделяют и приближают к себе людей, родственных по духу, по отношению к работе, жизни. Человек глубокого аналитического ума, решительный, волевой и целеустремленный, Сталин поощрял такие же качества и у своих подчиненных, испытывая очевидную симпатию к людям твердых и независимых суждений, способным отстаивать свою точку зрения перед кем угодно, и, наоборот, недолюбливал малодушных, угодливых, стремящихся «приспособиться» к заранее известному мнению вождя. И если по отношению к молодым, начинающим работникам допускалось определенное снисхождение, своего рода «скидка» на первоначальную робость и отсутствие опыта, опытным и даже очень заслуженным деятелям подобные «человеческие слабости» никогда не прощались. «Толковый специалист, — сказал как-то об одном из них Сталин. — Но ставить на руководящую

работу нельзя. Слишком угодлив. Такой из любви к начальству наделает вреда больше, чем самый лютый враг. И не спросишь за это — мнение-то согласовано с руководством».

Приходилось, правда, довольно редко, возражать Сталину и мне. Спорить с ним было нелегко, и не только из-за давления колоссального авторитета. Сталин обычно глубоко и всесторонне продумывал вопрос и, с другой стороны, обладал тонким чутьем на слабые пункты в позиции оппонента. Мы, хозяйственные руководители, знали твердо: за то, что возразишь «самому», наказания не будет, разве лишь его мелкое недовольство, быстро забываемое, а если окажешься прав, выше станет твой авторитет в его глазах. А вот если не скажешь правду, промолчишь ради личного спокойствия, а потом все это выяснится, тут уж доверие Сталина наверняка потеряешь, и безвозвратно. Потому и приучались говорить правду, невзирая на лица, не щадя начальственного самолюбия.

К сожалению, необходимые строгость и последовательность проявлялись не всегда. В ряде случаев Сталин, может быть, из-за острой нехватки людей, может быть, по каким-то личным соображениям, допускал назначения, и на высокие посты, людей, склонных к угодливости, умеющих ловко пристраиваться к сложившейся конъюнктуре. Так было, на мой взгляд, с выдвижением А. Я. Вышинского, занимавшего некоторое время даже пост министра иностранных дел, — человека редкого ораторского дара, блестящей образованности и глубоких знаний, но приспособленца по своей сути. Обычно же, повторяю, предпочтение отдавалось принципиальным, самостоятельно мыслящим людям. И не случайно в годы Великой Отечественной войны Сталин открыто называл своим преемником Г. К. Жукова, а в первые послевоенные годы — Н. А. Вознесенского — людей железной воли, с твердым и прямым характером, чаще других возражавших ему при обсуждении военных и государственных вопросов.

Или возьмите выступление Сталина на последнем в его жизни Пленуме ЦК партии, где, сославшись на возраст и здоровье, он официально попросил освобождения хотя бы от некоторых высших постов. Одновременно Сталин подверг резкой критике двух своих ближайших соратников — В. М. Молотова и А. И. Микояна, которых многие прочили в его преемники, именно за то, что они якобы не обладали достаточной твердостью и самостоятельностью. Этот упрек, особенно в отношении В. М. Молотова, мне и сейчас кажется несправедливым. Но сталинский подход весьма показателен. И здесь отнюдь не было «скрытой игры», «византийской хитрости», о чем так любят посудачить западные «кремленологи» и «советологи» — с их работами я достаточно познакомился, находясь за рубежом. Дело в том, что Сталин вскоре достойного, с его точки зрения, преемника, по крайней мере, на один из высших постов, подобрал. Я имею в виду Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии, который во время войны возглавлял штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Обладая твердым и самостоятельным характером, Пантелеймон Кондратьевич одновременно был коллективистом и демократом до мозга костей, умел располагать к себе, организовывать дружную работу широкого круга людей. Сталин, видимо, учитывал и то, что Пономаренко не входил в его ближайшее окружение, имел

собственную позицию и никогда не старался переложить ответственность на чужие плечи.

Документ о назначении П. К. Пономаренко Председателем Совета Министров СССР был завизирован уже несколькими членами Политбюро, и только смерть Сталина помешала выполнению его воли. Став Первым секретарем ЦК, Хрущев, который, естественно, был в курсе всего, предпринял необходимые шаги с тем, чтобы отодвинуть Пономаренко подальше — сначала в Казахстан, затем, в 1955 году, на дипломатическую работу, послом в Польшу, а потом в Нидерланды. Впрочем, и здесь он работал недолго — опасного «конкурента» быстренько препроводили на пенсию, весьма скромную и без причитавшихся ему льгот за государственную службу. Человек простой, скромный и непритязательный в личной жизни, обремененный заботами о родных и близких, он в буквальном смысле влачил полунищенское существование, когда наконец после отставки Хрущева друзья, обратившись в ЦК, добились достойного обеспечения его старости.

Я специально остановился на этой истории, чтобы предварить ваши возможные вопросы о «гуманности» и «человеколюбии» Хрущева на фоне «жестокого» и «деспотичного» Сталина. Да, Сталин бывал крут, подчас неоправданно, иногда жесток. Но при нем люди, совершившие определенные просчеты и пониженные за это в должности, могли снова пойти вверх, как это случилось с Г. К. Жуковым, С. К. Тимошенко, Л. З. Мехлисом, некоторыми наркомами. Да и меня временно понижали в должности, делали замом, затем снова назначали наркомом. При Хрущеве же вышедшие из доверия Первого шли только вниз и никогда уже не поднимались. При его преемниках тоже... Почему? Да потому, что Сталин не хотел ломать людей, давал им шанс исправить ошибки, понимая, что умелых руководителей не так-то просто найти. Хрущев же думал только об укреплении своей власти, опасался того, что обиженные им люди, вновь оказавшись на высоких постах, могут представить этой власти потенциальную угрозу...

— А как же все-таки с разоблачением культа личности! Многие считают, что, пойдя на это, Хрущев проявил и политическую смелость, и гуманность, по крайней мере, по отношению к неаинно пострадавшим людям.

— Не вижу особой, тем более политической смелости в том, чтобы воевать с мертвыми, делать их козлом отпущения за ошибки прошлого и, конечно же, недостатки настоящего. Обычно такой «смелостью» блещут те, кто при «живом начальстве» ел его глазами, вел себя, как говорится, тише воды, ниже травы. Уже потом, когда становится безопасно, они компенсируют свое малодушие и трусость «смелыми» проклятиями в адрес «тирана» и «деспота».

Среди высшего руководства Хрущев, пожалуй, больше всех заискивал перед Сталиным, боязнь которого принимала у Никиты Сергеевича болезненные, подчас анекдотичные формы, что, естественно, не способствовало повышению его авторитета в глазах Первого, и без того недолюбливавшего, как он говорил в раздражении, «Никиту». Хрущев, думаю, понимал это: но ничего не мог с собой сделать — есть вещи, неподвластные нашей воле. На заседаниях Политбюро, ответственных совещаниях, где мне довелось присутствовать, Никита Сергеевич в отличие, например, от

Молотова или Жданова, возражавших, иногда довольно резко, Сталину, не то что сказать против, пикнуть не смел.

Что касается «гуманности», то она к истинным причинам разоблачения культа личности отношения не имеет, хотя, конечно, выпив и расчувствовавшись, Хрущев и мог пустить искреннюю слезу по поводу душераздирающего рассказа о страданиях в сталинских лагерях — при всей своей черствости по отношению к людям он был человеком эмоциональным, а кое в чем и сентиментальным. Вообще-то версия о «гуманности» его намерений была на руку Никите Сергеевичу, и он делал все, чтобы на этот крючок клюнуло как можно больше легковерных, благо проглотить его, а точнее, сделать вид, что поверили, и у нас в стране, и за рубежом их более чем достаточно.

Может быть, вам и неизвестно, но я еще не забыл, что в 30-е и 40-е годы Хрущев водил прочную дружбу с Л. М. Кагановичем, «железным наркомом», занимавшим в Политбюро самые жесткие, непримиримые позиции по отношению к «врагам народа». В тесном контакте с Кагановичем Хрущев сначала в Москве в предвоенные годы, а затем на Украине в послевоенные весьма, пожалуй, даже чересчур решительно очищал партийные организации от «переродившихся» и «вредительских элементов». В ходе чисток пострадало немало честных людей, что вызвало недовольство Сталина и послужило одной из причин утраты доверия его к Кагановичу. Хрущеву же удалось реабилитировать себя бесспорными успехами восстановления разрушенных войной сельского хозяйства и промышленности Украины.

Помню, как в это время я позвонил Никите Сергеевичу, бывшему тогда первым секретарем Компартии республики, в Киев, попросил тщательней разобраться с группой ответственных работников сельского хозяйства, исключенных из партии, как я был убежден, необоснованно, — некоторых из них я знал очень хорошо. Хрущев, внимательно меня выслушав, обещал переговорить с Кагановичем, который был послан Политбюро на Украину, чтобы помочь ему организовать дело. Никита Сергеевич дал понять, что вопрос будет, видимо, решен положительно, и просил меня «не поднимать шума в Центре, что может только осложнить ситуацию». Не знаю, разговаривал ли он с Кагановичем или нет, только людям это не помогло.

Вообще, я обратил внимание на весьма странную вещь. Когда говорят о Сталине, все его действия обычно объясняют борьбой за власть, когда же речь заходит о Хрущеве, его акции приписывают исключительно благородным мотивам — «гуманности», «демократизации», «состраданию» и тому подобному. Не знаю, чего тут больше: наивности или сознательного самообольщения. Хрущев, как и Сталин, был политиком. И его действия определялись вполне прозаическими, политическими интересами, весьма далекими от возвышенных морально-нравственных категорий...

— Хотелось бы конкретно знать, что аы имеете в виду. И попутно, чем объясняете тот бесспорный факт, что разоблачения культа личности, массоаых репрессий 30-х и 40-х годов вызвали такой широкий положительный резонанс!

— Главной пружиной действий Хрущева была борьба за власть, за монопольное положение в партийном и государственном аппаратах, чего он в конце концов и добился, совместив два высших

поста — Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Но вначале положение Никиты Сергеевича было сложным. Хотя он и был первым по партийной линии, большинство в Политбюро составляли отнюдь не его сторонники, скорее наоборот. Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, другие видные партийные и государственные деятели из бывшего сталинского окружения были отнюдь не высокого мнения о Хрущеве, рассматривали его как компромиссную фигуру, калифа на час, что он, конечно, хорошо понимал. В государственном и партийном аппаратах на местах также оставалось немало прошедших сталинскую школу людей, весьма скептически оценивавших хрущевское «новаторство». Надо было ослабить и сломить эту «оппозицию», представить своих политических противников в неприглядном свете, осуществить массированную обработку общественного сознания в антисталинском духе. Я имею в виду подготовку необходимой почвы для мелкобуржуазного, авантюристического прожектерства, шедшего вразрез со строгим, научным реализмом марксистско-ленинского подхода. Кампания по развенчанию Сталина и реабилитации жертв его «репрессий» идеально подходила для этих целей, тем более что часть реабилитированных получала посты в партийном и государственном аппарате, становясь, естественно, опорой Хрущева.

Что касается «широкого общественного резонанса», то он также объясняется вполне прозаическими интересами определенных, как сейчас модно говорить, социальных слоев и групп. Шумные аплодисменты из-за рубежа понятны: кампания по дискредитации Сталина, которую на Западе умело перевели в кампанию по дискредитации Советской власти, ослабила и расколола международное коммунистическое и рабочее движение, усилила ревизионистские и оппортунистические тенденции, посеяла сумятицу в умах и чувствах прогрессивно настроенных людей, короче, сыграла на руку политическим противникам социализма, которые в основном этой кампании и аплодировали.

Да и в нашей стране антикультовские обличения приветствовали те, кому был не по душе честный труд, железная дисциплина и порядок, разного рода бездельники, ловкачи, мошенники, паразитирующие за счет других — попробуй тронь их, и сразу же начнется крик о «деспотизме», «подавлении свободы», «рецидивах сталинских репрессий»! Критика Сталина импонировала определенной, особенно склонной к обюрокрачиванию и отрыву от масс части работников партийно-государственного аппарата, которые, устав от напряженного ритма и строгой дисциплины труда, связывали с «новым стилем» Хрущева надежды на спокойную, облегченную жизнь. И, конечно же, хрущевская «оттепель» пришлась по душе широким кругам творческой интеллигенции, которая в силу своей общественной специфики испытывает тягу к индивидуализму, анархической распущенности, тяготится руководящей ролью партии, маскируя свою истинную позицию «прогрессистской» фразеологией о «свободе», «гуманизме» и «демократии».

Многие интеллигенты не могут простить социализму, что при капитализме им удалось бы устроиться поудобней. Они как бы не замечают, что отсталая в экономическом и культурном отношении страна, на которую обрушились невиданные в истории испытания, просто не могла наладить за короткий срок современный сервис и быт, вынуждена была уделять первостепенное внимание

основным нуждам народа. Они не верят в величие и масштабность наших задач, дача и машина для этих людей куда важней, чем высокие идеалы социализма, которые выстрадало не одно поколение борцов за народное счастье. Не умея работать засучив рукава, драться за свои идеи, они теряются и опускают руки перед любым проявлением несправедливости и безобразий, начинают расхваливать «абсолютную», внеклассовую свободу, доказывать необходимость более «гуманной» и «демократической» системы, за которой легко угадываются контуры «либерализованного» капитализма. Их не волнует, чем такой капитализм обернется для простых людей, основной массы трудящихся, они готовы смириться и с духовным гнетом денежного мешка — лишь бы платили побольше. Именно такие люди охотней всего запугивают себя и других ужасами так называемого «сталинизма», под которым, естественно, понимаются краеугольные основы социалистического строя и прежде всего руководящая роль Коммунистической партии...

Просвещенное мещанство всегда было опорой беспринципных политиков. И в прошлом, и в настоящем, и на Западе, и, как это ни печально, в социалистическом обществе.

— Откровенно говоря, ваша «раскладка» кажется мне слишком схематичной, хотя и не лишенной известной последовательности и логики. Я не раз встречал, и в разных слоях населения, немало честных, преданных социализму людей, которые тем не менее считают Сталина преступником... И потом, если я вас правильно понял, Хрущева поддержала наиболее склонная к обюрокративанию часть партийно-государственного аппарата. Но разве не Сталин поставил аппарат над массами, дал бюрократам невиданную власть!

— Любая попытка объяснить глубинные причины неизбежно грешит схематизмом, моя, естественно, не исключение. Но я, по крайней мере, пытаюсь объяснить, а не уйти от такого объяснения, прикрываясь сентиментально-обывательскими восторгами по поводу «смелости» и «благородства» Хрущева.

Да, немало честных и думающих людей у нас уже введено в заблуждение, сбито с толку тенденциозно подобранными, а иногда и фальсифицированными материалами. Тем более что полемизировать с официальной версией у нас не принято, да и умение думать, дискутировать на весьма низком уровне. Но это временное явление. Подлинная правда истории рано или поздно все равно всплывет, как бы ни топили ее в своекорыстных целях нечистоплотные политики и Васиссуалии Лоханкины из интеллигентских кругов.

Профессора, литератора ввести в заблуждение куда легче, чем простого рабочего, оценивающего политику по самому верному критерию — что она дает для повседневной, практической жизни рядового человека. Несмотря на официальные осуждения и разоблачения, у Сталина до сих пор немало сторонников в разных кругах и особенно в среде простых рабочих, колхозников, военнослужащих — людей старшего поколения, знавших обстановку того времени на собственном примере, а не по газетным передовицам. Ни у Хрущева, ни у нынешних руководителей такой глубокой и благодарной памяти в народе не останется, да и не может остаться, хотя они вовсю и афишировали свою «народность».

Насчет бюрократов, невиданные привилегии которым дал Ста-

лин, тут вы совершенно не правы. Сталин, по сути, ничего не знал, кроме работы, и трудился с полной самоотдачей, не делая себе ни малейших поблажек и послаблений, по 14, 15, 16 часов в день. Подчиняясь заданному им ритму, в таком же напряжении трудились члены Политбюро, наркомы, ответственные работники центральных, да и местных органов.

14—16-часовой день был для нас не исключением, а скорее правилом. В отпуск уходили раз в 5—6 лет, да и то далеко не все. Выходных практически не бывало.

Железная дисциплина, постоянный контроль, работа при максимальном напряжении сил и, главное, требование конкретных результатов, реального улучшения дел, отсутствие чего было равносильно смещению с поста, невзирая ни на какие заслуги в прошлом, — все это приводило к такой производительности и эффективности управленческого труда, о которой в наши дни можно было бы только мечтать. Не помню, например, ни одного постановления или решения ЦК, Политбюро или Совмина, которое осталось бы невыполненным. Сейчас, говорят, напротив, среди их растущей лавины не найти такого, которое было бы выполнено хотя бы наполовину... Кстати, ссылки на трудности и «объективные обстоятельства» в наше время всерьез не принимались. «Вы для того и поставлены на руководящий пост, чтобы их преодолевать», — говорил обычно в подобных случаях Сталин.

Я нашел и перечитал книжку Лиона Фейхтвангера о посещении в 1937 году Советского Союза, о которой вы говорили. Он пишет, в частности, что лица, занимавшие сколько-нибудь ответственное положение, «почти не уделяют времени для еды, они почти не спят и не видят ничего особенного в том, чтобы вызвать по телефону из театра, во время представления, человека только для того, чтобы задать ему какой-нибудь срочный вопрос, или позвонить ему в три или четыре часа утра по телефону. Я нигде не встречал такого количества неутомимо работающих людей, как в Москве... Если в Нью-Йорке или Чикаго я не обнаружил американских темпов работы, то я обнаружил их в Москве»*. Верное наблюдение, так и было!

Между прочим, о спецпайках, дачах, буфетах и тому подобных привилегиях мы, наркомы, и не думали — не до того было. Тем более что малейшее злоупотребление в этом плане каралось беспощадно — Госконтроль и парторги ЦК работали эффективно, да и с критикой «снизу», со стороны трудящихся, считались куда больше, чем в сегодняшнее время.

В народе хорошо знали, что льготы руководителям дают для продления рабочего дня еще на 8 часов в сутки, потому и не осуждали и не возмущались, как сейчас, когда министру действительно предоставлены многие привилегии, а результатов его руководства годами, десятилетиями не видно. Если иметь в виду, конечно, положительные результаты...

Иными словами, Сталин, образ жизни и быта которого отличал большевистский аскетизм и пуританизм, держал аппарат в ежовых рукавицах, полагая, и как показало время, не без основания, что многочисленные соблазны жизни могут снизить производительность труда руководителей, подорвать доверие к ним, а значит, и к партии простых людей, от чего в нашей стране зависит много. Хотя, с другой стороны, Сталин иногда закрывал глаза на мелкие

* Фейхтвенгер Л. Москва. 1937, с. 26.

личные слабости наркомов, особенно молодых, если они, конечно, не отражались на работе...

Конечно, такая сверхэксплуатация, драконовский режим не всем нам были по вкусу — люди есть люди, хотелось расслабиться, уделить хоть немного времени семье, личным интересам, а кое-кому и вкусить благ от почета, привилегий, высокого положения...

— Вы хотите сказать, что Хрущев сыграл на этом!

— Да, этот «человеческий» фактор во многом расширил и укрепил поддержку Хрущева руководителями в центре и особенно на местах — Никита Сергеевич выступал за более «мягкую» дисциплину и режим труда, слыл человеком, способным «понять» и «войти в положение», хотя в целом был довольно требовательным. Не случайно одной из первых «ласточек» нового стиля стал запрет Хрущева оставаться на работе после 8 часов вечера. При Сталине же многие наркоматы работали и по ночам, что, конечно же, изматывало людей.

С другой стороны, Молотов и Маленков считались ярыми приверженцами «жесткого», сталинского стиля, решительно осуждали как «перерождение» и «разложение» морального облика коммуниста даже малейшие отступления от партийных требований, что, разумеется, популярности им в аппарате не прибавляло...

Не скрою, я отнюдь не был «сталинистом», мне больше импонировал Хрущев. К тому же я полагал, что при нем получу большую свободу рук, сумею быстрее реализовать ту программу, которую наметил. Ожидания эти, однако, не оправдались. Свобода действий министров при Хрущеве заметно сузилась, снизилась и на всех уровнях требовательность и ответственность. О работе стали думать меньше, о разных жизненных благах — больше. Думаю, именно тогда и образовалась трещина, которая впоследствии, при преемниках Хрущева, привела к отрыву аппарата от масс и, как обратная реакция, к появлению враждебности аппарату в широких слоях населения, трудящихся, чего в 30-е, 40-е да и 50-е годы не было.

Но главное даже не в этом. Я много размышлял над тем, почему провалился «большой скачок» Хрущева в коммунизм в начале 60-х годов, почему мы топчемся на месте с середины 70-х — благо времени и возможностей на посольской работе и пенсии немало, — и вот к какому выводу пришел. С середины 50-х годов, когда требовательность к кадрам стала снижаться, жизнь, напротив, поставила задачу эту требовательность повысить, иначе решить новые, более сложные и масштабные задачи было бы невозможно. Хрущев, прошедший сталинскую школу и не забывший кое-каких ее уроков, еще как-то пытался остановить этот процесс. Его преемники, увы, поддались течению, рецидивам, говоря ленинскими словами, «сил и традиций старого общества». На многих партийных и государственных постах оказались некомпетентные, недостойные своих высоких постов люди, неспособные обеспечить правильное руководство делами. Да и продвижение по служебной лестнице стало оторванным от действительных заслуг. Министрами, секретарями ЦК и даже членами Политбюро становится не тот, кто сумел, к примеру, решить продовольственную проблему в своей области или вывести свои предприятия на мировой уровень, а тот, кому повезло вследствие стечения удачных обстоятельств.

Естественно, не умея по-настоящему работать, все эти люди увлекаются бумагами и реорганизациями, штампуют одно руково-

дящее постановление за другим, произносят бесчисленные речи с призывами «работать по-новому».

— Вернемся к более конкретным вещам. Не могли бы вы подробней рассказать о различиях в подходе Сталина и Хрущева к проблемам сельского хозяйства?

— Вполне отчетливо эти различия проявились уже после смерти Сталина, когда Никита Сергеевич решил ошеломить мир «новаторством» своего подхода. Конечно, и до 1953 года у Хрущева были свои излюбленные идеи, свои проекты решения тех или иных проблем. Однако в отличие от других членов Политбюро он не умел, да и не хотел отстаивать свои взгляды, тем более что предпринятые им как-то в этом плане робкие попытки подверглись самой жестокой критике со стороны Сталина, который органически не выносил, как он раздраженно отзывался, «маниловского прожектерства». Сказывалась, видимо, и гипертрофированная боязнь Сталина, что снискало Никите Сергеевичу репутацию безропотного, послушного и недалекого исполнителя, напрочь лишенного политического честолюбия, стремления играть первую роль... Впоследствии Хрущев весьма ловко использовал в борьбе за власть это ложное впечатление, сложившееся, однако, у многих.

Но вернусь к различиям. Прежде всего они касались частного, приусадебного хозяйства колхозников и рабочих совхозов, а также кустарно-промысловой и кооперативной деятельности. Даже после завершения коллективизации деревни индивидуальный сектор играл большую роль. В довоенные годы от 60 до 90 процентов овощей, мяса, молока, яиц, других видов сельскохозяйственной продукции, за исключением, разумеется, зерна и технических культур, давали именно личные подсобные хозяйства. Они же производили большую часть фруктов, ягод. Кстати, большую часть доходов как в предвоенные, так и в первые послевоенные годы колхозники получали не от общественного, а от своего личного хозяйства. Сталин считал такое положение объективно неизбежным на длительный период и беспощадно пресекал все попытки форсировать дальнейшую «коллективизацию» и обобществление, чему я был свидетелем неоднократно.

Хрущев же, напротив, расценивал частное приусадебное хозяйство, а также деятельность на селе всевозможных кооперативов как «пережитки прошлого и устаревшего», которые якобы «отвлекали» крестьян от коллективного труда и мешали-де выявлению огромных потенциальных «преимуществ социализма» в деревне.

Существенный пункт различий представляли и вопросы заработной платы. При Сталине она довольно активно использовалась как средство поощрения высокопроизводительного и квалифицированного труда, как важный рычаг ускорения научно-технического прогресса. В сельском хозяйстве, например, зарплата агрономов, механизаторов, шоферов, работников МТС, людей других профессий, определявших темпы перевода отрасли на современные рельсы, была значительно, а подчас и в несколько раз выше, чем у рядовых колхозников и рабочих совхозов. Довольно неплохо было налажено и стимулирование высокопроизводительного труда — передовики производства зарабатывали намного больше «средних» рабочих, а для некоторых категорий стахановцев и вообще снимался потолок заработной платы.

Подобная же картина наблюдалась и в промышленности, где инженеры и особенно конструкторы новой техники получали намного больше, чем рабочие, а также служащие непроизводственных отраслей. В начале 50-х годов, помнится, профессор университета получал до 1000 рублей, в то время как уборщица — 30 (по нынешнему курсу рубля), и все это считалось в порядке вещей.

Материальные льготы в сочетании с идейно-духовным стимулированием способствовали тому, что в ряды агрономов, механизаторов, инженеров, конструкторов и других профессий, играющих ключевую роль в научно-техническом прогрессе, вливались наиболее способные и одаренные люди, а среди населения, особенно молодежи, развивалась тяга к получению знаний, овладению современной техникой.

Хрущеву, который всегда перебарщивал по части популистских настроений, такой подход показался «социально несправедливым» и «несоциалистическим». Под его давлением начался пересмотр тарифных ставок в направлении ликвидации «неоправданных различий» в оплате труда. Этот процесс, к сожалению, продолжался и после 1964 года. Результаты же волюнтаристского нарушения важнейших объективных законов социализма известны: уравниловка воцарилась сейчас практически во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, начался отток способных людей из отраслей, определяющих темпы научно-технического прогресса, в загоне — другого слова нет — оказался инженерно-конструкторский корпус, который по оплате труда уступает сейчас чуть ли не уборщицам. А когда материальное стимулирование поставлено с ног на голову, то и в экономике, естественно, начнутся всякие несуразности, отнюдь не способствующие ее нормальному росту.

Впрочем, я сужу с позиций сегодняшнего дня. Тогда, в середине 50-х годов, все представлялось иначе, и мне, откровенно говоря, даже импонировало стремление Хрущева устранить несправедливости в оплате труда различных категорий трудящихся.

Вообще Никита Сергеевич был непревзойденным мастером краткосрочного эффекта, ярких вспышек, которые, надо отдать ему должное, ослепляли на время не только его единомышленников, но даже и противников. Правда, эффект этот достигался за счет умаления долгосрочных, стратегических интересов, что в конечном счете оборачивалось колоссальными потерями. Но люди живут сегодняшним днем, и эту слабость Никита Сергеевич эксплуатировал весьма умело...

— В мемуарной литературе упоминалось о разногласиях между Сталиным и Хрущевым по поводу его несуразного проекта агрогородов...

— Я бы не назвал этот проект несуразным. В основе его лежала в общем-то рациональная идея об интеграции сельскохозяйственного и промышленного производства, выравнивании различий между городом и деревней по уровню социально-бытовой и культурной сферы. Надо сказать, что когда Хрущев выступил с этими идеями, они мне понравились. Однако затем, под влиянием весьма серьезной и хорошо аргументированной критики со стороны крупных специалистов и ученых-аграрников, я стал относиться к теории «агрогородов» более сдержанно. Мне показали, и довольно убедительно, что достигнутый уровень развития деревни не позволит еще в течение длительного времени ставить вопрос о прямой интеграции сельскохозяйственного и промышленного производства, по крайней мере в масштабах всей страны, как это предлагал Хрущев. Явным забеганием вперед, игнорированием объективной

специфики села был и тезис о необходимости сосредоточения и концентрации сельскохозяйственного населения, ликвидации «неперспективных» деревень. Впоследствии попытки искусственно форсировать процесс индустриализации деревни, как известно, нанесли сельскому хозяйству большой урон.

Хрущев же тем временем выступил в «Правде» со статьей, где изложил, и, надо сказать, довольно неплохо, концепцию «агрогородов». Сталин, обычно поощрявший партийных руководителей к теоретическим изысканиям, постановке проблемных вопросов, отнесся к статье резко отрицательно, я бы даже сказал, враждебно. Вскоре в «Правде» появилась статья, где теория «агрогородов» была подвергнута уничтожающей критике. В узком кругу Сталин отзывался о хрущевских изысканиях еще более резко, называя их «чистейшей воды прожектерством», «леваческим забеганием вперед», «мелкобуржуазной горячкой». Хорошо помню эти слова, поскольку Сталин при мне повторял их неоднократно, видимо, опасаясь, как бы я не попал под влияние хрущевской «теории».

Вообще же, высоко оценивая организаторские качества Хрущева, считая его блистательным исполнителем, Сталин был весьма низкого мнения о его политических и идейно-теоретических способностях. Более того, в отношении Сталина к Хрущеву проскальзывало даже нарочитое пренебрежение, чего он не позволял себе никогда в обращении с партийными и государственными руководителями за исключением, пожалуй, Берии. Лично у меня сложилось впечатление, что, выделяя эту «двойку» из своего окружения, Сталин как бы отмежевывался от ее «небольшевизма», словно извинялся, что в государственных делах приходится прибегать к услугам людей способных, но сомнительных по своей идейной закваске, своего рода «политических попутчиков».

Хрущев внешне довольно спокойно и ровно относился к сталинским нахлобучкам. Однако спокойствие это, конечно, было обманчивым — Никита Сергеевич был человеком крайне самолюбивым и амбициозным, хотя до поры до времени умел скрывать это.

Помню, после одного из совещаний, где Сталин, не стесняясь в выражениях, резко отчитал Хрущева за какую-то оплошность, мы вдвоем спускались к поджидавшим внизу машинам.

— Много он знает, — вдруг резко и зло сказал Хрущев. — Руководить вообще легко, а ты попробуй конкретно...

— Кто это он? — чисто механически спросил я, занятый своими мыслями — мне тоже на совещании крепко досталось, и я уже стал обдумывать, как лучше реализовать сталинские замечания.

— Да это я так, про себя, — сказал Никита Сергеевич. — Здорово нам шею намылили, надо делать выводы. — Он уже овладел собой и пытался дружелюбно улыбнуться.

Только в машине сообразил, что хрущевские слова относились к Сталину. Как говорится, в тихом омуте...

Но я отвлекся от сути нашего вопроса. История с агрогородами лишний раз подчеркивает разницу в подходах Сталина и Хрущева к проблемам сельского хозяйства.

Сталин, реалист до мозга костей, в гораздо большей степени считался с его спецификой, действовал продуманно, основательно, не спеша, с учетом долгосрочных последствий тех или иных акций. Хрущев же, напротив, стремился к быстрым и эффектным результатам, торопился, спешил, теряя реальное представление о достигнутом уровне развития, впадая в совершенно непростительный, преступный утопизм.

— Из ваших слов складывается впечатление, что главную ответственность за нынешнее, весьма плачевное состояние сельского хозяйства несут Хрущев и те, кто отошел от сталинской линии. Но разве сама эта линия была безупречной! Разве не было перегибов и эксцессов коллективизации, страшного голода 1933 года, «перекачки» средств из деревни в город, наконец, полуфеодального закрепощения колхозников, не имевших даже паспортов! Да и отставание от Запада в области сельского хозяйства за сталинский период мы не преодолели. В официальных документах, трудах видных историков ответственность за это во многом возлагается на Сталина и его окружение. Или вы с этим не согласны!

— Судя по вопросу, вы не сумели правильно разобраться в соотношении объективных и субъективных факторов, свалили все в кучу. Постараюсь, насколько смогу, прояснить истинную картину.

Возлагать всю вину за отставание сельского хозяйства на Хрущева или Сталина в корне неправильно. Главное, все-таки здесь — объективные факторы, специфика исторического развития страны. О чем говорить: в начале 20-х годов в нашей деревне преобладала соха да лучина, в то время как США, Великобритания, другие европейские государства практически полностью завершили электрификацию сельского хозяйства. Из этой отсталой, средневековой деревни приходилось черпать силы и средства для индустриализации страны, формирования современной армии, восстановления разрушенной войной экономики — другого пути просто не было. Этот океан отсталых частных хозяйств надо было переводить на рельсы социалистической коллективизации со всеми ее неизбежными издержками и «минусами». И все это под прессом враждебного капиталистического окружения, форсированными темпами, в исторически кратчайшие сроки — других не существовало. Убежден: затяни мы с коллективизацией или индустриализацией лет на пять-шесть — не сумела бы экономика обеспечить все необходимое для победы над фашизмом, а деревня — накормить армию и население, не говоря уже о возникновении в тылу «пятой колонны» из ненавидевших Советскую власть мелких хозяйчиков — кулаков. В том-то и дело, что «нормальной» возможности история нам не дала, приходилось и действовать «ненормальными», то есть форсированными, темпами.

Конечно, партия, правительство, лично Сталин делали многое для подъема сельского хозяйства, улучшения жизни крестьянства — подтверждаю это как человек, возглавлявший отрасль в течение почти двух десятилетий. И деревня сделала мощный рывок вперед, к современной организации производства и труда, цивилизованной культуре и быту. Но ожидать чудодейственных результатов, ликвидации отставания от Запада за эти кратчайшие сроки просто нереально. Только в начале 50-х годов у государства впервые появилась возможность направить на развитие сельского хозяйства крупные силы и средства. До этого город во многом жил за счет деревни, и другого выхода не было, разве лишь в кабинетных иллюзиях «видных историков».

Не спорю, жизнь крестьянина в то время не была сладкой — напряженный труд, высокие налоги, «жесткая» привязанность к месту проживания. Как, впрочем, и в городе. Не забывайте, что по жизненному уровню населения царская Россия отставала от

передовых капиталистических стран лет на сто, а может быть, и еще больше.

Но и сгущать красок не следует. По сравнению с дооктябрьским периодом производственные, культурно-бытовые условия подавляющего большинства сельского населения резко изменились в лучшую сторону. В своей основной массе и колхозники, и рабочие совхозов были довольны жизнью и смотрели на будущее куда более оптимистически, чем сейчас, в условиях немыслимого для той поры материального достатка. Говорю это потому, что не раз доводилось слышать стенания о бедственном положении деревни в 30-е и 40-е годы. Послушать иного литератора, так политика партии в тот период представляла собой чуть ли не сплошной террор, репрессии и насилие по отношению к крестьянству. Чепуха! На голом насилии — а жители деревни в 30-х годах составляли большинство населения — ни один политический строй долго бы не продержался! Да и не было бы разгрома самой мощной в мире фашистской военной машины, массового героизма на фронте и в тылу, наконец, выхода нашей страны в число двух сверхдержав, если бы все держалось, как кое-кто всерьез пытается уверить, на страхе перед НКВД!

— Вы коснулись объективных факторов, не скзав ни слова о субъективных...

— Что же, перехожу к ним. Вы, конечно же, ожидаете от меня сравнительной оценки действий Сталина и Хрущева, точнее, допущенных ими ошибок, замедливших развитие сельского хозяйства.

Да, просчетов, неизбежных, впрочем, в любом новом деле, и Сталин, и Хрущев совершили немало. Но ошибки ошибкам рознь. Сталин допускал просчеты в мелких, второстепенных вопросах, не делая их в крупных, стратегических. Хрущев, наоборот, лучше разбирался в деталях и частностях, крупномасштабные, общегосударственные решения продумывал плохо, наспех, что имело в ряде случаев просто катастрофические результаты. Вот вы сослались на голод 1933 года. Он был вызван прежде всего страшной засухой, последствия которой усугубили издержки и осложнения завершившейся к тому времени коллективизации деревни, неизбежные в любых крупных социальных преобразованиях. Оба этих фактора носили объективный характер, и свести их на нет, пускай даже сверхсильной волей вождя, было невозможно. Ошибка Сталина состояла в том, если, конечно, она имела место, что он слишком передоверился тогдашнему наркому земледелия Яковлеву (Эпштейну), который не принял необходимых мер для борьбы со стихийным бедствием и фактически покрывал вредительские действия троцкистов и других «леваков», окопавшихся в центральных и местных органах власти. Работая в то время в Московском тресте овощеводческих совхозов, я получал из центра, мягко говоря, странные распоряжения, выполнение которых могло привести к дезорганизации производства. Яковлева, кстати, за преступный саботаж вместе с его сообщниками расстреляли. Но в любом случае действия его группы решающего значения не имели, хотя и обостряли ситуацию, которая, повторяю, была вызвана в основном объективными факторами.

А вот Хрущев, став у государственного руля, допустил уже стратегические по своему характеру и последствиям просчеты. В середине 50-х годов, когда у нас, по сути, впервые появилась возможность направить в сельское хозяйство крупные силы и

средства, он сделал ставку на массированное освоение целинных земель, что, конечно, давало очевидный и быстрый эффект, но в долгосрочном плане оказалось явно ошибочным решением. И дело не только в том, что освоение целины шло за счет регионов, которым надо было, напротив, уделить повышенное внимание, — Украины и Нечерноземной зоны России. Куда более пагубным оказался «стратегический разворот» сельского хозяйства в сторону экстенсивных факторов роста, в то время как в повестке дня стоял переход к интенсификации сельского хозяйства. Кстати, во всех странах такой переход сопровождался сокращением посевных площадей. Иными словами, надо было идти «вглубь», а мы, погнавшись за сиюминутными успехами, пошли «вширь», по заведомо ложному пути, потеряв на этом, без преувеличения, несколько сельскохозяйственных пятилеток.

Крайне негативные последствия имело и фронтальное наступление Хрущева на личные приусадебные хозяйства и особенно сокращение скота, находившегося в личной собственности колхозников и рабочих совхозов. А ведь гибкое сочетание личного с общественным в сталинский период позволяло решать многие проблемы. Поговорите с людьми старшего поколения, и они скажут вам, что по разнообразию и ассортименту продовольственной продукции наши магазины в начале 50-х годов были на два порядка выше, чем сейчас, в начале 80-х.

И конечно же, повсеместное распространение уравниловки, гигантомания, обернувшаяся ликвидацией «неперспективных» деревень, наносили дополнительные, весьма чувствительные удары по сельскому хозяйству.

Сменившие Хрущева лидеры его ошибок не только не исправили, а, напротив, усугубили. Если Никита Сергеевич, будучи сильным организатором, энергичным и предприимчивым человеком, как-то «встряхивал» и настраивал на деловой лад руководящие кадры, его преемники предпочли бесконечные увещевания. Все это в конечном счете и привело к тому, что, несмотря на огромные затраты, сельское хозяйство и пришло к нынешнему, как вы справедливо заметили, «весьма плачевному состоянию».

— Не впали ли вы, Иван Александрович, в противоречие! Вы утверждали, что Сталин хорошо разбирался в людях, знал им истинную цену.. Как же хорошо, если ошибся в Хрущеве, Берии, Вышинском, в других входивших в его окружение людях!

— Не думаю, что это было ошибкой. Сталин, как и Ленин, умел использовать людей, политический облик которых считал сомнительным, небольшевистским. Не одни ведь 100 процентные марксисты-ленинцы обладают монополией на умение работать, высокие деловые квчества... И Вышинский, и Мехлис, и Берия имели меньшевистское прошлое, «темные пятна» в своей биографии. Но их профессиональные «плюсы» явно перевешивали, тем более что к формированию политической стратегии этих деятелей не допускали. Позволил же Ленин занять высокие посты Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, которых не считал настоящими большевиками и подлинно марксистскими теоретиками.

У нас всегда крайности. Если хвалим, до небес, если ругаем, обязательно надо в порошок стереть... Либо дьявол, либо ангел, а что посередине, то этого как бы не бывает, хотя в жизни, напротив, бывает, и очень часто.

Возьмите, например, Берию. Его преподносят как скопище всех

мыслимых и немыслимых пороков. Да, пороки у него имелись, человек был непорядочный, нечистоплотный — как и другим наркомвм, мне от него немало натерпеться пришлось. Но при всех своих бесспорных изъянах Берия обладал сильной волей, качествами организатора, умением быстро схватывать суть вопроса и быстро ориентироваться в сложной обстановке, определяя ее главные и второстепенные моменты.

Ведь это факт, что под руководством Берии было осуществлено, и в кратчайшие сроки, создание атомного оружия, а в годы войны с рекордной быстротой сооружались объекты оборонного значения.

Но Берия умел небольшой ошибке придать видимость сознательного умысла, даже «политических» намерений. Думаю, Берию, как и Мехлиса, Сталин использовал как своего рода «дубинку страха», с чьей помощью из руководителей всех рангов выбивалось разгильдяйство, ротозейство, беспечность и другие наши болячки, которые Ленин весьма точно окрестил «русской обломовщиной». И, надо сказать, подобный, не очень привлекательный метод срабатывал эффективно.

Конечно, были случаи, когда бериевская дубинка опускалась и на головы честных людей.

Как бы там ни было, Берия, снятый Сталиным с поста министра госбезопасности в 1952 году, после его смерти снова резко пошел вверх: он стал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, возглавил Министерство внутренней безопасности, куда вошло и Министерство внутренних дел. Иными словами, добился такой власти, о которой при Сталине и мечтать не смел.

Что касается Хрущева, то Сталин, несомненно, лучше других видел его «небольшевизм», ограниченность умственного и культурного кругозора, карьеристские амбиции. Но, считая прекрасным исполнителем, предпочитал использовать на высоких партийных постах. И правильно делал: работая под строгим руководством, Хрущев приносил немалую пользу. Другое дело, что на решающий в нашей стрвне пост он ни по каким параметрам не тянул, хотя и очень хотел быть Первым. В этом-то и вся трагедия...

— Можно согласиться, что Хрущев уступвл Стапину во многом. Но он ведь не сажал честных людей в тюрьмы, не проливвл их крови. Народ никогда не простит...

— Вы уверены в том, что обоснованно сделали себя глашатаем народа? Народ-то у нас разный. Для профессора и литератора Сталин, конечно, «деспот» и «диктатор», для передовых рабочих, многих простых людей, живших в то время, — великий и мудрый человек, заботившийся о благе народа и заставлявший делать то же самое «начальство», которое сейчас «заелось», обюрократилось и оторввлось от широких масс. Наивно? Может быть... Но когда я сопоставляю эти полярные оценки, то вспоминаю глубокие слова К. Маркса о том, что интеллигенту следует куда больше учиться у рабочего, чем рабочему у интеллигента...

— Простите, но какое это имеет отношение к заданному мной вопросу!

— Самое прямое. Поговорите с простыми, честными работягами из народа, и они вам скажут: «Пора наводить порядок, ужесточать до предела расхлябанную партийную и государственную дисциплину, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами». Глас народа, как говорится, глас божий. По своему опыту могу твердо

сказать: без постоянной чистки партийного, государственного аппарата от всего недостойного, примазавшегося, без решительного пресечения в самом зародыше антисоциалистических тенденций и проявлений в высших эшелонах быстрое и уверенное движение вперед страны невозможно. Хотя бы потому, что такая «ассенизационная работа» оздоравливает обстановку в стране, обеспечивает приток в партию, сферу управления честной, думающей, талантливой молодежи, раскрывает огромный демократический потенциал народа. Да, именно так: он раскроется лишь в условиях железной дисциплины и порядка, решительного пресечения всех антисоциалистических явлений, иначе вся активность уйдет в гибельное русло болтливой демагогии, анархистской распущенности, своекорыстной борьбы за групповые и личные интересы. Работая в Югославии, я вдоволь насмотрелся на то, другое и третье... И эта железная дисциплина и высочайшая требовательность во всем, большом и малом, должны начинаться именно с руководителей высшего звена, в противном случае социализм ожидают крайне опасные последствия...

Сталин, как я уже говорил, быстрее и глубже других раскусил мелкобуржуазную суть хрущевских лозунгов и программ. Однако должных мер, которые бы обезопасили страну, мировой социализм от прихода к власти «небольшевистских» лидеров типа Хрущева и ему подобных, предпринять так и не сумел... В результате пришлось тяжелейшей ценой расплачиваться за их левацкое, мелкобуржуазное прожектерство.

Или возьмите еще один пример — я имею в виду Георгия Константиновича Жукова, талантливейшего военачальника, бесспорно, лучшего полководца второй мировой войны. При всех своих незаурядных личных качествах он обладал и очевидными недостатками, о которых откровенно и правдиво написал К. Рокоссовский в своем «Солдатском долге».

Если жуковские высокомерие, грубость, бесцеремонность и тому подобные солдафонские замашки еще как-то можно было терпеть, то непомерное самомнение и честолюбивые «наполеоновские» амбиции представляли собой и политическую опасность. Когда Сталин, благоволивший Жукову, понял это, он сразу же принял необходимые меры. Специальный «офицерский суд чести» из прославленных маршалов и адмиралов подверг поведение Жукова резкой критике, Георгию Константиновичу в лицо наговорили немало резких, но справедливых слов. Учитывая, однако, большие личные заслуги и субъективную честность Жукова, суд в то же время выступил против принятия суровых мер, иа которые явно рассчитывали Маленков, Берия и поддержавший их Сталин. В конечном счете Сталин не только уступил мнению военных, ограничившись понижением Жукова в должности, но незадолго до своей смерти вновь стал продвигать его к решающим постам. Это была явная ошибка. Впоследствии Жуков подтвердил обоснованность сталинских опасений, проявив совершенно недопустимое даже для такого крупного военачальника вмешательство в партийные, политические дела. Как известно, в июне 1957 года он чуть ли не в открытую угрожал так называемой «антипартийной группе», то есть большинству членов Политбюро, применением военной силы. Поддержкой Хрущева, которого Жуков впоследствии предполагал легко прибрать к рукам, маршал явно рассчитывал укрепить свое положение. И, как это часто бывает, попал в яму, вырытую им для

других, — Хрущев куда меньше церемонился с потенциально опасными конкурентами, чем Маленков или Молотов.

Результаты монопольного господства Хрущева, которому по собственной недальновидности и непомерным честолюбивым амбициям помог Жуков, очевидны. Страна сошла с ленинских рельсов развития, потеряла темпы, пострадали интересы десятков, а может быть, если взять и международные аспекты, сотен миллионов людей...

А ведь всего этого можно было бы избежать, если бы Сталин проявил свойственную ему твердость и последовательность в пресечении потенциально опасных для социализма явлений. Иными словами, лишил и Хрущева, и Жукова возможности выйти на первые роли. Конечно, я не имею в виду суд и тюремное заключение — не те времена. Достаточно было отправить этих, бесспорно, выдающихся людей, на пенсию... Скажете, несправедливо, жестоко и репрессивно. Может быть, если смотреть на дело с их «личной колокольни», с позиций друзей, родных и, конечно же, некоторых наших «высоконравственных» литераторов. А вот для защиты интересов десятков миллионов, подавляющего большинства советских людей эти «репрессии» были бы и необходимыми, и справедливыми. Настоящая, ленинская политика, кстати, и начинается с защиты таких интересов, с умения ставить общее и целое выше частного и группового.

Помните историю с «рабочей оппозицией» в 1921 году? В ее рядах было немало честнейших и преданнейших идеалам революции людей, занявших, однако, потенциально опасные для социализма позиции. В. И. Ленин самым решительным образом настаивал на исключении их из партии. А когда это не удалось — не хватило всего нескольких голосов — добился отстранения членов оппозиции от решающих постов, посылки их в провинцию или на дипломатическую работу, как Александру Михайловну Коллонтай...

Пожалуй, главным просчетом Сталина и было то, что он не сумел, а может быть, не успел подготовить себе достойную смену. Не успел потому, что меры определенные в этом отношении предпринимал: на XIX партийном съезде был сильно расширен Президиум Центрального Комитета, на пост Предсовмина выдвинут П. К. Пономаренко, проводился своего рода «эксперимент» с «молодыми дублерами» министров... Но, увы, в конечном счете все пошло по-другому.

— И в заключение что бы вы хотели пожелать вступающим в жизнь молодым людям?

— Кажется, Толстой сказал замечательные слова: «Правильный путь такой: усвой, что сделали до тебя другие, и иди дальше». Мое поколение усвоило уроки ленинизма и сумело решить все ставшие перед ним проблемы: построить социализм, отстоять его от фашистской агрессии, превратить страну в современную и великую державу. Нынешнее поколение также справится со своими сложнейшими задачами, если возьмет все ценное из опыта прошлого, если освоит испытанные временем большевистские методы управления страной и пойдет дальше — к наивысшей в мире производительности и эффективности труда, к самой разумной и гуманной на нашей планете организации культуры, досуга, быта.

Патриотизм, любовь к Родине — не только психологическая, но и мощная экономическая сила. В США, Японии эти чувства культивируют с юных лет, прививая молодежи гордость за свою

страну, свой народ, свою культуру. А у нас подобную гордость иные литераторы и газетно-литературные издания подчас крестят шовинизмом.

Мы, первопроходцы социализма, интернационалисты по убеждениям, гордиться нашей страной, героическими традициями народа имеем куда больше оснований. В конце концов социализму при всех его проблемах и трудностях принадлежит будущее, капитализм же, при всех его ярких успехах и достижениях, неизбежно сойдет с исторической сцены.

Пусть наша молодежь не теряется перед многочисленными трудностями, не поддается дешевым скептикам, маловерам и нытикам, а, засучив рукава, борется за идеалы социализма с такой же энергией, страстью и самоотверженностью, какие были свойственны поколению 30-х годов!

Послесловие

ПОЛЕМИКА ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Материал этот читается на одном дыхании. Подкупает искренность собеседников. Захватывает напряжение их мысли. Бескомпромиссность, с какой они ведут свой спор.

Возвращаясь к отдельным, особенно «горячим» по меркам нынешнего дня, страницам рукописи, я ставлю на полях вопрос за вопросом, испытывая понятную горечь оттого, что не в силах вмешаться в текст... Утешением служит только то, что само время как бы подчеркивает остроту и правомерность общественного осмысления проблем, затрагиваемых в беседе журналиста В. Литова с одним из сталинских наркомов и хрущевских министров И. А. Бенедиктовым. Перед нами, мне кажется, тот редкий и счастливый случай граждански-ответственного прозрения собеседников, когда оба, оставив конъюнктурные соображения, с одинаковой тягой к истине, к правде высказывают и отстаивают свое понимание трагически-сложной и героической эпохи строительства социализма.

Хотя интервью это относится к самому началу восьмидесятых годов, отнюдь не десятилетие разделяет существо до предела обнаженного здесь спора от нынешнего дня — полемика пролегла через годы всей семидесятилетней советской истории. Сам тип мышления, характер действий, твердость и однозначность суждений И. А. Бенедиктова выдают в нем не только и не столько человека, преданного лично Сталину, сколько убежденного, даже в догмах своих, марксиста, сознательно подчинившего всю свою жизнь строгой, безжалостной логике классовой борьбы.

Сегодня уже почти невозможно понять леденящее жестокостью признание наркома, что его «ничуть не трогают жалостливые истории о матери двух детей, получившей несколько лет тюрьмы из-за кражи двух пшеничных колосков...». Еще страшнее оттого, что это говорит... нарком земледелия. Надо признать, что, будучи продуктом своей эпохи, он до конца остался верен своим идеалам, воззрениям. В этой правде заключена особая ценность материала, в котором скупыми журналистскими средствами и приемами корреспонденту удалось выразить, зафиксировать художественно достоверный тип.

И. А. Бенедиктов постоянно оговаривается, что он признает отдельные ошибки Сталина, касающиеся в том числе и репрессий ни в чем не повинных людей, но его оценки разительно расходятся с нынешними представлениями о беззакониях сталинизма. Значит ли это, что нарком идеализирует Сталина, его окружение? Скорее он идеализирует само время, саму эпоху, к которой он принадлежал, в условиях которой раскрылись его способности, осуществилась его человеческая судьба. И в чем Бенедиктов несомненно прав, так это в утверждении, что для всей полноты суждений о Сталине и его сподвижниках нам пока не хватает исчерпывающей полноты беспристрастных свидетельств и документов того периода.

Такая точка зрения убедительна. Она, кстати, совпадает с взглядами на проблему ряда современных историков, общественных деятелей, писателей. Сошлюсь хотя бы на мнение академика-секретаря Отделения истории АН СССР И. Д. Ковальченко:

«Применительно к личности Сталина, — говорит он, — следует всесторонне изучить его взгляды и деятельность, особенно на высоких партийных, государственных и военных постах. Пока мы не узнаем всего этого, нельзя до конца понять, как формировались и функционировали механизмы личной власти» («Коммунист», 1989, № 2).

Я бы добавил к словам И. Д. Ковальченко, что без всего этого нельзя понять и то, как формировались и функционировали механизмы государственной, общественно-политической власти в стране. Это все-таки важнее «секретов» власти личной. И в какой-то мере высказывания И. А. Бенедиктова на эту тему дают пищу любопытному уму.

Вернемся, однако, к собеседнику бывшего наркома — В. Литову, нашему современнику. Нельзя сказать, как это может показаться при беглом чтении, что В. Литов, как человек, не менее убежденно и страстно спорящий с И. А. Бенедиктовым, представляет хрущевское время и то новое миропонимание, что стало возможным после XX съезда партии. В его настойчивости, жажде истины чувствуется и острая боль застоя, и предощущение тех перемен и категоричной бескомпромиссности, той открытости суждений и свободы слова, что должны были явиться и явились нам с перестройкой. Это достойные друг друга собеседники, полемисты, в суждениях которых сталкиваются не просто две человеческие и социальные правды, но два убеждения, два мировоззрения.

Думаю, было бы ошибкой для читателя выбирать между их позициями, взглядами, хотя и понимаю, что читательские симпатии, в силу непривычности к широким спорам и дискуссиям, тем более политического, мировоззренческого характера, могут полярно разделиться. И говорю это не затем, чтобы сагитировать принять или осудить резко любую из позиций. Нет, на другое хочу обратить внимание: во-первых, на исторически обусловленную для своего времени закономерность заявленных позиций, а во-вторых, на их взаимосвязанность и преемственность по целям, ведь собеседники отстаивают каждый право своего поколения на социализм.

У меня почти нет сомнений, что так называемые экстремисты из «средств быстрого реагирования» воспримут данную публикацию, которой не нашлось места на страницах наших изданий в годы застоя, в штыки. Уж что-что, а их предвзятость очевидна и легко предсказуема. Скорее всего они начнут приклеивать ярлыки сталинистов и журналу, и его читателям... На это можно сказать только одно: каждый видит мир кривым в меру своей испорченности. Однако очень и очень надеюсь, что большинство читателей соотнесет эту публикацию с независимостью своих собственных суждений, а может быть, кто-то и отметит, что на фоне многочисленных призывов последнего времени к культуре дискуссий, к терпимости и консолидации, к умению выслушать и уважительно отнестись к иной, несхожей с твоей, точке зрения собеседник наших дней и герой сталинской эпохи не только убедительно откровенны, но и взаимоуважительны, и терпимы и друг к другу, и — что еще важнее! — к высказываемым ими противоположным подчас взглядам и точкам зрения. Мне кажется, это хороший пример полемики людей разных позиций.

Сегодня многие историки и публицисты взваливают только на Сталина всю вину и всю ответственность за ошибки и преступления прошлых лет. Руководители партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев неоднократно указывали в своих выступлениях на тенденциозность такого подхода к истории. Взвешенные публикации, основанные не на домыслах, а на документах и фактах, отмеченные объективным подходом к пониманию истории, все еще редки. К числу таких работ относится выступление в «Правде» (№ 34 от 3 февраля 1989 года) профессора Г. Шмелева — он, в частности, пишет:

«Восстанавливая сегодня правду истории, конечно, не следует перекладывать всю вину за преступления и ошибки на одного Сталина. Многие из его окружения вольно или невольно способствовали созданию сталинского культа, хотя позднее сами стали его жертвами. Тут, как говорится, из песни слова не выкинешь».

Достаточно прямо и однозначно об отношении к критике культа личности, перехлестывающей в некоторых органах печати через край, высказался член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР В. И. Воротников на предвыборном собрании избирателей («Правда», № 60, от 01.03.1989 г.):

«Справедливая критика культа личности переходит иногда в критику первооснов советского жизнеустройства, в атаку на социализм, в попытки очернить народ. Для того, чтобы правильно видеть смысл и цели перестройки, нужно помнить о всем пройденном страной пути, анализировать его, извлекать уроки из негативных этапов, но **одновременно брать из прошлого все положительное, доброе, дорогое для народа»** (выделено мной. — **В. Г.**).

Можно лишь посетовать, что возникшая в беседе тема «просвещенного мещанства» (а на взгляд И. А. Бенедиктова, с торжеством просвещенного мещанства в нашей жизни связаны многие отступления и искажения в представлениях о социализме) не получила должного развития, объяснения. Весь парадокс в том, что корни этого явления уходят еще в двадцатые годы, в том, что минувшие пятьдесят-шестьдесят лет корни эти не были безжизненны, иначе взрыв бездуховности не был бы к нашим дням столь массированным, психологически и нравственно разрушительным. Впрочем, возможно, что историческому объяснению этой аномалии сыщутся иные знатоки, другие собеседники...

Вячеслав ГОРБАЧЕВ

ПОЭЗИЯ

Виктор КОРОТАЕВ

БЛИЗКО К СЕРДЦУ

* * *

Застоялся конь в опале,
Свыкся, видно по всему...
Слишком долго
Не давали
Вольной волюшки
Ему.
Разучился
Бить копытом,
Глаз косить
И нервно ржать,
Пред «зазнобой»
Именитой
Гордо
Голову держать.
Потому он тянет
Дровни,
Как тому
И надлежит:
Спотыкается
На ровном
И под горку
Не бежит.

Значит, с самой умной
Миной,
Словно веря в чудеса,—
Коновод внедрял
Мякину
Вместо зрелого
Овса.
Значит, слишком все же
Рьяно
Удилами
Рвали рот,
Необдуманно и пьяно
Ездил всякий
Обормот.
А теперь глядят
В надежде:
Мол, голубчик,
Вывози,
Напрягись,
Упрись,
Как прежде,
Но не дай
Пропасть в грязи.
Вот бы эту всю компашку,
Отстранив от прочих дел,
В лошадиную упряжку...

То-то я бы поглядел!

ПСЕВДОКОНЦЕРТ

Собрались.
Вроде интеллигенты.
На виду у трудящихся масс
Расчехлили свои инструменты
И давай демонстрировать
Класс.
Взял маэстро
За горло гитару,
Впился некто
Губами в фагот,
Поддержал контрабас
Эту пару:

Коли тешить,
Так тешить народ.
И пошли выколачивать ритмы —
Словно гвозди вбивали в бревно.
Полоснули смычки,
Точно бритвы,
Кровь взыграла,
Как будто вино.
И какой-то огромный детина,
Засучив рукава: мол, такой! —
Бил
По белым зубам
Пианино
И все правой,
Все правой рукой.
Инструменты вопили и выли,
Как зажатые в щели дверей,
И в отчаянье
Словно молили,
Чтоб прикончили их
Поскорей.
Я не вынес,
Поднялся
И «дернул»
Через холл
Безучастно-чужой...
Так я в детстве
Сбегал с живодерни.
Только с более легкой душой.

ЯБЛОНЯ

На самом видном косогоре,
Над самой смирною рекой
Она росла,
Ни с кем не споря,
Вкушала радость
И покой.
Хватило
Солнечного света
И дефицитного тепла,
Чтоб наконец
Однажды к лету
Она взяла
И расцвела.
И начались ее тревоги.
Настал бессонницам
Черед:
Ведь всяк,
Приметивший с дороги,
К ней непременно
Повернет.

Не только яблок натолкают
В кошелки, в сумки, там и тут...
Так нет —
И ветки обломают,
И даже кожу
Обдерут.
Конечно, девки
Неповинны.
Конечно, парни
Ни при чем.
Одна нехватка
Витаминов
Виновна вечно
И во всем...
Но чем продукт с годами
Слаще
И аппетитнее на вид,
Тем вероломнее
И чаще
Клиент на яблоню
Глядит.
...Так что ей толку
В косогоре
И в тихой близости
Воды,
Когда ее большое горе —
Свои же
Спелые плоды...

Любовь АРЕСТОВА

Повесть

— Дело несложное. Ты, дорогая, управишься с ним за два-три дня.

Валерия Николаевна покачала под столом короткими ножками. Незаметно, как ей казалось. Однако и слова и это движение стали почти ритуальными и были известны мне, да и всем моим коллегам.

Валерия Николаевна была председателем судебной коллегии по уголовным делам областного суда — наша начальница прочитывала обвинительное заключение по каждому поступающему делу и приходила к скоропалительным выводам. Вручается дело и сразу снабжается руководящими указаниями: и несложное оно, и управишься быстро. Словно привезли тебе телегу березовых дров и требуется только их поколоть помельче.

Валерия Николаевна между тем продолжала:

— Сумин признался. Из хулиганских побуждений одного парня убил, другого ранил. Мера наказания, сама понимаешь...

Она многозначительно нахмурила гладкий лоб, так что пышные темные волосы приблизились к тщательно выведенным бровям.

— Хорошо, Валерия Николаевна, — сказала я, — забираю дело?

— Конечно, конечно, — она придвинула мне увесистый том, — здесь обвинительное. Другие тома в канцелярии, тебе принесут.

Я возвратилась в свой кабинет с этим толстенным томом в новенькой коричневой обложке, жесткие края которой, я знала, опять оставят на моих пальцах тонкие болезненные и долго не заживающие порезы — такое свойство у картона, идущего на обложки уголовных дел.

В кабинете нас трое. Кроме меня, Алевтина Георгиевна — высокая, спортивного телосложения, уверенная в себе, категоричная в суждениях. И Лидия Дмитриевна — ее противоположность.

Мягкая, женственная, низенькая и полноватая, вечно сомневающаяся и оттого очень справедливая. Совокупный судебный стаж обеих больше моих прожитых лет.

Каждую по-своему я их люблю. Странным образом сближают нас полученные в прошлом тяжкие удары судьбы.

Наш кабинетик с дверью, обитой снаружи железом (раньше в нем помещалась спецчасть), именуется коллегами «хомутаркой» — так в нем тесно, а поначалу, когда нам его предоставили, было и неприютно. Но Лидия Дмитриевна развела на широком подоконнике чудесные разноцветные фиалки, Алевтина Георгиевна украсила стены импозантными календарями. Кабинетик преобразился, а меткое название прижилось, но стало не оскорбительным, а уютным. В нашей «хомутарке» был тщательно укрываемый от грозного завхоза электрический чайник, и усталые судьи забегали попросить чашку крепкого чаю или даже, когда удавалось достать, растворимого кофе.

— Ну что, «дорогая»? — спросила насмешливо Алевтина. — Вижу, получила новое дело и старое ЦУ?

Я молча кивнула.

— Ну, давай. — Она почувствовала мое настроение, испорченное этим самым ЦУ — ценным указанием, и замолчала.

— Заседателей подбери, — подала совет Лидия Дмитриевна, — да побыстрее, а то вызовут кого попало.

Подготовленные, неравнодушные, справедливые народные заседатели при рассмотрении дела — большая удача. Но если рядом с тобой в судейском кресле весь процесс дремлет равнодушный или, еще хуже, злой человек — тут уж добра не жди.

Хороших заседателей мы, судьи, узнаем уже по тому, как являются они на наши занятия в секции. Сразу видно, кто пришел к нам серьезно решать людские судьбы и знает меру своей ответственности, а кто явился любопытства ради или чтобы отойти от обычных забот.

Я срываюсь с места, бегу вниз, на первый этаж, где наша канцелярия. Галка-большая (есть и Галка-маленькая), мой почти постоянный секретарь, мать-одиночка с грубым голосом и необыкновенно доброй душой, уже листает списки народных заседателей.

— Наталья Борисовна, давайте вызывать мужиков. А то опять не суд, а женсовет получится.

Я соглашаюсь с ней. Судить предстоит мужчину, и, что бы ни говорили, на знание мужской психологии женщинам полагаться не следует.

Ну вот, выбор сделан.

Хулигана Сумина, который обвиняется в убийстве одного парня и ранении другого, будут судить слесарь-сборщик Тютюнник Иван Тодорович и врач Руссу Василий Михайлович. Первого я знаю, он был со мной в процессе около года назад. Коренастый, с крупными сильными руками, немногословный и серьезный даже в мелочах.

Доктор Руссу мне незнаком.

Прикидывая, когда успею закончить кассационные дела и изучить дело Сумина, называю Галке дату распорядительного заседания. Времени, конечно, в обрез. Для проведения распорядительного заседания законом отпущено 14 суток. Для дела Сумина, в котором всего четыре тома, этого достаточно.

Но Галка ворчит для порядка, что я совсем ее загнала и не даю передыху.

— Ладно, ладно, «дорогая». — Я хлопаю легонько по Галкиному плечу, и она смеется — тоже знает, что к чему.

С каждым новым делом приходит ко мне нетерпение. Что предстоит нам? С чем встретимся на этот раз, какой мир откроется в тесном судебном зале, какие закипят страсти, какие трагедии?

Виновен ли ты? В чем причина вины твоей? Как найти грань, отделяющую в тебе зло от добра? Найти и определить меру твоей ответственности.

Оставляю всю свою срочную работу и читаю обвинительное заключение по делу Сумина Юрия Васильевича, двадцати трех лет от роду, ранее не судимого.

Улегшееся было утреннее раздражение поднималось по мере чтения обвинительного заключения. Расследование вел и закончил Иванов, я его хорошо знаю по работе и не люблю его дела. Лысоватый, рыхлый, зрелых лет старший следователь прокуратуры был из тех людей, для которых важнее всего форма. Иванов скрупулезно соблюдал формальности при оформлении доказательств, и при этом любил, чтоб дела его были, что называется, без сучка, без задоринки — гладкие, прямолинейные. Моя прежняя работа в качестве следователя научила меня бояться усредненности и полировки. Никогда — ни раньше в прокуратуре, ни теперь — в суде не встречалось мне случаев, чтобы разные люди давали абсолютно одинаковые показания. Каждый видел событие своими глазами, воспринимал его и воспроизводил в соответствии со своим возрастом, интеллектом, вниманием и множеством других только ему присущих особенностей. У следователя Иванова свидетели по делу говорили одним языком и видели все одними глазами — его, Иванова.

Итак, во дворе дома Сумина после совместной выпивки возникла ссора, перешедшая в драку, во время которой хозяин схватил нож и нанес своим гостям ранения, от которых один скончался, второго же, истекавшего кровью, сумели спасти в больнице. Были и очевидцы драки. Сосед Сумина, глядевший из-за забора, две девушки, гостьи Сумина, и, конечно, оставшийся в живых потерпевший.

Как и ожидала, никаких нюансов в обвинительном нет. Гладко и кругло. Драка, хулиганские побуждения.

Я вздохнула. Рассматривать дела об убийстве в драке, как правило, трудно. Кто кого и как ударил, за что, почему? Кто зачинщик, кто активный, кто разнимал, если были такие.

Ну ладно, здесь, как говорится, баш на баш. С обвиняемой стороны всего один и с потерпевшей — один. Живой один — поправила себя, закрывая дело. Жесткий картон обложки от моего неловкого жеста щелкнул по настольному стеклу, на звук подняли головы мои коллеги.

Я вздохнула и ответила на молчаливый вопрос:

— Убийство в драке.

— Напурхаешься с дракой, — сказала опытная Алевтина, подтверждая мои предчувствия, — кто расследовал дело?

— Иванов.

— Ну-у, — протянула она, — тем более не завидую.

— Кого убили? — тихо спросила Лидия Дмитриевна. Этот вопрос задан не любопытства ради. Жила и кровоточила в женщине незаживающая рана. Скоро три года, как судьба, нагородив порогов на таежной реке, бросила на них лодку ее единственного сына, чернобрового красавца Женечки, студента-журналиста, в летние каникулы мотавшегося с археологами. Осталась Женечкина жизнь на Гунских порогах и принадлежит прошлому, как наскальные надписи, которые он не успел прочесть. А мать остро переживает всякую утрату чужой жизни. Особенно молодой. Особенно мальчишечьей...

— Парни дрались, — ответила я уклончиво, некогда сейчас листать дело, а в обвинительном ничего о потерпевших нет. Это было правдой.

Коллега понимающе кивнула:

— Иванов есть Иванов. Его уже не переделаешь.

Из раздумий вывел меня телефонный звонок, и в трубке раздался подозрительно приглушенный голос моего дорогого сыночка.

— Мамуля, ты представляешь, какая удача! Папа заболел и забрал меня из садика пораньше. Так что с работы — ты сразу домой. И не надо тебе крюк за мной делать!

Вот уж действительно «удача».

— Что там с нашим папой, — спрашиваю у Сашки, — и почему ты шепчешь?

— Понимаешь, он не велел звонить тебе. Говорит, к концу дня сообщим. Он уснул, а я тебе звоню из кухни, потому что это же хорошо, что тебе крюк не надо делать. Хорошо ведь, да? — допытывался сын.

Ах ты, добрая моя душа! Это, оказывается, он переживает за меня. Точно, я как-то сказала мужу, что к детсадику за Сашкой делаю с работы большой крюк, вот он запомнил...

— А с папой что случилось?

— У него пемпература.

— Проснется папа, пусть мне позвонит, — прошу и прощаюсь с сыном, зная, что скоро он позвонит мне опять.

Ну вот, пожалуйста, «Пемпература», — как говорит сын. По городу гуляет гнуснейший грипп и, видимо, заглянул в мою семью. Зачем же Игорь забрал Сашу из садика? Конечно, из добрых побуждений, но не заразил бы ребенка: Сашка так трудно болеет! И я так страшусь его болячек, что просто теряю разум. Скорей бы получить новую квартиру. И комната отдельная была бы у сына, и, может, избавилась бы я наконец от воспоминаний о том, большом Александре, с которым меня разлучила смерть.

Кстати, если быть откровенной, не последнюю роль в моем переходе из прокуратуры в областной суд сыграло обещание квартиры. Больше года минуло, и я все жду. Теперь уже, говорят, со дня на день сдадут новый дом в центре города. Большой, красивый, светло-серый, изящным полукругом опоясывающий центральную площадь.

Я ежедневно хожу мимо и любуюсь им, но чувства мои чисто платонические. Судья там квартиру не получит, нет. Но «за выездом» освободятся совсем неплохие квартиры. Одна-то из них и предназначена мне. Хлопот, конечно, будет море. В «престижные» дома в центре переезжают, как правило, люди, не удручающие себя ремонтом оставляемых квартир. Но это для нас пустяк. Справимся, получить бы. И сделать комнату Сашуле, на будущий

год сыну в школу, а мы до сих пор все трое — в одной комнате.
Звонок сына оторвал меня от дела, отвлек. Пришлось вспомнить, что холодильник пустовал для моего хворого семейства. Крохотное семейство, а вот поди же ты! На завтра нужны продукты, чтобы приготовить мужчинам полный обед. Значит, надо подкупить кое-что. Что? Где? Когда? — это не телевизионная программа. Это ближайшие задачи, которые предстоит мне решить дополнительно, выполняя долг уже не служебный, а семейный.
Я не промолвила ни слова, но, едва положила трубку, подняла голову Алевтина:
— Я бегу в молочный...
— Я в хлебный зайду из поликлиники, — буркнула Лидия Дмитриевна, которая ходила на уколы и панически их боялась.
Ну вот, молочный и хлебный вопрос решен. Остается мясной, овощной и лекарственный...
Алевтина не требует моих указаний.
— Возьму что есть, — коротко бросает она и уходит — прямая, подтянутая, с гордо вскинутой головой и походкой от бедра — ей уже за пятьдесят, но спортивная молодость сказывается до сих пор.
Мы выходим вместе с Лидией Дмитриевной. Я прошу ее:
— Батон белого, лучше по 25 копеек, полбулки черного и, пожалуйста, если будут, для Сашки — рогалики или плюшки какие-нибудь. Он любит. Может, пряники, — говорю, стыдясь себя самой, потому что знаю — за пряниками отдельная очередь, они в другом отделе.
С Алевтиной мы возвратились одновременно, и нас уже ожидал заваренный чай, нарезанный хлеб. Она купила сметану, и мы отобедали вкусно и быстро, глядя не на еду, а в уголовные дела.
Еще раз мне позвонили Сашка и Игорь, который сообщил, что лекарственные вопросы решил самостоятельно.
Закончился наш рабочий день.
Лидия Дмитриевна не спешила в свою пустую квартиру, оставалась еще поработать. Меня же ждал хворый муж и нетерпеливый сын. Глянув, как я укладываю две сумки, поднялась Алевтина Георгиевна:
— Дай-ка я тебя, мать, подброшу. Хребет переломишь такими сумищами, — сказала она покровительственно.
У Алевтины был старенький «Москвич» самого первого выпуска. Как лихо Алевтина водит его, сидя за рулем независимо и гордо, словно это был по меньшей мере серебристый лимузин.
«Москвич» безжалостно дребезжал, стрелял вонючим дымом, и от него шарахались нарядные «Жигулята». Как бы то ни было, это был транспорт, и совершенно неожиданно я мигом оказалась возле дома.
— Не знаю, как вас и благодарить, — начала я, пытаясь закрыть дверь драндулета.
— Ладно, — прервала меня Алевтина, протянула длинную руку, захлопнула дверцу и укатила.
Игорь сидел виноватый и красный, чихал в большое вафельное полотенце, натужно кашлял. Конечно, к гриппу у него привяжется, если уже не привязался, бронхит. Сашка лез к нему, строгости не помогали, и я махнула рукой: все равно в одной комнате его не убережешь. Как пить дать заболеет.

Назавтра оба моих мужика оставались дома, и пришлось приготовить им кормежку с полной выкладкой. Я крутилась на тесном пятачке кухни, помешивая борщ и домывая посуду, из комнаты попискивал Сашка, ожидая от меня обязательную сказку.
А и устала. Сильно, капитально устала сегодня. Так некстати заболел Игорь!
Протокол. Страница. Страница. Еще. Еще. Еще.
Дважды заходил Игорь, пил теплый чай, глядел блестящими от жара глазами и не выдержал наконец:
— Ложись, Наташа. Завтра будет полегче. Мне уже лучше, и к вечеру тут у тебя будет полный ажур, позанимаешься. А сейчас ложись, день-то был трудный. Ложись, а то отберу бумаги, — грозит он.
— Да обычный был день, Игорь, то есть обычно трудный. Выдюжим.
Но я слушаюсь мужа, шучу:
— Подчиняюсь насилию.

И был день первый.
И был день второй, они бежали как сумасшедшие.
И вот уже мы, состав суда, готовимся к выходу из совещательной комнаты.
Едва откроется дверь, Галка скажет торжественно и строго:
— Прошу встать, суд идет!
Люди встанут, мы пройдем за судейский стол. На высокой спинке моего стула — родной герб республики, именем которой суд вынесет свой приговор.
Сейчас я увижу его, Сумина. Убийцу. Еще изучая дело, пыталась представить себе подсудимого. Вставал перед глазами образ свирепого, длиннорукого, здоровенного громилы. Сутулого, мрачного, со взглядом исподлобья. Плечи широкие, кулаки огромные.
Образ складывался из действий, известных по делу. Совсем непросто одному человеку расправиться с двумя молодыми и здоровыми парнями. Да еще как расправиться! Отсюда и ощущение силы и огромности подсудимого.
Заседатели мои, я вижу, волнуются тоже.
Дело серьезное. Убийство.
Иван Тодорович Тютюнник в который раз поправляет сползающий набок галстук.
Доктор Руссу держится подчеркнуто спокойно, но это и выдает его. Василий Михайлович врач-хирург. Привычный к экстремальным ситуациям у себя в больнице, он хорошо владеет собой и сидит неподвижно, ожидая команды. А как сидит-то?! — на самом краешке стула, и заброшенная на колено нога ритмично и нетерпеливо подрагивает, подрагивает...
Улавливаю наступившую в зале тишину. Понимаю, Галка приготовила зал. Можно.
— С богом! — говорю без улыбки и открываю дверь в зал.
— Прошу встать, суд идет! — слышу Галкин голос, унимая сердцебиение. Оно должно пройти, пока я занимаю свое место и медленно оглядываю зал.
— Прошу садиться. — Голос мой спокоен и ровен, волнения никто не заметил, и сердце успокоилось.

Эмоции долой! Начинается работа. Совершается акт правосудия. Непостижимо трудный, неописуемо ответственный.

Открываю судебное заседание и объявляю, что подлежит разбирательству уголовное дело по обвинению Сумина Юрия Васильевича.

Галка докладывает о явке в суд. Все на месте.

Прокурор Кудимов Федор Иванович, средних лет, высокий, чуть полноватый, с красивым холеным лицом. Сидит вальяжно, расслабленно. Он человек с опытом, видно, дело не считает трудным, и его ухоженная голова лишь слегка, не выражая особого любопытства, поворачивается в сторону тех, кого перечисляет Галка.

Адвокат Волкова уже разложила перед собой чистые листы бумаги, блокнот, целую стопку кодексов. Мне видно: в стопке даже Кодекс законов о труде. Галина Петровна назначена защитником Сумина коллегией адвокатов, ни Сумин, ни его родственники, если они есть, договор с адвокатом не заключали. Что ж, Волкова может хорошо сражаться за своего подзащитного, знаю по прошлым процессам. Но может и продремать весь процесс, вскидываясь изредка с ничего не значащими вопросами. Будь Волкова покрасивее — нос бы потоньше, почетче губы, фигура бы с минусом веса килограммов на двадцать — быть бы ей трагической актрисой. Артистическое дарование у нее не отнимешь, прекрасно умеет изобразить гнев, боль, страдание. Я не раз поражалась, видя, как после бурного проявления таких чувств в заседании она спокойно жует в перерыве бутерброд. Лицо безмятежно, спокойно, челюсти двигаются ритмично, размеренно — ни следа волнения.

Потерпевший Реутов явился, сидит в первом ряду слева, мать погибшего Шишкова в том же ряду, в центре, и, к моему удивлению, оказывается не скорбной старушкой, как я представляла, а молодой — иначе не скажешь, рослой женщиной, одетой продуманно и со вкусом. Темный костюм, блузка в тон, чуть светлее, и траур представлен черным шелковым платком, изящно повязанным вокруг стройной шеи.

Кто есть кто из свидетелей, уяснить не успеваю, прошу их удалиться из зала суда. Выходят гуськом, оглядываясь на загородку, где подсудимый. Будут ждать вызова в коридоре, на разномастных стульях.

Ушли свидетели.

Начинается первое знакомство с Суминым. Пока мои осторожные взгляды не сумели выявить его. Виднелась из-за высокого барьерчика, окружавшего скамью подсудимых, только макушка с темным ежиком волос. Что он так согнулся, этот громила, этот убийца?!

— Подсудимый Сумин! — обращаюсь к нему для выяснения личности.

Сумин встает, и я, не глядя, чувствую, как заворочались мои коллеги-судьи. Доктор и слесарь-сборщик, крепкие, здоровенные мужички.

Н-да. Вот тебе и представление о личности по действиям этой самой личности.

«Громила» Сумин рост имеет, мягко выражаясь, ниже среднего. Тощ, узкоплеч, с глазами в половину худого лица, и глаза эти все темные-темные, без белков — сплошь чернота. Но потом он вскидывает голову повыше, и я вижу, что впечатление глубокой чер-

ноты создают длиннющие ресницы, бросающие на лицо тень. А глаза на тонком лице живут отдельной напряженной жизнью, прячась за частоколом ресничек.

Н-да.

Процесс продолжается, все идет путем. Отводов нет, ходатайств нет. Переходим к судебному следствию.

Оглашаю обвинительное заключение — самое нелюбимое мое действие. Я не считаю его правильным и рада, что у меня есть единомышленники.

Судья, зачитывающий обвинение, в глазах подсудимого, да и публики тоже, выглядит обвинителем. Колеблется уверенность в беспристрастности судей. Кажется, что судья, уверенно и спокойно зачитывающий обвинение, уже с ним согласен, более того, высказывает и свое мнение. Тот, чья судьба будет решаться, не только слушает слова судьи, он ловит малейшие его движения, интонацию, следит за мимикой, поведением и делает свои выводы — совсем немаловажные для правосудия. Справедливость приговора тесно связана с объективностью суда, и судью не следует ставить в положение, где эта объективность в явном проигрыше.

Так же отрицательно отношусь н и к закону о том, что первым подсудимого, да и, как правило, свидетелей тоже допрашивает суд. Помалкивает государственный обвинитель, пока суд бьется над допросом.

И — снова сомнения в объективности. К чему они, эти ненужные накладки?

Пусть государственный обвинитель оглашает свое обвинение и допрашивает первым. Затем — слово за защитой. Тогда объективный суд, выяснив все необходимые вопросы, будет делать выводы. Только выводы.

Как могу, я уже давно следую своему принципу, хотя и имею от этого неприятности.

Приступаем к допросу Сумина.

Предлагаю ему дать показания по поводу обвинения и обстоятельств дела.

Сумин встает. Вялый, апатичный. Ресницы снова лежат на щеках, прикрывая глаза. Руки держит за спиной — уже привык.

— Я живу один в доме умершей матери, — начинает он тихо.

Галка выразительно приподнимает голову, смотрит на меня.

— Погромче, пожалуйста, — прошу я, понимая трудности моего секретаря.

— Один живу, — повышает голос Сумин, — и вот 10 марта утром пришли ко мне эти... потерпевшие. Принесли водку, стали распивать. Я тоже немного выпил, — он запнулся, искоса глянул на меня, — глоток-другой, не больше. Девушки были в гостях, они за стол не пошли, и мне неудобно было. Ушел я к ним в комнату, а ребята остались на кухне одни. Пили. Потом стали девчат звать... Ну, мы и поссорились. Я просил их уйти по-хорошему, они не уходили, смеялись... Я Зою, Лягушенко, увел к соседу, к Перевалову Ивану, там мы ждали, что эти... потерпевшие... уйдут. А Марина в доме осталась, я волновался и вернулся. Зоя у Переваловых сидела, а я домой... Когда пришел, Марина одна была, плакала, а этих... не было, ушли. Пошел я за Зоей. Только с крыльца пару метров в ограду — они уже тут. Пьяные сильно. Этот вот, — Сумин кивнул в сторону первой скамьи, где сидел Реутов, — этот бегом на крыльцо, а тот... Шишков, у калитки. Зоя

рядом почему-то, он ее за руку держит, ржет. Увидел меня, ну, говорит, держись, защитник. Крикнул я: «Пусти девчонку», и к дому повернул, а Пашка этот, — снова кивок в сторону Реутова, который неотрывно смотрит на подсудимого, уперев локти в колени, — Пашка там уже... Оглянулся, Шишков за спиной, Зойка ревет...

В зале тихо. Все ждут кульминации. Подсудимый почувствовал это, умолк, низко опустил голову, и снова мне виден только выставленный в сторону судейского стола черный ежик волос — словно колючей проволокой защищает Сумин свою бедовую голову. Молчание затянулось, пришлось вмешаться:

— Продолжайте, Сумин, мы слушаем.

Колючую щетку сменили ресницы-бабочки, сидящие на худых щеках. Сумин судорожно сглатывает.

— Тогда я схватил нож и из хулиганских побуждений ударил вначале потерпевшего Шишкова, потом у калитки догнал Реутова Павла, тоже ударил и убежал, — скороговоркой выпаливает Сумин.

Я вижу, как прокурор картинно бросил на стол карандаш, который вертел в руках во время рассказа Сумина. Этот жест означал: все ясно!

Адвокат Волкова укоризненно закачала головой, глядя на своего подзащитного. Ей финал явно не нравился.

Реутов даже не шелохнулся, продолжал смотреть на Сумина, а мать убитого Шишкова промокнула сухие глаза черным кружевным платочком.

По залу, где сидели человек 15—20 неизвестных, прошло легкое движение, как рябь от ветерка по воде.

Сумин же замолчал.

Похоже, он считал свой рассказ законченным.

Меня поразила краткость и заученность показаний. Никаких подробностей, никаких деталей. Сумин словно прочел вслух последний свой протокол допроса. Все признал, даже хулиганский мотив убийства. Ай да Иванов. Не зря старался. Что ж, признание признанием, а у меня масса неясностей. Масса.

— У вас все, подсудимый? — спросила я.

— Все.

— Почему же так скупо? Хотелось бы подробнее.

— Я сказал все. Остальное неважно. Убил, значит, надо отвечать. Кровь за кровь. — В голосе Сумина явный надрыв, истеричность. Это плохо. Мешает.

Ну ладно, пусть успокоится, будем выяснять все постепенно.

Сидящий от меня слева слесарь Тютюнник громким шепотом просит:

— Можно вопрос?

— Пожалуйста, задавайте.

Иван Тодорович всем корпусом поворачивается к подсудимому:

— Я не понял, зачем ты их ножом-то?

— А чем мне их? — последовал злой ответ. — Что попало под руку, тем и...

Вижу, как адвокат Волкова быстро-быстро записывает этот ответ.

— Так Шишков же тебя не ударил? — продолжал народный заседатель.

— Он?! — воскликнул Сумин и резко отвернулся. По возгласу

чувствую, что Тютюнник наступил, что называется, на больное место. Делаю отметки для себя. Вопросов уйма. Но не надо спешить. И нужно опасаться, чтобы вопрос не казался подсказкой. Ведь как бывает? В самом вопросе и содержится желаемый ответ. Нам это ни к чему.

Тютюнник, видимо, понял, что начал с конца.

Больше вопросов суд не имеет.

Вернее, имеет, но не задает пока.

Вопросы остались у меня в записях:

1. Знак. с потерп.?
2. Причина ссоры?
3. Нож? Откуда?
4. Почему все же ударил ножом?

Последний жирно подчеркиваю после отчаянного вскрика Сумина, когда заседатель спросил, не ударил ли его Шишков.

В деле об этом нет и намека.

Включаю свою методу.

— Прошу вас, товарищ прокурор, задавайте вопросы подсудимому.

Кудимов недовольно морщится, потирает переносицу указательным пальцем. К капитальному допросу он явно не готов. А ведь знал, что я прокурорам не даю спуску, заставляю работать как положено.

— Э-э-э... скажите, подсудимый, — тянет он, на ходу придумывая первый вопрос, — скажите, — и оживляется, — вы ранее знали потерпевших? Приглашали к себе?

Молодец, Федор Иванович. Выясняй сам то, что упустили твои следователи. Вот если бы вам, прокурорам, пришлось не расследовать, а только наблюдать за законностью и полнотой следствия, все эти обстоятельства вы бы следователя заставили проверить. И мало ли чего... как повернется дело, если картина предстанет полная...

— Не знал я потерпевших, — слышу ответ Сумина, — и к себе не звал.

Так... Одно дело прочитать в протоколе, что Сумин распивал спиртное с малознакомыми людьми и после выпивки, во время ссоры, из хулиганских побуждений... Совсем другое дело — услышать в суде, что, оказывается, незнакомые парни без приглашения пришли в дом к Сумину, где выпивали принесенную с собой водку...

Неувязка. Зачем пришли незнакомцы? Почему? К Сумину пришли? Или кому другому?

Прокурор словно прочел мои мысли.

— Как же незнакомые попали к вам в дом? Просто вот так взяли и зашли?

— Ну почему так просто? У меня же не проходной двор, — с достоинством отвечает Сумин. — Они Аркана искали.

— Какого Аркана? — забеспокоился прокурор.

Следователь Иванов никакого Аркана в происшедшем не узрел.

Я вижу, как потерпевший Реутов меняет позу. Локти поднял теперь на спинку скамьи, свесив крупные белые кисти, и указательные пальцы — чуть вверх. И чуть-чуть он пошевеливает ими. Вправо-влево, вправо-влево... Совсем почти незаметно.

Но я уловила. По-моему, Сумин тоже.

— Так, знакомый один, Аркадий... — неохотно отвечает он.

Федор Иванович потерпевшего Реутова не видит. Может, поэтому он потерял интерес к новому лицу — неизвестному Аркадию, который, получается, был общим знакомым и убийцы и убитого, и Реутова Павла, который остался жив-здоров, сидит на первой скамье, совсем от меня близко...

Появляется новая пометка в моих записях, а прокурор продолжает допрос.

— Почему возникла ссора между вами и потерпевшими?

Я жду ответа подсудимого и краешком глаза наблюдаю за Реутовым. Может, мне показалось?..

Нет! Белые пальцы опять слегка шевелятся. Вправо-влево, вправо-влево...

Любопытно. Он что, дирижирует?!

— Так, по пьянке ссора, — отвечает Сумин, и прокурор на подробностях не настаивает.

А напрасно. Причина ссоры следствием не установлена, а в ней может крыться и разгадка последующего поведения участников драмы.

Напрасно, Федор Иванович, вы отступили от азбучных требований закона: прокурор выяснит как уличающие, так и оправдывающие подсудимого обстоятельства. А вас устроило только первое — уличающие в пьяной ссоре. Вот погодите, адвокат вам всыплет по первое число. Волкова сегодня мне нравится: внимательна, оживлена, в глазах интерес, и черкает, черкает в своем блокноте.

Но, похоже, странное поведение Реутова заметила я одна. Во всяком случае, никто на него не глядит.

— Еще вопросы? — обращаюсь к прокурору, видя, что он примолк и выжидает: не оставлю ли я его в покое, передав право допроса защите.

— Да-да, — как бы спохватывается он, — скажите, Сумин, ну разве вам было не жаль лишать жизни молодого, здорового парня, полного сил, планов и надежд? Откуда такая кровожадность? А потом вы наносите ранение убегающему Реутову...

— Но он не убегал! — перебил прокурора Сумин, глаза его открыто обратились к передней скамейке, и все мы глянули туда. Локти Реутова оставались на спинке, кисти спокойно свисали.

Что? Разрешил говорить? Или все же мне сегодня грезится невероятное?

— Как не убегал? — удивился Кудимов. — По вашим словам, Реутов вначале стоял у крыльца, а ранение вы ему нанесли у калитки. Да вот же ваши слова. — Прокурор отложил несколько листков, нашел нужный и прочел вслух: — «Потом у калитки догнал Реутова Павла, тоже ударил и убежал». Да и сам характер ранения говорит о многом. Рана-то сзади, извините, в ягодицу. Так?

— Так, — кивнул подсудимый и повторил упрямо, — но он не убегал.

Федор Иванович развел руками:

— Ну-у... Непонятно... Давайте подробнее, подробнее.

— Говорю, не убегал он, — в голосе Сумина слышится раздражение, он опять опустил голову, выставив вперед черный ежик волос, — там ломик был, на ночь я им калитку подпирал. Он к ломику двинул. Я за ним бежал к калитке. Нагнулся он к ломику, я его и...

— Это уже после того, как раненый Шишков упал?

— После, — согласно кивает подсудимый.

— Так-так, — прокурор, вижу, доволен ответом, — ясненько...

Пока длится этот диалог, нахожу заключение судебно-медицинского эксперта, подвигаю дело поближе к доктору Руссу.

Скосив глаза, доктор внимательно читает, затем кивает мне едва заметно.

Заключение подтверждает слова подсудимого. Ранение Реутову нанесено в момент, когда потерпевший находился в полусогнутом положении, спиной к нападавшему.

Значит, все в обвинении верно, но о ломике тоже ни слова. Не придал Иванов значения? Мелочью посчитал? Впрочем, что было делать этому потерпевшему, как не бежать за ломиком, если на глазах его падает раненый хулиганом друг? Но, черт возьми, как досадно, что такие подробности узнаешь лишь в судебном заседании! Ясно ведь требует закон: следствие полное и объективное. Какая объективность при отсутствии полноты картины?

Прокурор, разохотившись, продолжает допрос, а время бежит, бежит. Уже не раз нетерпеливо поглядывала на меня адвокат Волкова, и я старалась не замечать, как моя секретарша демонстративно встряхивает пальцами: устала рука.

Обеденное время началось и давно кончилось.

Объявляю перерыв.

Алевтина Георгиевна встречает меня словами:

— Ты, мать, куда так гонишь? Глянь, без перерыва отмахала сколько! Тут такие события назревают, а мы дождаться тебя не можем!

— Сашка?! — испуганно вскрикиваю я. Сын только-только пошел в детсад после недавней болезни. Отвалялись с отцом две недели в тяжелейшем гриппе, измучили меня окончательно, поэтому все события меня пугают прежде всего возможностью новой Сашкиной хвори. Сама я отчихалась на ходу — прилечь не давали работа да забота.

— Нет-нет, — успокоила меня улыбающаяся Лидия Дмитриевна, — приятные события.

— Да что такое, говорите, — взмолилась я, — у меня перерыв на один час, есть хочу, аж скулы сводит, а вы меня томите!

— Лошадь, не надо, лошадь, послушайте, — Алевтина картинно выбросила руку в мою сторону, но декламацию прервала добрая Лидия Дмитриевна.

— Квартиру, Наташа, дают тебе. Поздравляем, дождалась.

Ух ты, квартира! Кончатся захватнические войны с Игорем за кухонный стол, где мы работали поздними вечерами. И Татьяна Ивановна, несчастная Сашкина бабушка, будет спокойно заниматься с внуком в отдельной его комнате. Татьяна Ивановна — моя особая боль. Она все понимает умом, но сердце ее постоянно болит, когда она видит меня на месте своей так трагически погибшей дочери. Не раз замечала я, как наливаются предательской влагой ее совсем молодые глаза, когда Сашок кричит мне: «Мамуля!» Сашина мать погибла, когда малышу и года не исполнилось. Нелепая, страшная смерть под колесами лихаческой машины. Почти пять лет Татьяна Ивановна с Игорем растили Сашку, а потом появилась я.

Работала следователем, зашла по службе в лабораторию к Игорю, увидела рисующего Сашуню и пошутила, что оба они мне

нужны — эксперт и его сын. Сашка шутки тогда не принял, поверил единожды и, надеюсь, навсегда. И вот мы вместе, и мое исстрадавшееся, тоже трагически потерявшее любовь сердце прильнуло к ребенку так сильно, что никакими силами не отнять. Мой старый друг Антон Волна говорит теперь, что я самая сумасшедшая из всех матерей. Наверное, он говорит правду. Любовь к сыну помогает мне жалеть Татьяну Ивановну, которая не может быть с нами и не может быть без нас.

— Да ты никак ошалела от счастья, мать! — вывел меня из оцепенения голос Алевтины. — Зайди к Валерии, она тебя просветит насчет квартиры. Ей звонили из исполкома.

Забыв про голод, бегу к своей начальнице.

— Поздравляю, дорогая, — торжественно говорит мне Валерия Николаевна и ради такого случая выходит из-за стола, семенит ко мне короткими ножками и, приподнявшись на цыпочки, целует в щеку, — наконец-то пробили тебе квартиру! Скольких трудов мне это стоило!

— Спасибо, — искренне благодарю я.

Валерия Николаевна правда пробивала мне квартиру. Знаю, от нее многое зависело. Она ходила со мной в исполком, подписывала разные бумаги, ходатайства, просьбы, характеристики. Выбивала, одно слово.

Как судья, я имею множество прав там, за судейским столом. Отрываясь от судейского стула, я превращаюсь в мелкого бесправного чиновника, зависящего от милости всех: исполкома, который может дать мне квартиру, а может и не дать; ЖЭКа, который чинит мне кран на кухне в жестко установленные рабочие часы слесаря, легко помещающиеся внутри моего служебного времени; детского сада, куда мне с большим крюком приходится водить сына, хотя рядом с домом — за углом — прекрасный сад машиностроительного завода, где мест для Сашули нет; обкома профсоюза, который не имеет путевки для отдыха моей семьи, и мы ездим к морю дикарями...

То есть, конечно, я могу все получить. От земли я не отрываюсь и четко осознаю: да, могу, если забуду главное: судьи независимы и подчиняются только закону.

Мой статус судьи не ограждает меня от унизительных просьб, и я сама, как могу, избегаю их, сохраняя свою независимость, чтобы подчиняться только закону.

— Как дело идет? — продолжает Валерия Николаевна. — Тебе завтра с утра надо за ордером, так что разрешаю процесс отложить до обеда. Ну а посмотреть квартиру можешь уже сегодня вечером. Вот тебе телефон. Петр Яковлевич Семенцов, — и понижает голос, — заведующий отделом обкома, учти.

— Спасибо, — я беру листок от календаря и соображаю, как мне успеть все это провернуть.

Первое: звонок Игорю. Второе: звонок Семенцову. Третье: на утро у меня вызваны свидетели.

Я уйду за ордером, люди будут ждать.

— Валерия Николаевна, можно за ордером после обеда? Свидетели придут, неловко.

— Ты, дорогая, словно ребенок, — почему-то обижается моя начальница, — все придут утром, получат ордера, а тебя, как барыню, будут ждать.

— Да ведь люди тоже с работы... — пытаюсь возразить.

— Вот видишь, тоже... И ты с работы. Я тебе навстречу иду, разрешаю процесс отложить на полдня, а ты еще привередничаешь, дорогая...

— Прошу встать, суд идет!

Я выхожу из совещательной комнаты, за мной Тютюнник и Руссу.

— Прошу садиться. Продолжается допрос подсудимого Сумина, — говорю я, с трудом гася в голосе радостные нотки, не приличествующие ситуации.

— Вопросов к подсудимому пока не имею, — привстал со стула прокурор.

Ну что же вы, Федор Иванович?

Леность обуяла или действительно все ясно?

В своих записях я ни одной галочки не поставила, мои вопросы ответа не нашли. Важные вопросы. Даже архиважные, я бы сказала. Ну ладно, это только начало. Торопись медленно — это, по-моему, древние мудрецы сказали специально для судей.

— Пожалуйста, защита, — обращаюсь я к Волковой, которая быстро перелистывает блокнот.

Волкова мне сегодня положительно нравится. Участвует в деле по назначению. За свой труд будет получать из колонии грошовые переводы. Но, кроме денег, есть еще профессионализм, адвокатская гордость, деловой азарт. Она еще не приступила к допросу, а я чувствую в ней этот азарт, готовность к драке.

Это хорошо! Очень!

— Сумин, давайте все же вернемся к началу, — говорит адвокат, — мне непонятно, кто такой Аркадий и почему потерпевшие искали его именно у вас?

Я кошусь на Реутова и снова вижу приподнятые пальцы.

— Ну-у... это один мой знакомый, — нехотя тянет Сумин.

— Где вы с ним познакомились? Когда? И вы не ответили, почему его искали в вашем доме.

— Не помню, где познакомился. Какое это имеет значение?! — опять раздражается подсудимый.

— Сумин, — строго говорит адвокат, — я, ваш защитник, считаю этот вопрос важным. Подумайте над этим и отвечайте. Почему Аркана искали у вас? Кто он?

Волкова умеет быть настойчивой. И стратег неплохой. Я знаю, не случайно она назвала сейчас неизвестного кличкой. Аркан. Значит, наверняка придала значение этому обстоятельству. Потерпевшие, набрав водки, искали парня, имеющего кличку.

Аркадий — Аркан. Может, это ребячье прозвище? Или все же то, что называется по-блатному кликухой? А Сумин явно не хочет отвечать. Но не выдерживает молчания.

— Может, думали, что он у меня...

— Он часто бывал у вас? — Волкова подходит с другой стороны к неизвестному Аркану.

— Ну, бывал...

— Часто?

— Ну часто...

— Так кто же он?

— Ну кто... человек...

— Где работал? — не отстает Волкова.

— Не знаю.

— А жил где?

— У меня... — слышится ответ, и адвокат удовлетворенно повторяет:

— Значит, Аркан жил у вас. Выходит, поэтому его искали в вашем доме потерпевшие?

Сумин молча кивает и отворачивается от зала. Если точнее, от белых приподнятых пальцев Реутова.

— К Аркану мы еще вернемся, — обещает адвокат и задает новый вопрос: — Шишков и Реутов ждали его?

— Да.

— Зачем?

— Спросите у них, — зло отвечает Сумин и опускает голову.

С передней скамейки слышится горький вздох. Шишкова уже не спросишь. И мать вздыхает, вынимая платок.

— Почему вы поссорились с Шишковым и Реутовым? Из-за чего? — продолжает адвокат допрос подсудимого.

— Из-за девчонок поссорились. Они к девчонкам хотели подкатиться, а н не давал... Зойку кадрили.

— Как это?

Я внимательно слушаю, но продолжаю незаметно наблюдать за Реутовым. И окончательно убеждаюсь, что он влияет на ответы Сумина.

Был явно недоволен, что Сумин сказал о месте жительства Аркана. Теперь так же явно не желает, чтобы подсудимый распространялся о причине ссоры. Пальцы шевелятся, шевелятся... Сам сидит неподвижно, а пальцы...

Ну и кино! Главное, что Сумин реагирует, считается со знаками потерпевшего, удивительное дело.

А причину ссоры надо выяснять.

Этот вопрос у меня записан вторым. Ответом на первый я не удовлетворилась, и второй вопрос тоже остается открытым.

Сумин отвечает односложно:

— Да так.

Перевернув авторучку, Волкова постукивает ею по столу:

— Сумин, Сумин, не забывайте: я ваш адвокат. То, что я спрашиваю, — важно. Или вы не хотите выяснить истину? В чем проблема?

— Проблема у каждого своя, — тихо-тихо говорит Сумин, и черные ресницы-бабочки начинают часто порхать, — у кого жемчуг мелкий, у кого слезы крупные — у всех разное...

В зале кто-то хихикает. Сумин, да и все мы смотрим туда, в зал. Народу немного. Несколько человек в возрасте на разных рядах со стороны выхода — видимо, случайные люди, просто любопытные. За спиной матери погибшего полноватый лысеющий брюнет в более чем зрелом возрасте. Муж Шишковой, наверное. Отчим убитого, как помнится по делу. Рядом с ним — две женщины. Тоже холеные, разодетые. А хихиканье донеслось из последнего ряда, где на скамейке плотно, как зубы, сидят молодые люди. Парни, девчонки в петушиных ярких курточках, взлохмаченные, всклокоченные и бог знает какие. Судя по веселым глазам, за Сумина они не болеют, трагедии в происходящем не видят. Смотрят спектакль, где кто-то из актеров им знаком.

Под моим строгим взглядом их улыбки гаснут, лицемерно серьезнеют лица.

Интересно, а у Сумина что, нет в зале болельщиков? Похоже на то. Правда, может, вон та бабуля в вязаном платочке, кото-

рая с самого утра в зале и сидит у окна, далеко от выхода, следовательно, уходить быстро не намерена. Да, наверное, родственница какая-нибудь. Тетка скорей всего. Неужели и девушка его не пришла, Сумина-то? И тут же вспоминаю: Марина Морозова, подружка Сумина, сидит в коридоре и ждет допроса, она же свидетель по делу! Вспоминаю и успокаиваюсь: Марина расскажет про Сумина подробнее. Ведь дружили. И она про Аркана знать должна. И события во дворе частично видела. Расскажет. Только надо ее обязательно сегодня допросить. Чтобы этот... дирижер... не повлиял. Глянула на часы. Господи боже, время-то не стоит на месте, бежит как сумасшедшее. Пока капризничает подсудимый, истекает рабочий день, первый в процессе, который Валерия Николаевна назвала несложным. Оно, конечно, в протоколе судебного заседания весь сегодняшний день займет совсем немного страниц, и Галка-секретарь не запишет, как подсудимый молчит, смотрит исподлобья, уклоняется от ответа на, казалось бы, совсем невинные вопросы и как строго пошевеливает пальчиками потерпевший; как насупилась, сердясь, адвокат Волкова...

Ничего этого в протоколе не будет, но судьи все должны видеть и учесть, все положить на чашу весов правосудия.

Однако же как мне допросить Марину сегодня? Ведь еще у меня потерпевшие... Сколько времени займет их допрос?

Сашулю из садика заберет Игорь, до дому мне, если удачно, минут 45, к половине восьмого приедет Антон с женой, и я наконец-то увижу свою новую квартиру.

Решаю: домой не успеть. Позвоню, чтобы ребята подъехали к суду и отсюда к Семенцову. А до тех пор буду работать. Как минимум, можно посидеть часов до восьми. Только сделать небольшой перерыв, позвонить домой, договориться с начальником конвоя, уговорить прокурора, адвоката, а потом извиниться перед всеми...

Судьи независимы. Подчиняются только закону. Обстоятельствам не подчиняются...

— Товарищ адвокат, еще есть вопросы? — поторапливаю Волкову, которая, вижу, раздражена поведением своего подзащитного.

— Сумин, где вы взяли нож для нанесения ударов? — сердито спрашивает Галина Петровна, не поднимая глаз.

Она что, Волкова, в мои записи смотрит? Это же мой третий вопрос! Впрочем, чему удивляться? Судья и адвокат — мы юристы и сумели увидеть слабые места обвинения.

Сумин почувствовал перемену в настроении защитника, ответил виновато и подробно:

— Нож этот всегда у крыльца лежал. Старый он, ржавый. Им с подметок счищали грязь. Откуда он появился — не знаю, это еще при матери было, когда она жива была. Мать чистоту любила и нас приучила. Обувь всегда у порога чистили, когда на улице грязь. Сперва ножом, потом о тряпку вытираем. Вот этот-то нож я и схватил. Но что мне делать-то было?! — воскликнул вдруг он. Впервые из-за спины показались его руки, охватили голову, как-то странно, от самого локтя прикрыли, и весь он закачался за барьером, глухо застонал, заскрипел зубами.

Тихо-тихо стало. Только эти звуки — сигнал человеческого горя.

Дрогнуло жалостью сердце. Этот Сумин Юрий и сам собственная жертва. А ведь тоже дитя человеческое.

Прочь эмоции — командую себе. А нужно ли гнать их? В конце концов, разум без эмоций — вариант робота. Лишь эмоции не воссоздаются в модели и вместе с разумом делают человека тем, что он есть.

Судьи — не исключение.

Сумин между тем справился с собой и круто вдруг изменился. Исчезла влага из огромных глаз, они сухо и воспаленно блеснули. Словно и не было отчаянного вскрика, ровным и злобным голосом он отчеканил:

— Отказываюсь давать показания. Больше ничего не скажу, решайте как хотите.

Волкова обескураженно развела руками, а прокурор, улыбнувшись, откинулся на стуле: вот он, характер убийцы. И суд ему нипочем!

Доктор Руссу, заседатель, склонившись ко мне, прошептал:

— Не трогайте сейчас его, Наталья Борисовна. Он на грани нервного срыва.

Я кивнула. Это я и сама видела. Истерический надрыв — первый спутник неверия в справедливость. Я училась бороться с ним, читала книги по психологии и экспериментировала: ничего другого мне не оставалось делать. Мой, хотя небольшой, но опыт подсказывал сейчас: нужно оставить Сумина в покое. Не раздражать, не расспрашивать. Пусть успокоится. В любой момент мы можем вернуться к допросу.

Делаю перерыв на 15 минут, утрясаю оргвопросы.

Все, конечно, недовольны, но хоть и нехотя, соглашаются.

Начинается допрос потерпевшего Реутова.

Он встает лениво, словно по частям, неторопливо выпрямляется, закладывает руки в карманы и тут же вынимает их.

Прошу подойти к трибуне, подходит тоже медленно, не торопясь. В глазах отчего-то вызов. Почему? Рассказ начинает нехотя, рубит короткие фразы.

— Утром Алик пришел. Ко мне. Позвал к другу. Того не оказалось. Выпили у этого вот, — кивок в сторону скамьи подсудимых, — пошумели малость не из-за чего. Он сам в пузырь полез, первый. Потом и вообще смылся. Чего ждать? Ушли. Алик кейс забыл, вернулись. Там девка в ограде. Алик кадриться стал, та дура в крик. Выскочил Юрка, глаза аж белые. А чего мы сделали? Он за нож. Алика саданул, потом меня. Вот и весь сказ.

Реутов умолк. Высокий, длиннорукий, пожалуй, слишком худощавый, но в широких плечах чувствовались уверенность и сила. Светлые прямые волосы спадают на воротник модной трехцветной куртки. Отслужил в армии, работает в телеателье мастером. Что свело их с Шишковым? Что заставило искать таинственного пока Аркадия — Аркана?

Задаю все эти вопросы и получаю односложные ответы, не приносящие ясности.

С Аликом Шишковым вместе служили, Аркадия не знал, пошел за компанию с Аликом, зачем тот искал Аркадия — не интересовался.

Привстал со стула прокурор:

— Вопросов к потерпевшему Реутову не имею.

Адвокат Волкова, не в пример Кудимову, долго билась, пытаясь вытянуть подробности, и наконец сдалась: Реутов ссылался на погибшего Шишкова, отводя себе роль случайно попавшего в переделку человека. И только на вопрос, почему он все же бросился к ломику, хитро блеснул глазами на прокурора, хотя спрашивала адвокат:

— Так это после того, как Алик упал.

Вот, Федор Иванович, как вы вопрос свой подсудимому обозначили: потерпевший нашел в нем ответ и готовое объяснение. Не мудрствуя лукаво.

Пришел черед матери Шишкова. Она вышла к трибуне, со скорбным достоинством и подробно, не дожидаясь вопросов, принялась рассказывать о погибшем сыне. Мы узнали, что Алик рос послушным и здоровым, увлекался спортом, учился легко и хорошо. Любил музыку, имел много друзей, и последнее ему не просто вредило, а сыграло роковую роль: попалась дурная компания, и Алика вовлекли в плохие дела, судили. Но и там, в тюрьме, он вел себя хорошо, его отпустили досрочно, и он обещал, что все будет нормально, устраивался уже на работу, когда случилась эта ужасная трагедия.

Собственно, все это было известно из дела, ничего нового Шишкова не добавила. Прокурор вопросов не имел и к Шишковой, а Волкова не упустила момент:

— Скажите, а почему ваш сын не работал почти четыре месяца после освобождения из мест лишения свободы?

Шишкова не удостоила адвоката взглядом.

— Здесь судят не моего сына, а его убийцу! — Она обращалась к суду, и в голосе звучали слезы и гнев. — Убийцу, которого растерзать мало за то, что он сделал! Брат у него уголовник, и этот тоже садист!

Муж Шишковой заворочался на скамейке, женщины рядом с ним возмущенно и как-то очень одинаково посмотрели на адвоката.

Галина Петровна невозмутимо настаивала:

— И все же?

Шишкова обратилась ко мне:

— Разве это важно? Какое кому дело, работал ли мой сын? Он прошел адовы круги, он устал, изнервничался, а мы, — она оглянулась на мужа, и тот кивнул, — слава богу, мы обеспеченные люди! Можем прокормить сына, пока он не нашел себя.

Ну вот, потерпевшая ответила на вопрос адвоката, мое вмешательство не потребовалось, и я видела, как мимолетно улыбнулась Волкова, записывая ответ.

— И еще вопрос, — сказала адвокат, — этого Аркадия, которого искал ваш сын, вы знали?

Женщина дернула плечом:

— Нет.

Этот допрос тоже закончился быстро, хотя я понимала: об убитом мы знаем не все, что хотелось бы. Но мы лишь начали процесс. Многое впереди.

Вызываем Морозову Марину. Пока выполняются формальности, успеваю хорошо рассмотреть подружку Сумина. Крупные черные кудри аккуратно обрамляют маленькое лицо с миндалевидными восточными глазами. Просторное — по моде — серое в елочку пальто не очень скрывает детскость спрятанной в нем фигуры.

Миниатюрная, какая-то вся опрятная и оттого привлекательная еще более.

Долгим неподвижным взглядом не глянула — впепилась в Сумина. И он поднял голову, смотрит...

А если это любовь? Достанется же ей горького до слез. Уже досталось.

— Расскажите все, что вам известно по делу, — и добавляю с неожиданной просительной ноткой, — только правду, и поподробнее.

Марина серьезно кивает. Она не напугана необычной обстановкой, держится спокойно.

Свидетельская трибуна — посреди зала, и я радуюсь, что молоденькой свидетельнице не видна публика. И потерпевший Реутов не виден.

Только суд, прокурор и защита. А если глянуть влево — Сумин.

Уже первые фразы показывают, что следователь Иванов с Мариной не справился, нет. Ее показания на следствии — две странички и только о событиях того страшного дня. Даже не дня, а какого-то часа. Сейчас Марина Морозова желает рассказать все досконально.

— С Юрой мы вместе учились все 10 лет. Дружили тоже долго, с седьмого класса. То есть до седьмого мы тоже дружили, но по-другому. — Она чуть смущается, быстро взглядывает на Сумина и продолжает: — Он хорошо учился, Юра. Мне помогал по алгебре, химии, физике, геометрии, — старательно перечисляет Марина, и я вижу, как морщится прокурор. Ну конечно, идет время, а ему неинтересно, по каким предметам помогал подружке убийца Сумин.

— ...до десятого класса все было отлично. А потом на него и посыпалось! Словно ящик Пандоры открылся у них в доме. (Ну, Марина! Этим ящиком Пандоры она меня покорила окончательно.)

— В одну зиму, такую ответственную для Юры — все же десятый класс, у него брата арестовали, и мать не выдержала... ушла из жизни...

Новость для меня первая: арест брата, новость вторая — мать. Как это — ушла из жизни?

Делаю отметку для себя, не перебивая Марину, которая продолжает:

— Юра все же выстоял. Выдержал и учебу не бросил. Получил аттестат, на работу устроился. Все один, дом хорошо содержал, вел себя нормально, хоть у кого спросите. Тетка, правда, ему помогала. — Марина обернулась, поискала глазами, кивнула на женщину у окна — точно ведь, угадала я, тетка! — Только больная она, и, по-моему, он ей еще больше помогал.

Женщина у окна закивала мелко-мелко, словно затряслась голова, уголки губ опустились, болезненно искривив лицо. Молодежь на последней скамейке слушала внимательно, без кривляний. Крайний у двери белобрысый парень в самодельных «варенках» на длиннющих тонких ногах вытянул шею, смешно выставил подбородок, две девчонки буравят взглядом Маринину спину, а рыженький, патлатый, что сидит между ними, неотрывно глядит на Сумина, который опять почти скрыт перегородкой, сгорбился, упер кулаки в колени, подняв плечи.

Маринин голос звучит спокойно, слова падают в странно притихший зал.

— Как это всегда бывает, наши одноклассники разбрелись кто куда и связь потеряли. С Юрой осталась только я. Еще Валера Воронько, он сейчас на работе, завтра придет, — Марина повышает голос, повторяя явно для Сумина, — завтра придет Валера. Ну вот. Юра служил хорошо, его тетке — она одна у него из родных, командир Юрин письмо присылал, я его принесла с собой.

Марина открыла небольшую серую сумку, достала конверт, глянула вопросительно:

— Можно передать вам? — А сама уже направлялась к столу, на ходу вынимая из желтоватого конверта листок.

Я положила бумагу на край стола. После допроса ознакомимся с нею, решим вопрос о приобщении к делу.

Свидетельница вернулась к трибуне и продолжала рассказ:

— После армии, когда Юра вернулся, началось непонятное. Для меня непонятное, — уточнила она. — В доме у Юры стали появляться неизвестные люди. Мужчины, иногда даже женщины. Мне они не нравились. Я ссорилась с Юрой, разговаривала очень серьезно, он этого не станет отрицать. Долго он не говорил мне, что такие эти люди, которых я заставала у него. А я ведь не всех заставала, наверное, правда, Юра? — Она повернулась к Сумину, ожидая ответа, и мне пришлось огорчить ее:

— Вопросы подсудимому прошу не задавать. Рассказывайте.

Марина кивнула, отвела со лба разметавшиеся черные колечки волос, огладила ладонями разрумянившееся смуглое лицо. Помолчала несколько секунд, собираясь, видимо, с мыслями. Нет, эта девочка мне нравилась.

— Люди появлялись и исчезали, иногда жили неделю, месяц... Прямо перевалочная база какая-то. Я настаивала, и Юра признался наконец, что это посланцы брата. Оттуда, из лагеря...

— Из исправительно-трудовой колонии, — машинально поправила я. Марина махнула маленькой ладошкой:

— Из колонии, из лагеря — все равно, я в этом разницы не вижу, не разбираюсь. Юра уверял, да и сама я видела, что ничего плохого он не делал. Ну, действительно, кто-то должен и этим людям помочь. Придут — ни вещей, ни дома, ни работы... Вот общество охраны животных создано. Бродячих собак, кошек прибирают, а эти... люди! Плохие пусть, но люди все же! В какой одежде они приходили, видели бы вы! Я — видите сами — маленькая, размер у меня всего 44-й, а однажды девчонка к Юре пришла — меньше меня, не поверите?! Гадкий утенок, не девушка! Я ей вещи свои кое-какие принесла, одела, в парикмахерскую сводила, подкрасила, приласкала. Как плакала она, когда себя такую увидела... новую такую... От Юры я ее к себе забрала, недели две она у нас жила, и даже не ругалась мама, жалела Веруню. Потом мама с подругой своей созвонилась, отправили мы Веруню в город Тольятти, на заводе она работает сейчас, замуж скоро выходит. Вот вам история, вот вам жизнь и вот судите Юру — прав он или не прав, что тех людей прогонять не мог...

Рассказ про девушку Веруню произвел впечатление не только на меня. Ни разу не прервалось в зале молчание и сделалось напряженным, ощутимым, сочувствующим. Марина раскрывала

не только новую сторону жизни убийцы Сумина. Она ясно обозначила серьезную проблему, и сочувствующая тишина в зале означала одно — проблема есть, она принята. Ай да Марина, ай да кроха!

Марина же поняла тишину по-своему, торопливо подняла на трибуну сумочку, вытащила другой конверт, храбро прошагала к судейскому столу:

— Вот, — в протянутой маленькой руке конверт дрожал, — вот письмо Веры, убедитесь сами.

Она положила конверт на самый краешек стола, вернулась к трибуне и молча ждала, как мы поступим.

Я положила конверт поверх первого письма: огласим позже, и сказала:

— Так как же... Юра?

Прокурор глянул на меня укоризненно: обвиняемого в убийстве Сумина я назвала так по-домашнему. Было от чего мне опустить глаза. Я нарушила официоз, принятую в суде форму обращения. Это получилось под влиянием маленькой Марины, рассказавшей о Сумине Юре, который помогал нуждающимся в помощи. Он еще не был убийцей в ее рассказе, он был Юрой, к которому шли те, кому некуда было больше приклонить голову. Шли и не ошибались. Вот и вырвалось у меня фамильярное и короткое «Юра».

Да ладно! В чем меня упрекать прокурору? Где это записано, что судья не может назвать по имени парня, сидящего под охраной таких же, как он, молоденьких конвоиров? Нигде это не записано, и нечего, уважаемый Федор Иванович, жечь меня взглядом. В конце концов, Сумин только обвиняется, не признан еще убийцей Сумин... Юра.

От внимания Марины не ускользнул наш молчаливый диалог и скепсис прокурора, она поспешила поправиться:

— Ну, я не хочу сказать, что все так гладко было и так мы успешно помогали, — она поискала подходящее слово, нашла: — ...несчастненьким. По-разному было. Вот Аркадий... с него началось.

Адвокат Волкова, до того сидевшая, задумчиво подперев щеку ладонью, насторожилась, выпрямилась, взяла ручку наизготовку.

— ...Аркадий не из категории нуждающихся. Уверенный в себе. Я бы сказала, нагловатый тип. Обосновался у Юры прочно. Месяца два прожил, да, Юра? — Опять она повернулась к Сумину, и тот кивнул, а Марина продолжала: — Уезжал, правда, часто, но потом возвращался. Люди к нему стали приходить... совсем другие... вот как эти. — Свидетельница повернулась к Реутову, смерила его взглядом, и он переменил позу, передернув плечами, спустил руки со спинки скамьи, зажал их коленями.

— Эти не первые, были такие еще... наглые. Пили. Честное слово, мне уже и заходить к Юре не хотелось! И не ходила бы, но...

В тот день все хорошо было. Выходной. Мы накануне договорились погулять пойти, в кино или еще куда-нибудь. В кафе, может. С Зоей Лягушенко, моей подругой, зашли за Юрой. Он веселый такой был, стал нас чаем угощать, поздравлять — 8 Марта мы не виделись, работал он в тот день, дежурил. Вот и наверстывал. Торт был у него приготовлен, у Юры. Все хорошо было. Посидели мы, только убрали со стола, приходят эти... Спросили Аркадия, да не просто спросили, а так, словно Юра им должен был: «Аркан дома?» или: «Где Аркан?» — что-то в этом роде. И кличкой собачьей называют человека. Юра ответил — откуда он знал, где его квартирант? Они без всякого разрешения расселись на кухне, водку достали.

Мы с Зоей в комнату ушли, Юра, конечно, в растерянности. Подождите, говорит, девочки. Как уйти из дома? Не оставлять же... этих... одних. Он еще сказал, мол, последнее выпесут.

Стали мы ждать. Зоя и я в комнате, а Юра то с нами, то туда убежит, в кухню.

Через какое-то время слышим шум, скандал, и Юра вбегает — красный, злой. За ним вот этот — Реутов Павел, как я на следствии узнала. И грубо как, я даже повторить здесь этого не могу, зовет: идите, нальем. Мы, конечно, возмутились. А Юра так на него и пошел, выталкивает из комнаты, но Павел сильнее, видите сами их комплекцию: Юрину и этого... Смеется, отпихивает Юру, как мячик... — Марина помолчала, вздохнула: — Унизительно... Перед девушками... Унизительно... Потом оба в кухню ушли, опять шум был там, и Юра снова вбежал к нам. Говорит: «Ты, Марина, меня подожди. Зоя, пойдем отсюда, они на тебя зарятся!» Пошли они через прихожую, и Юра еще мне крикнул: «Я быстро!»

Когда я одна осталась, то испугалась, признаюсь честно. И они заходят. Оба. Пьяные, красные, возбужденные... Противно...

Марина сморщила носик.

— Напрасно не скажу, ничего плохого они мне не сделали. Кривлялись только. «Мадам Сумина, просим к нашему скромному столу». «Мадам Сумина» — это они меня так назвали. «Мадам Сумина»! Еще что-то говорили такое... Двусмысленное. Я сейчас и не вспомню точно. Отвернулась я, отошла к окну и только сказала им: или оставьте меня, или перед другом ответите. Я Юру имела в виду, но, наверное, они другое подумали. Вот этот, Павел, сказал: «Ладно, пошли, а то правда Аркан запсихует».

И они ушли. Совсем. А мне так больно стало. Что же это такое, думаю? Не за себя, за Юру больно. Обложили какие-то подонки, а он беспомощен перед ними, совсем беспомощен. Ну... заплакала от обиды, и Юра заходит, кинулся ко мне: «Что? Что?» — кричит. Представляете его состояние? Мне бы успокоить его, а я ругать принялась... — И Марина заплакала. Мне хорошо было видно, как она, пытаясь удержать слезы, расширила глаза, подняла их, неморгающие, и принялась разглядывать потолок. Но слезинки не удержались, посыпались одна за другой и покатились по щекам, не задерживаясь на гладком девичьем личике.

Я отвела глаза. И тут же увидела, что прокурор уже снял с руки часы, положил перед собой и выразительно поглядывает на них.

Ну да, конечно, стрелка перебежала цифру 7 и двигалась дальше, совершенно безучастная к происходящему. Скоро подъедет Антон с моим семейством, и все будут нетерпеливо ждать меня. Но как можно прервать рассказ Марины?

Да никак нельзя. Первые живые слова о трагедии мы слышали от Марины. Недаром притих зал и не выходят даже те посторонние, что сидят поближе к двери.

— Продолжайте, пожалуйста, Морозова, — прошу я.

— Собственно, я почти все рассказала. Юра пошел за Зоей, она у соседей была. И буквально через пару минут — какой-то шум в ограде, крик, треск... Когда я вышла, все уже произошло... Я видела это как в тумане. Лежал тот парень... который умер... Шишков... кровь красная-красная... Словно чернила... лицо запрокинуто... у калитки этот... Павел, кажется, на коленях стоял... крови не видела я у него... калитка открыта настежь, Юры нет. Я закричала и бегом по улице, не помню, куда и зачем, просто от страха ничего не соображала. Догнала меня Зоя, мы остановились... Трясемся обе, не знаем, что делать. Я спрашиваю, где Юра, что там случилось? Она мне: это Юра их, они на него набросились, и он их... и убежал куда-то. Что делать? Вернулись мы к дому Переваловых. Дядя Иван у калитки стоит, бледный. Ах, говорит, что Юрка наделал, что натворил!

Дядя Иван «Скорую» вызвал, милицию. Мы все у его дома стояли. Парней увезли, а к нам офицер подошел, милицейский. Объяснение взял, дом опечатали Юрин... кошмар, ах кошмар какой, вспомнить страшно!

Вот и все, что я знаю, — сказала Марина, голос ее дрогнул. В третий раз появилась на свидетельской трибуне ее аккуратная сумочка. Свидетельница вынула белый платочек, стерла с лица следы слез и вопросительно посмотрела на меня.

Кудимов надевал часы, адвокат когда-то успел сложить и одну стопку свои бумаги и блокноты.

Из коридора доносилось звяканье ведер, перекликались в опустевшем здании громкоголосые уборщицы. Пора, пора расходиться, объявлять перерыв. Но я чувствовала какую-то незавершенность рассказа свидетельницы.

Что-то было еще.

Марина могла рассказать еще что-то, может быть, важное. Неужели они больше не увиделись? Она и Юра?

И я спросила:

— Вы больше не видели Сумина?

Ответ Марины подтвердил мое предположение.

— Видела, как же. Вместе с Зоей. Когда мы к дому подошли, он нас из скверика окликнул. Мамы дома не было, он зашел. Мы с Зоей ему рану промыли. У него, знаете, такая рана была на темени, волосы слиплись от крови. Мы рану промыли перекисью, потом йодом смазали. Я хотела, чтобы Юра в травмпункт пошел, а он только усмехался: там, говорит, куда я сейчас пойду, мне это не понадобится. В милицию он собирался пойти сразу от нас...

— Но вы расспрашивали его о случившемся?

— Какие расспросы?! — укорила меня Марина. — Вы что, не представляете, в каком он был состоянии?! На него же глядеть страшно было! Это он нас расспрашивал: что с парнями, где они, живы ли. Мы его успокоили: живы, живы, увезли их. Мы не знали ведь, что один умер. Я попыталась Юру расспросить, он отмахнулся: «Что мне оставалось делать? — сказал: — Ведь совсем на голову сели, да вот, видишь», — показал на рану, закрыл лицо руками. Нельзя было его спрашивать тогда, нельзя. Да и побыл у нас мало, рвался: скорей надо в милицию, а то подумают, что сбежал. Это и мы сообразили, что надо быстрее

в милицию. Проводить он себя не дал. И все. Больше не виделись... сейчас вот только...

— Какая рана была у Сумина? От чего?

— Ударил его кто-то из них, из парней этих. Не знаю, кто. Кожа рассечена была, кровь...

Вот как! Значит, все же ударили. В обвинении все эти подробности вместились в одну фразу: «Во время ссоры, перешедшей в драку». Теперь надо все выяснить до мелочей — из этих мелочей и жизнь-то складывается, не только драки...

Да уж, правы были мои коллеги: напурхаюсь я с этим делом!

— А Лягушенко Зоя? Она видела это?

— Она говорит, что едва ее выпустил Шишков, тут же за ограду бросилась. Да сама она лучше расскажет, — устало сказала Марина.

Действительно, Лягушенко расскажет сама. Но мною двигало уже нетерпение.

— Сумин, вас ударили? Что за рану вы получили? — подняла подсудимого.

Он забыл о своем отказе от показаний, не встал — вскочил со скамьи:

— Ударил меня Шишков, да! И не кулаком — чем-то железным. Металл был у него, металл, понимаете? И вот он, шрам, смотрите сами!

Наклонив голову, Сумин раздвинул пальцами колючий свой ежик. Я не увидела ничего, а Василий Михайлович Руссу, сказав: «Позвольте», вышел из-за судейского стола, и я не успела вымолвить и слова, как он оказался у загородки, вызвав беспокойное движение конвоиров. Длинные тонкие пальцы доктора быстро пробежали по голове Сумина, и заседатель повернул ко мне лицо:

— Здесь шрам линейной формы с давностью причинения месяца два, не более.

— Василий Михайлович, прошу вас занять свое место, — укоризненно сказала я, — наличие шрама и давность его установит судебно-медицинский эксперт, не надо нарушать...

— Простите, — невозмутимо ответил Руссу, — не сдержался. Профессия такая. Я врач, — это последнее разъяснение он бросил в зал, где началось легкое движение.

Молодые люди на последней скамье перешептывались. Мать убитого напряженно вглядывалась в Сумина, мужчина за ее спиной презрительно поджал губы и покачивал головой — недоверчиво, неодобрительно. Потерпевший Реутов вновь изменил позу, теперь его белые кисти схватили и напряженно сжимали локти.

Мне же стало ясно: нужно назначать экспертизу. Судебно-медицинскую.

Но это завтра. Время более чем кончилось. Восемь.

Объявляю перерыв до 12 часов следующего дня.

Приземистый «Жигуленок» Антона Волны, мне кажется, забит до отказа. За рулем великан Антон, рядом с ним мой далеко не малогабаритный муж, на заднем сиденье — Людмила и Катюшка с Сашей, которые прыгают и верещат, как обезьяны.

— Слушайте, — смеюсь я, пристраиваясь с Сашкой, — вот па-

радокс: чем меньше машина, тем больше в нее входит людей! Чем объяснить?

— В большие машины просто-напросто не пускают много народу, — солидно объясняет Антон, — а вот моего малыша вы заездили.

Игорь, я вижу, сердит. Во всяком случае, говорит укоризненно.

— Могла бы уж ты хоть сегодня... Ждем тебя, ждем.

Что тут ответить? Ну не могла я, никак не могла!

Включается понятливый друг мой Антон:

— Да ладно! Было бы кого ждать.

И мы отправляемся.

Моя будущая квартира близко, и минут за двадцать до окончания отведенного мне времени мы уже остановились у желтого крупного дома. Вначале оглядываем дом: большие окна с квадратами массивных рам, чисто покрашенные стены, аккуратные двери подъездов. Сашуля дергает меня за плащ:

— Мамуля, гляди, качели!

Глазенки сына восторженно сияют. Да и есть от чего!

Детская площадка во дворе — шик. Качели. качалки, какие-то изогнутые лесенки. Почти под окнами — отмечаю с радостью, значит, малыш сможет гулять один, а я только поглядывать буду из окошечка. Красотища!

— Терем-теремок, — шутливо запел Антон, — кто в тереме живет?

— Я, мышка-норушка, — подхватываю тоненьким голоском.

— Я, комар-пискун, — басом продолжает Игорь, и мы хохочем, радостные.

Товарищ Семенцов открыл нам массивные двери, за которыми были еще одни — тяжелые, прикрывающие тамбур.

Антон не удержался, щелкнул пальцами по двери, подмигнул мне: «Н-да-а!»

А я уже прикидывала.

Большая комната — это будет гостиная. И кабинет одновременно. Комната чуть поменьше — спальня. Нет. Спальней будет маленькая комната, а эта — Сашке. Ух, и раздолье будет моему сыночку на этих шестнадцати квадратных метрах, эх и развернется же мой малыш! Спать будет на настоящей кроватке, а не в кресле-кровати, от которой мне всегда было не по себе, когда я укладывала сына. Эти бортики с трех сторон... Не хочу называть то, что мне это напоминало...

— Что ты, Наташа, — ласково тронул Игорь мой затылок. — Что ты, милая моя? Теперь заживем! Я все сам сделаю, увидишь, что будет. Вот они, руки мои.

Протянутые мне ладони были большими, натруженными, надежными. Господи! Продли мгновение это! Пусть постою я в новом своем доме и навстречу мне пусть тянутся готовые оградить ладони! Пусть сын мой, дорогой мой мальчик, будет рядом, и Антоша Волна, и Людмилка с милой Катюшкой... Мой мир, мое пристанище, помощь моя, поддержка, да что там — жизнь! Так хорошо мне было и почти спокойно в это мгновение... Только откуда-то из-за плеча потянулось вдруг и встало передо мной легкое облачко и ясно-ясно проглянул черный ежик волос, очень знакомый ежик, выставленный вперед, словно в защиту...

Что же наделал ты со своей жизнью, темноглазый парень? Что наделал ты?

И как совместить эту мою тихую радость с тем завтрашним днем, когда начнется суд и диковинные бабочки-ресницы заметутся на измученном лице, ища справедливости и сострадания.

Почему не может быть мир спокойным и счастливым? Без убитых и убийц, без черных траурных платков матерей, без слез любящих и любимых?!

Где ладони, способные всех защитить? Всех, не только меня...

— Наташа, да что ты? — Антон обнял меня за плечи, встряхнул легонько, подтолкнул вперед.

Мы простились и укатили домой, в свою крошечную квартирку, которая показалась нам еще меньше после увиденного.

Долго не спали, обсуждали свои хозяйственные дела.

Утром получение ордера не заняло много времени, я передала Игорю драгоценный листок и отправила в ЖЭУ за ключом.

И приступила к службе. Первым делом — звонок эксперту. Тот шрам на голове Сумина требовал исследования. Первый день процесса, не принесший, кажется, никакой ясности, поставил новые вопросы.

Драка дракой, но в двух словах о ней говорить нельзя. То, что сделал в этой драке Сумин, установлено. А что сделали Сумину — нет. И потом: если даже Марина Морозова приукрашивала своего дружка, все равно в ее рассказе было много такого, что заставляло задуматься: обычная ли это драка, возникшая, как записано Ивановым, после совместной выпивки и ссоры? Обычная ли?

Вспомнились ребята на задней скамейке: как притихли и слушали напряженно, заинтересованно, словно решая для себя те же вопросы, что возникли у меня.

Договориться с судебно-медицинским экспертом труда мне не составило.

Шамиль Гварсия знаком мне по прежней моей работе в прокуратуре. Жгучий брюнет, смешливый, он, казалось, так не подходил своей печальной профессии. Но когда мы работали с ним по делам об убийствах, он становился мрачным, сердитым и дотошливым.

Меня подкупали в нем не только его блестящие знания. Раз и навсегда зауважала я Шамиля, когда увидела однажды, как болью исказилось красивое смуглое лицо, как бережно и осторожно, словно боясь причинить новые страдания, он черным пологом прикрыл от чужих взглядов мертвое тело молоденькой девчонки, истерзанной негодяем в ночном лесу. «Уважение к живым начинается с уважения к мертвым», — сказал мне тогда Шамиль Гварсия, и я помню его слова.

— Э, Наташа, я так редко стал тебя видеть, что примчусь по первому зову. Говори, когда? — весело сказал Шамиль. — Все шрамы в мире я готов исследовать!

Договорились, что Шамиль подойдет к началу процесса, чтобы войти в курс дела, послушать свидетелей.

Сегодня первый допрос — Лягушенко.

Важная свидетельница.

— Прошу встать, суд идет!
— Прошу садиться, — говорю и окидываю взглядом зал судебного заседания. Все в порядке.
Сумин сидит в обычной позе, опустив голову, сжавшись в комок. Прокурор, адвокат, потерпевшие. Старушка на прежнем месте, у окна, рядом с ней Морозова Марина. Возле двери несколько вчерашних любопытных — значит, заинтересовались делом.
Последняя скамья поредела, но не пустует. Длинноногий в самодельных «варенках» тут, уже вытягивает шею. Рядом с ним появился новый парень в запахнутом сером пальто, взгляд исподлобья. Есть и вчерашние, но не все.
Никто против участия в процессе судебно-медицинского эксперта не возражает, Шамиль пристраивается сбоку секретарского столика, поскольку другого места в тесном зале нет. Галка-секретарь тихонько ворчит, отодвигая бумаги, однако я знаю, что ей приятно такое соседство: Шамиля любят все.
Зоя Лягушенко, не в пример уверенной в себе подруге, входит робко, бочком, озирается испуганно и первым делом говорит:
— Здравствуй, Юра, — и лишь потом вежливо склоняет голову в нашу сторону, — здравствуйте.
Зоя повыше подруги, покрупнее, но тоже худенькая, стройная. Одета поскромнее, однако с достоинством и вкусом. Особенно этот длинный шарф густо-бирюзового, я знаю, самого модного цвета. Один конец шарфа заброшен за плечо и прижат ремешком сумки, второй конец свисает на грудь красивым весенним потоком.
Лягушенко не так подробна в своем рассказе. Ну да ведь и знает она Сумина меньше — познакомилась после его возвращения из армии. К тому времени они подружились с Мариной, работая вместе на часовом заводе.
Голос Зои дрожит, срывается, она очень волнуется, и я опускаю глаза: мне всегда неловко видеть слишком взволнованного человека. Словно я тоже повинна в его переживаниях. Чем ближе движется рассказ к трагическим событиям, тем чаще запинается Зоя, хватает ртом воздух, и я замечаю, как беспокойно переменил позу в кресле доктор Руссу. Его тоже тревожит состояние свидетельницы.
Решаюсь помочь ей вопросами.
— Вы поняли причину ссоры между Суминым и потерпевшими? Той, первой ссоры в кухне?
Бледное лицо берется красными пятнами:
— Да, конечно. Причина была во мне. Они хотели, — девушка потупляет голову, — хотели... Вы понимаете...
Я-то понимаю уже, но Зоя должна это сказать всем, поэтому жду, пока она подыщет нужную формулировку. Однако свидетельница умолкает, и тут раздается из зала возмущенный голос Марины:
— Да они изнасиловать ее хотели, вот что нужно им было! Негодяи, они ее мордовать задумали!
И еще не смолкли последние слова Марины, как Реутов вдруг резко привстал, выбросил в сторону зала руку с двумя растопыренными пальцами и прошипел:
— Не шелести, дура!
Среагировать я не успела.
Послышался какой-то странный шуршащий звук, и я увидела, что лицо Зои Лягушенко, ставшее снова бумажно-белым, запрокидывается назад, и она медленно оседает, хватаясь за трибуну слабыми, не держащими пальцами!

— Перерыв! — это крикнула я уже на бегу, но меня опередил сидевший с краю доктор Руссу, который подхватил обмягшее тело девушки и спокойно сказал мне:
— Мой саквояж!
Шамиль Гварсия уже держал Зою за плечи.
Я бросилась в совещательную комнату, а понятливая Галина быстренько освобождала от посетителей зал. Конвой увел побледневшего Сумина.
В саквояже доктора нашлось все необходимое, действовал он быстро и решительно, тихонько переговариваясь при этом с Шамилем.
Вскоре доктор успокаивающе кивнул мне и сказал:
— Не надо «Скорую», все в порядке.
Галка-секретарша строго ответила ему:
— Уже вызвала, такой порядок.
— Ну ладно, — народный заседатель улыбнулся, — я здесь ведь в другом качестве!
К приезду врачей «Скорой помощи» Зое действительно полегчало, она пыталась встать со скамьи, куда ее уложили, но этому воспротивился Руссу. Из-под полуприкрытых век девушки катились слезинки, стекая к вискам, и доктор осторожно промокал их бинтом, не успокаивая и не мешая ей плакать.
Потом Зоя тихо сказала:
— Пусть бы лучше меня... пусть бы лучше... чем вышло так...
Мне пришлось вмешаться:
— Помолчи, Зоя, ты не должна говорить ничего. Придешь в норму, расскажешь суду и не волнуйся, пожалуйста!
Сердитая женщина, врач из «Скорой», выговорила мне за вызов:
— Здесь у вас два таких корифея, а вы нас вызываете!
И на мой вопрос ответила уверенно:
— Реакция на травмирующую ситуацию. Никакой патологии нет. Полчаса отдохнет девица, можете продолжать работу.
И села писать справку.
Я успокаивала Зою Лягушенко, а сама была взволнована, пожалуй, не меньше ее. Испугалась. Расстроилась. Вот оно, несложное дело. Бывают ли они вообще, несложные?
Оставив в зале Руссу и Шамиля, поднялась в кабинет.
Коллеги уже были наслышаны об инциденте в судебном зале. Лидия Дмитриевна, глянув сочувственно, сказала:
— Зайди к Валерии, бесится.
Алевтина молча забрала мою кружку. Знаю, заварит мне чаю.
Валерия Николаевна смотрит на меня укоризненно, и под этим взглядом я действительно чувствую себя виноватой в том, что свидетельница потеряла сознание, вспомнив страшные события.
— Как же так, дорогая? — спрашивает меня начальница. Точнее, не спрашивает, а упрекает:
— Да я-то при чем? — не выдерживая, взрываюсь. — Этот случай только доказывает, насколько серьезны были переживания девушки — и тогда и теперь. Понимаете? Не простая это была пьяная ссора! Если девчонку хотели изнасиловать пьяные парни, а Сумин вступился — это же совсем другая ссора, другая драка. Картина совсем другая! Как он должен был посту-

пить? Не ссориться с ними? Так? Я считаю, и ссориться должен, и драться, зубами вгрызаться...

— Тихо, тихо, дорогая, — прерывает мой возмущенный монолог Валерия Николаевна, — ты еще молода, а я на уголовных делах собаку съела. Подумаешь, хотели. Не изнасиловали же! Может, и обошлось бы. Они еще только хотели, а их убивать?!

И потом, дорогая, ты с прокуратурой хочешь меня окончательно рассорить! Они и так на тебя в постоянной претензии. Ты еще молодая...

— Этот недостаток скоро проходит, — непочтительно перебила я начальницу, — правда, я молодая еще, но хотелось бы быть моложе. И не бояться драки, если нужно защитить другого. Кстати, этого и закон требует, только мы его совсем забыли. Вы забыли.

— Ну, знаешь!

— Знаю, Валерия Николаевна, — говорю я уже спокойно, — мы еще выясняем причину первой ссоры, самой первой. К мотиву убийства почти не приступали. И говорить, должен ли был Сумин действовать так, как действовал, рано. Могу вам обещать, что разберемся. Со всей серьезностью.

Видимо, возразить ей нечего, и она отпустила меня. Но я уже знала: Валерия Николаевна будет строго и придирчиво наблюдать за процессом. Эта ее фраза о возможной ссоре с прокурорами. Значит, как говорится, кошку бьют — невестке понять дают. И мне дали понять: за пределы обвинения выходить нежелательно. Что бы там ни было в судебном заседании, обвинение должно быть незыблемым, чтобы, не дай бог, не конфликтовать с прокуратурой.

Ну уж нет! Со мной этот номер не пройдет!

Будет так, как требует закон. Судьи независимы.

Милые мои коллеги все понимают. Житейский и судейский опыт подсказывает им единственно нужную мне сейчас поддержку.

На моем столе стоит чай, и меня ни о чем не расспрашивают. «Что случилось-то? А ничего и не случилось. Обычная рядовая накачка. Если ты права, найди силу преодолеть все. Слабым не место здесь, где решаются судьбы. Ты сильная и справишься», — вот что сказало мне молчание коллег. Они верили в меня!

— Прошу встать, суд идет!

В притихшем зале все на местах. Реутов молча принимает мое замечание.

Справка о том, что Лягушенко по состоянию здоровья может участвовать в процессе, лежит у меня на столе, но я осведомляюсь:

— Лягушенко, вы можете давать показания?

Девушка кажется мне более спокойной, чем в начале допроса, голос тверже:

— Да, я могу давать показания. Я готова.

— Прошу рассказать все известное вам по делу. Продолжайте ваши показания.

Отошли в сторону обыденные мои заботы, тревоги. Квартира, начальнический разгон. Сейчас передо мной одноэтажный старенький домик в две комнаты и двор, огороженный штакетником, и две девушки, и три парня, и неумолимо надвигающаяся смерть одного из них... Только это, только это. Ничего более. Ничего... Это меня зовут Зоей.

Я пришла в гости к подруге, и мы навестили Юру, которого любит Маринка. Пили чай, ели торт. Потом явились двое. Наглые. Мне страшно, когда Юра, словно мячик, отскакивает от упругих кулаков. Нереальной кажется беда, грозящая мне, ее отводит мальчик с черным ежиком волос, большеглазый и слабый. Снова страшно, когда я убегаю к соседям. Значит, беда была рядом, раз понадобилось унизительное бегство? Я сижу под защитой взрослого большого человека Перевалова дяди Ивана и вижу, как нервничает Юра: там, в доме, Маринка осталась наедине с незнакомой пьянью.

Волнуется Юра, и я волнуюсь и посылаю его: иди, иди, ведь там Маринка... говорит вернувшийся с улицы дядя Иван Перевалов, что парни ушли, он только что видел их в спину... Я бегу туда, где Марина и Юра, но едва открываю калитку, как меня кто-то хватает за руку и пьяно хохочущая морда кривляется передо мной, мне больно руку и страшно, страшно, потому что я одна и некому защитить меня... Как освобождение доносится знакомый голос, проникает в сознание, оттесняя страх, требовательный крик: «Отпусти девчонку!» — и мне становится легко, и ноги сами выносят прочь, за ограду, за обиду... Уже от дома дяди Ивана, под его защитой, я вижу, как мечутся во дворе, который я оставила только что, какие-то тени... Зачем? Почему замахнулся на Юру тот, высокий парень, что держал меня? Я вижу, как другой парень идет по ограде, растопырив в стороны руки, согнувшись, словно ловит убегающую курицу, потом резко выпрямляется и, развернувшись, бежит к калитке, а за ним Юра, которого я потеряла из вида на несколько мгновений... Вот оба они скрылись за изгородью, мне не видно их, они будто присели, и Юра — бегом от дома, не оглядываясь... Что-то кричит дядя Иван Перевалов, почти бегом направляется к своим воротам и я за ним...

Во дворе Юриного дома — непостижимая картина: разбросав руки, лежит мой обидчик, а второй у калитки, словно молясь, склонился на коленях... кровь... страх, и вновь я бегу, догоняю Марину, и мы обе стоим, охваченные ужасом, не в силах осмыслить, разумом принять происшедшее.

Юры нет. Дядя Иван Перевалов громко причитает, всплескивая руками.

Так ясно вижу я все это и переживаю, что ноги под столом становятся ватными, и, вызывая дрожь, поднимаются по спине мурашки...

— Разрешите вопрос? — Голос прокурора возвращает меня к действительности. Я молча киваю, еще не отрешившись от испытанного острого чувства сопереживания.

— Скажите, Лягушенко, а насколько реальны были ваши страхи относительно изнасилования? — спокойно спрашивает Кудимов. — И когда вас выпустил Шишков, Сумин разве не мог убежать? Ведь опасности для вас уже не было?

Федор Иванович! Неужели рассказ свидетельницы не дал на эти вопросы ответа? И потом, что это я слышу от старого юриста? Мог убежать, не мог убежать Сумин, какое это имеет значение?

На задней скамье, которую я уже окрестила молодежной, вопрос прокурора вызвал движение.

Незнакомец в сером пальто пожимал плечами, слушая, как шепчет что-то ему долговязый парень в «вареных» джинсах.

Девчонки толкали друг друга локтями, и все это означало недоумение.

Потерпевший Реутов повернулся в сторону прокурора и смотрел не мигая, с интересом.

Только муж Шишковой одобрительно кивал головой, выражая явное согласие с вопросом: что, не мог разве убежать, не хвататься за нож Сумин?

Свидетельница ответила удивленно:

— Я все рассказала как было. Думаю, напрасно Юра не стал бы меня уводить. А насколько реальны были наши страхи, показали дальнейшие события.

И, внезапно вспыхнув, резко сказала:

— А почему бы и не вступиться парню за девушку? Совсем уж у нас это правило перевелось, возмутительно даже! Стыдно, право, за вас, мужчины!

— Не надо обобщать, не надо, — обычно мягкий Федор Иванович явно обиделся за упрек мужчинам, но поделом же врезала Зоя сильной половине человечества, нечего и обижаться.

Свидетельница Лягушенко, оказывается, могла быть и жесткой:

— Насколько я знаю Юру, у него не было выхода, он не мог убежать, и позвольте спросить, где такой закон, чтобы убегать, если на тебя нападают?

— Вы оправдываете убийство? — опять рассердился прокурор, и мне пришлось вмешаться.

— Товарищ прокурор, прошу задавать вопросы по существу. Не требуйте от свидетелей глобальных оценок.

— Не имею вопросов, — насупился Кудимов, а я повернулась к адвокату.

— Скажите, — мягко начала Волкова, явно сглаживая резкость своего процессуального противника, — вы лично видели, как наносились удары — Суминым или Сумину?

— Нет, не могу утверждать. Быстро все промелькнуло, в секунды просто. Вот как замахнулся Шишков — видела. Шел на Сумина этот, — Лягушенко, не глянув, кивнула в сторону Реутова, — говорю, словно курицу загонял. — Она помолчала и добавила задумчиво: — Ростом Юра меньше этих парней, поэтому я его из-за забора видела плохо.

Волкова спрашивала еще о ране на голове Сумина, о его поведении, об отношениях с Мариной. Ничего нового Лягушенко не сообщила. Повторила то, что мы уже знали.

Закончив показания, Зоя села рядом с Морозовой Мариной. Стан суминских друзей пополнялся. Так почему-то подумалось мне.

И вот на трибуне тот, кого свидетельницы называли дядя Иван Перевалов. Я жду его показаний с некоторым даже волнением. Еще бы — почти очевидец и взрослый человек. Все же Зоя и Марина — девчонки. И заинтересованные, конечно, лица, дружили. К их показаниям относиться нужно осторожно. Послушаем, что скажет Перевалов.

Иван Сергеевич Перевалов, высокий худощавый пятидесятилетний мужчина, начал показания энергично. Рассказал о Сумине, которого знал с детства.

— Со старшим-то мать намучилась, что и говорить. Тот ее и в могилу свел, она ведь руки на себя наложила, когда его арестовали. Не смогла пережить, бедолага.

Хотя я это осуждаю, — решительно сказал он, — о мертвых плохо нельзя говорить, да я и не хочу, однако должна была мать и об этом подумать, об Юрке тоже. Оставила мальца. Он тогда совсем мальчишкой был, я его дразнил «глаза на тонких ножках». Не в лицо, конечно, — чуть смутился свидетель, — однако же Юрка с жизнью управился, все шло честь по чести, да у горя руки длинные, ноги быстрые. Догнало, схватило... И опять через брата. Я так скажу: надо бы найти того Аркашку да спросить, что за парни к нему шастали. Ходили-ходили, вот и доходили. С этого, — свидетель, не оборачиваясь, пальцем показал за плечо, на Реутова, — с этого тоже спросите, чего ему надо было от парня? Я Юрке верю, а не этим мурлам...

— Свидетель, прошу вас... — остановила я Перевалова, который, по-моему, уже перешел на личности.

— Ладно, не буду, — понял меня он, — приступаю к фактам. Значит, так. Юрка ко мне с этой Зоей пришел. Пусть, говорит, она посидит у вас. Ну пусть посидит. Провел я Зою в комнату, сам с Юркой вышел. Спрашиваю его, конечно, что, мол, случилось-то? Он отвечает: заездили, говорит, меня, дядя Иван, не знаю, как отбиваться. Аркашка — парень у него в то время жил — исчез куда-то, неделю нет, а парни к нему ходят. Сегодня с водкой явились, пьют, расселись как дома. А потом потребовали, мол, девочек нам давай. Я, говорит, объяснился с ними: Марина, мол, невеста моя, а Зоя — подружка Маринкина.

Ладно, отвечают, невесту не тронем, а эту давай сюда.

Юрка, конечно, в бутылку полез, что ему оставалось? Девчонку отдать ухарям? Это уж последнее дело, я вам скажу.

Те парни на него напирают, кулаки распустили: сам уходи с невестой, а эту оставь, справимся сами. За грудки, говорит, потаскались даже, но Юрка девушку-то сумел отстоять, не дал паразитам. Те пьяные, конечно, а пьяный что дурак — сам к беде себя толкает. Могли бы девку изнахратить, ну что тогда, скажите мне?

Значит, так. Говорим мы с Юркой, а он все на дом косится, вижу, нервничает. Сам же я ему и сказал: иди, Юрка, к Марине, а я во дворе постою, вроде как тебя подстрахую.

Подстраховал вот... — горько усмехнулся он и продолжил: — Убежал Юрка, бегом домой, а я за калитку следом за ним. Вижу в спину двух парней, ну, думаю, слава богу, ушли. Хоть я их не видел раньше, но так и подумал, что это те. Улица-то у нас окраинная, тихая, приходящий народ заметен сразу.

Не подумалось мне о худом, вернулся в ограду, там Зоя стоит, я ей и сообщил эту новость: ушли, мол. Она к Юркиному дому, а я так и остался в ограде. Отвлекся, видно, малость, не заметил, как парни вернулись. Услышал крик Юркин, дикий прямо такой крик, что-то вроде: «Не трогай!» или: «Пусти девчонку!!!» Точно не помню слова, но смысл этот. И Зойка ко мне забегает — рядом ведь. Значит, так. Опять я на нее оглянулся и, когда к ограде Юркиной голову повернул, вижу, что Юрка от калитки к дому бежит, а парень, что убитым потом оказался, по

голове его — шварк! Пригнулся Юрка, и я не видел удара, только парень упал прямо у крыльца, а второй — бегом к калитке, склонился, Юрка вроде за ним, и опять я удара не видел, только Юрка выскочил и по улице помчался. Я — за ограду, закричал ему: «Юрка, Юрка», а он знай себе чешет. Ну, думаю, допекли, сволочи. Зло такое меня взяло, мужицкое зло, обида за парня. Ну, думаю, погодите, гады. Схватил от забора штакетину и к Юрке в ограду — разгоню, думаю, сейчас эту кодлу! Я ведь не думал, что Юрка сам им выдал... Всем сестрам по серьгам... Не думал... да еще так...

Энергичный монолог прервался, Перевалов помолчал, оглянулся на Сумина, лицо исказила гримаса боли, жалости и сострадания.

— Юрка, — сказал он тихо, — чего ты меня не подождал, Юрка? Эх!..

Сумин не поднял головы, не ответил, только выскользнули из-за спины его руки, по-тюремному бледные кисти сжали виски.

— Товарищ Перевалов, — начала я, и свидетель встрепенулся, лицо снова стало злым и энергичным.

— Значит, так. Я в ограду вошел с жердиной. Скажу правду, не побоюсь: угостил бы их, честное слово, угостил. Да вижу, один, вот этот, на карачках стоит у калитки, второй руки разбросил у крыльца.

Я вижу, дело серьезное. Палку к себе во двор забросил, чтобы картину не путала, да к тому, что лежит. У него кровь на губах пузырится, но жив, вижу, надо «Скорую» звать. У нас телефонов нет, помчался к магазину, где автомат. Вызвал врачей, милицию тоже. Приехали быстро. Парней увезли. Милиция протокол составила, все честь по чести. Дом опечатали, мне ключи отдали под расписку. Но вот что я вам скажу, товарищи судьи, под самый конец. Вы вот, мужики, — он явно исключил меня из категории судей, обращаясь к народным заседателям, их измерив серьезным и грустным взглядом, — подумайте, пораскиньте мозгами. Сами-то как бы поступили? Куда же годится, коль тебя в твоем же дворе хлещут?! Ни за что хлещут пьяные каты?! Я не знаю, как насчет ваших юридических законов, не приходилось, слава богу, с ними общаться, но, сдается мне, должен быть закончик, чтоб защищать себя и других тоже. Вот я. Запросто мог рядом с Юркой сейчас сидеть. Я ведь с дубиной бежал к ним не разговор говорить. Бьют Юрку — видел. И что, если б я его обидчика огрел, тоже за решетку угодил?

Выходит, Юрка и меня спас от тюрьмы, когда сам защитился? Ну как, мужики, быть-то нам? Не пьем, не хулиганим, а напали — не тронь? Нет, не по правилам это, не согласен я с этим, вот так не согласен, сыты мы смирением, во как, — Перевалов ребром ладони резко провел по жилистой шее и распалялся все больше, — такие войдут ко мне, жену потребуют, я что должен: нате, возьмите, вот дом мой вам, вот жена, вот на закуску ее подружка...

— Перевалов, Перевалов, — опять укорила я. Но по тому, как замерли в судейских креслах, как не шелохнувшись сидели народные заседатели, поняла, что согласны они с Иваном Переваловым.

И притихший зал согласен. Реутов опустил голову. Видно, согласен. Муж Шишковой поджал губы, а сама она словно окамене-

ла, неподвижно смотрит вперед, в никуда, невидяще смотрит... Согласна?!

— Что еще можете дополнить к своим показаниям? — спросила я Перевалова.

— Да, — спохватился он, — главное-то я упустил! Растерялся, что ли. — Он улыбнулся смущенно, полез в карман куртки, достал что-то, завернутое в белый носовой платок. Развернул платок на широкой ладони. — Вот, — торжественно сказал наш свидетель, — думаю, что сгодится.

На белом платке лежал металлический предмет овальной формы. Один край отделан волнистыми покатыми зубцами, на другом — выемка для захвата.

Кастет! Я их повидала немало, работая следователем. Старый знакомец, дружок хулиганов, то, что названо в законе предметом, специально приспособленным для нанесения телесных повреждений.

Кастет!

Удивленно привстал прокурор, светилось торжество в глазах адвоката Волковой, и, еще не задавая вопрос, по взгляду, брошенному Реутовым на кастет, я поняла: этот предмет знаком потерпевшему.

— Откуда у вас это? — спросила я, и Перевалов ответил:

— Когда разъехались все, я еще раз в ограду Юркину пришел. Ну просто так, одному хотелось побыть, обдумать все, осмотреться, представить картину. Стал вспоминать, кто где стоял, как Юрка по двору метался, где парень упал.

Тот косарь ржавый милиция увезла сразу, а я хожу по двору, думаю, вот на беду ни одной палки нет даже, нечего было Юрке схватить, секач и попался. Там, где парень лежал, кровь натекла. Страшно это — людская кровь на земле, я и решил присыпать. Набрал песочку у забора, присыпаю, склонился. Глядь — неподалеку в мусоре что-то. Вытянул — вот он, кастет. И кровь на нем. Кровь, точно. Не знаю уж чья, но кровь, глядите сами.

Свидетель положил на наш стол развернутый платок, на котором лежал кастет. Бурые пятнышки на волнистом гребне проглядывали и сейчас, словно ржавчина.

— Разрешите вопрос? — прокурор, словно школьник, тянул к нам руку и, не дождавшись моего ответа, почти выкрикнул: — Следователю говорили об этом? Показывали кастет?

Перевалов усмехнулся:

— А как же! Говорил. Не показывал, правда. Что нет, то нет. Следователь ваш от меня, как от мухи отмахнулся. В протоколе, говорит, кастета нету, значит, и в природе нету. Я ему возразить пытался, а он: мол, не выгораживай, сосед, убийцу. Так и не глянул на эту штуковину, не захотел мне поверить. А у него ведь экспертизы всякие есть, проверил бы: кровь там, отпечатки разные, как это в кино-то показывают. Не-ет, у него все было просто: вот убитый, вот убийца. Все. Точка. А я никого выгораживать не собираюсь, не думайте, — Перевалов повысил голос, — не такой я человек. Но надо разобраться, что к чему. Сделал — получи, само собой. Но только за то, что сделал, не боле, понял?

Адвокат Волкова, прищурив глаза, грустно смотрела на Перевалова.

Я знала, о чем думала адвокат Волкова. Сейчас она развернет

защиту, откроет новый фронт. Сейчас. А надо бы раньше. Если бы адвокат допущен был к делу раньше, во время следствия и имел право не только заявлять бумажные ходатайства, легко и бесконтрольно отклоняемые следователями! Такие новости, что мы получили сегодня, были бы исключены. Но это кабы да бы. Пока что следователь Иванов, не утруждая себя, легко и просто отмел все, что, по его разумению, не годилось версии об убийстве из хулиганских побуждений. Вот так, запросто отмел, словно не стояла за этим чужая жизнь.

Волкова вопросов к Перевалову не имела, зато, опередив меня, задала Реутову исключительной важности вопрос:

— Потерпевший Реутов, вам знаком этот предмет?

Я замерла в ожидании, и Волкова тоже заметно волновалась. Многое зависело от того, что скажет сейчас Реутов. А он медлил. Поднялся, как и прежде, рывками, словно по частям и молчал, не отвечая. Ни да, ни нет.

И в это самое время в зале вдруг встал парень в сером пальто. Встал и сказал уверенно и веско:

— Говори!

Реутов оглянулся, дернулся, а мне пришлось наводить порядок:

— Гражданин, вы мешаете суду работать. Кто вы такой, назовитесь.

— Воронько, — ответил парень так же спокойно, — я прошу суд допросить меня в качестве свидетеля. Я расскажу про Аркадия и про Реутова тоже.

— Но вы же находились в зале! Свидетелям не положено быть в зале. И потом, допрос еще не закончен, допрашивается свидетель Перевалов и...

— Хорошо, — сказал он, не дослушав, — я подожду в коридоре. — И уже от двери снова сказал: — Говори, Пашка!

Все взгляды обратились на Реутова, и он наконец выдавил:

— Да.

— Что «да»? — уточнила я.

— Знакомый кастет. Он принадлежал Алику. Шишкову.

— Чушь, чушь собачья! Это неправда! — выкрикнула мать Шишкова. — Как не стыдно валить все на мертвого! Конечно, он не защитится, не может сказать. — Она зарыдала, схватилась за грудь, дама за ее спиной открыла сумочку, достала пузырек. Остро запахло лекарством...

Пришлось объявить перерыв.

Нет, все это не проходит даром. Такой поворот дела. Я пришла в кабинет измочаленная совершенно. В двух словах рассказала коллегам о случившемся, о показаниях Перевалова, о кастете.

— Знаешь, — посоветовала Алевтина Георгиевна, — назначай сейчас сразу все экспертизы и передохни. Да, Игорю позвони, — спохватилась она, — что-то он беспокоился с квартирой.

Ах, еще квартира. Я уже начисто забыла об этих заботах за событиями в судебном зале.

Игорь был озабочен и немногословен:

— Наташа, там у нас плита почти совсем не работает. Удивляюсь, как они жили! Я зашел в ЖЭК, оставил заявление, пусть заменяют.

— Хорошо-хорошо, — рассеянно согласилась я.

Игорь уловил мое состояние, сочувственно спросил:

— Трудно?

— Очень! — призналась я мужу и вздохнула: — По существу, расследую дело, и такое открывается, такое...

Я чувствовала просто физическую усталость. Даже ноги мозжило, словно трудный какой-то путь пришлось мне пройти. Бег с препятствиями — усмехнулась я.

Конечно, эти препятствия одолимы, но, боже мой, сколько же требуют сил. Сколько сил и нервов! Самое обидное, что созданы они искусственно, недобросовестными руками.

Ну, Иванов! Как бы ни решилось дело, не миновать тебе частного определения, следователь Иванов. Представить страшно: будь Перевалов потрусливей, считай он свою хату с краю, не сохрани, не принеси этот злосчастный кастет!

Когда же наконец решится вопрос со следствием? Передали бы в одни руки, да под прокурорский надзор. Не такой, как сейчас, настоящий. Чтоб не мундир защищал, а истину, истину, только ее, необходимую всем!

Ведь судьбы решаем, человеческие судьбы. Жизнью чужой распоряжаемся, нельзя же быть равнодушными. Вспомнились напутственные слова Валерии Николаевны при передаче дела Сумина. Прямо она не сказала, нет, для этого у нее достаточно и опыта и ума. Но то многозначительное молчание, последовавшее за словами о несложности дела, об исключительной тяжести последствий, о хулиганском мотиве... То молчание обещало Сумину смерть! Ни больше ни меньше. Смерть. Исключительную меру наказания подготавливала моя начальница убийце Сумину Юрию Васильевичу. Исключительную...

Странное у меня к ней отношение, к этой исключительной. Вот не работай я следователем, да не насмотрись на иные дела рук человеческих, да не наслушайся плача горького и не помни людского страдания...

Но и тот не могу забыть случай, когда от страшного, нечеловеческого воя замерло вначале все в нашем суровом здании, а потом, выбежав в коридор, я увидела и бросилась поднимать старуху, бившуюся головой о каменные лестничные ступени. Мы завели ее в нашу «хомутарку», отпоили водой и валерьянкой, и она, едва придя в себя, трясущимися руками доставала и показывала нам старые фотографии, плохие любительские снимки, где оставался жить вихрастый мальчишка с веселыми глазами.

Показывала мать эти снимки и убеждала нас, говорила взахлеб, не в силах замолчать, каким он был маленьким, ее сын, каким он был ласковым и хорошим, маленький ее сын... Недавнего его прошлого не касаясь, она говорила и говорила, словно вымаливая у нас прощение сыну, которого уже поглотила без остатка исключительная эта самая мера...

Проводив старуху, я зашла к судье, вынесшему тот приговор. Он сидел над чистым белым листом, и лицо было тоже белым, как бумага на его столе...

Нет, неоднозначное у меня отношение к исключительной мере наказания — так у нас именуется смертная казнь.

А Сумин? «Глаза на тонких ножках». Дело-то вон как оборачивается.

Надо бы, конечно, зайти к Валерии, доложиться. Но так не хочется.

Подожду. Назначу экспертизы, будут какие-то объективные доказательства, не просто слова...

Решено: зайду, когда получу заключения. Не с пустыми все же руками. Конечно, начальница любит давать советы, но мне они сейчас не нужны.

Да-а, еще ведь Воронько! Интересно, что расскажет он о таинственном Аркадии, какое отношение к событиям имеет этот неизвестный Аркадий — Аркан?

После перерыва меня ожидала новость совсем другая.

Прокурор Кудимов заявил ходатайство о направлении дела на дополнительное расследование.

Это меня удивило. Судебное следствие идет полным ходом, зачем же его прерывать? Доводы прокурора таковы: необходимо провести экспертизы, расширить круг свидетелей. Так он и сказал: расширить круг свидетелей, словно не знал, что все свидетели по этому делу установлены. Не знаю уж, как он собрался их «расширять».

Вот они, свидетели, все у нас под рукой. Погодите, товарищ прокурор, мы и про Аркана узнаем.

А экспертизы — что ж, это суд может назначить. И назначим. Раньше об этом надо было думать, прокурорские коллеги, раньше, знаю я ваши маневры с дополнительным расследованием.

Адвокат Волкова категорически возражала против предложения прокурора. Реутов мрачно сказал: «Как хотите». А Сумин отчаянно вскрикнул: «Опять к Иванову?! Не надо!»

Мы ушли в совещательную комнату и ходатайство прокурора отклонили единогласно. Мои народные заседатели, впервые попавшие в столь необычную ситуацию, вели себя на удивление дружно. Тютюнник сжимал крепкие кулаки, доктор Руссу играл желваками.

— Наталья Борисовна, как же так? — сказал доктор. — Мне кажется, по делу диагноз поставлен неверно.

— У этого дела резьба сорвана, — заключил слесарь авторитетно, — сам я, доведись до меня, тоже не дал бы спуску.

— Погодите, погодите, товарищи, — принялась я их урезонивать. — Мне кажется, с выводами вы спешите. Работы еще впереди — дай боже. Не забывайте, что человек погиб. Не просто драка — убийство было.

Погрустнели народные заседатели при упоминании о погибшем. Доктор Руссу полистал дело, нашел акты судебно-медицинской экспертизы, прочел и крякнул.

— Н-да. Вот это и называется — бедному жениться и ночь коротка. Черт же его дернул так ударить. Повредил сердечную сумку... Не мог как-то иначе...

— Ну, знаете, — возмутился Тютюнник, — он что, выбирал, куда ударить?! В таком переплете он, по-моему, и не видел, куда бьет. Ткнул, да и все. На горе — в сердце попал. Но на горе не только Шишкову, и себе тоже, надо помнить. Жалко мне парнишку, — признался он, — как хотите, а жалко.

— А того, Шишкова? Жалко? — поинтересовалась я.

Тютюнник кивнул:

— И того жалко. Жизнь за что положил молодую? Ну за что?

— Ладно, товарищи, — подытожила я наши дебаты, — давайте дальше работать. Успеть бы сегодня допросить Воронько. Или сперва экспертизы назначить?

Я захлопнула дело, чирк — острая бежевая корка прошлась по моему указательному пальцу, аккуратно разрезав кожу поперек. Ровной полоской проступила кровь, и доктор Руссу перехватил мою руку, протянутую к губам. Жгучая черточка йода украсила палец. Обидно, как же я буду сегодня хозяйничать?

Прокурор Кудимов, разумеется, нашим решением был недоволен, определение суда выслушал молча.

Адвокат же одобрительно кивала, и, едва я умолкла, закончив чтение, Галина Петровна встала.

— Прошу суд выслушать мое ходатайство.

Похоже, Волкова решила за меня вопрос: назначать прежде экспертизы или допросить Воронько.

Ходатайство адвоката суд обязан выслушать и принять по нему решение.

Это с лихвой покроет оставшееся рабочее время, еще и не хватит его. Значит, Воронько остается на завтра.

Галина Петровна успела четко изложить свою просьбу, и, надо сказать, точка зрения ее совпадала с моими намерениями.

Адвокат просила о назначении двух экспертиз: судебно-медицинской для исследования шрама на голове Сумина: механизм и давность причинения, и возможность нанесения этой раны кастетом, представленным суду свидетелем Переваловым. Вторую экспертизу предстояло провести биологическую — есть ли на кастете кровь, и если есть, то чья?

С ходатайством адвоката согласились все, мы опять вернулись в совещательную комнату и назначили экспертизы.

По своему прежнему следовательскому опыту я знала, что у Сумина утром в санчасти изолятора нужно взять образцы крови, поэтому заготовила необходимые документы.

Огласив определение о назначении экспертиз, я объявила перерыв до следующего дня.

Жаль, конечно, что не допрошен сегодня Воронько. Но нельзя же растянуть рабочий день до бесконечности. Тем более что я не собиралась отдыхать, а лишь меняла фронт работы.

Перекушу сейчас в кабинете, наверняка еще не ушла Лидия Дмитриевна, и у нее найдется что-нибудь мне на зубок. Тем временем подъедет Игорь, если уже не подъехал.

Игорь мой сидел уже в нашей «хомутарке», беседовал с Лидией Дмитриевной, чайник кипел на свободе — наш завхоз соблюдал правила трудового распорядка и в такое время был дома. При моем появлении Игорь, ворча, достал из сумки красное махровое полотенце, извлек из него маленькую кастрюльку, поставил передо мной.

Я поняла: с Сашкой осталась бабушка, Татьяна Ивановна. Она же приготовила и послала мне этот ужин.

— Вообще-то, мать, кончай с сухомяткой, — строго сказал Игорь, — не обедаешь, ладно. Так еще и ужинать перестала. Никуда не годится это.

— Так, так ее, Игорь, — засмеялась Лидия Дмитриевна.

А я промолчала, лишь глянула на Игоря благодарно. Ах, если бы меня ругали вот только так — любя и жалея!

Дно кастрюльки обнажилось быстро. Я вздохнула, отложив ложку.

И спохватилась:
— Игорь, а как же тряпки, стиральный порошок и прочее? Чем мыть-то будем?
— Ну, Наташа, — укорил меня муж, — ты что, забыла? В нашей квартире Людмила уже часа два как плещется. И все приготовлено. Антон пока на работе, но тоже подъедет. Давай, потораплливайся.
Засобиралась вдруг Лидия Дмитриевна:
— Ребята, и я с вами. Некуда мне спешить, давайте я помогу. Отвлекусь хоть, — добавила она, видя наше смущение.
В пустой гулкой квартире громко распевала Людмила, в одиночестве промывая огромные окна, и в наступающей ночи стекла зеркально сияли. Торжественно и чуть таинственно.
Вскоре приехал Антон. Работа приняла совсем уж радостный, ничуть не обременительный характер.
Совсем поздно увез Антон довольную трудовым вечером Лидию Дмитриевну, добросил и нас, забрав дежурившую возле Сашуни бабушку.
Закончился трудный день.
Тихо-тихо в нашей маленькой кухоньке, лишь шуршат газеты, на которые так и норовит свалиться моя усталая голова...

Я листала дело Сумина, боясь чего-нибудь упустить, когда меня вызвали на ковер. Да не куда-нибудь, к первому. Наш председатель суда Хлебников был больше гражданщик, в уголовные дела вмешивался редко, почти полностью передоверив их Валерии Николаевне. И вдруг — вызов.
Моя начальница уже сидела в кабинете председателя. Я примостилась напротив нее.
— Что там у вас с делом, Наталья Борисовна? — недовольно спросил Хлебников, по своему обычаю прихорашиваясь.
Он был мужчиной в критическом возрасте, перевалило за пятьдесят, и старался компенсировать недостаток молодости избытком нарядности. Модный узкий галстук безупречно повторял изгибы дородного тела председателя, открытые распахнутым пиджаком.
— Нормально с делом, — прикинулась я непонимающей, — а что случилось?
Хлебников перевел вопросительный взгляд с меня на свою заместительницу, и ей пришлось отвечать.
— Нет, вы еще спрашиваете?! — возмущенно сказала она. — Почему вы вчера не направили дело на дополнительное расследование, как просил прокурор? Почему опять на вас жалобы?
— Это не я, Валерия Николаевна. Не я — суд отказал в просьбе прокурора. А я только третья часть суда. Может, стоит спросить всех?
Конечно, это был провокационный вопрос. Снимать стружку с судьи — дело привычное. А вот состав суда — прошу прощения, тронуть опасно. Валерия Николаевна, как и я, это прекрасно знала. И поэтому немедленно апеллировала к начальству:
— Ну что это? Полная анархия. Дело принимает серьезный оборот. Там скорей всего необходимая оборона, прокурор просит — верните, пусть расхлебывают сами, зачем нам лишние конфликты с прокуратурой? Если действительно оборона, сами и прекратят!
Пока она говорила, во мне подималась злость. Что же такое суд? Фабрика обвинительных приговоров? Или все же производство справедливости? Как мне смотреть в лицо Зои Лягушенко, Перевалова, Реутова, Сумина, наконец?!
Валерия Николаевна кипела, обращаясь к Хлебникову, но в его взгляде, обращенном ко мне, я видела не осуждение — интерес. Под этим заинтересованным взглядом утихало раздражение, пропала охота спорить. Я видела: Хлебников мой союзник, возмущения моей начальницы он не разделяет. И действительно, едва она замолчала, председатель сказал примирительно:
— А по-моему... вы преувеличиваете, Валерия Николаевна. Пусть рассматривают дело спокойно, ведь все идет путем. И чего вы так прокуроров боитесь? А?
— Я?! — красные пятна с лица Валерии Николаевны спустились на шею. — Я?! Боюсь?!
— Вы, — спокойно подтвердил Хлебников. — Я это не впервые замечаю. А судьи-то независимы. Подчиняются только закону...
С этим я была отпущена, а Валерия Николаевна оставалась в кабинете еще какое-то время.
До начала судебного заседания было более часа, конечно, если успеют медики уложиться в мои жесткие рамки и утречком взять образцы крови у Сумина для экспертизы. И Шамиль осмотрит подсудимого.
Палец мой, порезанный жестким картоном и капитально разъеденный стиральным порошком во время вчерашней уборки, дергало словно током. Никаких аптечек, тем более медпунктов нам не полагалось, бежать в поликлинику с таким пустяком я считала неприличным и держала палец над делом, как пистолет, пока сердобольная Алевтина Георгиевна не разыскала пластырь да не залепила мне рану.
За этим занятием застиг нас телефонный звонок и — вот она, вторая неприятность.
Соблюден теперь закон парных случаев!
Голос Игоря был непривычно растерянным.
— Тут какая-то ерунда получается, Наташа. Меня уверяют, что в нашу квартиру два месяца назад поставлена новая плита. Я говорю, не может быть, но мне не верят. Может, ты переговоришь? Все же ответственный квартиросъемщик...
— Это срочно, Игорь? — раздражаюсь я. — И без меня никак не обойтись? Мне скоро в процесс, я занята по горло, а тут еще какой-то детектив с плитой!
— Как знаешь, — скучнеет голос мужа, не терпящего моего раздражения, — но нас чуть ли не в подлоге обвиняют, учти.
И положил трубку. Прелестно! Меня обвиняют в подлоге! Недоставало только этого.
Но все-таки интересно, что за история с плитой? В чем там дело?
Подумав, решаю все же не выяснять этот вопрос. Иногда, знаю по опыту, полезно такие житейские неурядицы просто пускать на самотек. Пусть будет, как будет.
Постаралась отбросить домашние заботы, принялась вновь за дело.

Раскрыла схему, приложенную к протоколу осмотра места происшествия.

Свежи в памяти показания свидетелей, и и начинаю представлять.

Вот крыльцо дома. Ступеньки, возле которых на деревянной завалинке лежит тот злосчастный косарь — так, кажется, назвал нож Перевалов.

Вышел на крылечко Сумин. Калитка от крыльца, как видно по схеме, около десяти метров. Значит, десять метров. Видит Сумин, что Шишков поймал и держит Лягушенко. Кричит, бежит к ним. Шишков отпустил Зою и угрожает теперь Сумину, тот поворачивает к дому, но у крыльца — Реутов. Ловушка? Капкан? Догоняет Шишков, наносит удар по голове. Кровь. Боль. Злость. Страх? Реальная опасность? Надо защищаться? Что? Что делать-то? Их двое. Пьяны и агрессивны.

Да, надо защищаться, надо, надо!

Убеждена, что надо. Но как? Чем?

Издевательски расставив руки, Реутов идет на Сумина. Еще один реальный противник. Сумин оглядывается, ищет защиту. Его кулаки слабы для этих двух, яснее ясного. Да еще кастет. Удар не сбросишь со счета. Взгляд натыкается на нож. Мгновение — нож в руках. Почему Шишкова не остановил вид ножа? Если говорить, почему не убежал Сумин, резонно спросить, почему не убежал Шишков, завидя нож. Удар нанесен в грудь, значит, они сошлись. Один удар, всего один и, надо же, в сердце! Но то, что ранение одно, тоже кое о чем говорит. Значит, можно верить Сумину, что он желал только пресечь нападение. Когда эта цель была достигнута и раненый Шишков упал, действия Сумина против него прекратились. Конечно, это важно.

Дальше. Сумин бежит к выходу. Но его опережает Реутов, наклонился к ломику. Удар ножом! Сумин выбегает на улицу, мчится, не отзываясь на окрики Перевалова. Наконец-то убегает. На свободе такой ценой!

«На свободе», — усмехаюсь я. Вот так свободу добыл себе Сумин в сражении на собственном дворе!

— Да что же ему делать-то было? — с досадой произношу я вслух. Мои коллеги с готовностью подняли головы от своих бумаг. Я знаю, дело Сумина уже получило огласку в суде, и судьи ждут результата: решусь я до конца быть принципиальной, а попросту, хватит ли у меня смелости? Или все же спущу дело на тормозах?

Столы моих коллег сдвинуты вплотную, поэтому я кладу дело как раз на середину, чтобы им было видно схему.

— Вот, — тычу я пальцем в желтый листок, — вот что мы установили на сегодня.

Коллеги внимательно слушают, а я безжалостно терзаю себя, выплескивая сомнения свои, все плюсы и минусы.

— Тихо, тихо, — наконец успокаивает меня Алевтина Георгиевна, — экая ты горячая. Давай-ка по порядку. Со схемой ясно. А вот мотив? Мотив ты упустила? Сумину предъявлен хулиганский мотив убийства.

— Какое хулиганство?! — Я возмутилась. — Хулиганство отпадает начисто.

— А чего горячишься? — в голосе Алевтины укоризна. — Чего горячишься-то? И в процессе тоже так? Тоже мне, судья...

Пришлось мне проглотить упрек. Но Лидия Дмитриевна меня пожалела:

— Наташа, похоже, конечно, на необходимую оборону. Но будь осторожна: на моей памяти таких приговоров не выносилось. Подумай, может, не стоит ломаться? Верни дело на доследование, как прокурор просит. Прекратят — и волки будут сыты, и овцы целы.

— Чему ты учишь молодежь? — сурово возразила Алевтина, выпрямившись в кресле, всем видом своим показывая несогласие. — Давай лучше обдумаем, чем помочь ей. Доставай-ка сборник, ищи постановление о необходимой обороне.

— Гляньте, — не удержалась я, раскрывая сборник на нужной странице, — чистенький текст, незачитанный. Девственый текст, так сказать.

— А я что говорю? — откликнулась Лидия Дмитриевна. — Перестали этот закон применять. Вот и насело хулиганье нам на шею. Безнаказанность ведет к нахальству, давно известно... Но ведь Наташу жалко. Это не шутка, парень-то убит.

— Да кому-то и начинать надо, — опять возразила Алевтина, стойко держась сегодня в оппозиции, — кому же начинать, как не им, молодым? Ничего, шишки пройдут, а уважение к себе останется. Слушай, Наташа, я словно специально для тебя выписку сделала: «В мышлении юриста главное — логика, а в поступках — справедливость и гуманизм». Это академик Кудрявцев сказал как специально для твоего случая. Справедливость и гуманизм у тебя в наличии есть, — засмеялась она, — давай проверим логику.

Алевтина Георгиевна читает медленно, с выражением, с многозначительными паузами.

Я беру для верности чистый листок, пишу:

«Выписка из постановления пленума Верховного суда СССР от 16 августа 1984 года «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств».

п. 1. Право на необходимую оборону является одной из важных гарантий реализации конституционных прав и обязанностей граждав по защите от общественно опасных посягательств интересов Советского государства и общества, социалистической собственности, общественного порядка, жизни, здоровья, чести и достоинства советских людей.

п. 2. Под общественно опасным посягательством, защита от которого допустима, следует понимать деяние, предусмотренное Особенной частью уголовного закона, независимо от того, привлечено ли лицо, его совершившее, к уголовной ответственности...

п. 3. В соответствии с Законом граждане имеют право на применение активных мер при защите от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, независимо от наличия у них возможности спастись бегством или использовать иные способы избежать нападения».

Я сделала выписку просто из привычки записывать для себя все главное, Алевтина же удивилась:

— Ты что, на память не полагаешься?

И прокомментировала, обращаясь больше к Лидии Дмитриевне:

— Вот видишь, что говорится: конституционное право и обязанность — раз, защита не только жизни, но чести и достоин-

ства, да и не только себя, и других граждан — два, и от преступных деяний — три.

Есть это все в твоем деле? — обратилась она уже ко мне.

Я кивнула:

— Вроде бы все это есть.

Коллега моя возразила сердито:

— «Вроде бы» — это не разговор для судьи.

— Но еще судебное следствие идет! Рано говорить.

— Когда будет в самый раз, тогда и сомнения твои уйдут. А пока в свою бумажку еще вот что запиши.

И продиктовала:

«П. 8. Суды должны учитывать не только соответствие или несоответствие средств защиты и нападения, но и характер опасности, угрожавшей оборонявшемуся, его силы и возможности по отражению посягательства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и защищавшегося (количество посягавших и оборонявшихся, их возраст, физическое развитие, наличие оружия, место и время посягательства и т. д.). При совершении посягательства группой лиц обороняющийся вправе применить к любому из нападающих такие меры защиты, которые определяются опасностью и характером действий всей группы».

Прилежно дополнив свою запись, я принялась обдумывать ее, примеривая к делу.

Характер опасности был реальным. Вот еще что экспертизы покажут?

Количество нападавших и оборонявшихся — тут все ясно.

Возраст одинаков, а вот силы явно неравны. Оружие. Смущает, конечно, нож. Но ведь нож-то какой?! Это не хулиганская финка, а ржавый тесак для очистки обуви, валявшийся во дворе. «Что попало под руку», — так говорил Сумин. У нападающего — кастет, у обороняющегося — нож, пусть даже такой. Можно считать оружие равным?

И рассердилась сама: а почему оно должно быть равным? В совокупности все обстоятельства надо учесть, в совокупности.

А может, все же лучше было бы отправить на доследование все это дело?

Но это лучше для кого? Уж только не для правосудия. И не для справедливости, следовательно.

Заглянула в кабинет секретарь Галина.

— Все на месте, — сердито сказала она, — чего вы ждете? Опять справедливый упрек.

Чего я жду? Просрочила почти десять минут, а это недопустимо.

Быстренько спускаюсь на первый этаж, через узкие закутки-коридоры пробираюсь в совещательную комнату. Мне навстречу встают, здороваясь, народные заседатели.

— Здрасьте! — скороговоркой отвечаю я. — Пошли?

— Прошу садиться! — это я говорю уже в зале. — Продолжается судебное заседание. Эксперт Гварсия готов к даче заключения?

— Да, — подбрасывает Шамиля его кавказский темперамент, — готов!

В руках эксперта уже отпечатанный на машинке листок с заключением.

Мы внимательно слушаем.

Итак, эксперт подтвердил, что давность и механизм причинения шрама линейной формы на голове Сумина соответствует обстоятельствам, указанным подсудимым. Почему-то с особым значением и удовольствием Шамиль прочел: «и причинен металлическим предметом с четко очерченными гранями, каким может быть выступающий гребешок представленного эксперту кастета».

Вопросов к Шамилю не поступило, и он сел рядом с Галиной, предварительно победно оглядев зал.

Биологическая экспертиза, которая определит, есть ли кровь на кастете, еще не готова. Подождем до завтра.

А сейчас допрос.

— Прошу пригласить свидетеля Воропько.

Галка не успела принять меры к претворению в жизнь распоряжения суда. Длинноногий парень в «варенках», который дисциплинированно сидел на задней непорядевшей скамье, сорвался с места и громко крикнул в коридор: «Валера!»

Воронько вошел в зал с видом старого знакомца, уверенно подошел к свидетельской трибуне.

— Воронько Валерий Александрович, — назвался он, не дожидаясь вопроса, — работаю участковым инспектором милиции.

Новость какая! Инспектор милиции просит его допросить.

«Интере-есно», — прошептал Руссу, наклонившись ко мне.

Еще бы. Конечно. Понимающе кивнув, Воронько выслушал разъяснение об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, энергично расписался и начал свой рассказ.

— Что случилось в тот день во дворе Сумина, сказать не могу. Сам не видел, а свидетелей вы без меня слышали. Но я работаю в милиции и... — он чуточку помолчал, подыскивая слова, — и... знаю возможности следователя прокуратуры Иванова... Убийства подследственны прокуратуре, наши ребята по этому делу не работали, оно же явное, раскрывать не надо. Сумин пришел сам, признался. Но я же со школы его знаю! Не мог я в стороне стоять, не мог! Вот и начал... расследовать.

Во-первых, меня реакция Сумина смутила. Понимаете, он такой... ну, недрачливый, что ли... А тут... Пить он тоже не пьет, поговорил я с девчатами, с Перваловым дядей Иваном — нет, не был Юрка пьяный, не вино причиной. Значит, думаю, допекли. Ну, что эти парни вытворяли, вы уже знаете, повторяться не буду. Я хочу о них рассказать, почему и как они у Сумина оказались и что собой представляют.

Вот, — опять на наш стол легла бумага — которая уж! — это справка из милиции, — пояснил Воронько, возвращаясь к свидетельской трибуне, — справка о розыске Аркадия Луковкина по кличке Аркан. Он и есть Аркан, оправдывает кличку свою полностью. Разыскивается за мошенничество, совершенное с помощью Шишкова, Реутова и еще парочки таких же. — При этих словах потерпевший Реутов поднял голову, глянул на свидетеля, злобно, одними губами прошипел что-то, чего мы не расслышали, но Воронько уловил, потому что тоже повернулся к нему и сказал, качнув ладонью.

— Будь спок, парень, будь спок. Найдем и Аркана. А тебя-то потерпевший опознал, что ж ты помалкиваешь, скромник? Он под следствием уже, товарищи судьи, а скрывает, овечкой прикидывается, обижен, видите ли!

Так вот, — продолжал Воронько. — Вместе с Арканом «кину-

ли» они мужика капитально. Деньги под машину взяли да плюс краплеными картишками остальное до копейки вытряхнули. Со всей суммой, это около пятнадцати тысяч, Аркан не только от того мужчины скрылся, но и от дружков. Рыскали они по всему городу, искали Аркана, вернее, свою часть добычи, вот и устроили засаду у Юрки, злобствовали. Недаром и с кастетом пришли, недаром. Уверен я — пролиться бы другой крови, если бы не этот случай. Конечно, они злость не только к Аркану питали, на весь свет злы были — уплыла добыча, обидно. Вот такова прелюдия событий.

Воронько говорил, а я вспоминала белые пальцы Реутова, предостерегающе приподнятые, словно запрещавшие Сумину говорить! А ведь мне не показалось, нет! Он действительно запрещал Сумину касаться таинственного тогда Аркана. Теперь вот стало ясно — почему. Предупреждал: «Не навреди нам, не смей упоминать об Аркане». Угроза была в его жестах, явная угроза и ясно, что Сумин поначалу струсил: знал, с кем дело имеет. Что ж, и это тоже важно. Личность потерпевших по таким вот делам на многое свет проливает. Кстати, и на вопрос прокурора о реальности посягательств тоже. И на вопрос адвоката, почему не работал Шишков.

Тихо-тихо в зале. Даже «молодежная» скамья замерла, внимательно слушает.

— Мы Аркана все равно найдем, — продолжал между тем Воронько, — мне вон ребята мои помогают, с моего участка, — он обернулся назад, и Длинноногий важно кивнул ему: «помогаем!», — это они по следам наших потерпевших прошли, многое узнали полезного. Главным образом, чего не надо делать, — сказал Воронько серьезно, а на задней скамейке тихонько хихикнули и замолкли снова.

Так вот что за «представители» сидели там с самого начала процесса! А я-то никак не могла понять. Оказалось — учатся люди, что надо и чего не надо делать! Неплохо, неплохо, участковый инспектор Воронько.

Свидетель между тем обратил наше внимание на, каюсь, не замеченную ранее деталь: в том дипломате, забытом Реутовым и Шишковым в доме Сумина, были две колоды карт. Руссу, полистав дело, нашел протокол: точно, есть в описи такие, но внимания на это никто и не обратил. Казалось бы, зачем? Но нет мелочей в нашей работе, нет совсем никаких мелочей.

Показания Воронько вызвали новый прилив активности у прокурора. Федор Иванович немедленно встал, горячо и почти искренне заявил новое ходатайство о направлении дела на дополнительное расследование.

Адвокат Волкова так же горячо протестовала, подсудимый Сумин был солидарен с адвокатом, Реутов кратко буркнул: «К чему?», а мать Шишкова устало сказала: «На усмотрение суда».

Опять нам пришлось уйти в совещательную комнату.

И в ходатайстве прокурору мы опять отказали. «Что доследовать-то?» — с досадой сказал Руссу, и Тютюнник одобрительно крякнул.

Действительно, что доследовать?

Справку о розыске Аркана — Луковкина мы приобщили к делу. А прокурор своим ходатайством только помешал нам дополнительно допросить Реутова. Но мы это сделаем.

Я огласила определение, и на столе перед собой увидела записку: «Валерия Николаевна просит сделать перерыв и зайти к ней. Галина». На мой вопросительный взгляд Галка только округлила глаза.

Недобрые предчувствия охватили меня. Зря понадеялась я на закон парных случаев, получив две неприятности. Существует еще закон тройственности. Видимо, он вступал в действие, этот закон.

— Объявляю перерыв на двадцать минут, — сказала я уныло и поплелась на второй этаж.

Валерия Николаевна, увидев меня, поджала тонкие губы:

— Ну, что я говорила? Опять с тобой неприятности, дорогая.

Я молчала. По праву старшего начальница всегда говорила мне «ты», но почему-то лишь сейчас это больно резануло слух. Что я опять натворила? И разве можно так дергать судью, занятого в совсем не простом процессе? Мне бы поддержку, помощь, совет... Да что там, совет. Не мешали бы, не дергали, не язвили. Да-а, судьи независимы и подчиняются только закону...

Право на независимость реализовать не так просто, как кажется. Нет уж, я это право использую, пусть только попробует, затронет дело! Я скажу...

Напрасно я накачивалась злостью. Начальница не коснулась судебного процесса. И приготовленный мною лозунг оказался без надобности.

Валерия Николаевна, сделав многозначительную паузу, задала мне вопрос:

— Что за скандал устроил твой муж в жилищной конторе?

— Игорь?! — изумилась я. Игорь и скандал — понятия несовместимые. Мой муж панически боялся и изощренно избегал всяких конфликтных ситуаций, за что я его нередко поругивала. — Какой скандал? Я ничего не знаю.

— Ну как же! — с явным удовольствием ответила Валерия Николаевна. — Он требует в квартиру новую плиту. Звонил сам Петр Яковлевич, просит вас быть поскромнее.

— Разрешите, выясню вначале, потом продолжим разговор. — Я решительно встала.

Мои коллеги ничего не знали и даже Игорь не звонил, о каком же скандале вела речь начальница?

Первый звонок мужу:

— Игорь, в чем дело с плитой? Какой и где ты учинил скандал?

Муж озадачен не меньше моего:

— Я же тебе позвонил. Они говорят, что у нас должна стоять новая плита. Мол, разбирайтесь сами. Ордер выдан, квартира, выходит, нами принята. Да мы уж там моем и все такое.

Ясности нет. Второй звонок начальнику жилищной конторы. Едва сдерживаемое раздражение слышу в незнакомом мужском голосе:

— Послушайте, я же сказал: разбирайтесь сами. Семенцов не такой человек, с которого я могу спросить. Поэтому сами. Повторяю вам: в вашу квартиру поставлена новая плита. Вот передо мной акт. Марки «Галя». Старая «Лысьва» списана тоже по акту.

«Лысьва»? «Галя»? — соображаю я. Именно «Лысьву» отмывал Семенцов, когда мы пришли в первый раз. Отмывал! Неужели?!

Применяя ненавистный, но помогающий метод, иду в разведку:

— Следуя вашему совету, хочу понять суть дела. Ответственный квартиросъемщик — я, Тайгина, член областного суда, а проще — судья. Мною принята квартира с неисправной плитой «Лысьва». Назовите дату акта списания и номера электроплит — новой и списанной. Я думаю, мы их найдем.

Последнюю фразу произношу многозначительно, словно обещаю глобальное расследование.

Действует. Мой абонент скучнеет:

— Товарищ Тайгина, да ладно. Поставим другую.

— Нет, а где та, «Галя»? — не сдаю я завоеванных позиций.

Голос в трубке становится совсем грустным:

— Видите ли, товарищ Семенцов сказал, что жена к ней привыкла, к той плите. Вот они ее на новую квартиру поставили. Да ладно, привезем вам другую, недельку-другую потерпите, привезем.

— Прошу вас, нет. Поставьте в известность бывшего квартиросъемщика, что им совершена кража. — Мое терпение лопнуло, и меня натурально прорвало! В конце концов, могу и я взорваться! По такому поводу как не взорвешься!

Не прощаясь, бросаю трубку и возвращаюсь к начальнице. Валерия Николаевна неплохой физиономист и, видимо, прочла на моем лице обуревавшие меня чувства, во всяком случае, она настороженно молчит, ожидая продолжения событий.

Ожидаете? Получите. Я говорю жестко:

— Передайте Петру Яковлевичу, что мой муж не скандалил. Скандалить буду я. Так и передайте. Электроплита в моей квартире, точнее, история этой плиты, стоит того, чтобы сообщить о ней секретарю обкома. Я сделаю именно так. А совет о скромности скверно пахнет, скверно!

— Ты что, ссориться с ним надумала? — пугается Валерия Николаевна. — Ты что, не понимаешь, чем это обернется?! Выборы на носу, а ты свару затеяла, да с кем?! Господи! — страдальчески морщится она. — За какие грехи ты мне послана?

Ну что за жизнь, ну что за невезуха?

Меня ждут в зале судебного заседания. Там сжался в комочек молодой парень с огромными неверящими глазами и ждет решения своей судьбы. Ждут дядя Иван Перевалов, участковый инспектор Воронько, Марина и Зоя, долговязый парень в модных джинсах, растрепанные девчонки, пришедшие узнать, есть ли справедливость и можно ли защищаться от подонков?

Они ждут. А я валандаюсь с какой-то идиотской плитой и препираюсь: «буду скандалить», «буду жаловаться»! Тьфу. Я же...

И вдруг остро пронзает мысль: необходимая оборона!

Точно. Сумин не мог не принять бой! Он находился в необходимой обороне. Необходимой для Марины и Зои, для него самого — его жизни и достоинства. Все это он спас страшной ценой, но цену запросил не он сам.

Необходимая оборона!

Почему сейчас, именно здесь пришло ко мне убеждение, которое я только примеривала к действиям Сумина и сомневалась, не решаясь признать.

Сейчас же неожиданным образом поняла тогдашнее состояние парня, его унижение, его злость и желание обороняться.

Да вот что, просто я нахожусь сейчас в том же состоянии. Необходимой обороны. Нужно защищаться от хамства и неуважения, от прямой угрозы моей работе, наконец, потому что, пока я так размышляю, Виктория Николаевна продолжает выговаривать:

— Подумай сама, ведь все равно кадры судей будет готовить обком. А какая о тебе слава там пойдет? Кто бы ни избирал нас, а кандидатуры все равно через наш обком пропустят. Так что, дорогая, не подводи меня и коллектив тоже. Тебе же в первую очередь это боком выйдет, учти. И так уж... жалобы кругом...

Спокойствие пришло внезапно. Исчезла ярость, отпустили сжимавшие горло спазмы. Не в мелочовке дело, вот что я поняла, слушая начальницу. Нет, не в ней, не в плите и квартире дело. Бог с ними! Дело в том, что кадры судей, как я только что слышала, будет отбирать Семенцов, способный на подлость. На мелкую гадость способный, а как он выглядит по большому счету? Нельзя допустить, чтобы он подходил к людям со своими мерками, надо обороняться!

Но... Посмотрим, что скажут люди.

Мое молчание успокоило было Валерию Николаевну, она просеменила ко мне, положила на плечо маленькую горячую ладонь:

— Ну, договорились?

И всплеснула ручками, услышав в ответ:

— Договорились. Я нахожусь в состоянии необходимой обороны. Надеюсь, что смогу защитить судейский корпус от вполне реального нападения. Судьи независимы и подчиняются только закону.

— Бредишь ты, что ли? — поразилась начальница. — Ну иди, работай.

Она, видимо, совсем потеряла надежду меня уговорить.

Я вернулась в совещательную комнату, где ждали меня народные заседатели, ставшие близкими за эти трудные дни. Приветливо им кивнула: все в порядке, все в норме, все путем.

— Прошу встать, суд идет! — Голос Галины позвал нас в зал судебного заседания.

День закончился без особых новостей и тревог.

Допросили оставшихся свидетелей.

Одни рассказали о Сумине, другие — о Шишкове и Реутове.

Огласили документы — подбирали хвосты, так у нас это называется.

У Реутова я ни о чем не спрашивала, хотя вопросы были. Подождем до завтра, когда будет готова биологическая экспертиза.

Спокойствие мое перешло в апатию, мучительно хотелось спать. Сказалось напряжение и моральное и физическое, каждая клеточка во мне вопила об отдыхе, о передышке. Едва дождавшись окончания рабочего дня, я уехала домой с твердым намерением устроить себе одновечерние каникулы и не заниматься ничем, кроме, разумеется, сыпа.

Игорь понял мое состояние, пошептался о чем-то с Сашкой и уехал домывать квартиру один. А мой милый сын окружил меня такой ярко выраженной заботой, что я не выдержала и в конце концов расплакалась, повергнув его в горестное изумление.

Слезы так редко посещают меня, что я уже забыла их горечь и сладость и сама с удивлением чувствовала, как по прозрачным мокрым дорожкам утекает тягостное чувство, жившее во мне все последние дни. Сейчас, со слезами, я поняла: это избавляюсь я окончательно от несвободы, от глубоко спрятанного и скрываемого даже от самой себя страха не быть как все. Покидала меня зависимость от обстоятельств. Я освобождала душу от шелухи рабства, готовила ее для добра, сострадания и справедливости. Текли мои слезы, уходила неуверенность, наступало сладостное успокоение, сознание правоты и важности моей работы и жизни.

Я готова была дать бой и доказать, что есть высшая справедливость, что судьи независимы и подчиняются только закону.

Мы ждали гарантий своего права. Но никто и никогда, ни один самый правильный закон не даст судье независимость, если он не имеет мужества взять ее, эту независимость. Взять и соединить с ответственностью и справедливостью.

Мне казалось, только сегодня я стала настоящим судьей.

Накануне этого приговора...

Судебный процесс завершался.

— Прошу садиться. — Я оглядела зал, в котором пустых мест не было. Люди стояли даже возле двери в коридор. Это хорошо. Я люблю, когда в зале люди. Чувствую себя увереннее, когда вижу глаза, глядящие внимательно и требовательно.

Оглашается заключение биологической экспертизы.

Молодая симпатичная женщина, наш новый эксперт, встала, одернула и без того безукоризненно сидящий строгий синий пиджак, взяла в руки листок с заключением.

Я уже знала его содержание. Наблюдаю за реакцией. Прокурор вертит в руках карандаш. Знает, конечно, результат биологического исследования, поэтому ничего нового не ждет.

Адвокат Волкова вытянула шею, внимательно слушает. Потерпевший Реутов опустил голову, кажется безразличным. Зато напряженно вглядывается в эксперта Сумин. Еще бы! Подтвердит ли экспертиза показания свидетелей? Объективное доказательство, беспристрастное.

Ровный голос эксперта звучит значительно, весомо падают в переполненный зал слова. Сложные медицинские термины, формулы крови, методика исследования... Вот и главное: вывод.

Итак, на гребешке кастета кровь человека.

Происхождение ее от убитого Шишкова и от Реутова исключается. Зато она может принадлежать подсудимому Юрию Сумину!

Сумин не выдерживает все же, вскакивает и вскрикивает отчаянно:

— Вот видите! А меня слушать не хотели, слушать даже!

— Сумин, Сумин, — пришлось мне урезонивать подсудимого, — во-первых, не нарушайте порядок, во-вторых, мы слушали вас внимательно. И выслушаем еще.

Сумин покорно кивает, садится в своей загородке, но голову уже не опускает, часто-часто взмахивает длиннющими ресницами, вытягивает шею, чтобы лучше видеть все из-за высокой деревянной планки.

Вопросов к эксперту не поступило, женщина просит освободить ее от дальнейшего участия в процессе и, получив разрешение, уходит.

Вот теперь послушаем Сумина. Глаза его внимательно следят за мною. Он ждет, готовый вскочить по первому же знаку. Хочет говорить, рассказать что-то очень для него важное. Потому-то так тревожны и умоляющи огромные глаза и трепещут диковинные ресницы, словно боясь закрыться и пропустить ответственный миг откровенности.

— Пожалуйста, Сумин, что вы хотели сообщить суду?

Голос парня дрожит и срывается.

— Сообщить... Я хочу... что я пережил... Что передумал, как казнил себя — вот что я хочу сообщить. Почему меня назвали убийцей? Мне больно, страшно, что от моей руки погиб человек... Но что я должен был делать? Кто мне ответит? Следователя спросил, Иванова. Тот пригвоздил: убийца, говорит, ты. А разве я хотел убивать? Словам моим не верили, ни единому слову, кроме того, что я убил. Разобраться почему, разве это неважно? Иванов мне сказал: отвечай за пролитую кровь. Согласен, судите меня, но и рассудите тоже, по справедливости рассудите, прошу вас, умоляю просто. Это не только для меня важно, для всех! Для них вон хотя бы...

Сумин показал рукой в зал, где сидели притихшие люди.

И я подумала: правда твоя, Сумин. Разобраться важно для всех. От того, какое решение мы примем, будет зависеть позиция многих. И тех, что сидят в зале. И тех, кто узнает о приговоре потом. И судебная практика наконец. Тоже немаловажно.

Да, пусть знают: мы будем защищаться. Жизнь, честь и достоинство — главные ценности, равнозначные, будем защищать. Будем! Однако же защищаться тоже надо умеючи.

— Подсудимый Сумин, — говорю как можно строже, — почему вы в начале судебного следствия отказались давать показания?

Сумин глянул на меня удивленно, опять опустил голову. Долго молчал, так что беспокойно заерзала адвокат Волкова.

Наконец послышалось:

— Разве я отказался? Я думал, никому не надо, зачем душу зря выворачивать? Она у меня и так вся изболела. Иванов сказал: ответишь... Не путай, говорит, меня и суд тоже. Будешь, говорит, показания менять, хуже будет, получишь на полную катушку. Кому хочется? И потом...

Он глянул на Реутова и произнес, не отрывая от него взгляда.

— Павел просил тоже.

— Павел? — удивилась я. — Реутов? Где же вы виделись?

— Он, — кивнул головой Сумин. — Мы встретились, когда меня на допрос привозили, а его задержали... за мошенничество это... ну, Валера рассказал уже. Реутов сказал тогда мне: молчи про Аркадия, не выдавай. И еще он же учил: говори, что пили вместе, поссорились. Будет убийство в драке и хулиганства не дадут, меньше получишь. Иванов тоже мне сказал: хулиганство тебе даю для порядка. Надо же и суду работу дать. Пусть проявят, говорит, принципиальность.

Я слушала и возмущалась. Вот до чего дошло. Следователь, по существу, глумился над правосудием!

«Работу дать»! Надо же!

Пышная крона распустилась на порочных корнях, о которых я знала с давних пор.

Следствие заведомо завышает объем обвинения в расчете на то, что суд почистит его, кое-что отбросит и будет доволен: а как же, справедливость!

Ну а если не почистит? Если не захочет возможной ссоры с прокурором? Или еще хуже: слабый будет состав суда, не разберется. Судьи тоже ведь разные бывают, тут и тайны никакой нет. Недаром в народе и сейчас говорят: бойся не суда, бойся судьи. Если честно, то я не раз убеждалась, насколько верна эта мудрость.

Ну, следователь Иванов, не миновать тебе частного определения! Но это потом. Сейчас продолжим допрос.

— Так что же случилось во дворе, Сумин?

Волнуясь и спеша, выговаривался Сумин. Ну точно. Так оно и было. Каждое слово подсудимого подтверждалось здесь, в этом зале.

Когда умолк подсудимый и я подняла Реутова, захотел задать свой вопрос Иван Тодорович Тютюнник:

— Так было? — сурово спросил он потерпевшего, и тот кивнул, сглотнув слюну. Кадык на худой шее нервно дернулся, выдавая волнение.

— Ну а что бы ты сделал на месте Сумина? Сам как поступил бы?

Реутов молчал, отвернувшись, прижав подбородок к плечу. Настырный. Тютюнник не отставал:

— Что молчишь-то? — повысил он голос, и я под столом незаметно толкнула его ногой: корректней, мол, голос не повышай. Иван Тодорович мой тайный знак немедленно обнародовал:

— Не надо, Наталья Борисовна, меня унимать! Пусть ответит, я хочу знать. Имею право. Я тоже здесь судья.

Лицо мое медленно залилось краской. Приятно ли получить такое замечание?! Но поделом, поделом. В конце концов, твердый мужской вопрос поставлен правильно, мне и самой интересно знать, как он, Реутов, поступил бы? И что ответит? По существу, сейчас он должен оценить недавние события. Кто был прав, кто виноват в происшедшей трагедии? Понял ли он?

— Так что? — Тютюнник требовательно смотрел на Реутова, всем видом своим показывая, что намерен получить ответ и не отступится.

Лицо потерпевшего медленно повернулось к нам, глаза были опущены и голос непривычно тих.

— Как? Да так же, как он, — сказал Реутов. Явная грусть звучала в его голосе. Словно сожалел сейчас потерпевший, что не был на месте Сумина.

Довольный Тютюнник выпрямился в кресле, убрав со стола руки, а я поспешила уточнить:

— Как это? Поясните.

— Да как парень этот, Сумин. Хлестал бы таких гостей чем попало, — послышалось в ответ.

И тут же тихо заплакала мать Шишкова, закрыла руками лицо и некрасиво, взахлеб заплакала, забыв про свой кружевной платок и про суд, наверное, тоже забыв. Склонившись к уху, ей что-то сердито зашептал муж, а она одной рукой сорвала с шеи нарядный свой платок, отмахнулась им и прижала к лицу. Нарядный атрибут показной скорби превратился в черное траурное пятно, в знак настоящего материнского горя.

Доктор Руссу сердито засопел и прошептал мне:

— Не процесс, а фонтан слез какой-то. Сердце надорвешь тут с вами.

Да уж, доктор. В нашем деле сердце надорвать несложно, если оно имеется, конечно. Но если нет такого сердца, способного надорваться от горя, нечего делать за судейским столом, совсем нечего делать. С другим сердцем надо и дело другое искать, другую работу...

Оставшаяся часть судебного следствия прошла относительно спокойно. По очереди задавали вопросы прокурор, адвокат. Выясняли детали у Сумина, несколько раз вставал, односложно и хмуро отвечая, потерпевший Реутов.

И, наконец, прозвучало: «Дополнений нет».

Судебное следствие объявляю законченным.

Прокурор попросил перерыв для подготовки к прениям, пришлось прерваться, хотя это в планы мои не входило. Но я поняла: Кудимов не хочет брать на себя ответственность, побежит согласовывать мнение. То, что обвинение намерено изменить позицию, мне было ясно уже из тех вопросов, которые задавал прокурор.

Но я и не ожидала, что Кудимов струсит. Одно время даже мелькала мысль, что он решится. Но нет. Я хорошо знала кухню следствия и прокурорского надзора. Далековато там до полной объективности, ох как далеко! И слишком бы мне повезло, коли бы прокурор решился все же правильно подвести итог судебному следствию. А я не такая везучая. Все дается мне с трудом, все с боем. Этот приговор мне еще отрыгнется, я знаю. Этот, по делу Сумина приговор, фразы которого и целые куски уже складывались в голове, пока я сегодня выслушивала всех, сама говорила, задавала вопросы. И даже сейчас, когда поднималась на свой второй этаж по широкой лестнице, машинально хватаясь за старинные дубовые перила.

Слова приговора роились, блуждали, просились на белую линованную бумагу, сверху которой обозначено строгим типографским шрифтом: «Приговор. Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики...»

Вот так. Именем республики. Нельзя суду быть несправедливым. Я невольно поморщилась, представив грядущий разговор с моей строгой начальницей. Как к зубному врачу, я откладывала свой визит к ней, зная, что чем дольше тяну, тем больше мне достанется. И все же оттягивала неприятность, оставляла ее на потом. Поставлю перед фактом — решила. А пока незачем трепать нервы. Я знала, что разубедить ее не смогу, так же как она не сможет меня убедить. И совершенно права Алевтина Георгиевна: кому-то надо начинать делать из суда — Суд. Вспоминаю суровую отповедь Тютюнника, и становится стыдно: чего это я взволновалась, подумаешь, Жанна д'Арк! Я не одна, со мной мои судьи — Тютюнник и доктор Руссу. Я знаю их настрой и не стану мешать им выразить в приговоре свою гражданскую позицию.

В кабинет свой, в свою «хомутарку», зашла все же с кислой миной, и мои коллеги сочувственно переглянулись.

— Говорила я, что напурхаешься с дракой, — назидательно произнесла Алевтина.

— Да будет вам, — тотчас вмешалась добрая Лидия Дмитри-

евна, — что случилось-то? Нет еще приговора и говорить не о чем.
— Ну, получила ответы на свои закавыки? — не отставала Алевтина.
Я молча кивнула.
— Полная ясность? — продолжался допрос.
— Когда она была-то, полная ясность? Существует ли вообще? — неопределенно ответила я.
Не было сил и желания делать снова полную выкладку. Да и, что говорить, сейчас мне больше нужен был покой, чтобы полностью оформились мысли, которым предстоит прозвучать в приговоре. Не нужны мне помехи, даже дружеские.
Сейчас не нужны.
— Есть новости? — сменяю я тему разговора. Тотчас кивнула Алевтина Дмитриевна.
— Позвони Игорю, он справлялся.
Игорь сообщил, что на сегодняшний вечер намечается аврал. «Заключительный», — добавил он весело. О злосчастной плите — ни слова. И я не спросила. Зачем? Раз не сказал, значит, все на прежних рубежах.
И весь остаток дня я листала-перелистывала дело, боясь упустить хоть самый малюсенький вопросик, оставшийся без ответа. Не имею я права провалить дело, на которое замахнулась, не имею никакого права, потому что это будет не просто мой провал. Сама идея засохнет опять на много лет, засохнет в нашем суде, как пить дать.
Кроме обычной, сделала еще одну схему.
Построчно, системно заполнила ее. Вот закон: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью кодекса, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства». Статья тринадцатая Уголовного кодекса, почти вышедшая из применения судом. Может, от того, что тринадцатая? — усмехаюсь про себя. Но смех-то смехом, а за статьей этой — люди. И названный убийцей Сумин и убитый Шишков, и его мать, так горько плакавшая у нас на глазах совсем недавно, и Марина, и Зоя Лягушенко и тот, длинноногий, так запомнившийся мне своим неподдельным интересом к процессу... «Ну ладно, не отвлекайся», — одергиваю себя.
Итак, было действие, подпадающее под признаки убийства и покушения на оное? Было. Доказано.
Идем дальше: можно считать это действие преступлением?
Главное — мотив. Выяснили мы мотив действий Сумина? Точно установили?
Ответ у меня однозначный: да. Аккуратно, столбиком, тщательно нумеруя, записываю доказательства. То, что установлено бесспорно. Ого, список получился солидный. Достаточный, чтобы сказать уверенно: Сумин действовал с целью защиты. Хулиганские побуждения отпадают начисто, нельзя говорить и о мести на почве ссоры, как и о драке, я имею в виду обоюдную пьяную драку, которую натянул Сумину следователь Иванов. Явное нападение совершено на Лягушенко, потом еще более реальное на самого Сумина. Значит, то, что называется общественно опасным посягательством, тоже было. И посягающим причинен вред.

Н-да. Ничего себе вред. Вот здесь-то и трудность.
Жизнь человека...
Но у Сумина не было выбора, на карте тоже стояла жизнь и потом, не надо забывать, он же не думал о столь трагическом исходе! И это как раз тот случай, когда от буквы закона нельзя отступать ни на йоту.
Нападение. Защита. Доказательства. Что против?
Вот: показания Сумина на предварительном следствии. Но они разительно отличаются от тех, что он давал в суде. Эти, последние, подтверждаются другими доказательствами до единого слова.
Показания Реутова — то же самое.
Значит, ничего против. Необходимая оборона. Необходимая оборона.
Остается решить: не превысил ли Сумин пределы этой самой необходимости?
Опять скрупулезно расписываю, разделив листок на две половины: Сумин и потерпевшие.
Баланс явно не в пользу потерпевших. Двое здоровенных пьяных парней, один вооружен кастетом и применяет его, бьет в голову...
Ко мне вдруг возвращается чувство присутствия, испытанное мною во время рассказа Зои Лягушенко, и я вздрагиваю от остро пронзившей сердце безысходной опасности. Словно опять я стою там, во дворе...
— Наташа, Наташа! — Голос Лидии Дмитриевны возвращает меня к действительности. — Заканчивай рукопись, скоро Игорь придет. Вы ведь снова мыть собрались? Поешь хоть, пожалуйста.
Я так встряхнула головой, что коллеги мои засмеялись и я рассмеялась тоже.
— А, по-моему, ты потрухиваешь просто, — поддразнивает меня Алевтина Георгиевна, — элементарно дрейфишь, дорогая.
Возмутиться я не успела, за меня горой встала добрая Лидия Дмитриевна.
— Ничего она не трусит, — возражает моя коллега, — не трусость это — взвешенность. Если хотите, самое ценное качество в судье. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Если хотите, я это в Наташе больше всего ценю!
— Ну-ну, — примирительно сказала Алевтина, убирая в сейф дела, — пошутить нельзя. Я это к тому, что у Наташи уже все к приговору готово, вижу это и чувствую. Взвесить — хорошо, но перестраховка ни к чему.
Вошедший Игорь прервал разговор, поесть я не успела, зато уже через полчаса любовалась блестящими окнами и чисто отмытыми стенами моей новой квартиры. Работы оставалось здесь совсем немного, хоть завтра можно переезжать. Муж мой с друзьями вчера, пока я предавалась слезам и унынию, поработали на славу.
— Нервных просим удалиться! — с этими словами выскакива-

ет из ванной комнаты Антоша Волна. В руках у него тряпка, мокрые пряди волос облепили крупную голову.

Я притворно пугаюсь, шлепаю Антона ладонью по вспотевшему лбу, смеюсь.

— Ну, ребята, вы даете! — восхищаюсь, заглядывая в сверкающую чистотой ванную комнату. — Господи, какую чистоту навели! Ну и квартира получилась!

— Не красна изба углами, красна пирогами. — Антоша не мог не выдать свои любимые поговорки.

— Будут, будут тебе пироги, — обещаю я.

— Есть пироги! Не будут, а есть, — подала голос Людмила, орудующая в кухне, — с собой принесла целую кучу. С мясом, с капустой!

Господи, как хорошо! И пироги есть.

Мы собрались в нашей будущей гостиной. Антон с Игорем уселись на подоконнике, мы с Людмилой пристроились на единственном табурете. Обсудили свои проблемы. В субботу и воскресенье, по всему выходило, надо переезжать.

— Ребята, да ведь мне на приговор уходить! — робко вмешалась я в обсуждение. Не хотелось рушить их планы, но что делать — если начать переезд в субботу, то я выпадаю. Возможно, и в воскресенье тоже. Хотя, вероятнее всего, достаточно одного дня для приговора.

Вижу, как Игорь обиженно поджал губы, а Людмила растерянно уставилась на меня.

— Ну дело же, ребята, сами знаете. Процесс идет, да еще какой, — оправдываюсь я виновато.

Игорь молчит, но лучше бы сказал что-нибудь. Молчанку я не люблю больше всего, она не приемлет никаких аргументов.

— А как же выходные, Наташа? Почему в выходные ты должна работать? — недоумевает Людмила.

— Понимаешь, завтра пятница. И прения сторон. Выступит прокурор, адвокат, затем последнее слово подсудимого, и под этим впечатлением мы должны уйти в совещательную комнату. Закон такой. После подсудимого — сразу на приговор, — объясняю я Люде. — Ну о тайне совещательной комнаты вам рассказывать нечего, знаете сами. Будем сидеть в совещательной, пока не будет готов приговор.

— Тайна... — бурчит тихонько Людмила.

Согласна: с этой тайной парадокс получается. По большим ведь делам, где приговоры огромные, суд в таком заточении недели, месяцы сидеть должен. Питание и, наоборот, болезнь, неожиданности разные — люди ведь, трое людей в комнате с утра и до позднего вечера — это называется тайной. Но тайна совсем не в этом заключается, на мой взгляд. Мешать суду никто не вправе, влиять на него, вмешиваться нельзя, мнения судей, процесс рождения приговора, если можно сказать так, тоже важно не разглашать. Это вот тайна. А так? Мои заседатели сегодня уже сговорились: Тютюнник принесет кипятильник, сало, домашние огурчики. За доктором Руссу деликатесы — кофе, чай, колбаса. Конечно, и я что-нибудь захвачу.

— Есть у нас дома что подходящее, а, Игорь? — заискиваю я, — с собой в совещательную. — Муж хмуро кивает:

— Курица.

— Вот, — радостно подхватила я, — курица разделит со мной тайну совещательной комнаты. Бросим курицу, Игорь, на алтарь правосудия? Жертва тайны! — Я смеюсь, и мне вторят друзья. Не выдержал и муж, улыбнулся, тем не менее заметил:

— Люди добрые перерыв делают перед последним словом хоть па неделю.

Тут не выдерживает Антон:

— Бросьте вы! — и повернулся ко мне: — Наташа, не слушай. Этот приговор у нас на работе все ребята ждут.

Я удивленно вскинула брови, и Антон пояснил:

— Да-да, не удивляйся. Наслышаны мы об этом деле. Парни наши из уголовного розыска на спор идут: какой приговор будет. Сама понимаешь, немаловажно это по сегодняшним временам. Когда-то начинать надо, от слов к делу надо переходить. Твой приговор, если он, конечно, справедливым будет, — и, спохватившись, заторопился, — нет-нет, я в этом не сомневаюсь! Так вот он многое по своим местам расставит. Наташа, ведь суд не штамповка, суд рассудить должен, а у нас привыкли к тому, что суд не рассудит, а засудит! Ломай, Натаха, это понятие, ломай, ничего не бойся! Разговоры стихнут скоро, а приговор останется! — закончил он в своей шутливой манере.

— Да мы не об этом, — досадливо сказал Игорь, — мы о перерыве.

— Игорь, но не могу я так! Пойми, что значит перерыв? На несколько дней отодвинется решение дела. Для меня даже, а я ведь профессионал, это трудно. А какова неопределенность другим? Сумину, например? Да и не только ему. Что поделаешь? Как сказал бы Антон, назвался груздем — полезай в кузов. И еще: очи видели, что брали.

Это во мне уже заговорила обида. Умом я понимала, что обижаться не стоит, а вот поди ж ты, сердце не выдержало.

И опять на выручку мне поспешил Антоша:

— Кончай, ребята. В чем проблема-то? Рокфеллеры, тоже мне. Ваши пожитки в мой «Жигуленок» влезут, за один рейс перевезу. Хозяйка под ногами не будет путаться — это же прекрасно, прекра-а-сно-о! — запел он, спрыгнул с подоконника, сдернул мрачного Игоря, и они повалились, шутливо мутузя друг друга на чистом, блестящем полу большой пустой комнаты. Завизжала, ребячась, Людмила, и я засмеялась, потом мы включились в веселую потасовку, забыв, что мы взрослые, солидные люди.

Смех сгладил все, сделал незначительной нашу размолвку, и вот уже Игорь, водрузив меня на плечи, скачет, счастливый, по всей квартире, а я смеюсь, захлебываюсь от сладкого страха, и басовито вторит мне Антон...

Веселье остановил звонок. Запыхавшийся Игорь пошел открывать, а мы, приглаживаясь, недоуменно переглянулись: кто бы это мог быть? В такое позднее время, в такую новую квартиру?

В узком коридорчике у двери гудел голос Игоря, и я вышла туда.

Перед смущенным Игорем стоял Петр Яковлевич Семенцов.

Увидев меня, он чуть отступил в сторону и показал на новенькую плиту у порога:

— Я должен объяснить недоразумение, — сказал он сердито, — вот ваша электропечь, ее забрали при переезде по ошибке. И зря вы подняли скандал.

— Но мы ничего такого... — начала было я, однако Семенцов перебил меня.
— Забудем об этом, — милостиво разрешил он, — возьмите плиту. — И, не попрощавшись, вышел.
Мы молча стояли, переваривая случившееся, и подошедшему Антону Игорь только и смог что скроить недоумевающую рожицу.
Наконец я обрела дар речи.
— Но ведь это не была ошибка! Я видела сама, как он отмывал ту, старую плиту. Значит, видел, знал!
Подтвердила Люда:
— И я. Да все мы видели это. Ну, чудо!
Антон Волна погрустнел, поерошил свой чуб и подытожил:
— Не ошибка это, братцы мои. Нечистоплотность. А какие слова умеет он говорить, какие призывы, лозунги! На деле же и перед мелочовкой не устоял. И он тебе своего поражения не простит, Наталья. Ну, да волков бояться — в лес не ходить, — закончил Антон, — справимся.
Настроение мое было испорчено окончательно. Что за денечки выдались.
...Вот оно, новое утро. Пришло.
— Прошу встать, суд идет! — слышу торжественный голос Галины и выхожу с проклятым сердцебиением: заключительный день процесса волнует меня не меньше, чем первый.
Зал опять переполнен, появились новые люди, среди них, вижу, прокуроры из отдела по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел. Зачем? С неудовольствием замечаю следователя Иванова, который довольно неуклюже прячется в дальних рядах. Зачем? Знакомая молодежь теснится на последней скамейке, едва умещаясь. Яркие курточки лежат на коленях — жарко в тесном зальчике.
Прокурор Кудимов, не поднимая глаз, неторопливо поддерживает обвинение. Сухо, скупо, без обычных цветистых отступлений, без любимых им экскурсов в джунгли истоков события. Как и ожидала, обвинение меняет тактику. Кудимов вынужден признать, что в действиях Сумина нет хулиганства. Отсутствует хулиганский мотив убийства — констатирует прокурор, и я на мгновение замираю: может?.. Но нет. Убийство во время обоюдной драки, без отягчающих обстоятельств. Менее тяжкое, но обвинение в убийстве поддерживает прокурор Кудимов, пряча взгляд.
Отзвучали слова прокурора, уже горячо заговорила адвокат Волкова, а Сумин еще не отнял руки, охватившие голову. Десять лет! Столько просил прокурор для наказания и исправления Сумина.
Десять лет! Щедрый прокурор Кудимов!
Сумин раскачивается, согнувшись на скамье, пальцы утонули в густом ежике волос, и мне, едва брошу взгляд, видна ритмично покачивающаяся эта черная голова и руки без пальцев, словно культи.
Волкова говорит хорошо. Она вообще-то речиста, а сегодня особенно. Конечно, есть о чем спорить, вот и старается.
Выводы адвоката я угадываю задолго до окончания речи.
Оправдать. Волкова считает, что ее подзащитный не совершил преступления.

Раскрасневшись и похорошев от волнения, адвокат садится на свое место, в зале раздаются дружные хлопки, но я строго гляжу на последний ряд, и там быстро успокаиваются.
Правом реплики прокурор и адвокат не воспользовались.
Последнее слово. Я так не люблю эту стадию процесса! Всегда мне больно видеть, как раздевается человечья душа. Как дрожит она, обнаженная и униженная, и страдания ее не унять, не прикрыть ни правдой, ни ложью, ни плачем, ни кривляньем. И вина, и беда гнут, ломают, разрывают душу, и выходит она с последним словом, словно нищая с протянутой рукой — поймите, поверьте, рассудите.
Я отвожу глаза, чтобы не видеть ее содроганий, ее попыток прикрыть словом стыдную наготу.
Наконец позади и эта мука.
— Суд удаляется на совещание!
С помощью притихших Тютюнника и Руссу забираю дело. Уходим.
Оглашение приговора назначаю на завтра.
В субботу, в семнадцать часов.

Тайну совещательной комнаты я не раскрою. Но не считать же тайной, как мои народные заседатели деловито разгрузили портфели и стали устраивать наш уединенный быт.
Не будет тайной, что после того, как мы пришли к общему выводу, опять — чирк — я пуще прежнего разрезала палец распроклятым острым картоном обложки очередной папки, и доктор Руссу с наслаждением раскрыл свой саквояж. Видимо, скучая по своему медицинскому делу, он тщательно обработал и, не слушая возражений, перевязал мой палец.
Нет тайны и в том, что вечером, около десяти, мы разошлись по домам, и меня у подъезда суда, беспокоясь, ждал Игорь. Мы, судьи, не имели права на ошибку, и множества других прав тоже не имели. Например, на то, чтобы нас развезли по домам из совещательной комнаты, откуда мы уходили почти ночью.
Не является тайной и то, как доктор и слесарь-сборщик на целую субботу превратились в деловитых официантов и угощали меня кофе, чаем, обедом, а доктор Руссу ворчал при этом, что он давно собирается поставить вопрос о создании механизма охраны здоровья судей. И на мою насмешку ответил серьезно, даже сурово, что это будет на пользу не только судьям, всему делу пойдет на пользу, а эти мелочи лишь кажутся мелкими, на самом деле же представляют серьезную проблему. Не тайна, что я с ним согласилась.
Приговор был готов до наступления назначенного часа. Мы перечитали его, еще раз обсудили.
Доктор Руссу первым взялся за ручку и подписал приговор, тщательно выводя свою фамилию.
— Все верно, Натальи Борисовна, — сказал мне он, украшая подпись затейливым завитком. — Я, правда, впервые в таком деле, но сужу по-человечески.
Иван Тодорович Тютюнник долго примеривался к тонкой ручке, казавшейся еще тоньше в большой огрубелой руке. Подписал приговор и засмеялся:
— Ну, поскачут теперь прокуроры! Да ведь и вам объясняться придется, насколько я понимаю, да, Наталья Борисовна?

Я поспешила успокоить Тютюнника и доктора Руссу, который тревожно поднял на меня глаза при словах товарища.

И подписала приговор последней.

Ближе к пяти меня опять стало одолевать волнение, скрыть его я не смогла, и доктор сочувственно полез в саквояж, где чего только не было, развернул свой походный лазарет и накапал мне, сосредоточенно считая, каких-то ужасно неаппетитных капель.

Осторожный Галкин стук в дверь возвестил, что все в сборе, пора выходить. И вот я уже слышу:

— Прошу встать, суд идет!

Мы выходим и остаемся стоять, потому что приговор провозглашается и выслушивается стоя.

Знак уважения к закону и правосудию.

Я успеваю заметить в зале Лидию Дмитриевну и радуюсь: «болеет» за меня коллега, приехала послушать приговор в субботу, в выходной день.

Надеваю бурые очки-колеса, и вот он, звучит наш приговор.

В зале тихо-тихо. Словно со стороны я слышу свой голос, который вздрогнул от напряжения, когда наконец прозвучало:

— Суд приговорил:

Сумина Юрия Васильевича за отсутствием в его действиях состава преступления оправдать, из-под стражи освободить.

И словно вздох проносится по залу. Слабый шум, означавший конец напряжению. Под этот легкий, явно одобрительный гул заканчиваю чтение.

— Сумин, вам понятен приговор? Порядок обжалования понятен? — задаю обязательный вопрос, а Сумин Юра смотрит на меня отрешенно и непонимающе.

— Что? Что? — переспрашивает он, и я почему-то очень громко, словно глухому, повторяю ему:

— Приговор, говорю, понятен?

— Понятен, понятен, — торопливо кивает он, а я вижу, как он боится поверить в свободу и не решается выйти в дверь загородки, уже открытую улыбающимся конвоиром.

Дальнейшее остается за моей спиной, я спешу в совещательную комнату, где нужно оформить еще целый ворох бумаг, чтобы Сумина освободили немедленно.

Иван Тодорович Тютюнник послушно следует за мной, а доктор Руссу долго еще стоит, наблюдая, у двери.

Наконец он возвращается к нам и говорит удовлетворенно:

— Вот это я понимаю.

Подписав нужные документы, мы еще долго сидим в совещательной, потом переходим в мой кабинет и вместе с ожидавшей меня Лидией Дмитриевной пьем чай из расписанного розами огромного термоса доктора Руссу. Нам нужно, но не хочется расставаться. Много пережито и перечувствовано вместе, мы больше, чем просто знакомы. Мы — единомышленники.

И только когда раздается звонок и голосок моего сына рассыпается звоном, как серебряный колокольчик, в ответ на мое обещание скоро быть дома, народные заседатели нехотя поднимаются, понимая: пора.

Я с грустью гляжу им вслед и знаю, что не теряю, а приобрела настоящих друзей. Умных и добрых. Эти не дадут в обиду справедливость.

ПОЭЗИЯ

Сергей КРЫЖАНОВСКИЙ

ПРИТЧА О ВЛАСТИ И ВОЛЕ

ЗАКЛИНАНИЕ

Ладо, Ладо, диди Ладо!
Наша мати! Охрани
Зеленя мои от града,
От копыт в лихие дни.
Породи ядрено жито,
Золотисто, духовито.

На высоком на кургане
Требу я тебе кладу,
Чтобы черный змей Тугарин
Не поганил борозду.
Нам таких гостей не надо,
Ладо, Ладо, диди Ладо!
Только первый сок забродит,
Встанет цветом из земли,
Красным девкам в карагоде
Ясных соколов пошли,
Чтоб друг дружку привечали
И дарами, и речами.
С облаков своих летучих
Ты, заступница, следи,

Чтоб лелеял Днепр-Славутич
Долгожданные ладьи
Господина Новаграда.

Ладо, Ладо, диди Ладо!

МЕЧ

Едва откинув полог белой юрты,
Батыр простерся пред владыкой ниц:
«О, златосердный наш!
О, любомудрый!
Слух о тебе не ведает границ!
Четыре дня скакали мы за солнцем,
И вот среди диковинных полей,
Где ни одной отары не пасется,
Русоволосых встретили людей.
Колчаны наши были наготове,
И всемогущим именем твоим
Я возвестил притихшему становью
О том, что вечной дани
мы хотим.
Словенский муж
поклоном не ответил,
Лишь покосился хмуро на камчу.
Ушел совет держать.
А на рассвете
Нам принесли от дыма по мечу...»

Сверкнул смарагд на пальце узловатом,
Смотрел каган, сжимая рукоять, —
По остриям холодного булата
Густые блики начали стекать.
«Не так ли слава, — думал он, —
по капле
Вся утечет,
Растает, словно дым?
То знак небес!
Кривой хазарской сабле
Не совладать с оружием прямым.
Такую дань приносят не в угоду,
Не обратить становий дальних в пыль.

Открылось мне,
что русскому народу
По силам станет даже мой Итиль.
Храни, аллах,
незыблемую веру!
Не отнимай рассудка у хазар».
Отбросил меч.
И верным двум нукерам
Он на хребет батыра указал.

ИСТИНА

«...поляне, яже ныне зовомая Русь».
Нестор-летописец

Все как есть чернецом написано,
Не тускнеют слова ничуть,
Поле, полюшко —
наша истина,
Праславянская наша суть.
Приходили варяги княжити,
Гарцевали ордынцы всласть,
Но из года в год
только пажити
Сохраняли над нами власть.
Мы ветрами вовсю исхлестаны,
Сыты мы лебедой-бедой,
Но сторонку свою с погостами
Величали всегда родной.
Пусть иные по свету мечутся,
Как гонимый издревле тать,
Нам ни отчества, ни отечества
Не пристало хитро менять.
Неразменно раздолье чистое.
Презирая любой искус,
Постоим,
постоим за истину
Мы, зовомая вечно Русь!

Александр БАЙГУШЕВ

ХАЗАРЫ

Исторический роман

Рис. Ю. Макарова

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Вениамин — сын десницы

Чем ближе было к родному городу, тем мутнее становилось на душе у Вениамина, и не знал уже о себе Вениамин, кто он: спаситель или мститель.

Было лестно ему там, в Самбатасе (Вышгороде), в резиденции Ольги в Киеве, что властительница Руси предложила ему пойти в поход со Святославом на случай, если понадобится управлять в Итиле; и был перед Ольгой искренен он, когда, как топчущий в точиле, брызгал кровавым гневом на несправедливости в Городе-на-Реке и доказывал, что управляй разумный правитель городом, а не Иосиф, — например, он, Вениамин, — он бы жил с русами в дружбе. Но вот вышло и пошло к городу войско, и сбежал вперед, не решился вернуться с чужим войском. А теперь и вовсе спешит он вестником опасности в родной город — предупредить тех, к кому сам же пришел с их врагами.

Думал, много думал Вениамин, что польза была бы для города, для всех хазар, если не незнакомый, безжалостный, а он, свой, после боя от имени Святослава над побежденными (пусть хоть врагом посаженный) воссядет. Кому ведь и поможет — обиженный сам своих не обидит... Думал так много, но не смогла душа его возложить на себя такой терновый венец.

А теперь он стоял на мосту передней лодии, обнимая руками венчавшего нос дракона, и напряженно всматривался вперед, и в быстро сгущавшихся сумерках первым увидел вдали будто черную тучу, припавшую к воде. Он понял, что это Город, и закричал с носа:

— Вижу Город.

Но для всех остальных, кто тут же подбежал к нему, увиделась только туча. И Вениамину что-то шепнуло, что не поздно еще ему признать якобы свою ошибку, сказать, что обознался, и... сбежать.

Просто сбежать в неизвестность. Не приходить в родной город с чужим войском, но и не предупреждать город. А оставаться в стороне — высадиться на бреге и уйти прочь.

Ежели жизнь состоит из скитаний, то не все равно, откуда их отсчитывать? Когда весной Иосиф мудро вы-

Окончание. Начало в № 2 и 3.

слал старосту общины ананитов-еретиков в Самбатас, то вся мудрость была его только в том, чтобы отослать Вениамина подальше от Хазарии: никаких дел с русами Иосиф вести Вениамину не поручил. А если позже под нажимом Серах и поручил, даже посольскими полномочиями его облачил, то, видимо, злорадно надеялся, что казнят русы нового посла хазар в отместку за очередную казнь на песчаном берегу возле Города.

Однако изменчива бывает судьба, то совсем вниз сбросит, то вдруг вознесет, знакомые купцы из русов замолвили за Вениамина слово, а знающие ремесла руки быстро приобрели для Вениамина уважение у русов. Так, может быть, где и в другой стране опять помогут Вениамину его знающие ремесла руки (ремесленников ведь никогда не убивали даже самые беспощадные восточные деспоты — охотно принимали при любом дворе?!).

Бежать! Вениамин даже было подвинулся ближе к борту. Но мысль о родных остановила его. Дочери, внуки здесь в городе! Любимая Серах! Всего несколько полетов стрелы до них. Как же он убежит, так и не повидав свое семя?..

Взошла луна, и Город увидели все. Провиднелось то, что казалось лишь тучей, и все вместе с Вениамином различили теперь частокол стен, петлей сбегавших к воде, остров посреди реки и наплавной мост к нему с обоих берегов. Белый дворец с высокой белой башней блестел на острове, и на крыше дворца прыгал и тянулся к луне человек в белом длинном одеянии.

— Царь молится. Просит у Луны помощи! — объяснил Вениамин толпившимся вокруг него. В большинстве среди них были армяне-каменотесы. Они спешили на родину. Побоялись, что война Руси с хазарами затянется, и упросили полководца русов молодого Святослава, сына Ольги, пропустить их вперед войска, чтобы они успели проплыть мимо Города до открытия военных действий. Армяне поклялись Святославу на кресте, что будут молчать о войске. Вениамин обманул армян, сказав, что Святослав разрешил ему уйти с ними.

Когда подплыли вплотную к Городу, ворота были уже закрыты. Но староста армянской артели взял мешочек с серебряными монетами, пошел под ворота, и не прошло много времени, как серебро сделало свое дело.

Вениамин назвался в воротах торговым гостем из

Самбатаса (Вышгорода). Стражники подозрительно посмотрели на потрепанный тузурке (кувшин) на голове Вениамина, на затрепанную пеньковую веревку, подпоясывавшую его халат. Однако допытываться, где его купеческий товар, не стали — Вениамин протянул им монету.

Потом он лежал на земляном полу караван-сарая рядом с быстро захрапевшими армянами-каменотесами, вслушивался в шаги арсиев, стороживших караван-сарай, и представлял, как с рассветом, едва по городу можно будет ходить, пойдет искать дочерей.

Вениамин проснулся, почувствовав, что его сильно трясут за плечи:

— Спишь, почтенный купец? А люди ждут тебя давно в Доме Собрания. Поблагодари меня, что я пришел за тобой. Меня зовут Мазбар, я торговец, а еще записан наблюдателем за Луной при храме. Я, как узнал от стражников, что с караваном сверху единоверец сплавился, сразу побежал — всех оповестил про тебя. Иди же скорее молиться нашему богу, почтеннейший, не томи людей!

Вениамин встал с земляного пола, достал из своей котомки другие одежды, начал переодеваться.

Он сообразил, что идти ему совсем рядом — в старый молитвенный дом, что за караван-сараем. Он не удивился, что его позвали. Все было по обычаю: любой прибывший единоверец, справив неотложные дела, спешил в кинасу для очистительной (после странствий с товарами по чужбине среди иноплеменников) молитвы; ну а там его ждут все, и он имеет полную возможность сочетать бога и пользу — душу очистить и сразу себя людям показать, знакомства восстановить, людей поучить (рассказать про цены там, где был, про товары ходовые, про обычаи) и сам перенять себе полезное.

Когда Вениамин переоделся, то Мазбар поглядел на него с испугом: Вениамин-то вдруг снял с себя одеяние достойное, а надел имевшееся, оказывается, с ним в запасе вовсе к божьему делу не пригодное. Однако в испуге Мазбара вскоре появилась и какая-то радость: уж не от возможности ли новой сногсшибальной сплетни?

Оттого и не сделал Мазбар Вениамину никакого попрека.

Во дворе караван-сарая Вениамин остановился: пона-

деялся, что при полной луне разглядит свой тополь — тот, что рос у пепелища, где когда-то был его дом.

Тополя Вениамин не различил. Но все равно, глядя в его сторону, опустился на колени, стал молиться.

Мазбар все торопил его, и Вениамин, молясь, представил, как и в самом деле нетерпеливо должны ждать его в старом молитвенном доме.

Мир полнится слухами; да и сам он, Вениамин, состоя в последние месяцы послом хазар при Ольге, известил Иосифа о сборах большого войска, начатых Ольгой. И хоть ни сама Ольга, ни ее сын Святослав-полководец не объявляли, что собираются основать Третий Рим, однако на каждый роток не накинешь платок, и никому не запрещено было догадываться, что племена на Руси собираются, как пальцы на руке, в один кулак, чтобы сначала садануть этим кулаком по своему давнему врагу на востоке и обеспечить себе тыл (с торговым выходом через Каспий в Китай, Индию и Халифат), а затем попробовать переять славу у нынешнего Второго Рима (Византии). Ольга хитра — окрестилась в Новом Риме сама и готовит исподволь крещение Руси. Уж не для того, конечно, чтобы из-под руки базилевса глядеть?! А тогда для чего? Ясно, что для того, чтобы единой верой многие народы объединить и Третий Рим поставить!

Вениамин понимал, что именно о Третьем Риме и ждут сейчас больше всего новостей в родной общине, куда он сейчас придет.

Он даже представил, как стоят они сейчас все тихо и молча, тесно прижавшись друг к другу, под низким и душным потолком молитвенного дома — базарганы (купцы, ведущие местную торговлю), менялы, посредники, арбузники, меховщики, клеевары, другие ремесленники. Может быть, даже и кто из его, Вениаминовых, зятьев, если какая из дочерей уговорила мужа перейти в свою веру.

Сейчас все они прослышали про гостя из Руси и сбежались на молитву. Затаив дыхание стоят, делают вид, что молятся, а сами ждут одного — чтобы успокоил их гость. Среди тех ведь, что придут в старый молитвенный дом, не будет ни узурпатора власти Иосифа, ни ожиревших работорговцев, которые ради успеха всемирной работорговли, не моргнув глазом, разделили бы мир на две части: избранное крошечное племя работорговцев и всех остальных — рабов; ни завулонов и пуришаддаев, у ко-

торых торговые дома и на Западе и на Востоке, а деньги на случай войны давно переведены в безопасное место. Здесь в старом молитвенном доме его встретят такие же, как он сам, в сущности, незлобивые и работящие люди. И они будут с надеждой заглядывать ему в глаза, чтобы он их успокоил, сказал, что не будут страдать они за подобных Фанхасу, что смогут еще какое-то время никуда не бежать прочь, не идти в скитания, а обыкновенно заниматься своим ремеслом или торговлей и ласкать вечером своих детей и делить ночью ложе со своими приятными женами.

В старом Доме Собрания у караван-сарая на берегу разбушевавшейся вдруг реки в полночь стоял молча торговый и ремесленный люд. И не толкал один другого, не оттирал другого с хорошего места и предупредительно не уступал места «нужному человеку», и никто не делал знакомств и озабоченно не спрашивал о ценах на базаре с таким видом, как будто, мол, и у него тоже есть свое достаточное дело и кое-что звенит за душой, для этого дела припасенное.

Стояли все плотно, и хотя не всем нравилось, что среди них затесался заводной начальника стражи Гер Булан, но и его стерпели. Очень бы хотелось его ущемить, не допускать бы к себе, потому что уж слишком он грубоскул и клыкаст и за душой ничего, кроме оружия, не имеет, да к тому же еще — многие помнят! — как, уже даже после женитьбы на Серах, любил он называть коангшиу (вонью) тех самых, с кем теперь рядом стоит, к кому прижался.

Люди помнили, и как нещадно бил Гер Булан кнутом своих будущих единоверцев, когда они в городских воротах царя Иосифа не так поприветствовали, в грязь недостаточно быстро упали; как и после вступления в заветную веру продолжал кувшинов, дело не дело, нещадно бить кнутом — сам уже на голове такой же высокий кувшин, серебром расшитый, общиной ему подаренный, одной рукой придерживал, а в другой руке кнут ходит, спины единоверцев горячо ласкает.

Однако как Гера Булана теперь в свой круг не допустить, как двери перед ним, поганцем, в кинасу закрыть, коли уже не Буланом, а Гер Буланом его называть надо, коли он высокомерно носит как титул это обозначе-

ние прозелита «Гер». Как бы вообще все эти новоиспеченные Геры, захватывая власть, не объявили обозначение «Гер» равным «Беку (вождю)» или даже «Тегину (принцу)»? А что? Заплатит Гер Фанхас хорошенько за нужную СПРАВУ Блуднице-Академии... Благо он уже Женщину теперь совсем подмял, больше она ему не строптивится. Что?.. Геру Фанхасу, говорят, только что лоб о дубовые двери народ разбил?.. Другой такой же Гер тут же объявится!.. И этому следующему Блудница звание Светлого Тама присвоит, служить его деньгам свято будет... А глядишь: и Гер Булан где-нибудь золота награбит. Время-то смутное — капиталы быстро растут...

Вот и стоят теперь все с поганцем Буланом рядом — все давно вере преданные, иные за веру из Халифата или Византийской империи прогнанные, а веру не сменившие — стоят рядом с примазавшимся. Такие уж пошли теперь времена, что приходится к поганцам прижиматься!..

Потому вот стояли все и молчали. Конечно, про Фанхаса и Булана, про других таких же каждый про себя в памяти держал...

Но сейчас люди стояли и только ждали. И в ожидание их, словно эхо в пустом тузурке (кувшине), гулко ударялся звон речной волны, разбивавшейся где-то внизу, под высоким берегом. Вышли из задней двери несколько святых отцов — матерчатый наушник у каждого на ухе, матерчатый ящичек в левой руке (что они сейчас слышат из своих ящичков?). Священники протиснулись через все помещение к парадной двери — хотели обратить на себя внимание, увлечь своим примером, но в толпе никто не поспешил так же надеть наушнички матерчатые и ящички свои в руку взять: видно, не до голоса бога всем сейчас, кроме священников, для которых это служба. Другого голоса в толпе ждали.

Долго еще ждали, пока не пустил кто-то по рядам ножницы и бритву. Тогда молча стали люди выстригать и срезать волосы друг у друга. Известно ведь, что в награду от Неизреченного дано всем, уверовавшим в него, носить длинные волосы на голове, бороду и длинные виски. При большой же опасности возвращает верующий свои волосы богу...

Сейчас срезали, состригли люди волосы свои и опять ждать стали.

Вышел священник и напомнил, что нехорошее свершилось: с утра никто, кроме Светлого Тама Гера Фанхаса (память ему вечная, страдальцу, толпой убитому!), в Белый храм не наведался и до сих пор не получил Бог, как то ему положено, упитанного агнца мужского пола, годовалого и беспорочного. Упрекнул священник людей, что деньги они все разом пожалели, себе на черный день приберегли.

А люди в молитвенном доме отворачивали свои лица от священника — вспоминали, что были и они в бунтовавшей толпе, Фанхаса на небо отправившей, что весь день на улице провели с глазами, пеленой задернутыми, ушами растопыренными, потому что слухи ловили, достоверного слуха ждали.

Вот и теперь ждут. Из-за этого только и Царя в покое оставили, дворец ему не разгромили — потому что, когда уж во дворец ворвались, услышали, что караван сверху с Реки справился и с ним вроде как свой человек. Уж этот-то человек должен достоверный слух принести. Вот за слухом-то достоверным все сюда и кинулись. Еще немного ведь подождать осталось (надо обмыться дать с дороги тому человеку!), и придет тот человек сам (куда ж ему, как не сюда, в дом молитвенный возле караван-сарая сразу прийти) и сам все, что и как в мире есть, обскажет. А то, что, говорят, пришел не какой-нибудь рахданит знаменитый, а по слухам, совсем простой человек, так это и надежней. Ведь тут одно важно, что он, который придет, ИХ видел, от НИХ идет.

Стояли.

Душно сейчас под низким потолком старого Дома Собрания. Жарко и потно. И ноги давно затекли.

Ох, как трудно бывает ждать. Вся жизнь этих людей с младенчества предрекалась им, как жизнь Скорбящих о Сроке. Такому учила их мать вместе с первой детской молитвой, такому потом наставляли их в домах собрания священники — терпи в ожидании, что когда-то в будущем сможешь радостно воскликнуть: «Время, которое мы ждали, вот пришло». Но одно — дожидаться, пока откроются видения мужа вожделения и явятся пророчества, и не забывать заниматься семьей и делом. И совсем другое — стоять вот здесь под низким, душным потолком, как под дамокловым мечом, который подвязан на ниточке и вот-вот упадет на твою голову, и ждать, как

скоро ниточка сама оборвется, ловя слухи и сплетни о том, насколько уже источилась ниточка.

Не бывают зряшными знамения, и звезда еще никогда не останавливалась напрасно.

— Видно, всуе совершили мы то, чего не надо было совершать!

— Что пользы нам, если нам обещано бессмертное время, а мы непотребными сделались, суетными?..

— Нам были уготовлены жилища здоровья и покоя, а мы стали жить худо...

— Нам предначертана слава всевышнего, чтобы покрыть тех, которые жили кротко, а мы пошли по путям злым...

И вдруг вскрик:

— Не мы распинали ИХ!.. Арсии виноваты...

— А кому арсии служат?..

— Не нам — Городу.

— А разве мы — не Город?

— Царь Иосиф сказал: «Нас от НИХ отделяют леса и топи. Через леса и топи ОНИ большим войском не дойдут».

— Царь Иосиф сказал: «Не арсии, а мусульмане врагов своих кяфиров распинали...» Разве нам отвечать за мусульман?..

— Говорят: вышел срок...

— Говорят: городу нашему вышел срок.

— Пойди, спроси беременную женщину: могут ли по исполнении девятимесячного срока ложесна ее удержать в себе плод? Всякая ответит: не могут.

— Ох, где же этот наш человек, что от НИХ пришел?.. Уж он-то про срок знает... Чего же он грехи отмолить с дороги к богу не спешит? Пусть Мазбар за ним сбегает. Ведь не грех, когда все мы ждем, этого человека и поторопить...

Близко уже к рассвету. Много было времени у гостя из Самбатаса и на пересчет товаров, и на омовение, и на перемену одежд, и на ласковую игру с прислугой в караван-сарае, коли уж так невтерпеж тому после долгой дороги.

— Однако не пора ли и честь знать! Не кажется ли, благочестивые соседи, что дожидаем мы тут самбатасца, как пророка?..

Неужели такое вслух сказано? Кто мог вслух себе дерзость позволить? Оборачиваются с укоризной люди.

Но развязана тишина.

— Знаете, почтенные соседи, если не скрывать нам друг от друга, что все мы ждем самбатасца, то надо признать, что он один заставил ждать себя многих почтенных граждан.

— Надо, чтобы староста пожурил его за непоспешание...

— Почтенные... А может, купец, которого мы ждем, давно уже в церкви?..

— Как в церкви?!

— А так... Не сменил ли он веру?

— Да нет, говорят, он шел с армянами-каменотесами рядом — высокий, в шапке-тузурке, с веревкой вместо пояса...

— Говорят, он из наших мест и веры нашей...

— А вдруг он в Белый храм сразу пошел?

— А что, если он сразу к Царю — известие какое имеет...

— Тсс!.. Вот, вот же он!..

Он вошел необычно высокий и худой. Толпа раздалась перед ним и пропустила на самую середину Дома Собрания. Свечи бросали свое пламя в его черные, невыцветшие глаза, и было что-то странное в его морщинистом лице и голове, блестевшей в пламени свечей, как голыш с берега реки. Не сразу люди поняли эту странность. Но когда самбатасец внезапно резко, как стражник, расставил ноги и встал грудью против всех, то вдруг сообразили люди, что самбатасец вошел в Дом Собрания, не покрыв головы. И была его голова бритой, а с затылка кисточкой свисал оселедец, и над бритым подбородком спускались с верхней губы вислые усы... И пришли в ужас люди в Доме Собрания, и увидели, что широко расставил ноги самбатасец, чтобы ясней показать, что на нем шаровары синие, как разливанное море, а вместо халата — белая рубаха.

— О, горе нам! Как в масличном саду остаются на деревах три или четыре маслины, или в винограднике обобранном не досмотрят несколько гроздей те, которые внимательно собирают виноград, — так и мы просмотрели и впустили в дом своего собрания отступника!

— Спасайтесь, братья в вере!

— Послан на нас огонь, кто угасит его?

— Посланы на нас бедствия, кто отвратит их?

— Прогонит ли кто голодного льва из леса?

— Угасит ли кто огонь в соломе, когда начнет разгораться?

И подняты вверх к богу, к Наказующему заломлены руки. И причитают теперь, как над мертвым, над тем, кого всю ночь прождали.

— Эй, люди, у кого есть нож? Я хочу перерезать горло оскорбителю!..

Но самбатасец засунул руку под рубашку, вытащил из-за пазухи платок, прикрыл платком голову:

— Успокойтесь, братья в вере. Я не стал неверным!.. У меня просто не было другой чистой одежды, а та, в которой я был в дороге, слишком грязна, чтобы я посмел в ней войти в молитвенный дом. Если бы я остался в грязной одежде, не соответствовала бы моя одежда моим чистым помыслам... Да и сколько наших единоверцев сменило в чужестранье не только одежды, но и имена, чтобы не выделяться! Ибо душа, а не одежды и имя мерило верности богу! Или не так? А я пришел в той одежде, какую я теперь хочу носить.

Недоверчиво посмотрели на самбатасца люди, а Гер Булан стал пробираться к нему поближе: собрался услужить новым своим братьям в вере, искоренив отступника. Но самбатасец увидел пробиравшегося к нему Булана и почти радостно сказал всем:

— Люди! Присмотритесь вон к этому кочевнику, что пробирается ко мне. Клянусь, я его знаю! И он знает меня. Скажи, Гер Булан, как поживает твоя бывшая жена, а моя дочь Серах?.. Вижу, что ты ее очень любишь, раз перешел в ее веру.

И опять оторопели люди, и повалились на колени, потому что теперь все узнали в старике самбатасце бывшего старосту в этом молитвенном доме, благородного Вениамина. Гер Булан споткнулся и стоял, не двигаясь, в странной позе. Все молились богу.

— Почтенные, — сказал Вениамин, — это хорошо, что вы сейчас сразу решили вместе со мной помолиться. Но что я слышу в ваших молитвах? Вы спрашиваете сейчас у бога, не Дэв ли это в облике старого Вениамина?.. А некоторые из вас даже уже громко просят об изгнании Дэва из божьего заведения. Но почему я должен быть Дэвом? Разве кто видел меня мертвым?.. Или не слышали вы, что выбрал меня царь Иосиф для отправления посольских дел при Ольге, великой княгине? Да вот Гер Булан подтвердит, что он меня опознал. Я ведь, люди,

очень спешил к вам — дочерей своих даже еще не повидал, не обрадовал их, что я жив, сам внукам не порадовался...

Старик шагнул было к Булану, раскрыв объятия (видно, давно уже простил Вениамин своему бывшему зятю побои и «красного голыша», которые тот ему учинял). Но Гер Булан старика не обнял, а стал сам быстро пробираться к выходу, и людям осталось только гадать, то ли побежал он к Серах сообщить, чтобы скорее надевала праздничные одежды и спешила к Дому Собрания («отец приплыл!»), то ли, как верный пес, помчался он к Арсу Тархану (а может, и самому Иосифу), чтобы оповестить их, что нежелательный присутствием в городе еретик посольскую службу самочинно бросил и опять здесь, в городе.

Люди же Вениамину сказали:

— Говори!

И поскольку он молчал, переминаясь с ноги на ногу, то стали подбадривать его криками:

— Говори, не бойся, как есть!
— Открой нам глаза.
— Не страшись сказать правды.
— О себе расскажи.
— Как устроился?
— Какие цены в Киеве?
— Похвались, как живешь, Вениамин!

Известно ведь, что нет ничего слаще для вернувшегося с чужбины человека, чем похвалиться перед своими, показать, что там вдали не ударил в грязь лицом, в делах преуспел... Вот и надеялись все, что, когда человек про то, как сам преуспел, рассказывать начнет, то уж запираться не будет, а, расписывая про себя, заодно всю подноготную картину, какая она там, у НИХ, выложит.

Однако Вениамин вместо того, чтобы открыться людям, сказать: «Вставайте все с колен и меня послушайте...», сам тоже на колени опустился и уперся лбом в пол и стал неистово молиться.

Переглянулись люди. Но что было делать? Пришлось всем тоже вместе с Вениамином долго молиться. И пока молились, усомнились уже, таким ли Вениамин был заядлым еретиком, как про него потом даже сама его дочь Серах всем на базаре рассказывала. Вспомнили, что и раньше всегда Вениамин набожностью отличался, а еже-

ли учению Анана остался верен, так ведь здесь многие, кто победнее в городе, согласны с учением Анана...

Однако, молясь, поразмыслили люди и о другом — о том, что водил в свое время дружбу этот старый Вениамин с Волчонком и с Таной (Жемчужиной) — дочерью руса Воиславой, что даже пострадал сильно за них. Жалели тогда его люди, полагали, что ошибся в знакомствах старик. А оказывается, хитрым и мудрым был старик — внал, чего ради страдание принимать. Оказывается, от знакомства того случилась Вениамину польза. Так теперь поразмыслили за молитвой люди и поняли-догадались за Вениамина о том, чего он сам не понимал, а догадывался, и для самих себя вполне удобно объяснили историю того, как Вениамин с помощью Воиславы очутился у НИХ.

Иные люди ведь всегда охотнее верят в заранее продуманные действия, нежели в игру случайностей. И легче им поверить в низменную цель, нежели в красивые поступки. Бывает, что выйдет у человека неожиданный порыв, однако всякий знает, что жизнь материальна, и поэтому под порыв уж кто-нибудь да и подведет этакий расчетец, а другие про расчетец сразу подхватят, стукая себя по лбу: «Как же мы сами-то об этом не догадались? Вот оно в чем закавыка!.. А мы-то, дурни, думали... А Вениамин-то, видно, уже давно на НИХ свою судьбу поставил!..»

Короче говоря, иные из стоявших на коленях, потных верующих в Доме Собрания вдруг «раскусили» Вениамина.

А Вениамин молился среди них, одетый даже чужаком, и его бритую голову с длинным оселедцем прикрывал от их гнева только красный платок на затылке.

— Эй, киевлянин, ну, отвечай же!.. — прикрикнул кто-то на старика. И была в нарушившем общую молитву голосе уже не столько нетерпеливость, сколько враждебность.

И то непоправимое, что случилось дальше, — как рассказывают люди, — поправить уже было никак нельзя. Во всяком случае, рассказывалось потом в житии, что, как почувствовал Вениамин вокруг себя враждебность, так сразу и решил себя отдать богу. Стать мучеником. Понял, что нужен будет свой святой потомкам хазар — крымским иудеям-караимам. Открылось ему: побегут хазары в Крым.

Вениамин уже держал однажды ответ перед враждебной общиной. Как известно сведущим, смена толка веры (сиречь того, как данную веру толковать-понимать, как ею в судьбе жизненной верующим руководиться) означает порой больший переворот, чем даже сама смена бога. В Киеве он слышал часто поговорку: «Не красна изба углами, красна пирогами», так и с богами: красные углы при смене толка остаются прежними, а пироги-то напрочь вкус меняют. Мы же, даже хоть и духовно, не углами кормимся, а пищей. Так-то... Вениамин вот и держал за четверть века перед нынешним случаем на собрании общины ответ за то, что отказался под новый толк подстроиться. Жрецы Неизреченного бога, получив поддержку от нового потока беженцев, людей преимущественно богатых, сразу открывавших в городе каждый свое торговое дело, тогда вдруг перестали пускать в Белый храм сторонников толка Анана. Жрецы вызвали ананитов на собрание общины, чтобы поспорить с ними по богословским вопросам перед всеми, но говорить никому из вызванных, защищать учение Анана не дали, а просто избили их. Тогда, правда, двадцать пять или больше лет тому назад, был Вениамин еще достаточно крепок и быстро оправился от побоев, которыми ему доказали, что он принадлежит к избранному богом племени.

Теперь же он был стар.

Он был стар. А предстояло опять обратиться к людям со словом, которого не хотят и заранее уже решили не слушать.

Но сказал себе Вениамин: «Ты стар: чего же боишься? Разве старик должен бояться, что честным возьмет его к себе Вездесущий? Или ты уже и сам в том, что должен сказать, сомневаешься?..»

Вениамин все еще стоял на коленях. Но он поднял голову. Он никогда не был трусом. Он вспомнил, как сражался с целой стаей волков.

Он встал с колен. Он сейчас думал о том, как, затаив дыхание, ждали эти люди его известия. Но действительно ли ждали они правдивого известия? А может быть, успокоения? Только успокоения?

Он выпрямился. И без того необычно высокий и тощий, он напрягся, невольно приподнялся на цыпочки и казался теперь крепким колом, вбитым посреди храма.

Все еще были на коленях. Все глядели на него. И молчали. А он уже знал, что им скажет. И про раббанитов

(ортодоксальных), которые всегда считали, что только они правоверны, и потому презирают всех других, потому что, хоть и называют свой толк веры в Неизреченного бога толком для избранных, но только и делают, что запугивают богом, его жестокостью, его беспощадностью этих своих несчастных «избранных». И про высокомерие «избранных», которому грош цена, потому что это высокомерие самомнения и зазнайства: от тупости своей самомнение и от ничтожности своей зазнайство.

И еще про золото. Может быть, больше всего про золото. Про желтую чуму, в которую многие повергли самих себя и от которой надо всем бежать.

«Женщины беспечные! Встаньте, послушайте голоса моего! Дочери беззаботные: преклоните слух к моим словам! Содрогнитесь, беззаботные! Ужаснитесь, беспечные! Сбросьте одежды, обнажитесь и перепояшьте чресла! Будете вы бить себя в грудь о прекрасных полях, о виноградной лозе плодовитой. На земле этой скоро будут расти только тернии и волчцы. Чертоги будут оставлены, и шумный город покинут...» Вот так он, Вениамин, сейчас заговорит. Еще мгновение — и так он заговорит. Ему бы только несколько нетерпеливых криков навстречу — тогда бы легче ему бросить им это в лицо.

Но они не кричали.

Кто же выкрикивает, стоя на коленях? А они еще стояли на коленях. И Вениамин вдруг подумал, что ортодоксальные заставили «избранных» всю жизнь стоять на коленях. Или нет — им еще можно и ползать? Ползать, собирая золото! Ну что вот: насобирали они здесь у реки много золота, а Эль-Племенной Союз-Государство развалили, город и всю Хазарию под меч подвели, и некому их самих теперь защищать, ибо нет Эля, нет Государства. И самое большое, на что теперь эти люди способны, — это срезать свои волосы и ждать. Чуда от бога? Нет, собственного заклания! Они могли только замереть, как птица, на которую поглядела змея. Они хотели только оцепенеть.

Они все еще стояли на коленях. Они привыкли цепенеть с надеждой. Цепляясь за надежду.

Но чем он их мог обнадежить? Он прибежал к ним, чтобы предупредить. Но ведь не понравится им его предупреждение!

Он сказал:

— Боже, душа, которую ты мне дал, чиста. Ты создал ее. Ты ее образовал. Ты вдохнул ее в меня. Ты оберегаешь ее во мне, ты сегодня ее у меня примешь, но возвратишь ее в дни грядущие.

Прозрачно для всех он намекнул и пошел к выходу, перешагивая через молящихся.

Они молча провожали его взглядами.

Зачем он потом остановился у выхода? Зачем обернулся? Зачем громко крикнул им, обнажая свой темный намек:

— Приведите Кагана.

Он несколько раз выкрикнул с порога эти два слова, означающие: «Начинайте войну!» А сам смотрел на перекашивающиеся лица, в мутнеющие от страха глаза.

Он и потом не ушел. Напротив, он вернулся на середину молитвенного дома. Пока возвращался, уронил с головы платок — не поднял. Прикрыл обнаженную голову обеими ладонями и, опустившись на колени, так начал молиться.

Он не должен был молиться за вот этих. Он не верил, что можно выпросить помощь у бога. Если бог одинединственный для всех, — как поучал Анан, — один для мусульман, христиан и вот для них, — то почему бог должен теперь прийти именно им на помощь? Они ведь не хотели жить от виноградников. Они не хотели жить от стад. И от честной торговли они жить не захотели. Им показались малы доходы, и они сделали плотину и перехватывали чужое. Почему же за то, что они перехватывали чужое, им теперь должен прийти на помощь бог? Скорее бог поможет другим, кто придет восстанавливать справедливость.

И все-таки Вениамин стал молиться за них. За них, потому что с ними — его дочери и будут его внуки! Так уж устроен мир, что душа человека там, где посеяно его семя. Беда Вениамина была в том, что в дурной почве оставил он семя. Но что ему было со своей бедой поделать?

А потом Вениамин вдруг подумал, что, когда войско во главе с Каганом выйдет для сражения навстречу Барсу Святославу, то и он, Вениамин, должен будет пойти с этим войском. Надо будет только обязательно уговорить Серах, чтобы она бежала из города. Он ей укажет

куда, есть у него надежный человек в Киеве, который ее примет. А самому придется пойти с войском. А как же иначе?

Вениамин поднял голову. Он говорит:

— Братья мои в боге! Я только за тем и вернулся в город, чтобы пойти на бой вместе с вами. Я тоже возьму пращу и пойду впереди среди пращников. Я раскручу пращу и буду метить в полководца. Святослав силен. Но если на нашей стороне будет бог, мы умрем достойно. А сейчас пойдем все вместе совершить Ташлих. Перед тем как метать камни, всегда полагалось исповедоваться. Чистую исповедь от нашего погрязшего в грехе стяжания города не посмеет уже принять ни один священник, кроме самой смерти. Но мы можем сами совершить Ташлих. Вспомним этот древний обряд нашей веры. Мы подойдем к Реке, и пусть каждый вывернет все свои карманы и начнет вытряхивать в уходящую воду все свои грехи. Все, все до крошки мы должны будем вытряхнуть из своих карманов. Никому уже не понадобятся ни его деньги, ни закладные на имущество других, ни свое имущество. В уходящую воду бросим злополучное имущество. Помните: надо очень старательно вытряхнуть все из своих карманов, чтобы не осталось ни крошечного греха...

Вениамин говорил, молитвенно стоя на коленях, а глаза его искали глаза людей, молившихся вокруг него.

Но он не сумел встретить ни одних глаз, от него отводили глаза.

Он повысил голос, потому что ему показалось, что и уши от него все тоже отводят.

Вокруг него была тихая, мертвая стена, глухая, как опустившаяся ночь.

Потом сзади, из-за этой стены кто-то также тихо, но внятно сказал: «Братья в вере! А может, еще все обойдется, если мы все договоримся, что вроде как ничего не слышали... А?»

И в этот же миг Вениамин почувствовал острую боль под лопаткой. Все поплыло у него перед глазами. Он чувствовал, как режет острое лезвие его тело, и хотел обернуться, чтобы увидеть — нет, не своего убийцу (зачем ему было лицо убийцы?), а бога. Потому что, как известно, в час смерти верующим в Неизреченного бога наконец-то показывается, открывается сам бог.

Но вместо бога прямо перед собой Вениамин увидел лицо своей покойной жены Мирры. Только почему-то у нее теперь были не черные, а белые волосы. Мирра улыбалась и что-то говорила, а он никак не мог разобрать что, и он тоже торопился ей что-то сказать. И не успевал.

Тогда он собрал все свои силы, повел плечами, сбрасывая с себя навалившиеся на него тяжко дышащие тела, и встал над всеми. Он стоял над всеми необычно высокий и худой, как пограничный столб, вбитый почему-то посредине молитвенного дома.

И он крикнул:

— Погибнете вы — и не оттого, что из корня змеиного выйдет аспид! Не летучий дракон грядет к вам. Войско плывет по Реке. Голубое корзно пляшет на плечах полководца, боевые хоругви и знамена на носах лодей. Белые рубахи, как на мне, Вениамине, на гребцах. Как положат гребцы весла, как возьмут все они в руки по мечу обоюдоострому!..

Ему было ответом многоголосое:

— Бейте отступника!

— Царь Иосиф приказал казнить на месте всякого, кто будет сеять панику, требуя Кагана к народу.

Не было камней на гладком, укатанном полу Дома Собраний, а то бы каждый бросил в него камень.

«В тот день укрепленные города твои будут, как развалины в лесах и на вершинах гор. И будет пусто, ибо ты забыл бога спасения твоего...»

— Что шепчет еретик?..

— Эй, а ну, ударим еще раз! У кого сила есть, все ударим. Будет он войну накликать!..

— Эй, все ударим его еще раз, за убитого отступника бог на том свете по семь грехов снимает!..

...Он лежал с глазами, открытыми к небу. Его тело выкинули из молитвенного дома. Когда Гер Булан привел к его вытянувшемуся телу царицу Серах, он еще дышал.

Серах наклонилась над ним. Он прошептал:

— Здесь пощады не будет. Беги в Киев, дочка...

Серах сама закрыла своему горемычному отцу чистые глаза.

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Балбал Арс Тархан

Все мужи испортились из-за вещей.
Увидев имущество, они кидаются, словно гриф на добычу.
Они держат свое имущество, заперев его, сами не пользуются,
Плача от скупости, они собирают и копят золото.
Не замечая родных и близких, они стерегут имущество,
На родственников они смотрят, словно собаки.
Из-за имущества, не памятуя о небе, сыновей удушат...

На следующее утро Арс Тархан запел. Песня нужна была ему для успокоения. После злосчастной смерти Кандар-Кагана Фанхаса титул Главнокомандующего и еще вдобавок титул Джавшигара (командующего флотом) Иосиф передал Арсу Тархану. Теперь Арс Тархан должен был стоять на носу единственного царского корабля и ждать, когда Царь Иосиф соизволит взойти на корабль, а на Арса Тархановом месте суетился выдвиженец Гер Булан.

У Арса Тархана на душе было муторно: он все думал, не смертнику ли подарены два громких, но пустых титула? Не своему ли человеку (Булан принял веру Неизреченного бога) освобождена ключевая должность?

«Если ворона узнает о грозящей нужде, она проклевывает лед. Когда охотник скрывается, она глядит на приманку в силках. Завидев добычу, гриф бросается с высокого неба вниз — мудрый человек, когда ему дают совет, понимает быстро...» Арс Тархан не хочет быть глупее ни ворона, ни грифа, он понимает, что дела хазар настолько плохи, что самая пора высматривать приманку в силках, проклевывать лед и бросаться с высокого неба вниз... Только как?

Царь Иосиф с утра показывался по городу — трижды пересек его вдоль и поперек в сопровождении множества стражников во главе с новым начальником стражи Гер Буланом. Пересекая город, Иосиф был в доспехах и панцире. А вот теперь захотел еще и на корабле вдоль берегов поплавать. Арс Тархан увидел, как машет издали Гер Булан платком — подает Джавшигару условный знак причаливать — подавать Иосифу корабль.

Ударили хлысты по двадцати пяти рабским спинам вдоль правого борта и двадцати пяти рабским спинам вдоль левого. Прикованные к скамьям гребцы повели корабль к правобережному причалу, где обычно швартовались заморские челны и взимался бадж (налог). Еще вчера здесь стояли лодии армян-каменотесов, приплывших с верха Реки, сегодня причал пуст: армяне с рассветом поспешно ушли к морю; другие же морские корабли покинули город еще раньше.

Джавшигар Арс Тархан ошибся по неопытности: не подал вовремя команды сушить весла, и корабль врезался в причал, едва не сломав себе нос. Но Царь Иосиф молча взошел на корабль, не попрекнув нового Джавшигара; молча уселся в одиноко стоявшее на корме царское кресло.

И тут по знаку Арса Тархана сразу же ударили хлысты по рабским спинам, и корабль резко ушел от берега, не захватив шедших за Царем несколько на расстоянии, как положено, стражников. Арсу Тархану было приятно, скосив глаза, насладиться растерянной физиономией Булана, но, разумеется, важнее было то, что теперь Царь Иосиф оказался снова в его руках. Иосиф дернулся было приказать вернуться к берегу, но, подняв руку для знака, тут же опустил ее — увидел, что вокруг Арса Тархана достаточно помощников.

Корабль медленно скользил к длинному, вытянутому острову посреди Реки, на котором неприступной крепостью, щетинясь бойницами, стоял царский дворец с высокой белой вежей — башней. Далеко была видна с башни степь, далеко видно вниз и вверх по Реке.

Что видно сейчас с башни? Неужели оставила Ашина (волчица) свой Эль?.. Неужели так и бросила подкрадывающемуся Барсу на съедение?

Арс Тархан в последние дни рвался на крышу башни. Ему казалось, что оттуда уже видно будущее хазар. И он даже отдал своим самым надежным людям приказ выследить человека с девятью клоками бороды, потому что, когда же Наследнику, как не сейчас, покончить с торговлей лепешками и не появиться в облачении Волчонка — не отрастить на своем опрометчиво выбритом монашеском лице девять заветных, тотемных клоков бороды?!

Но надежные люди ничего Арсу Тархану не донесли (или, может быть, они решили, что доносить теперь удобнее Булану?). А с башни Царь Иосиф прогнал даже титулованных наблюдателей за Луной Шлуму и Мазбара.

Иосиф который день наблюдал с башни только сам. Высматривал ли он тоже Волчонка или хотел что-то первым успеть предпринять один, сам? Или, может быть, просто сейчас боялся слухов о враге и паники больше, чем самих врагов?..

Они поплавали с Иосифом вдоль берегов и вдоль острова, стараясь привлечь к себе побольше внимания. Потом Арс Тархан дал знак, и корабль пошел к царскому дворцу. Но не к парадному причалу, а тихо ткнулся у черного входа во дворец. Там, у парадного причала, Царя давно ждали, прея в тяжелых золоченых халатах, тавангары (знатные города), Арс Тархан знал, что тавангары пришли, чтобы объявить Царю: «Приведи Кагана», и потому решил нарочно подогреть знатных города: пусть погоняются за Иосифом — тогда станут к нему жестче и подозрительнее; глядишь, и Арса Тархана в случае чего не обойдут защитой...

В белом халанджевом кресле рыжий, гордый, прекрасный Иосиф сидел неподвижно, делая вид, что по мудрости своей вовсе не заметил мелких уловок Арса Тархана — ни того, что оставил Царя без личной охраны, ни того, что ссорит с тавангарами. Арс Тархан даже видел, что Царь Иосиф сделал поползновение опуститься на колени и молиться, но, видно, не знал, какому он сейчас богу должен здесь, на корабле, на глазах у всего города, молиться? К чему приравнивается корма корабля — к чьему ковчегу? Мусульманскому? Христианскому или Неизреченного бога?

Дворец расположился на острове ровным четырехугольником. Хотя его и именовали дворцом, но даже перед парадным входом не было пышных порталов и кариатид, а перед черным ходом тем более. По-видимому, предки Иосифа хоть и стали передавать свою должность Управителя по наследству, но слишком чувствовали свою временность здесь, чтобы разоряться на дорогостоящий камень, который надо было бы везти по морю с Кавказа или сплавлять по реке из Руси. Но зато иши не пожалели кнутов на спины рабов, насыпавших широкую глинобитную стену, отходившую от дворца и оберегавшую весь остров. Сейчас Арс Тархан, смотря на эту стену, размышлял о том, что, поскольку стена охватила весь остров — и дворец, и храм, и даже многочисленные виноградники, — то остров, пожалуй, выдержит достаточно длительную осаду. И, наверное, есть надежда до-

ждаться, пока на помощь подойдут покровительствуемые кочевые племена. Но вот захотят ли они выручать остров?

Времени на подобные размышления у Арса Тархана оказалось много, потому что рабам надо было скатать небесно-синюю, как первосвященнический пояс, кошму, расстеленную в парадном входе, и перенести ее к черному входу. Без синей кошмы Иосиф не захотел выходить у черного входа, взяв таким образом реванш за уловки Арса Тархана. Иосиф сидел в своем белом халанджевом кресле на корме корабля по-прежнему гордо и невозмутимо, выпятив вперед подбородок с раздвоенным клином рыжей бороды, а Арс Тархан с тоской смотрел, как вслед за синей кошмой степенно топают к черному входу все тавангары.

Рабы расстилали кошму. А мимо царского корабля один за другим проходили ушкуи и уходили к морю. Ушкуи были старыми — из тех, что когда-то хазары купили у русов вместе с зерном. Тогда их выкинули на берег, но теперь вот по нужде во флоте поспешно залатали, нагрузили. В ушкуях было много товару и людей. Гуськом прошла целая колонна ушкуев, которые были набиты связанными людьми. На последнем из них Арс Тархан увидел Серах. Серах небрежно помахала Иосифу рукой. Арс Тархан знал уже, что Главная Жена Царя Серах не стала даже задерживаться на тризну по отцу своему Вениамину, погрузила весь живой товар, якобы завещанный ей Фанхасом, объявила Иосифу, что, поскольку жила в отдельном дворце, имеет право не спрашивать у него разводной записки, и вот двинулась, как она объяснила, спасать общее дело во имя господа и всеобщей пользы. Царь Иосиф отвернул свое гордое лицо от прощально махавшей ему рукой жены. С острова и с противоположного берега стражники выпустили по Серах несколько стрел. Но река была широка, ушкуи предусмотрительно уплывали по ее самой середине, и стрелы доходили до Серах уже на излете. Она вырвала одну, воткнувшуюся у ее ног, смеясь, переломила.

Улыбаясь, крикнула:

— Иосиф, я передумала! Я, может быть, вернусь. Товары в надежные руки пристрою и вернусь! А то ты пропадешь без меня — своих глаз и ушей...

Улыбка Серах была преувеличенной.

Когда Царь Иосиф ступил на синюю кошму, то посре-

ди кошмы уже лежала заботливо уложенная горка березовых поленьев. Вокруг закричали: «Приведи Кагана!»

«Ну, рыжий прекрасный Управляющий Иосиф! Посещения Куббы нам с тобой, кажется, уже не избежать, кончилось твое единоличное царствование», — ухмыльнулся про себя Арс Тархан и, сойдя с корабля, двинулся вслед за Иосифом. По обычаю Кандар — Каган, Главнокомандующий, должен самолично сопровождать Управляющего в его посещениях Куббы (золотой юрты).

Рабы несли им навстречу длинные русские свечи. Несмотря на яркое солнце, свечи были уже зажженными. Запах плавящегося воска напоминал о меде, о хмельных медовых тризнах, о златокудрой девушке Воиславе, дочери руса, которая так храбро защищала Волчонка.

Подошвы Арса Тархана мягко тонули в ворсе синей кошмы, он ступал осторожно, будто крался. Став Кандар-Каганом, он снял с себя броню — ходил теперь лишь в легком черном с красным плаще и даже сам себе казался необыкновенно легким, во всяком случае, ничего общего не имеющим с прежним Истуканом. Ему хотелось сейчас расстаться с Истуканом, потому что на Истукане было много грехов, а час расплаты по всем признакам был слишком близок.

Перед Арсом Тарханом нагнулся за поленьями иша Иосиф. По обычаю иша должен был поднять поленья, как гулям (раб), и гордое Иосифово тело обмякло, спина сгорбилась.

Иосиф оживленно сказал Арсу Тархану:

— Вот теперь я вовсе не Царь, а только иша, который сейчас пойдет на поклон к Повелителю. Однако полезно даже для Царя почувствовать себя в шкуре заводного.

Иосиф явно ерничал. Хотел убедить Арса Тархана, что унижение Царя продлится всего какой-то час, что он — не Халиф на час, а все у него наоборот?.. Или это он так успокаивал себя?

«Что? Жалкий, трясущийся иша! Давай беги, неси поленья божественному, могущественному Кагану, чтобы Небом рожденный мог на их огне очистить и, простив, допустить до себя, непорочного, твою грязную, похотливую, алчную душу! Ах, как забавно, что тебе положено пресмыкаться, очищаясь, перед Каганом с березовыми поленьями. Ведь их привезли из страны русов!..» — в свою очередь, но не вслух, а про себя ерничал Арс Тархан. Он подсчитывал, сколько уж лет Иосиф под любыми предлогами всячески избегал обряда посещения Куббы. Объявлял всем, что посещал, а сам не посещал. Даже по весне.

По обычаю каждую весну ише-Управителю надлежало очищаться перед Каганом за прежние грехи и получать его благоволение на новый год. В первое время у Кагана испрашивали благоволения принародно. Потом только при тавангарах. При Обадии ритуал перенесли с площади внутрь дворца. Иосиф же вовсе перестал выпускать Кагана из Куббы, так что теперь смертные люди уже не смели наблюдать, испрашивается ли благоволение. А только наблюдал один-единственный свидетель: Кандар-Каган!

Арс Тархан поежился: выходило, что он теперь этот единственный свидетель.

Между тем они с Иосифом бежали по лестницам дворца к Кагану. Рядом с Иосифом, несмотря на яркий день, колыхались свечи, своим огненным кольцом как бы ограживая его от грязного мира.

Иосиф бежал быстро, и скороходы со свечами в руках едва поспевали за ним. Арс Тархан видел, что Иосиф напряженно смотрит себе под ноги, и вспомнил, что во время обряда иша не смеет оступиться, чтобы не дать повод к сомнению духам огня.

Арс Тархан увидел, что лицо Иосифа взмокло, и обнажил меч. Традиция строга: Кандар-Каган обязан убить ишу, если тот окажется слабосильным — в кочевой державе было предусмотрено, чтобы управители оставались ими, пока были бодры.

Иосиф прибавил ходу. Что? Неужели он так спешил в Куббу? Или хотел скорее покончить с унизительным для себя обрядом очищения свечами? Арсу Тархану бежать за Иосифом с мечом в руке было неудобно, и он начал бояться, что сам споткнется.

По всем лестницам дворца, наблюдая обряд очищения, набилась толпа зевак. Беспрерывно ударяли бубны, беспрестанно, пронзительно и жалобно пели трубы.

Наконец Иосиф выскочил из дворца во внутренний двор. Бубны и трубы сразу затихли. Иосиф все-таки растерял часть поленьев из охапки, которую взял в руки. Услужливые доброхоты подложили ему поленьев. К Арсу Тархану подошел черный раб и протянул черную свечу. Арс Тархан убрал меч в ножны и взял из рук раба черную свечу.

Когда Иосиф ступил на желтую кошму, бежавшую через внутренний двор, Арс Тархан заколебался. Желтая кошма принадлежала уже Куббе. Стражники, даже сам Арс Тархан, никогда на нее не ступали: они несли службу вокруг Куббы — внутрь допускались только евнухи, ибо в Куббе жил не только сам Каган, но и весь его огромный гарем. Однако теперь Арс Тархан — Кандар-Каган. Арс Тархан все-таки ступил на желтую кошму. Помедлил. Потом осторожно поднес огонек свечи к березовым дровам на руках Иосифа. Заранее смоченные нефтью, дрова вспыхнули жирным, густым пламенем. Вытянув подальше от лица руки, Иосиф побежал с дровами к юрте. Юрту окружал тамарисковый частокол с высохшими головами на многих кольях. Кошма вела прямо на колья. Арс Тархан вытащил меч, забежал вперед Иосифа, раздвинул мечом колья, освобождая Иосифу проход.

Вот и отдернута золоченая кошма, занавесившая вход в Куббу. Иосиф даже не дождался, пока Арс Тархан задернет кошму за собой: облегченно швырнул прямо под ноги священные дрова. Захлопал в ладоши, заорал, как будто боялся, что здесь, в Куббе, не услышали ни бубнов, ни труб, гремевших во дворце.

— Эй, евнухи, живо вина! Передайте Кагану, что иша прибыл. А пока предложите нам, как желанным гостям, выбрать по красавице из его гарема, чтобы развлекали нас, пока мы ждем...

Арсу Тархану показалось, что, говоря про красавиц, Иосиф опять ерничал.

Евнухи затоптали догоравшие священные поленья. Расстелили ковер. Откуда-то из темноты, из глубины огромной, в сущности, состоящей из нескольких больших юрт Куббы принесли кубки с вином. Арс Тархан первым, не дожидаясь Иосифа, поднес свой кубок к губам. Он был мусульманином, но так хотел пить, что решил, что Аллах простит ему этот грех. Оправдывая себя, Иосифу сказал, как царский виночерпий: «Подожди, царь, я проверю, что в вине».

Когда оба, Иосиф и Арс Тархан, расселись на ковре, евнухи принесли шелковых цветов и осыпали их цветами. Цветы были пропитаны благовониями и источали острые ароматы. Иосиф, забыв о своем высокомерии, тронул Арса Тархана за плечо:

— Сейчас будут музицировать, танцевать и петь

шестьдесят наложниц Великого. А ты выбирай себе любую... Каган не откажет...

В Куббе Иосиф вдруг стал вести себя с Арсом Тарханом как с приятелем. Он даже подмигивал, строя рожи. Рожи эти были преувеличены, или, может быть, только казались Арсу Тархану такими, потому что в Куббе была полутемь. Сквозь узкий дымник дневной свет пробивался слабо и превращал всю внутренность Куббы будто в царство теней.

Заиграла музыка, и Арс Тархан не столько увидел, сколько догадался, почувствовал, что ей в такт движутся какие-то фигуры. Потом, когда глаза уже попривыкли к сумерку, он различил то гнущийся к земле стан, то колышущийся обнаженный живот, то протянутые к нему и Иосифу руки. Сверкнул смеющимся цветом драгоценный камень и отразился в блестящих белках чьих-то глаз. Выплыла вереница горящих свечей. Она текла из темной глубины юрты, свиваясь в мерцающий манящий клубок. Свечи горели слабо, не освещали, и музыка была тоже слаба, почти не слышна. Чуть звенели струны чанга, откликнулся низким рокотом рубаб. Но созвучия сразу гасли, неразличимые и далекие, как печальное эхо. И даже крик ная, негармоничный и пронзительный, был здесь лишь как вопль похищаемой женщины, задыхающейся в мешке.

Ближе и ближе подвигался к Арсу Тархану клубок свечей. Вот поплыл прямо на него. Мелькнуло перед его глазами бледное женское лицо. Резко очертились насурмленные брови, ударило в нос запахом амбры, и тут же погасла свеча, поднесенная к раскрывшимся багровым губам. И снова ударило ему в нос запахом амбры, и приблизились — нет, не лицо, а куски лица: отдельно губы, брови и задуваемая свеча, — опять пропадает в темноте тонкий силуэт, как тень, как движение воздуха, принесшего амбру, почти бесплотное, как порывы слабого дыхания, уступающего место второму, третьему, десятому облаку.

Они гасли одно за другим — лица, как свечи, являющиеся и исчезающие. Рубаб тихо уговаривал Арса Тархана, а най все кричал, будто похищаемая женщина.

Иосиф опять тронул Арса Тархана за плечо:

— Не теряйся, каткулдукчи (вопи)! Когда еще представится случай узнать, каковы на ласки дочери ханов и племенных вождей...

Амбра была в дыхании, надвинувшемся на Арса Тархана и жаждавшем слиться с его дыханием. Грубо, животно Арс Тархан схватил одну из полупрозрачных фигур; ему казалось, что он хватает тень, воздух, что-то ускользающее. Но он почувствовал, что опрокидывает на ковер плоть. Он с треском рванул укутывающий эту плоть прочный зербафт. Он рвал ткань руками, будто высвобождая пленницу из мешка, пока нагое тело не выпростадось из одежд и не поникло на ковер среди шелковых цветов. Закричал най. Надвинулись из глубины свечи — много свечей: высветили освобожденную пленницу, и в их близком, теперь вполне отчетливом свете Арс Тархан увидел под своими руками дряблую кожу, костлявое тело старухи, жалко улыбающийся беззубый рот.

Потом Арс Тархан что-то кричал и брезгливо отпихивал ногой от себя комок разорванного зербафта, и поминал Хызра, хотя сам прекрасно понимал, что таинственный Хызр (неумирающее существо в зеленых одеждах) виноват тут не более, чем его собственная мерзость, и что поминать Хызра он мог бы разве только тогда, когда вместо старухи к нему сейчас вышла бы дивная шестнадцатилетняя гурия. Ведь, увы, сам он столько лет охранял этот гарем и должен был вспомнить, что уже тридцать девять лет, как не проводили по желтой, ведущей в Коббу кошме, ни одной новой жены для Кагана, ни одной свежей наложницы. С чего же тогда он здесь, внутри Таботая, возмечтал найти лалы, как рубины, и перси, как яблоки?..

Иосиф обнял Арса Тархана за плечи, потом закричал:

— Эй, евнухи! Принесите Кандар-Кагану крепкого набиза, самого крепкого! А вот эту дрянь, разорвавшую на себе перед его очами одежды, посадите на кол... Она... Она опозорилась. Напомните же ей и гражданам города, что здесь вы, евнухи, не едите государственный хлеб даром, а блюдете справедливость и достойную строгость.

Евнухи молчали. Но Иосиф ласково и внушительно, объясняя им, будто детям, повторил свой строгий приказ. Набиз, густой и крепкий, ударил Арсу Тархану в голову, и он, уже глупо смеясь, наблюдал, как евнухи подняли, как куль, и понесли на кол тело, завернутое в разорванный зербафт. Все было на его глазах. Евнухи

Окончание на стр. 193

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

В МИНУВШЕМ году исполнилось сто лет со времени первой ссылки В. И. Ленина (декабрь 1887-го — сентябрь 1888-го). Мне хочется рассказать об этом событии вековой давности. В основе заметок – найденные мной архивные документы, сохранившиеся у меня рукописные воспоминания, записанные еще в 30-х годах, и устные воспоминания, которые я слышала в молодости. С признательностью называю имя журналиста А. А. Ардашева, который разделил со мной работу над этими заметками.

Т. П. БАСОВА

КОКУШКИНО

ДЕД В. И. ЛЕНИНА со стороны матери доктор Александр Дмитриевич Бланк последние годы своей врачебной карьеры служил на Урале — в Перми и Златоусте. В августе 1847 года, сорока восьми лет, в чине надворного советника вышел в отставку и поселился в небольшом имении в деревне Кокушкино Черемышевской волости Лаишевского уезда Казанской губернии.

В Кокушкине вместе с доктором поселились его шестеро детей и свояченица — Екатерина Ивановна фон Эссен, которая после ранней смерти жены доктора Анны Ивановны заменила своим племянникам мать.

Свояченица была хорошо образована, говорила на трех иностранных языках, любила музыку. Под ее постоянным требовательным руководством дети получили основательное домашнее воспитание, изучили немецкий и французский, стали играть на фортепиано.

Семья поселилась в двухэтажном «большой доме», к которому примыкал старый парк. Крутой берег спускался к реке — место было живописное.

Александр Дмитриевич Бланк получил известность как опытный и искусный врач. К нему шли за советом и помощью обитатели окрестных сел и деревень, приезжали больные из Казани. Современники вспоминали, что крестьян он лечил бесплатно.

В постоянных трудах прошли первые три года жизни в Кокушкине. Но вот дочери, одна за другой, начали выходить замуж и разъезжаться. Имение пустело. Только на летние месяцы оно вновь оживало — собирались сестры с семьями. Вероятно, тяготясь грядущим одиночеством, А. Д. Бланк пригласил в 1859 году переехать в Кокушкино своего давнего друга — отставного чиновника, коллежского советника Александра Петровича Пономарева. Он познакомился и подружился с ним еще в Перми, где они оба служили в гимназии: Бланк — врачом, Пономарев — преподавателем.

Жизнь продолжалась своим чередом. Но в июле 1870 года в метрической книге появилась запись о смерти Александра Дмитриевича Бланка. На русском кладбище у Черемышевской церкви сохранился памятник на его могиле.

По завещанию имение перешло к дочерям, но к тому времени, когда сюда попали сосланные брат и сестра Ульяновы, в Кокушкине постоянно жила только одна из них — Любовь Александровна Ардашева, которой было суждено сыграть важную роль в судьбе своих племянников.

Что за человек была Любовь Александровна? В 1857 году в возрасте 25 лет она вышла замуж за 38-летнего чиновника Пермского казначейства титулярного советника Александра Федоровича Ардашева. Свадьбу сыграли в Кокушкине 28 июля. После свадьбы — жизнь в Перми на небольшое жалованье.

В 1863 году А. Ф. Ардашев вышел в отставку, а в феврале 1870-го умер. Оставшись с семью детьми, из которых старшему было 11 лет, а младшему несколько месяцев, Любовь Александровна возвратилась к отцу в Кокушкино и взялась за ведение хозяйства.

Ее личные средства были невелики — небольшая пенсия. Имение было расстроено и почти не приносило дохода. Дети бегали босиком, учились в соседнем селе Черемышеве вместе с крестьянскими детьми. Надо было думать об их образовании. Можно предположить, что все это побудило ее принять предложение А. П. Пономарева и выйти за него замуж (26 июля 1870 года). Пенсия А. П. Пономарева оказалась значительной прибавкой к бюджету. Вероятно, и Александр Петрович хотел упрочить этим свое положение в Кокушкине. Интересно, что поручителем по жениху, как записано в метрической книге, был «коллежский советник Илья Николаев Ульянов»,— значит, в то лето он приезжал в Кокушкино, вероятно, на похороны А. Д. Бланка.

По воспоминаниям современников, Любовь Александровна была тверда характером, пряма и неподкупна, могла любому сказать правду в глаза. Но вместе с тем приветлива, отзывчива и добра. Усвоив от отца начальные медицинские знания, бесплатно лечила крестьян. Крестьянин Карпов из села Черемышева рассказывал мне, что Любовь Александровна давала бедным крестьянам зерно, не требуя возврата.

В Кокушкине следили за прогрессивной литературой. Еще доктор Бланк начал составлять библиотеку. Ее значительно пополнил второй муж Любови Александровны, который в свое время, до ухода в отставку, был директором училищ Самарской губернии. Книги из этой библиотеки — прежде всего годовые комплекты журналов «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы» — Владимир Ульянов читал во время ссылки. Кроме того, он регулярно получал книги и журналы из Казани.

По традиции, заведенной еще доктором Бланком, каждое лето в Кокушкине собиралось многолюдное, в основном юное общество — семьи его дочерей. Приезд в деревню был для шумной ватаги ребят настоящим праздником. Река Ушня, луговые просторы, сосновый лес были излюбленным местом прогулок, сбора грибов и ягод. Жизнь была веселой и интересной.

Большой дом. Вид с юга.

Флигель.

Во многих учебных заведениях России в 1887 году было неспокойно. Причин оказалось много: недавнее введение реакционного университетского устава, репрессивные меры правительства против студентов, пресловутый циркуляр министра Делянова «о кухаркиных детях», но главное — общая политическая атмосфера в России тех лет. Обстановку в стране и в Казани конца 1880-х годов анализирует авторитетный историк Б. М. Волин в книге «Ленин в Поволжье». Я хочу привести из книги выдержку, имеющую прямое отношение к нашей теме.

Профессор Волин цитирует донесение Казанского жандармского управления департаменту полиции о том, что в Казани обращают на себя внимание «сборища местной учащейся молодежи на вечеринках, устраиваемых в частных квартирах без ведома и разрешения администрации под разными благовидными предлогами: именин, дней рождения». Подобные вечеринки, говорилось в донесении, устраивали также на Первой Горе в доме Ростовой, «в квартире землевладелицы деревни Кокушкино Лаишевского уезда Любови Александровны Пономаревой (по первому мужу Ардашевой)». На эту же квартиру, пишет Волин, как на место для сборов одного из федосеевских кружков указал впоследствии (летом 1889 года) в своих показаниях студент Выдрин. Историк замечает, что это донесеиие жандармских властей о собрании федосеевского кружка на квартире Л. А. Ардашевой напрямую связано с началом революционной деятельности В. И. Ленина.

1887 ГОД был тяжелым для семьи Ульяновых. За подготовку покушения на царя Александра III был арестован и казнен Александр Ильич, а Анна Ильинична осуждена на пятилетнюю ссылку в Восточную Сибирь. Узнав об аресте, Мария Александровна Ульянова приезжает в Петербург и прилагает энергичные усилия, чтобы облегчить участь Александра и Анны.

Об этом подробно рассказано в исторической литературе, и нет надобности повторяться. Отмечу лишь публикацию казанского историка М. А. Сайдашевой. В одной из своих статей она приводит строки из ведомости о лицах, состоящих под гласным надзором полиции в Казанской губернии. Об Анне Ильиничне там сообщается: «Водворена на жительство в деревню Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии в имение своей тетки землевладелицы Любови Александровны Пономаревой с отобранием с последней подписки о принятии на свое поручительство».

Это произошло 23 июня 1887 года. А полгода спустя, 7 декабря, в Кокушкино был выслан Владимир Ульянов. Любовь Александровна опять выступила в роли поручительницы.

Брат и сестра Ульяновы расположились во флигеле. Сын Любови Александровны Дмитрий уступил свою комнату, а себе устроил уголок в общей большой комнате, где стояли бильярд и фортепиано, возле балконной двери. Некоторое время зимой во флигеле жила Мария Александровна и ее дети — Дмитрий, Мария, Ольга. Сама Любовь Александровна зиму 1887/88 года провела в Казани, вернулась в имение ранней весной.

Поразительно, как много успел сделать юноша Ульянов за неполный год жизни в Кокушкине! Об этом тоже много писали, и я ограничусь лишь одним свидетельством — воспоминаниями В. В. Воровского, который ссылается на слова самого Владимира Ильича.

«Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым. Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия. Моим любимейшим автором был Чернышевский. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли, и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса».

Владимир Ильич уехал из Кокушкина в сентябре. Анна Ильинична — в октябре 1888 года. После недолгой жизни в Казани вся семья в начале мая 1889 года перебралась на хутор Алакаевка Самарской губернии.

КАК ВСЕ-ТАКИ легкомысленны мы в молодости! Ведь я росла среди людей, которые близко общались с Лениным — гимназистом, студентом, политиком, гуляли с ним в лесу, по вечерам пили чай, в свободное время играли в шахматы. Я, годы спустя, гуляла в лесу с теми же людьми, пила с ними чай, играла в шахматы! И мне ни разу не пришло в голову внимательно выслушать и записать их рассказы. Какие-то, видно, были другие, «более важные» дела.

А теперь приходится довольствоваться тем, что эти люди записали сами, по собственной инициативе — ужасно мало! Довольствоваться теми обрывками случайно услышанных рассказов, которые остались в моей памяти.

В 1936 или 1937 году я видела у нас дома изображение Кокушкина: крутой берег реки, мостки с привязанной к ним лодкой, уходящая вверх дорожка, а там — на высокой горе — старый дом в окружении деревьев. Помнится, рисунок был сделан по рассказам моей мамы — дочери Л. А. Ардашевой. Она попала в Кокушкино в четырехлетнем возрасте и прожила там много лет, каждый кустик, наверное, запечатлелся в ее памяти. Где теперь этот рисунок? Я никогда его больше не видела. А надо бы убрать, сохранить!

Но были, оказывается, другие рисунки, выполненные не в 1936-м, а гораздо раньше, и не по памяти, а с натуры. И вот эти-то рисунки сохранились — я «нашла» их много лет спустя. Слово «нашла» взято в кавычки, почему именно — выяснится из дальнейшего рассказа.

В конце прошлого столетия в Казани жил преподаватель математики Иван Иванович Зелинский. Выпускник Петербургского университета, он работал сначала в Саратове, а потом переехал в Казань. Три его дочери — Александра, Мария и Анна — родились в Саратове, учились в Казани, в Ксенинской гимназии, окончили ее с серебряными медалями.

Анна Ивановна Зелинская после гимназии училась в Казанской художественной школе по классу живописи. Впоследствии совершенствовалась в Петербурге, в Академии художеств, и ездила в Париж, где практиковалась в частной студии. В 1898 году вышла замуж за преподавателя Казанской художественной школы Юлиаиа

Уголок парка.

Ивановича Тиссена, выпускника Академии художеств по классу гравюры. У них было трое детей — сыновья Юлиан и Марк и дочь Марина.

С Мариной Тиссен мы учились вместе в казанской Ксенинской гимназии и были близкими подругами.

С 1925 года Юлиан Иванович Тиссен с семьей обосновался в Ленинграде. В 1941—1944 годах семья находилась в эвакуации в Ульяновске. Возвратясь в Ленинград, Анна Ивановна уже больше не работала. После ее смерти 19 марта 1952 года в дом пришли товарищи-художники, они хотели устроить выставку ее картин. Но оказалось, что выставлять нечего — почти все картины погибли во время блокады и эвакуации.

Возможно, самыми ценными произведениями Анны Ивановны Тиссен, если не с художественной, то с исторической точки зрения, были те девять акварельных этюдов, которые она нарисовала с натуры в Кокушкине в 1896 году.

Иван Иванович Зелинский был знаком с доктором А. Д. Бланком и, по-видимому, довольно близко. Известно, что он не раз приезжал в Кокушкино из Саратова, присутствовал на похоронах доктора в 1870 году, да и в последующие годы навещал Кокушкино вместе с дочерьми. В один из таких приездов 19-летняя Аня Зелинская и сделала акварельные этюды.

Я любила бывать у Марины Тиссен в Казани, а потом в Ленинграде.

Уже в 60-х годах я опять приехала в Ленинград и навестила Марину. Вот тогда она и рассказала мне об этюдах: в 1936 году Анна Ивановна Тиссен передала их в один из ленинградских музеев. Зная о моих архивных разысканиях, Марина просила меня выяснить судьбу рисунков.

Я, конечно, тотчас же бросилась в музей! Рисунков там не оказалось. Стали справляться по инвентарным книгам, и выяснилось, что их к этому времени переправили в Москву, в Центральный музей В. И. Ленина.

В Москве мы вместе с заведующим архивно-протокольным отделом музея Арсением Павловичем Максимовым отыскали эти девять этюдов в обширных запасниках. По моей просьбе с них сделали фотокопии и прислали мне в Казань. Так неожиданно, но, к счастью, вполне благополучно завершилась эта история.

ПО ЗАВЕЩАНИЮ доктора Бланка, как уже упоминалось, имение было поделено между его дочерьми. Но в 80-х годах постоянно жила там лишь Л. А. Ардашева с детьми, ее сестры приезжали только на лето, да и то не все и не каждый год. Регулярно каждое лето в Кокушкине жила еще А. А. Веретенникова.

Вот что пишет об этом А. И. Ульянова-Елизарова: «Более или менее оседло в Кокушкине жили две сестры моей матери — Любовь Александровна Ардашева и Анна Александровна Веретенникова. Обе эти тетки вели в деревне хозяйство, и Любовь Александровна жила там большую часть года, а иногда, помещая учащихся детей в город на квартиру,— и целый год. Ее сыновья, принимавшие деятельное участие в хозяйстве, в объезде лошадей и т. п., были очень близки с крестьянской молодежью.

Долей земли моей матери распоряжалась тетка Любовь Александровна и выплачивала часть урожая. Я не помню количества десятин, приходившихся на каждую из пяти дочерей дедушки, знаю только, что доли эти были невелики и в 70-х годах, после смерти дедушки, были оценены по три тысячи рублей каждая».

С 80-х годов начинается оскудение хозяйства. Еще при жизни Л. А. Ардашевой в 1886 году имение было заложено в Казанском дворянском земельном банке. Несколько лет подряд случались неурожаи, которые отразились на благополучии усадьбы. В 1897 году имение описано и назначено в продажу с публичного торга, а в 1900-м его купил некто Фаддеев — говорили, что он из местных разбогатевших крестьян, попросту — кулак.

Парк был вырублен. Старожилы деревни рассказывали мне, что в 1902 году большой дом сгорел (будто бы его поджег сам Фаддеев, чтобы получить страховку), в 1917-м или 1918-м сгорел флигель. На месте усадьбы образовался пустырь с остатками обгорелых, разрушенных строений, заросших сорной травой и кустарником.

В начале 1930-х годов реку Ушню перегородили плотиной и стали разводить рыбу. Рыбхоз разместил свои постройки как раз там, где когда-то стоял флигель Л. А. Ардашевой. Так что возрождать усадьбу для Ленинского мемориального музея надо было не только на голом месте, но и расчищая позднейшие наслоения. Работа началась в 1936 году, в 1938-м отстроили флигель, а ныне в Кокушкине заново воссозданы все главные строения усадьбы.

ВУЗ: ЗАБОТЫ И НАДЕЖДЫ

ВОСПИТЫВАТЬ МАСТЕРОВ

ХУДОЖНИКИ — народ эмоциональный. Их волнует все, что происходит в жизни в эпоху перестройки, в период формирования нового творческого мышления. В этом мы убедились еще раз, побывав на одном из заседаний кафедры художественной керамики и стекла факультета декоративно-прикладного искусства Московского высшего художественно-промышленного училища. Профессора и преподаватели горячо обсуждали давно назревшие проблемы, которые стоят не только перед кафедрой, но и перед всем институтом.

Строгановка — один из ведущих художественных вузов страны, где сильно развиты традиции русского искусства и где всегда есть чему поучиться. Вот и едут сюда со всего Союза специалисты, чтобы познакомиться с тем новым, что создается в стенах вуза. Сколько прекрасных, поистине уникальных работ можно увидеть только на одной кафедре стекла и керамики! Сервизы, вазы, бокалы, кувшины... Стекло и керамика. Множество изделий бережно хранится в небольшой комнате — своеобразном музее кафедры. Значительная часть их упакована и ждет того часа, когда закончится наконец-то длящееся уже более 10 лет строительство второго корпуса, который даст институту столь необходимое жизненное пространство. А пока будущие художники-прикладники вместе со своими преподавателями ютятся в тесных комнатушках...

Прикладное искусство наиболее близко людям, оно окружает человека с момента его рождения. Своими корнями оно уходит в глубь веков. «Основоположниками искусства были гончары, кузнецы и златокузнецы, ткачихи и ткачи, каменщики, плотники, резчики по дереву и кости, оружейники, маляры, портные, портнихи и вообще — ремесленники, люди, чьи артистически сделанные вещи, радуя наши глаза, наполняют музеи»,— писал А. М. Горький. Вырастая непосредственно из трудовой деятельности человека, удовлетворяя его потребности украшать жизнь, прикладное искусство в то же время служило средством выражения представлений человека о жизни, формировало его эстетический вкус.

Возникнув в первой четверти прошлого века как школа ремесел, Строгановка давно переросла эти рамки, соединив теорию и практику декоративно-прикладного искусства воедино.

В нынешнем году МВХПУ переходит на шестилетний срок обучения. Сейчас на кафедре стекла и керамики, как и в других подразделениях вуза, обсуждается проект новой учебной программы.

Сегодня в Строгановку приходят юноши и девушки, окончившие средние художественные училища живописи. Там их учили писать только с нату-

ры. И когда в училище с первого курса им нужно создавать вещи, которых нет в природе, им приходится нелегко. Поэтому первая задача — привить студентам принципы творческого мышления. И преподаватели с этой задачей справляются успешно. Кстати сказать, МВХПУ славится своим сильным профессорско-преподавательским составом, людьми высоко эрудированными, одаренными и доброжелательными.

И тем огорчительнее тот факт, что их питомцы получают практические навыки на допотопном оборудовании. В век лазерной техники и компьютеризации, которые находят широкое применение в зарубежном декоративно-прикладном искусстве, наше оборудование выглядит особенно убого. Похоже, что в Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР вообще забыли о существовании Строгановки, давшей нашей отечественной культуре немало ярких, самобытных мастеров.

Студент 3-го курса О. Калинин. Его будущая специальность — витражист.

Старший преподаватель М. С. Якушева — руководитель дипломной работы Л. Юдиной (с л е в а).

Мастер производственного обучения Б. В. Тумов.

Профессор М. Л. Нестеренко.

Изучая нашу историю, нельзя не отметить, что художники всегда откликались на зов времени значительными произведениями, помогая народу осознавать особенности эпохи, значение революционных изменений, создавали в обществе определенную нравственную атмосферу. И если мы сейчас все больше говорим о нравственном оздоровлении общества, то должны понимать, что экономить на искусстве нельзя. Между тем у художественного вуза, мягко говоря, весьма скромные финансовые возможности. У него нет возможности отправить кого-нибудь не только в зарубежную поездку или на стажировку, но и на тот или иной интересный симпозиум по искусству в нашей стране, ибо нет никакого командировочного фонда.

С переходом предприятий страны на хозрасчет у строгановцев осложнились отношения с заводами, на которых студенты проходят практику. И если бы не помощь со стороны главных или ведущих художников, в прошлом выпускников МВХПУ, то положение, пожалуй, сложилось бы катастрофическое. Не располагая хорошей базой, ничего интересного не создашь.

Сейчас много говорится о коммерциализации искусства. Но если, скажем, варьете можно и нужно поставить на коммерческую основу, то, как считают строгановцы, ставить на коммерческую основу высокое искусство недопустимо. Сегодня в стенах института обсуждается вопрос о создании студенческого салона-выставки, где покупатель может купить понравившееся изделие. И если сама по себе идея, может быть, и неплоха, она вызвала у части студентов нездоровую реакцию. Стремление заработать как можно скорее приводит к тому, что предприимчивые студенты считают возможным, не овладев тонкостями мастерства, создавать скороспелую халтуру. Это не может не беспокоить преподавателей.

Как известно, художественная школа создается десятилетиями. Из года в год складываются ее традиции, формируется ее направленность. Образно она напоминает цепочку. И если из этой цепочки выпадет хотя бы одно звено, цепочка прекратит свое существование. И создать ее вновь — дело сложное. Однако некоторые чиновники считают, что если у нас сегодня в избытке художники-керамисты, то какое-то время их можно не готовить. А ведь это ведет к утрате связи времен. И когда снова появится надобность в керамистах, школу придется создавать с нуля. К искусству всегда должно быть бережное, деликатное отношение, иначе общество многое потеряет.

Работать сегодня на будущее и во имя будущего — смысл

Сервиз для деловых встреч.

всей деятельности МВХПУ.

— Мы готовим художников будущего,— говорит заведующий кафедрой стекла и керамики Юрий Петрович Сергеев.— Наш выпускник особый, он создатель советской культуры, он формирует эстетические вкусы и политические взгляды. Прикладное искусство активно проникает во все сферы жизни. Сейчас его неотъемлемой частью стал дизайн. Это уже особый вид мышления, опирающийся на высокую современную технологию. Вот взгляните на этот кофейно-чайный сервиз из бело-красной керамики, выполненный как дипломная работа по заказу Международного центра торговли нашей выпускницей Марией Новицкой под руководством профессора Н. С. Селезнева. Этот строгий сервиз задуман для деловых встреч.

Курсовые и дипломные работы прикладников строятся на заявках заводов и предприятий. Гусь-Хрустальный, к примеру, просил разработать домашний сервиз из хрусталя. Из Кирова пришла заявка на стеклоблоки, много заявок на изготовление витражей. Прекрасные, порой уникальные работы привлекают внимание зарубежных представителей.

Хочется верить, что проблемы, накопившиеся у строгановцев, будут решены. Ведь Строгановка щедро дарит нашему обществу свое искусство...

О. ОЛЬГИНА

Фото А. ЕГОРОВА

ЗНАКОМЬТЕСЬ:

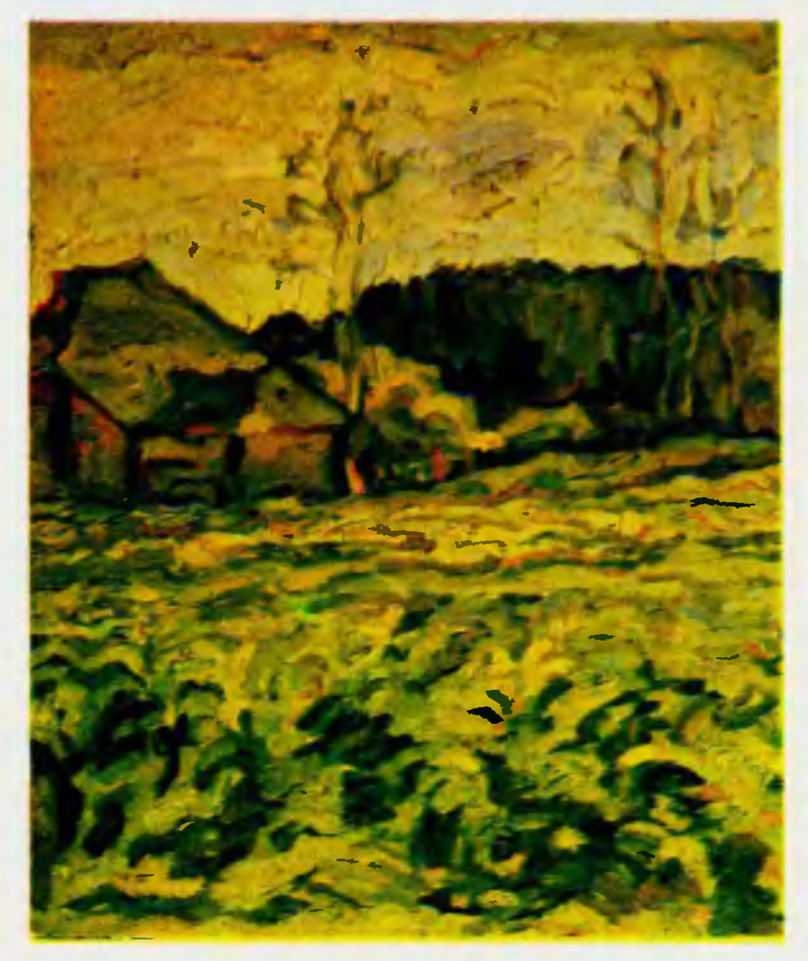
ВЕРА ХЛЕБНИКОВА

Современному ценителю живописи имя Веры Владимировны Хлебниковой (1891—1941) почти неизвестно. С тем большим интересом и благодарностью возьмет он в руки вышедшее в «Советском художнике» красочное издание поэта Сергея Бобкова «Вера Хлебникова. Живопись. Графика». В обстоятельном, интересном очерке рассказано о жизни и творчестве своеобразного художника, отдавшего свой талант неустанным поискам, исканиям новых стилистических средств, своей образной системы для воплощения в красках «зримой красоты».

Повествуя о сложностях судьбы Веры Хлебниковой, автор подчеркивает, что «она была скорее художником до поры до времени незнаемым, признанным, но не узнанным при жизни». Младшая сестра талантливого советского поэта Велимира Хлебникова, сама обладавшая литературными способностями, печатавшаяся в периодике, она с детства впитала атмосферу предоктябрьского периода — именно тогда вырабатывался ее творческий стиль, происходило становление ее мастерства.

Благотворное влияние на мировоззрение будущей художницы оказали культурная среда близкого окружения, подвижничество семьи Хлебниковых, традиции русской демократической интеллигенции. Мать Веры, Екатерина Николаевна, историк по образованию,— двоюродная сестра известного революционера-народовольца А. Д. Михайлова, осужденного в 1882 году по «процессу двадцати» и закончившего свою жизнь в Петропавловской крепости.

В познании эстетических ценностей искусства художница, как утверждает Сергей Бобков, не могла пройти мимо опыта и достижений мастеров старшего поколения, таких, как М. Нестеров, А. Головин, М. Врубель, а также мимо новейших живописных традиций (вплоть до кубизма). Однако, как подчеркивает автор книги, «Хлебникова ни разу, хотя бы и чисто формально, не связала себя с той или иной художественной

КАРТОФЕЛЬНОЕ ПОЛЕ. Холст, масло. 1940.

НАТЮРМОРТ С КОЛЬЧУГОЙ. Холст, масло. 1939.

группировкой, активно заявлявшей свои эстетические позиции: по своему душевному складу Вера Владимировна была принципиально чужда декларативности».

Творческое наследие художницы — а она отдала живописи около трех с половиной десятилетий — в силу сложившихся обстоятельств дошло до наших дней неполным. Но даже сохранившиеся картины, иллюстрации, плакаты, станковые и монументально-декоративные работы свидетельствуют о незаурядном и оригинальном даровании, исполненном глубокой индивидуальности.

«Художнице ушла из жизни в расцвете своих творческих возможностей,— завершает книгу-альбом С. Бобков.— Лирическая сила ее таланта в известном смысле сродни воспетой в хлебниковской поэзии «синей доле ранней зари», разгорающейся все ярче с течением времени».

В. ПЕТРОВ

БОРЦЫ ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО

Недавно минуло 100 лет со дня рождения замечательного писателя-узника, пламенного борца за освобождение рабочего класса от капиталистической эксплуатации, одного из активнейших участников предреволюционных и революционных (1905—1907 годов) событий на юге Украины — Алексея Михайловича Гмырева.

В 1902 году смоленский паренек, лишившийся отца и матери, приехал к брату в Николаев, чтобы заработать на кусок хлеба. Труд в котельной мастерской завода «Наваль», принадлежавшего бельгийским капиталистам, оказался непомерно тяжелым: 15-летний юноша работал по 12—14 часов в сутки, возвращался на квартиру в один из «домиков-гробов», еле держась на ногах от усталости. А больше всего донимали штрафы за малейший перерыв в работе, понукения, грубые окрики начальства.

«ГЛЫБА ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ»

Когда в мае 1903 года несправедливо был уволен с завода рабочий Крыжановский и вслед за тем агент охранки выстрелил в него, по решению комитета РСДРП была объявлена забастовка. Алексей Гмырев, участник демонстрации 1 Мая и маевки, смело выступил на митинге, высказывая рабочую правду в глаза директору и градоначальнику.

Борьба обострялась. В июле 1903 года была организована 10-тысячная демонстрация рабочих Николаева, в которой Алексей Гмырев заменил павшего знаменосца. Затем — увольнение по графе НЖ (не желателен), работа в подпольной типографии, распространение листовок, революционные задания Николая Соколова (псевдоним известного революционера Виктора Павловича Ногина), прибывшего в Николаев из-за границы по поручению В. И. Ленина. Вскоре Алексей Гмырев становится членом комитета РСДРП, активнейшим участником борьбы с самодержавием на юге Украины. В 1905 году он был арестован и сослан в Холмогоры Архангельской губернии, откуда бежал. А в 1906 году его схватили, присудив в 1908 году по сфабрикованному делу (якобы за убийство помещика Луцкого) к 6 годам и 8 месяцам каторги.

Пять лет провел в каторжной тюрьме несгибаемый революционер, свято храня и отстаивая свои убеждения, передавая оттуда врагам и отступникам:

Что в неволе я все же борец,
Что на воле вы все же рабы.

А. Гмырев погиб в Херсонской каторжной тюрьме в 1911 году, не дождавшись начала нового революционного подъема, к которому при-

зывал в своих стихотворениях. Жизнь поэта-рабочего — яркий пример самоотвержения, умения отдать всего себя революционному делу. Не случайно М. А. Шолохов говорил: «О смельчаках, о таких дерзновенных людях, ярких и красивых, в народе слагают легенды. Нам нужно больше рассказывать молодежи о славном революционном прошлом, о молодых, как Гмырев, героях, посеявших добрые семена».

Творчество А. Гмырева занимает особое место среди пролетарских поэтов конца XIX — начала XX века, славную плеяду которых представляют Ф. Шкулев, Е. Тарасов, Е. Нечаев, А. Белозеров, А. Богданов и другие писатели, чье творчество еще далеко не изучено. К сожалению, нет полных сведений и о многих страницах поэтической биографии А. Гмырева. Рукописи его стихотворений были переданы из тюрьмы революционеру-заключенному Е. Л. Афонину и невесте поэта М. А. Козловой. Многие из них присылались после смерти Гмырева в различные газеты и журналы. Многие оказались растерянными еще во время скитаний уволенного с завода и лишившегося крова Гмырева. Другие оставались в архивах жандармских канцелярий, откуда многие из них извлек и опубликовал неутомимый исследователь творчества поэта николаевский журналист Т. Т. Уралов. В творческом активе А. Гмырева было 100 стихотворений гимно-призывного характера, революционно-патетических произведений, овеянных романтикой борьбы, лирических стихотворений, посвященных возлюбленной поэта Маше Козловой, пейзажно-лирических поэтических зарисовок и «тюремных песен» о доле борца.

Поэзия А. Гмырева — это дифирамб революции, мощный призыв к борьбе и уверенный зов к будущему. В большинстве его произведений отражен накал страстей борьбы рабочих Юга против цепей капитализма. В стихотворении «Призыв» поэт обращается к внутреннему миру рабочего-современника, стремясь всколыхнуть его, вырвать из застоя мысли, повести за собой:

Нет, товарищи! так дольше жить нельзя!
Лучше смерть, чем жизнь позорная рабов!
Выходите же на улицу, друзья,
Из своих прогнивших домиков-гробов!

Лирический герой мыслит, рассуждает о возможных последствиях борьбы, но не щадит себя, потому что «дело прочно, когда под ним струится кровь». Он видит все сложности и исходы борьбы, но не чувствует страха:

А героев, павших в битве роковой,
С честью в братскую могилу отнесем,
И курган ее мы вольною толпой
Вечной славой памяти цветами уберем.

В стихотворении «Набат» лирический герой призывает смело разрушать «жизнь-тюрьму». Поэт создает образ сплоченных рабочих, сознательных участников революции, которые «встали дружной ратью на беду царям», с помощью аллитерации на «р» усиливает энергию стиха:

Из жилищ-гробов с проклятьем
Вековым цепям

Они встали дружной ратью
На беду царям.

Образ жилищ-гробов не случаен, он напоминает дома улиц Николаева того времени, которые кое-где еще сохранились на окраинах города и поныне. Но победно ширится мотив активной борьбы рабочих против рабства, оков и темниц, за новый строй, за новую жизнь людей труда. В финале поэт смело утверждает:

Смерть врагам! Долой оковы,
Жизнь и честь борцам.

В этом стихотворении вражья сила антинародна, она воплощена в образах тьмы, ночи, «черного мрака».

Даже в стихотворениях на интимные темы писатель говорит о борьбе:

Девушка-невеста с женихом прощалась,
Слушала их речи тихая река,
Звездами им ночка нежно улыбалась,
Да звенела где-то песня рыбака.
«Я убью тирана! Выстрел мой разбудит
Спящее сознанье скованных рабов,
Веру в силу правды он у них пробудит,
Позовет их к солнцу из жилищ-гробов...»

Лирические стихотворения А. Гмырева, посвященные М. Козловой,— это целый цикл, задушевный, глубоко волнующий; это и жалоба на жизнь, не давшую распуститься побегам любви, и клятва в верности, и торжественные обещания отомстить врагам за поруганные чувства, за то, что «жил я и не жил». При этом лирический герой А. Гмырева остается монолитным и в любви, решительно отвергая колебания невесты, например, в стихотворении «Не жди меня», где он твердо заявляет:

Я за любовь твою святые убежденья
К ногам твоим, как раб, не положу...
. . . .
Меня зовут. Простимся, дорогая,
В последний раз, друг друга не кляня.
Люблю тебя! Но для родного края
Я должен жизнь отдать. Не жди меня.

Искренность и непреклонность лирического героя вызвала у М. А. Шолохова следующую оценку: «Стихотворение потрясающее. Это же глыба революционной пролетарской поэзии. Музыка его, сам его строй, глубокий и благородный смысл стиха захватывает и воспламеняет душу. И одно это стихотворение свидетельствует, что автор является поэтом большого масштаба, что он достоин самого высокого уваженья народа».

Нельзя не присоединиться к этой оценке жизни и деятельности А. Гмырева — революционера первого призыва, ставшего примером для последующих поколений.

Г. ЛОГВИН,
кандидат филологических наук

СТИХИ ЛУЖИЦКО-СЕРБСКИХ ПОЭТОВ

В десятом веке географическая область Лужица, где проживали полабские славяне, была завоевана германскими феодалами. Теперь на юго-востоке Германской Демократической Республики живут 100 тысяч лужичан, бережно сохраняющих свои обычаи, традиции и лужицкий язык.

Бенедикт ДЮРЛИХ

СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

Не дайте умереть
Исконной речи.
Служила нам
Столетьями она.
Во дни гонений
С ней бывало легче —
Речь и в темнице вражеской
Вольна.

Сомнения и горечь
Наших предков
Речь выплавляла
В непокорный гнев,
И возрождала
Города нередко,
И к свету выводила,
Мрак презрев.

Теперь, конечно,
Времена иные,
Война не гонит
Толпы лужичан,
Земля и воля
Есть у нас отныне,
Повсюду песни новые звучат.

И все-таки
У детской колыбели

И за семейным
Праздничным столом
Не забывайте,
Что и как вам пели
Родители
О времени былом.

Легенды и сказания родные
Храните неизбывно
Для детей,
Чтоб не иссякла,
Как вода в пустыне,
Душа народа
В зыбком грунте дней.

ЛЕТНЯЯ КАРТИНА

Вся в бусинах воды,
Как росных лилий блюдца,
Искришься солнцем ты.
По ветру кудри вьются.

И сердцу горячей,
Когда с тобой я рядом.
Проворнее лучей
Нас облетают взгляды.

Перевод Валерия ЛАТЫНИНА

Роза КЕШНЕЦ-ДОМАШЦЫНА

СУЩЕСТВО БЫТИЯ

Мне боль души затмила бытие.
Я нищеты пугаюсь, как проказы.
Поведай, мама, как покончить разом
С тревогой? Как суметь забыть ее?

Я рисковать боюсь: жизнь коротка
и в большей части — будни, а не праздник.
Ответь мне, мама: честно это разве —
с оглядкой жить? Но где твоя рука?

Дай руку мне. Чтоб знать, что прочен мир.
Есть ты. И главный мой ориентир
и в городе чужом, и в поле темном —

свет глаз твоих, и сердца твоего
стук — он в моей крови смятенной
летит сквозь время. Слышу я его.

Не раз огонь
осветит наш очаг.
Дым над трубой поет о жизни длинной.
Дом думу думает — дымит!
И жив гончар:
о том поведал мне
тревожный запах глины.
Пандора, рано ящик открывать.
Я баловень судьбы. Здесь, в непогоду,
со мной мой пастырь будет зимовать:
плоть с плотью,
с духом — дух,
с судьбой — природа.

Перевод Рансы РОМАНОВОЙ

Кито ЛОРЕНЦ

РОМАНС

Речка затопила берега,
звонкая вода в ночной прохладе
более всего боится зим холодных,
в липкий зной — засушливого лета,
ей по нраву лишь весна и осень.
У откоса девушка сидит,
будто стрелка на весах, качаясь,
и молчит и в воду все глядит:
здесь ее любимый утонул,
шел из ресторана при вокзале,
песни пел, под ноги не смотрел
и упал. Теперь она сидит,
всматриваясь в струи бестолково,
что-то она ищет там, на дне?
Два ножа, два лезвия блеснули —
колкие, холодные, как иней,
их она хватает из воды.
Их она не бросит снова в воду,
не заколется одним из них,
а использует вполне по назначенью:
первым будет резать хлеб и масло,
а другим выкраивать на платье
ткань из шерсти.
Может, помешалась?
Хлеб глотая, все она смеется,
надевая платье, все рыдает.
А потом куда-нибудь уедет
в поезде зеленом, как разлука.

Перевод Вячеслава ЛЕВЫКИНА

ВСЕ МОГУТ САМОДЕЛЬЩИКИ

УДИВИТЕЛЬНОЕ настолько часто находится рядом, что порой мы этого и не замечаем. Бывает, сосед на даче возится с каким-то механизмом на крохотном участке, а нам и в голову не приходит, что механизм сей уникален и существует в единственном экземпляре... Правда, интерес к изобретательству сейчас значительно возрос — может быть, благодаря прессе или передаче Центрального телевидения «Это вы можете», а возможно, научно-технический прогресс сам по себе делает свое дело. Однако факт остается фактом: число самодельщиков неуклонно растет, особенно среди молодежи.

Мотоблок.

Народные умельцы ухитряются своими руками делать такое, к чему специалисты-профессионалы порой не знают как подступиться. Взять, к примеру, озонатор для очистки сточных вод. Большая производительность его, высокое качество очистки, простота в изготовлении, небольшая энергоемкость заинтересовали многие зарубежные фирмы. А у нас! 20 (двадцать!) лет лежит озонатор без движения, вроде бы никому и не нужен. И это в то время, когда экологическая проблема стала жизненно важной.

Или как не вспомнить о предприимчивом японце, который, используя заметки под рубрикой «Маленькие хитрости», пуб-

Велосамоделки.

«Универсал».

пикующиеся в журнале «Наука и жизнь», стал миллионером. А сколько таких «хитростей», маленьких и больших, уплыло за пределы нашей страны! Парадокс в том, что мы потом эти «хитрости», уже, так сказать, материализованные, тиражированные, покупаем «у них» за твердую валюту. Подобными подсчетами вообще, похоже, никто у нас не занимается.

О таланте нашей громадной армии умельцев, их интереснейших, оригинальных разработках, столь необходимых в нашей повседневной жизни, рассказывает новая, постоянно действующая на ВДНХ СССР Всесоюзная выставка «Самодельное научно-техническое творчество». Чего здесь только не увидишь! Вот столь желанный сердцу каждого владельца приусадебного участка или крестьянина, создавшего семейную ферму, мини-трактор. Все в нем, кроме корпуса, собрано из унифицированных деталей. По такому же принципу, из унифицированных деталей, созданы мотоблоки, спрос на которые чрезвычайно велик. Немало самодельного туристического инвентаря — прекрасного качества! А подростки просто в восторге от одноколесного мини-велосипеда... Много людей собирается перед витриной, где выставлен домашний настольный станок «Универсал», сконструированный горьковчанином В. Сергеевым. Станок выполняет более ста сверлильных, токарных, шлифовальных и других операций.

На выставке представлено более пятисот работ самодеятельных изобретателей. Но вот наибольшее внимание, пожалуй, обратил на себя веломобиль. Не говоря о чисто спортивном назначении машины, следует отметить, что это экологически чистый вид транспорта, массовое производство которого — увы! — никак не осилит наша промышленность. Нет ему места на конвейере...

Не обошли вниманием энтузиасты самодеятельного технического творчества и тех, кто особо нуждается в человеческой чуткости и внимании,— инвалидов. Конструктором стал врач из Винницы О. Остапенко. Кому, как не ему, врачу, хорошо известны беды и горести людей, порой годами прикованных к постели. Сконструированная им кровать для инвалидов получила широкую известность и заслужила благодарность людей с нелегкой судьбой.

Все представленные на выставке образцы изготовлены умельцами в домашних условиях, в клубах самодеятельного технического творчества и центрах НТТМ. Ценность новой выставки в том, что она мобильна, каждые три месяца экспонаты будут меняться. Работает информационно - коммерческий центр, который готов помочь любому предприятию войти в контакт с авторами тех или иных разработок. На выставке предполагается проводить регулярные встречи изобретателей с представителями предприятий и министерств. Любое заинтересованное лицо может получить подробные проспекты о деятельности клубов, объединивших в своих стенах тысячи и тысячи умельцев.

Хочется надеяться, что новые интересные разработки заинтересуют не только зарубежные фирмы, но и отечественные предприятия, пребывающие пока что как бы в зимней спячке...

Фото А. ЕГОРОВА

ШАГНУВШИЕ ВВЕРХ

В БОЛЬШОМ СПОРТЕ время от времени появляются феномены — слова иного тут и не подберешь,— как отдельные спортсмены, так и целые команды. Еще добрых полтора десятка лет назад «Товарищ» писал о женской команде «Уралочка». Свердловчанки произвели тогда настоящий фурор в волейболе. Затем в баскетболе ярко засверкала звезда каунасского «Жальгириса». Материал о нем и его лидере Арвидасе Сабонисе был подготовлен, когда эта звезда только всходила, а к моменту выхода «Товарища» из печати «Жальгирис» уже принимал поздравления как новый чемпион СССР.

Ныне уже знаменитый Сергей Бубка взятием поистине космической высоты в 6 метров как бы ознаменовал появление рассказа о нем на страницах нашего журнала. В ряд с этими примерами появления новых звезд на спортивном небосводе можно смело поставить ватерпольную команду московского «Динамо». Причем отнести ее к звездам первой величины.

К ЗОЛОТЫМ МЕДАЛЯМ чемпионов страны динамовцы шли 16 лет. Что и говорить, много времени прошло с тех пор, как команда в последний раз поднималась на высшую ступеньку пьедестала наших первенств. Зато теперь взошла на него твердой поступью. Вопрос о чемпионе СССР на этот раз был решен, как говорится, без вариантов.

Шестерка финалистов собралась в Москве, чтобы разыграть все три комплекта наград чемпионата. Так велит положение. Но никто не думал не гадал, что в этой шестерке одна из команд будет выступать уже в ранге чемпиона, остальным же останется разыгрывать только серебряные и бронзовые медали. Случай беспрецедентный в истории не только водного поло, но и спортивных игр вообще.

В воротах — московский динамовец Дмитрий Щедеркин.

Этот фурор произвела команда, до сих пор бывшая самой непредсказуемой в нашем водном поло. Незадолго до только что описанных событий динамовцы получили право участия в розыгрыше Кубка обладателей кубков европейских стран. Выиграли его и получили право бороться за самую высшую награду для клубных команд нашего континента — Суперкубок.

Насколько труден путь к нему, видно хотя бы из того, что тогдашний чемпион СССР ЦСК ВМФ не смог попасть даже в финал этого турнира. Динамовцы пробились туда уверенно. Да и там не оставили никаких шансов сопернику. Хотя соперником их в бассейне Барселоны был не кто иной, как знаменитый будапештский «Вашаш».

И вот после этого поистине триумфального выступления в самом престижном турнире Европейского континента динамовцы в Киеве, в бассейне, знакомом им не меньше своего собственного, проигрывают хозяевам и не попадают в финал кубка своей страны.

В связи с этим я бы вспомнил, что и на чемпионатах страны они бывали не раз близки к наградам высшего достоинства, да те все ускользали от них. Мог бы сказать, что в конце концов спортсмены тоже люди, не всегда же они могут собраться, подчас, случается, и не удается выступить в полную силу. Все это можно было бы сказать о ком угодно. но не о сегодняшнем «Динамо». Порукой тому — путь, который прошла команда к своему чемпионскому званию вместе со своим тренером.

...Гиви Чикваная пришел в водное поло более трех десятков лет тому назад, в Кутаиси. Когда команда этого города приехала на 1-ю спартакиаду Грузии. на юного Гиви обратил внимание тренер одной из ведущих наших команд — тбилисского «Динамо» Ростум Чачава и сразу предложил ему место в своем клубе. Затем Чикванаю пригласили в сборную страны, в ее составе он стал серебряным призером Римской олимпиады. Потом судьба привела Чикванаю в Москву. В составе московского «Динамо» Чикваная выступал до 1975 года и покинул воду в 36-летнем возрасте. Завидное спортивное долголетие!

Была у него еще одна Олимпиада — в Мехико, была и еще одна серебряная олимпийская медаль. Но вот целая группа выдающихся игроков-динамовцев собралась оставить большой спорт. На прощанье решили «хлопнуть дверью» и выиграли в последний раз чемпионат СССР.

Товарищи ушли, Гиви остался в команде. Остался вторым тренером. И все долгие годы лелеял мечту о восстановлении былого престижа нашей лучшей команды. Сначала присматривался, потом стал делать выводы. Накапливал опыт, знания. И когда Гиви предложили возглавить команду, это предложение принял уже зрелый тренер со своими взглядами на водное поло, с совершенно отчетливым представлением о том, что нужно сделать, чтобы вернуть своему клубу былую славу.

В первую очередь надо было, как выражаются спортсмены-игровики, сбалансировать состав. «Динамо» имело лучшие в стране линии защиты и нападения. В первой выступали олимпийский чемпион Евгений Гришин и чемпион мира Нурлан Мендыгалиев. Во второй — также олимпийские и мировые чемпионы Георгий Мшвение-

радзе и Михаил Иванов. По единодушному утверждению специалистов, этот тандем центральных нападающих до сих пор не имеет себе равных в мире. Но вот линия полузащиты на этом фоне выглядела просто серенькой. Да и не только «на фоне». Попросту не находилось лидера среди полузащитников, или, как их теперь чаще называют,— подвижных нападающих, который смог бы органически связать защиту и нападение команды.

И в «Динамо» появляется товарищ Иванова, Мшвениерадзе и Гришина по олимпийской сборной-80 — Майт Рийсман, человек очень сложный, говорили даже — неуживчивый. Расстался с командой МГУ, потом и с «Торпедо». Но вот пришел в «Динамо», и никаких трений с наставниками, никаких столкновений с товарищами, будто всю жизнь провел в этой команде.

Талант Андрея Апанасенко, воспитанника детского клуба «Динамо», расцвел как раз ко времени прихода в команду Майта Рийсмана. Оба эти подвижные нападающие — и опытный олимпийский чемпион, и 18-летний юниор (кстати, чемпион мира среди своих сверстников) — сумели связать линии защиты и нападения. Апанасенко сразу выделился как отличный бомбардир. Ростом он превосходит и центральных нападающих, так что атаки его сдержать соперникам очень трудно.

Не сравнить по физическим данным с Апанасенко Сергея Воронина, однако он оказался на редкость надежным полузащитником с сильно развитым чувством мяча — далеко не последнее дело в водном поло!

Андрея Шабалкина не сразу заметишь на поле, однако ж это один из самых грамотных игроков. Сергей Никифоров отличается серьезностью, хладнокровием. Добавьте в эту компанию добросовестного трудягу Володю Ячменева, и групповой портрет динамовской полузащиты будет полным.

С мячом — опорный защитник «Динамо» и сборной СССР Нурлан Мендыгалиев.

На самых близких подступах к воротам у динамовцев выступает пара, которую специалисты так же признают одной из лучших не только у нас в стране, но и в целом ватерпольном мире. Женя Гришин унаследовал все лучшее от своего отца, одного из лидеров «Динамо» и сборной страны 60-х годов Бориса Гришина. Сын уравновешен, как и отец, у него никогда не бывает срывов, и товарищи знают — на него можно положиться. А это ценнейшее качество для стоппера.

Нурлан Мендыгалиев — тот весь нараспашку. Его коммуникабельность входит в поговорку. О таких говорят: «Душа команды». Но наряду со всем сказанным Нурлан очень серьезен во всем, что касается игры, умеет выкладываться до конца в каждом матче.

Добрых шесть лет во всех спортивных отчетах об играх сборной СССР и московского «Динамо» неизменно фигурируют две фамилии. Одна грузинская — Мшвениерадзе, другая — истинно русская, о которой говорят, что на ней вся Россия держится, – Иванов.

В большой спорт приходят разными путями. Георгию (впрочем, все товарищи зовут его Каха) путь в бассейн был, что называется, на роду написан. Его указал ему отец, знаменитый ватерполист, участник трех и призер двух Олимпиад Петр Мшвениерадзе. Правда, и природа постаралась, наградив Каху статями, которым могли бы позавидовать и отец, и старший брат, тоже известный мастер водного поло, Нугзар. Так что место в ватерпольном строю было ему определено заранее — конечно же, центральный нападающий.

Миша Иванов рос в рабочей семье, спортивные традиции которой и начались именно с него. Был он из тех ребят, которых принято называть «трудными». Кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы в один прекрасный день мама, медсестра по профессии, не привела сына к знакомому доктору в динамовский бассейн. Тот немедленно «переправил» паренька в детскую группу к тренеру Сомову... и вот теперь он капитан «Динамо».

«Создать коллектив единомышленников» — выражение достаточно избитое, к нему относишься уже как-то с недоверием. Но для определения второй части той задачи, которую поставил перед собой Чикваная, это выражение подходит как нельзя более. И мне довелось видеть его не на бумаге, а в самом конкретном воплощении в жизнь.

Доверие порождает уверенность. Чувствуя его, ребята стараются отплатить тем же и в играх буквально выкладываются. У них и радость и печаль — на всех одна. Проиграли — так вся команда, а не только те, кого застал в воде свисток, фиксирующий поражение.

В СОВРЕМЕННОМ спорте сражаться на два фронта — занятие неблагодарное. Пятеро лучших игроков «Динамо» составили костяк сборной СССР на Олимпиаде в Сеуле. И на финише последнего чемпионата одного очка не хватило команде, чтобы четвертый раз завоевать золотые чемпионские медали. Это звание перешло к военным морякам, хотя в личной встрече динамовцы и обыграли их с поистине разгромным счетом.

А вскоре взяли у ЦСК ВМФ и еще один реванш, победив их в финале Кубка СССР и вновь завоевав этот почетный трофей.

Открылся новый чемпионат страны, и герои этого рассказа полны желания (добавлю: и уверенности) поменять свои серебряные награды на уже привычные золотые. Возможности у них для этого самые реальные.

В. ПУГАЧЕВ

ТВОРЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ. Новые сведения о древних культурах Перу получены недавно в результате случайного открытия, сделанного пилотом самолета, перевозившего почту. Летчик Эдуардо Эрран в пустынном районе Сан-Хосе обнаружил огромные геометрические фигуры, а также рисунки различных представителей флоры и фауны Южной Америки. Они во многом напоминали те, которые были показаны в нашумевшем фильме «Воспоминания о будущем» швейцарца Эриха Деникена.

Еще в 1939 году учительница математики Мария Райхе открыла в перуанской пустыне Наска гигантские треугольники, спирали, квадраты и прямые линии, пробитые в каменистом грунте. Затем были найдены также изображения птиц, пауков, обезьян, собак, ящериц, цветов. Что касается линий длиной 400 и более метров, то они, как оказалось, отмечали местоположение звезд и созвездий, точки восхода солнца и луны. Ученые определили, что древние жители района Наска создали для себя точный астрономический календарь. Просто удивительна его площадь — 150 квадратных километров! Рисунки и фигуры в перуанской пустыне были отнесены к разряду уникальных достижений человеческой культуры. Деникен приписал их инопланетянам...

Летчик Эрран принес свои аэрофотоснимки в археологический музей Лимы, и там ученые, привыкшие ко всяким неожиданностям, были искренне удивлены: «Неужели Наска имеет своего двойника!»

При тщательном сравнении снимков ученые определили, что рисунки в пустыне Сан-Хосе все-таки имеют свои специфические черты. Скорее всего они древнее, чем в Наска, но выполнены той же техникой — пробиванием канавок каменным орудием в твердой почве.

Что касается летчика, то он просто заболел своим открытием, построил дельтаплан и начал самостоятельно исследовать линии и рисунки в Сан-Хосе. Он заснял изображения ягуаров, рыб, птиц, растений. В общей сложности их оказалось больше, чем в пустыне Наска, отстоящей от Сан-Хосе на сотни километров. Они занимают площадь в 900 квадратных километров. Ученые, проанализировав новые снимки летчика, пришли к выводу, что древние рисунки и линии не являются случайным явлением в Перу. Они были нужны индейцам, имели, как говорят сейчас, функциональное значение. Ведь тысячу лет назад почвы Сан-Хосе были плодородными. То, что сейчас стало пустыней, в древности называлось «местом, где расцветает жизнь». Там возделывались разные полевые культуры.

Теперь не осталось места для гипотез и спекулятивных предположений о космическом происхождении рисунков. Не инопланетяне, а земледельцы Перу сделали эти рисунки и гигантские линии. По ним определялось начало полевых работ.

НЕ РАЗМЕНИВАЯ ТАЛАНТ

Дело было на очередной зональной выставке в Ленинграде, городе с давними художественными традициями. У одной из картин, где постоянно толпился народ, я услышала реплику: «Это же Анти-Теркин!» — и кто-то зааплодировал.

Это была работа ленинградского художника Виктора Александровича Цветкова «Фронтовик И. Д. Беляков». Не так прост был солдат Иван: не бодрячок вовсе, которому все нипочем, а могуч, горд и вызывающе загадочен... Потом я видела его самого, небольшого росточком, даже тщедушного телом, но с большой душой солдата Великой Отечественной. Позднее узнала также, что орден и медаль — эти единственные награды — не его личные, а прикрепил ему свои награды художник-фронтовик, когда писал портрет. Да так и оставил эти боевые награды навсегда бравому Ивану Белякову, протопавшему все дороги войны до победного дня, отмеченному только ранами и потерявшему в жестоком бою ногу. А ныне земляк художника из Красного Холма Калининской области живет одиноко, без благ и нормальных жилищных условий, и городские власти как будто забыли о нем.

Вот так я познакомилась с творчеством художника Виктора Цветкова. В его роду, начиная с XVII века, все были иконописцами. В тридцатые годы талант его был замечен И. Бродским, тогда профессором и директором Всероссийской академии художеств. Юноша без экзаменов был принят в академию. Знаменитый же профессор чуть не погубил одаренного студента. Поняв, что ученик не подражает своему учителю, а «ударился» в реализм, он заметил его матери: «Ваш сын испортился...» И тем самым отвратил его на долгие годы от учебы и занятий живописью...

Художник пишет портреты — народные типы, жанровые картины. Почти сорок лет работает он над воплощением образа Ленина. На мой вопрос, почему художник обратился к ленинской теме, Цветков ответил так:

— Пусть вам не покажется высокопарным сказанное. Меня привлекает в характере великого вождя постоянство в достижении цели, его удивительное умение работать в любых условиях и убедительно, аргументированно бороться с идейными врагами. И не менее удивительное умение отдыхать, сбрасывать напряжение духовных и физических сил. И это помогало мне не только в творчестве, но и в жизни. Изучая документы в архивах, я посетил и камеру № 193 политической тюрьмы на Шпалерной улице в Петербурге, где Ленин провел четырнадцать месяцев в одиночке, превратив камеру в рабочий кабинет, и начал работу над книгой «Развитие капитализма в России». И я не мог себе представить его печальным узником. Для меня он всегда несломленный революционер.

Сразу отметим, что художественная идея в картине «Ленин в тюрьме» решена мастерским исполнением противоборства дневного света, проникающего в камеру, и светящегося изнутри отблеска будто революционного пожара, светильника. И в центре этого противоборства сам Ленин. Он зримо присутствует, а мысленно где-то там, на баррикадах, с народом...

У себя на родине, в Красном Холме, Цветков создал кооперативную передвижную выставку, участником и членом которой может стать каждый художник, тот, кому дорого товарищество по воспитанию человека, кто живет судьбой и болью Отечества.

А. ЛИТОВЧЕНКО

Работы В. А. Цветкова «Делегация крестьян у В. И. Ленина» и «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола» — на стр. 161.

Эти витражи — работа студентов-строгановцев. Репортаж «Воспитывать мастеров» — на стр. 169

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Александр БАЙГУШЕВ

ХАЗАРЫ

Исторический роман

Окончание. Начало на стр. 131

подняли тело и одним резким движением опустили на тщательно заточенное острие. Она кричала, ее тело конвульсивно дергалось. Арс Тархан пьяно смеялся, думая о том, как бывают похожи зачатие жизни и смерть.

Иосиф опять обнял Арса Тархана:

— Вот твой грех стерт и уничтожен. Кол сейчас вынесут на ветер, и там будет медленно остывать то, что было телом. Остыл ли ты? Не думай, что осквернился. Раз нет этой дряни, то, значит, уже нет и твоего стыда с нею.

Иосифу, видно, в голову тоже ударил крепкий набиз, или он хотел надежнее связать своим арканом Арса Тархана, но он все говорил, говорил:

— Послушай, мой Кандагар-Каган, а ты не заметил, что у этой, пытавшейся соблазнить тебя потаскухи был лоб блудницы? Я заметил! Да ты не опускай голову. Подними гордо! Чист перед толпою не тот, кто не совершает пакостей, а тот, против кого некому о пакости свидетельствовать... А их... Ты их не бойся... Вот видишь, я ИХ не боюсь, а я ИХ уже видел со своей башни. Никто в городе еще не видел, я со своей башни вижу и молчу, потому что знаю, что надо молчать. Все бегут. А они пройдут мимо. Я тебе говорю, что они пройдут мимо. Они же не такие, как ты. Но они разумные; они такие, как я. А я... я ведь сейчас не тронул старухи. Я не коснулся тлена... Ты слышишь: я не коснулся тлена. И ОНИ не прикоснутся к городу, потому что город наш для них такая же старуха, завернутая в золотистый зербафт.

Старческое, уже не дающее всходов лоно. Утроба бесплодия... Мы же уже умерли. Ты слышишь? Мы умерли. У тебя, Арс Тархан, есть дети? Нету! Дэв зарезал твоего сына! Бог не дал тебе бросить в эту землю семя. И мне не дал. Взял я молодую жену Серах, и та сегодня сбежала. Но ты слышишь, я спокоен, потому что я знаю, что она сбежала бесплодной. Бог не дал бросить мне в землю свое семя. Все вымирают. Волчонок? Где он? Торгует лепешками. Была Тана (Жемчужина) — красавицей золотоволосой была дочь руса Вопслава. Но мы ее сумели утопить — отдать богу... Утопить — отдать богу — как смешно, что это значит одно и то же! А епископ Памфалон? Уж он-то надеялся, что посеет в душах, — съели шакалы! Негде, некому у нас сеять в душах... Бог прибрал его поскорее, увидев, что епископ занят непотребством... А Гер Фанхас? Ах, ужасная гибель! И кто после него? Бесплодная Серах, моя жена, прикарманила его наследство. И ты знаешь, я даже рад, что она убежала — она была при мне, как живой знак моего бесплодия... Расплодился лишь один Вениамин, отдавший дочерей за сакалабов. Почему? Почему только семя еретика не подвержено тлению? Его убили! Но семя? Сколько после него осталось внуков! И этих детей не тронет Барс. Еретик, а не мы с тобою, не мы все, остается бессмертным?!

Арс Тархан расставил широко ноги. Сейчас он только хорошенько упрется в землю, почувствует сам землю и тогда схватит и переломит шею ише. Но Иосиф тоже поднялся; сказал, заговорщически подмигивая:

— Здесь на ковре неудобно. Отойдем в сторону.

Пока они оба опрастывались, короткий гнев Арса Тархана прошел.

«Что жалуется мне Иосиф? Мне-то до города, до хазар что?.. Все в городе подтвердят, что у меня нет в Хазарии гробов моих предков, что мои отчие гробы в Хорезме. Это не моя земля. Я здесь только наемник. Я так и объясню Барсу, что я здесь наемный командир со своими воинами, и все это подтвердят. Русы сами служат в войске у базилевса и у халифа. Русы здесь тоже служили, и, когда здесь была гвардия из них, мы вполне ладили с ними. Разумеется, когда начнется битва, то мы выполним свои обязательства и выйдем на битву. Но после битвы мое право попросить Барса Святослава, чтобы он принял меня с моими арсиями к себе на службу. Почему

Святослав должен мне отказать?» — успокаивал себя Арс Тархан.

Арсу Тархану так понравились собственные доводы, что он готов был по-приятельски похлопать по плечу остающегося с носом злосчастного ишу Иосифа.

Но, слава аллаху, евнухи объявили, что Великий Каган желает отпустить грехи ише.

Иша Иосиф и Кандар-Каган послушно встали на колени.

Задребезжали бубны, завизжали наи. Вспыхнули сотни огней — свечи, факелы, плошки. Языки пламени желто и красно отражались в золотистых пластинах, прибитых на мощных опорных столбах, поддерживавших свод юрты, и в золотых нитях, которыми была расшита юрточная юбка. Нагие, с раскрашенными в желтое и красное телами, в одних золоченых набедренных повязках евнухи Кагана начали танец огня. Они прыгали, катались по земле, рвали, крича, на себе волосы, они грозили злым духам и призывали охранника Кагана зеленого Хызра. Потом желтой рекой потекло золото. Евнухи выносили из глубины и расставляли на усыпанном душистыми ветвями рейхана земляном полу золотые чаши, кубки, сосуды, всевозможную утварь. Они выкатили огромную золотую бочку и прицепили к ней массивный золотой ковш. Потом евнухи наполнили водой кубки: поили невидимых духов, моля их напиться и не забирать с собой дождь, оставить дожди кочевникам.

Через час евнухи вынесли золотые ложа. Одно за другим череду золотых лож, украшенных сапфирами, изумрудами, агатами. У лож были ножки в виде золотых павлинов, лисиц, львов, верблюдов, лошадей и еще каких-то совсем диковинных зверей.

Арс Тархан смотрел на золото и удивлялся, как эту древнюю утварь, которой пользовались еще первые Каганы кочевников, не прибрал к рукам и не распродал Иосиф? Или он посчитал, что в живой могиле, какой стала Кубба, клад надежнее сохранится? Скорее всего Иосиф посчитал именно так.

На золотые ложа тем временем возлагали кагановых жен. Их выносили откуда-то из кромешной темноты и несли, как несут знамена на ристанье, торжественно, гордо; и опускали, как опускают, складывают десятки знамен к ногам (могиле?) победителя. Их лица белы, как

мел, стан был только древком, а голова только шпилем к полотнищу, но по-прежнему каждая из двадцати пяти кагановых жен гордо крепила к себе цвета приславшего ее к Кагану народа, ее собственного народа. Каждая оставалась залогом верности (каким ей внушали, что она должна стать, когда ее отсылали из родного дома и забирали в Куббу!), навсегда уверовав в свое символическое предназначение. Двадцать пять народов когда-то объединил в себе кочевничий Эль под именем Великого Хазарского Каганата. Объединение было временным и давно уже стало условным. Но разве знамя, материя которого выцвела и постарела, все равно не остается на все века знаменем?.. Пусть даже памятным знаменем утраченного величия, возложенным к повапленному гробу прежней славы!

Великий Каган Огдулмыш появился в золотом, похожем на птицу кресле, которое везла тройка черных, изображавших вороных коней, рабов. Одной рукой Каган держал серебряные вожжи, а другой придерживал полупрозрачный сосуд с плавающим в нем в меду человеческим телом. Черные рабы, изображавшие лошадей, вывезли птицу-кресло точно на середину Куббы под столб света, падавший из дымника. Великий Каган встал в кресле, принимая от прислужника ковш с водой. Арс Тархан и Иосиф, перегоняя друг друга, поспешно поползли к стопам Божественного. Случилось странное: Арс Тархан давно уже мало верил в божественную силу Кагана — как можно было в ней не усомниться после того, как иша посадил Кагана в Куббу, как в клетку, а Каган не смог испепелить ишу? Но вот увидел Арс Тархан Кагана и испугался, и пополз, и уже преклонился перед ним.

— Встаньте, презренные! — сказал старческий голос. Иша Иосиф встал с колен, Арс Тархан остался лежать у ног. Трясущимися руками нашел Каган воротник Иосифа и на ощупь, наклонив ковш, вылил за шиворот Иосифу воды. Потом, водя рукой, стал искать Арса Тархана. Над Арсом Тарханом склонилось круглое дряблое лицо, похожее на прогнившую тыкву. Белые бельма виднелись в глубоких трещинах глазниц. На подбородке вместо девяти клоков бороды болтались девять волосин. Каган вылил на голову Арсу Тархану оставшуюся в ковше воду. Прошамкал:

— Пусть вода войдет в ваши жилы и напоит их, как

землю дождь. Пусть вечно зелеными будут всходы вашей доблести и никогда не высохнет святой посев правды в печени вашей! Те, кто скачет на рыжих конях и видит весь мир, позволили страшной печи окружить Эль кочевников. Но мужайтесь. Да будет всегда в жилах ваших дождь, чтобы обратить жар искр в мягкость розы, черноту дыма в белизну лилии, горящую силу огня обратить в творящую. Обмажьтесь кровью сильного врага — и обретете силу всех своих врагов...

Каган наклонился еще ниже над Арсом Тарханом и пригнувшимся Иосифом и, зачерпнув ладонью из полупрозрачного сосуда с плавающим в меду человеческим телом, стал обмазывать настоянным на трупе медом лица йше Иосифу и Арсу Тархану. Арс Тархан стерпел. Он всегда считал этот кочевничий обычай глупым и диким.

«Почетно верить в Аллаха, — полагал Арс Тархан,— можно уверовать в Иисуса и Неизреченного бога, хотя Аллах единственный велик и могуч. Но поклоняться трупу арабского полководца Абд Ар Рахмана Ибн Рабия Ал Бахили? На такое способны только кара-хазары (черные кочевники), которых десятки лет бил этот арабский полководец, пока на тридцать втором году хиджры (шестьсот пятьдесят втором христианской веры) однажды по собственной неразумности не попал храбрый мусульманин в дрожавшие перед ним руки... Они теперь вот перед ним, даже мертвым, дрожат. А мой долг перед Аллахом разбить этот сосуд и похоронить как положено правоверного...» Так подумал Арс Тархан, пока Каган мазал ему лицо медом. Но тем не менее он подобострастно сам подставлял свое лицо под все новые и новые мазки, сомневаясь в том, что они принесут ему спасение, но, одновременно опасаясь и того, как бы по неразумности своей не лишиться спасения.

— Встаньте, слуги мои, и говорите, зачем вы пожаловали ко мне, отрешившемуся от мира вот уже много лет? Я, Небоподобный, Небом Рожденный, мудрый Каган кочевников Тонг Огдулмыш, готов вас слушать...

Иша Иосиф молчал. А о чем мог говорить Арс Тархан?.. Тогда Каган прервал молчание сам:

— Расскажите мне, вы, пришедшие ко мне, кто сейчас правит хазарами и Городом-на-Реке? Подобрали ли вы достойного ишу после того, как я проклял прежнего

неразумного ишу Иосифа и повелел ему лишить себя возраста?..

Арс Тархан ощутил, как тупо сжалась его печень, а конечности — ноги и руки — похолодели. Он смотрел на Иосифа. Неужели он, Арс Тархан, вошел в Куббу с мертвецом? Или он пришел в Куббу с Дэвом, обернувшимся прежним ишей Иосифом?

«Каган давно приказал Иосифу удавиться. Иосиф не мог воспротивиться. Не было за несколько столетий существования Хазарского Эля случая, чтобы кто-нибудь воспротивился приказанию, изреченному из уст Кагана. Божественный Каган только говорил, кому истек возраст, а тот сам убивал себя. Так всегда было...» — Арсу Тархану не стало хватать воздуха, вслед за печенью сдавило и сердце. Он стал отползать от Иосифа, как от зачумленного. Он вдруг понял, почему бесплодна Серах и не помогли рабыни, положенные на ее чресла, сколько бы она их ни клала! Не рождают женщины от мертвеца!.. И он понял, почему стала бесплодной Степь, и отняло Небо продолжение рода у него, Арса Тархана, послав Дэва зарезать у него сына... Не дарует Небо бессмертия тутгаре (прислуге) мертвеца!.. И он постиг еще и еще многое, чего он не понимал прежде, не догадываясь, что золото копит мертвец.

Мертвецу надо было прогнать из Хазарии дух, потому что мертвец только тем и отличается от живого, что у него нет духа. Мертвец учил всех копить мертвое золото и поручил Арсу Тархану извести Волчонка, потому что Волчонок был живым. Такова была тайна последних лет существования Хазарии.

Но почему же, почему же Волчонок, который знал это все, не открыл этой тайны ему, Арсу Тархану, когда нынешней весною ночью, вернувшись с прахом предков, пришел к нему?.. Почему тогда Волчонок сказал Арсу Тархану все, но не раскрыл этой самой главной тайны — про мертвеца Иосифа?.. Или это такая тайна Неба, которую могут знать только бессмертные, как Волчонок, и нельзя, как имя Неизреченного бога, было доверить не посещавшему Куббы смертному...»

Арс Тархан полз прочь от Иосифа. Полз страшно медленно, как черепаха, на которую взвалили тяжесть.

Но разве не взвалила на него сейчас Рызк (судьба) в самом деле великую тяжесть тайны.

Арс Тархан отполз в угол юрты и только тогда поднял глаза на Иосифа.

Иосиф молчал. Потом оглянулся на Арса Тархана и равнодушно как-то, будто это даже сейчас нужно не ему, а только стоящему перед ним старику, проговорил:

— Возьми назад свое то прежнее заклятие, старик! Возьми!

Каган долго молчал. Потом спросил:

— Повтори, с кем ты пришел ко мне, Иосиф?

— С Кандар-Каганом Арсом Тарханом...

Каган прошамкал:

— Встаньте оба на колени передо мной.

Арс Тархан подошел к Иосифу, и они оба встали на колени.

Каган намочил обе руки в меде, простер над ними. Четко и внятно, совсем не шамкая (как он только так сумел?), произнес:

— Иша Иосиф и его слуга Кандар-Каган Арс Тархан! Вас ждет иной мир!

Арс Тархан вздрогнул. Почему и на него накладывает заклятие Каган? Что он, Арс Тархан, сделал, чтобы лишать себя жизни, отправляться в иной мир?

А Каган снова и снова повторял свое заклятие.

— Я проклинаю вас обоих. Вы не нужны Элю. Сделайте с собою то, что надлежит делать людям, которым теперь место в ином мире!

Дряхлый Каган поднялся даже на цыпочки, силясь придать громкость своему голосу, но с каждым его новым выкриком его голос садился, слабел, скоро он уже только хрипел.

Иосиф положил руку на плечо Арсу Тархану, привлек его к себе, засмеялся в ухо:

— Жалкий старик! Пустоцвет! У него всегда был слабый ум, как слаба мышца. Он не вырастил сына в Куббе, а там на воле от Ашинов остался лишь великий Лепешечник, который сам отказался от правящего высокомерия. Но без высокомерия какой же он претендент в правители? Ашинов нет больше. Ты понял?.. Теперь только я властен.

Иосиф опять засмеялся в ухо Арсу Тархану, и Арс Тархан почувствовал, какие у него мокрые и липкие губы.

Каган шипел:

— Псы! Жалкие псы! Я проклинаю вас обоих!

Иосиф, обнимая Арса Тархана за плечо, поднялся с колен сам, подняв и его; напрягся, звонким визгливым голосом — так, что, наверное, даже могли бы, если прислушиваться, расслышать и во дворце, выкрикнул:

— Благодарю тебя, Великий Каган, за благословение. Я поступлю так, как ты, Божественный, велишь: я стану во главе войска. Я, Царь Иосиф, сам подниму медное знамя, отливающее, как диск солнца, и поведу войска за собою на врага!..

Увлекая за собою Арса Тархана, Иосиф стал пятиться к выходу. Они опрокидывали стоявшие на земле многочисленные золотые кубки, наступали на древнюю утварь, давили пятками золото.

Когда дневной свет резко ударил Арсу Тархану в глаза, он высвободился из Иосифова объятия. По желтой кошме они шли от Куббы ко дворцу, уже как положено: впереди гордый, прямой, весь в белом Иосиф, позади него в черном плаще Кандар-Каган с мечом на красной перевязи, как у Халифа.

Арс Тархан пропустил Иосифа во дворец, сам остался во внутреннем дворе. Махнул рукой стражам, стоявшим снаружи Куббы. Сказал:

— Слушайте, арсии, меня не как Кандар-Кагана, а как вашего вождя. Мы, арсии, уходим... Здесь некого сторожить... Идите по домам — передайте всем арсиям: «Мы возвращаемся в Хорезм!.. До прихода Барса мы должны успеть покинуть Хазарию».

Стража Куббы состояла из самых доверенных и самых старых воинов, и им не надо было дважды повторять мудрость. Арс Тархан мог быть уверен, что до восхода луны семьсот арб, нагруженных детьми, женщинами и скарбом, в сопровождении воинов уйдут из Города через восточные ворота в Степь.

Когда все стражи разбежались выполнять его приказ, Арс Тархан здесь же во внутреннем дворе постелил себе под колени платок, повернулся лицом в сторону Мекки, стал молиться. Меч на красной перевязи он снял и положил рядом.

Арса Тархана мутило. Потом стало рвать. Его рвало, и комья паршивой слизи падали на обнаженное лезвие положенного меча.

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Волчонок Тонг Тегин

Он познакомился со мной, стал одвокорытником.
Он торговал моим товаром.
Он поладил с хозяином караван-сарая.
Утаив, он захватил моего жеребенка.
Найдя удобный случай, он сблизился с хозяином,
А со мной стал нарочно браниться.
Он увел мое счастье, моих гусей и пеликанов.
Зачем я с ним познакомился, обнимался, сошелся с ним,
Относился к нему благосклонно?
Он погубил мое лето.

Песню про похитившего лето однокорытника распевали на собрании Людей Силы. А у ног людей посреди круга лежал уже обмытый и приготовленный к лишению возраста Царь Иосиф. И все подходили и плевали в таз с водой, которой его обмыли, и плевали затем на него самого. Нагой и ничем не прикрытый, он уже не внушал никакого почтения.

На Собрании Сильных в Степи возле самого города люди распевали злые песни, плевали на Иосифа, но еще и кричали так громко и непристойно, как будто это был вовсе не сбор тавангар (Людей Силы, вождей Домов), а какая-нибудь сходка паршивой тутгары-прислуги, и поминали добром кабар — бунтарей, когда-то пытавшихся поднять восстание против власти пш — управителей и требовавших казнить всех подряд пришельцев, но прогнанных Всей Массой Народа и ушедших — откочевавших с Мадьярами далеко-далеко на Дунай.

— Булка болку! Поднять восстание!

— Да прославятся кабары!

Так кричали сейчас эти люди и хватали друг друга за пояса, забыв о том, что не на кого им поднимать оружие, когда они сами — тавангары, и их слушаются все Дома.

— Пришельцы подстроили, что ветер разорвал хазар михи — праздничный шатер и поставили вместо него дворец.

— Пришельцы превратили Ставку Кагана в Город и привадили ходить к нам иноземных купцов.

— Пришельцы забыли про кочевников.

— Пришельцам не нужна доблесть. Они только перекупали и перепродавали. Они копили деньги и давали

их в рост. Теперь они увезли свои деньги. А что теперь мы, тавангары, скажем Всей Массе Народа?

— Ах, где мы были прежде? Почему только сейчас, когда пришли ОНИ, мы вспомнили, что мы — тавангары и отвечаем за свои Дома?

— Как мы, Люди Силы, допустили беззаконие? Где была наша сила, пока кормились от купцов? Что же нам теперь делать? Что скажем мы Всей Массе Народа?

— Ах, где же полк, за которым мы послали на Алтай своего вестника — Булана-старшего?

— Ах, мы же что-то делали — мы послали весной человека за полком?.. Разве теперь наша вина, что ОНИ пришли раньше, чем полк со знаменем, за которым мы послали?!

— Ой, люди, горе нам! Вся Масса Народа спрашивает нас: «Я была народом, составляющим Племенной Союз. Где теперь Эль? Куда, нерадивые тавангары, вы наш Эль подевали? Зачем мы поставили вас над собой, ежели вы выбрали дурного Кагана, слабого, лишенного божественной силы?..»

— Прошло время, когда наши рабы становились рабовладельцами, а младшие братья наши не знали своих старших братьев, и сыновья не знали своих отцов благодаря благосостоянию, обширности и дальности наших кочевий. Зачем мы сгрудились возле города? Зачем стали кормиться, как собаки, объедками от пришлых купцов... Горе нам! Пойдем все и снова плюнем на Царя. Это он, Царь Иосиф, один во всем виноват. Это он нами плохо правил, и из-за него пришли ОНИ!

— Убьем скорее Иосифа! Вспомним наш старый обычай, согласно которому, когда дела идут плохо, надо прежде всего лишить возраста правителя!..

— Иосиф потерял силу!.. Убьем скорее Иосифа!..

И тавангары, и все другие, кто пришел на Собрание Людей Силы возле самого Города в Степи, снова по очереди подходили и плевали сначала в таз с водой, которой обмыли, приготовив к закланию Царя, а потом плевали на самого Царя. Плевали и опять поносили пришельцев, и некому было огладить спины охальников плетьми, потому что еще вчера до луны длинной вереницей арб ушли из города во главе со своим вождем Арсом Тарханом все арсии. Ушли, заявив, что, отслужив, уходят к гробам своих предков, возвращаются к себе на родную землю.

А на заклание Иосиф отправил сам себя, собственной промашкой.

Иосиф велел глашатаям разгласить по городу, что Царь был в Куббе, и Каган благословил его вместо себя. Но оказалось, что опростоволосился Иосиф — не учел хазарский обычай. В смутное время хазары всегда сначала казнили Кагана, так как были убеждены, что бедствия начинаются только тогда, когда Каган не может удержать в руках ни природу, ни судьбы. Поэтому едва Иосиф, довольный, появился на собрании Людей Силы, он даже и рта не успел раскрыть, как вокруг закричали, что вот он — пришел Иосиф, чтобы принять на себя кару богов, вместо Кагана лишиться возраста.

Теперь вот и лежал Иосиф нагой, прикрыв голову руками. На его шее уже обвивалась золотой змеей удавка.

И уже начали двое самых старых из тавангар тянуть за оба конца золотого шнура-удавки. А Иосиф захрипел и глаза закатил.

Но вдруг белый конь Орок Сингула мощно проломил тамарисковый частокол, которым огородили место собрания. Белый конь ввез арбу, покрытую синим обтрепанным покрывалом, и, ломая оглобли у арбы, встал на дыбы, а стоявший на передке арбы, как возница на передке боевой колесницы, человек с золотым обручем в волосах, закричал: «Иекууеаи! Остановитесь!»

Тянувшие за шнур-удавку старики испугались окрика и выпустили из рук концы золотой удавки.

— Иекууеаи! — властно повторил человек с золотым обручем в волосах. — Заклинаю вас девятью клоками своей бороды, отпустите этого недостойного! О кого мараете свои старческие руки?! Разве это тот человек, жизнь которого столь ценна, что способна стать платой богам за грехи нашего благородного Эля?!

Люди всматривались в кричавшего, а тот легко, как волк, соскочил с передка арбы на землю и встал перед всеми, растянув губы в грозной улыбке, будто предостерегающе оскалясь.

— Ашина! Волчонок! — оторопело выдохнули все почти одновременно: — Неужели Волчонок опять объявился?!

Произошло замешательство. Люди Силы в городе в последнее время вроде как-то уже совсем позабыли про то, что Тонг Тегин, торгующий лепешками и нередко задаром раздающий их бедным, на самом деле Великий

Принц. Имя-то звучало, но смысл его за будничными делами как-то совсем притупился и стерся. И вот вдруг Великий Принц снова напомнил всем, что он из рода Ашины. Что он Волчонок!

А Волчонок повернулся к священному костру и произнес такое заклинание:

— Од Огонь Негаснущий! Боже вечный! Ежели ты прогневился на Эль хазар за грехи и согласен взять во искупление их вот этого человека, — и Волчонок кивнул в сторону полузадушенного иши, — прими во внимание, что у меня больше грехов за разорение Эля перед тобою, чем у этого человека! Я, Потомок Ашины и Наследник Кагана, торговал лепешками в угоду желавшим унизить мой род. Я полагал, что постигаю так состояние всей массы подданных своих, а власть отдал и о предназначении ВОЛЧЬЕМ своем и обязанностях перед ВОЛЧИЦЕЙ-ПРАРОДИТЕЛЬНИЦЕЙ и Всей Массой покровительствуемого Народа забыл. Я позволил этому человеку творить все, что он хотел. О, Негаснущий Од! Согласно Тере — обычаю — отвечает господин за нерадение своей прислуги. Не могу допустить я такого пренебрежения к Тере, чтобы наказали вместо меня, господина, другого человека, который был всего лишь ишей — прислугой моего рода Каганов. Потому позволь, Вечный Од, коли не смог я, носивший в себе Волчонка, ничего другого доброго сделать для своего Эля, хотя бы, — раз сейчас для искупления грехов жизнь понадобилась, — отдать свою жизнь за Эль. Прошу тебя, Од: меня во искупление грехов сейчас возьми!

Так громко выкрикнул, гордо стоя в стременах белого вздыбленного коня Волчонок, а потом опустил своего коня на все четыре ноги, сам нагнулся к земле, схватил обеими руками медный таз, в котором были обмывки с тела иши Иосифа, приготовленного к лишению возраста, и стал жадно пить обмывки.

Он пил, а все медленно опускались на колени и протягивали руки к священному костру.

Он пил, а все начали молиться теперь за его душу, потому что вышло, что все-таки Волком уходит на небо к своим предкам незадачливый лепешечник добрый Тонг Тегин. Взял он на себя бремя долгов Эля — не разрешил за грехи Эля перед богами поплатиться своему прислужнику ише, сам пошел на небо ответ за неразумности держать.

— Возьми, Од, достойный откуп с Эля хазар! Взял Хорс к себе Воиславу-Тану, Жемчужину! А ты, Од, берешь последнего потомка Ашины-Волчицы... Или не откуп?..

Люди молились за душу Тонга Тегина, опознав его. И поскольку видели люди, что хочет совершить он поступок, достойный Волчонка, то добро и светло смотрели сейчас на него люди. И вдруг вспомнили, что не только домокчи (неисправимым болтуном) он был, все о каких-то надеждах рассуждая. И что ведь не всегда прыгал он неуклюже, как кузнечик, и на мосту лепешками торговал. Но что была у Тонга Тегина красивая юность, когда на равных соревновался он в мужских доблестях со своим братом-близнецом Алпом Эр Тонгом.

И вспомнили люди, что всегда был скромен Тонг Тегин и выбирал коней темно-гнедых и других подобных мастей, чтобы не рисоваться пролитой в сражении или на ристанье кровью, что был он большим удальцом в стрельбе из лука, и аланкит нума (деревянный лук) был ему послушен, как ка — приказной. И что прославил он имя хазар в заморских землях, стал полководцем, и у арабов стал знаменитым Тонгом Ал Хазари, а вернувшись, по-прежнему был скромен...

И внезапно подумали люди: «Что мы можем натворить? Допускаем, чтобы ушел наш Волчонок прочь, а тело, в котором он вырос, перешло служить другому богу и стало ходить нам в укор в обличье бродяжки-монаха... Ох, какие же мы неразумные — хотим остаться в трудную пору без Волчонка!»

И тогда закричали все люди в один голос:

— Корок (спасай уж)!

Разумеется, не будь ИХ, приближавшихся к городу и выславших гонца с вызовом «Иду на «вы», то скорее всего не оказались бы столь покладисты все эти люди и не закричали в один голос так, как закричали сейчас:

— Корок!

— Спасай нас, Наследник Тонг Тегин!

— Спасай нас, Небоподобный!

— Спасай, Небом рожденный!

— О, Тонг Тегин! Мы готовы всякую твою речь слушать до конца!

— Согласны мы тебя во всем слушать!

— Вперед до солнечного восхода, назад к солнечному закату, налево вплоть до полуночи — там, внутри этих

пределов, находящиеся народы все были твоим предкам подвластны! Столько народов твои предки устроили! А ты, Тонг Тегин, устрой нас!

— Если ты уйдешь от нас, мы можем погибнуть! Ты не смеешь так поступать, потому что Волчонок должен опекать нас.

— О Тонг Тегин, если ты останешься с нами, ты сможешь править нами и возродишь Племенной Союз!

— Ах, Тонг Тегин, не знал наш неразумный народ, сыт он или голоден. Не думал народ, будет он голоден или сыт. Раз насытившись, никто из нас не думал, что может быть опять голодным.

— Корок — спасай уж!

Они в один голос кричали ему о своем раскаянии, а он, сидя на коне, держал в обеих руках медный таз и все пил из него — обмывки грязные с тела Ипи Иосифа пил, будто парной есук — кумыс. И он видел, как, стоя на коленях, теперь протягивают к нему с надеждой руки те, кто раньше за надежды осмеял его.

— Ты, Тонг Тегин, — для нас бог судеб на пегом коне. Утром и вечером ты будешь скакать. Встретишь ты человеческого сына. Он испугается. «Не бойся, — ты скажешь, — я дам тебе счастье!»

— Дай! Дай нам счастье, Волчонок! Стань нам черным богом судеб. То, что сломано, ты соедини! То, что разорвано, ты свяжи! Будь нам Божественным Каганом! С тобой мы хотим идти на бой, о Тонг Тегин, ты — наша Черная Змея с Золотой Головой!

Тонг дослушал славословия, потом слез с коня, осторожно поставил медный таз с обмывками на землю, потом сбросил с себя синий мусульманский монашеский халат, уложил его бережно — так, чтобы тот, кому халат после него, Тонга, достанется, не посетовал на него за небрежность. А сам лег на землю и вытянул шею, подставляя ее для золоченой удавки. Рядом торопливо снимал со своей шеи золоченую удавку пришедший в себя Иосиф. Тонг Тегин протянул к Иосифу руку за удавкой и накинул ее себе на шею.

Иосиф поспешно отполз в сторону. Теперь Тонг Тегин один лежал рядом со святым пеплом. Всегда, когда проходит Собрание Сильных, привозят заранее в чистое поле тлеющие угли от Вечного Огня кочевников, охраняемого верховными шаманами. Лишь после того, как раздует ветер угли и перекинется огонь на подброшенные к ним сухой можжевельник и полынь, означая, что небо согласно с местом, выбранным для Собрания, ограждают воины острыми кольями священное место. И сколько бы затем часов или даже дней ни продолжилось Собрание, охраняют боги, показывая свое благоволение, яркое звонкое пламя, согревающее Сильных внутри тамарисковой ограды и напоминающее им, что они призваны свершить волю богов во имя Всей Массы Народа кочевников.

Но сейчас, когда Тонг, приготовившийся к великому закланию, лег рядом с пламенем, то ли шаманы, обслуживавшие пламя, засмотревшись на невиданные обстоятельства (как прискакал Тонг и как грехи на себя принял!), забыли подложить сухой травы, или сам язык пламени на Тонга засмотрелся и вовремя не перебежал на подложенные стебли, но, едва накинул Тонг себе на шею удавку, как замешкался огонь: светляки, слабо бежавшие по углям, натужно и сине полыхнули и пропали вовсе. Огонь умер.

Огонь умер, и это увидели все, следившие за Тонгом. И все поняли: вот Ярин — вот знамение новое подает Собранию Сильных и Всей Массе Народа кочевников негасимый Од.

Нужен был кто-то, кто растолковал бы мудро новое знамение Всей Массе Народа и Собранию Сильных, которое сейчас решало за Всю Массу Народа.

И тогда, видя всеобщую растерянность, ловко поднялся с земли униженный Иосиф. Оглядел всех и громко сказал:

— Вот, Харан — свободные люди, вам знамение!

Все, больше ничего другого не сказал и не добавил к сказанному Иосиф. Но люди уже поняли, как он мудр, и опомнились, и тут же решили, что напрасно хотели его по неразумности и немудрости извести.

И усомнились люди: так ли они с Мудрым поступали, как надлежит по Тере — обычаю?

С молоком матери, с первым добрым шлепком отца внушалось всегда кочевнику, что существует для него и над ним Од — Солнце и Тенгри — Небо вверху, а Этукен — Земля-Вода внизу. Нет кочевника без Солнца на Небе и Воды-Земли под ногами и что ничего другого кочевнику не положено и не надо. И пусть не срубить кочевнику столь большого опорного столба, чтобы можно

было им подпереть Небо, прикрепить к нему войлочную юбку и сказать «Это мое!», пусть не окружает кочевник Родину кирпичной стеной, как иные оседлые народы окружают свои города, но верность Родине всегда заменяла кочевнику опорный столб, а Тере (обычай и закон предков) служил войлоком его юрты. Со дня сотворения Мира Вся Масса Народа кочевников берегла отведенное ей богами и оттого размножалась и тучнела... Потом случился непорядок: иные люди пришли и перемешались с кочевниками: соблазнили кочевников кормиться не от скота, а от торговли. Расправляясь с Иосифом, думали тавангары на своем собрании, что жертвуют подкармливавшим их Царем ради Тере и для восстановления Порядка. Однако вот почему-то послали боги новое Ларин (знамение). Никакого сомнения тут уж нет, что послали боги важное и страшное знамение... И стоит сейчас гордо перед всеми мудрый Иосиф и указывает рукой на случившееся знамение.

И внимательно посмотрели собравшиеся на Собрание Сильных люди на Иосифа и на Тонга, уже надевшего себе на шею золоченую удавку.

И подумал один: «Поминание бессмертного мудрецы назвали второй жизнью; создают бессмертие добрые дела; а с чего это Тонг, плохо вырастивший в себе Волчонка, к другому богу переметнувшийся, в бессмертие рвется? За Иосифом-то больше было добрых дел, хотя бы уже потому, что всем нам, знатным людям, он давал должности, от которых можно было извлечь доход...»

И усомнился второй вдруг вообще в винах пришельцев: «Они, конечно, пришли и расселились среди нас, кочевников, и поставили город, и занялись извлечением прибыли. Однако кто мешал кочевникам тоже заняться извлечением прибыли? Разве не могли мы, кто хотел, научиться, как Гер Фанхас. И тогда все бы мылись в банях, и сияли золотом, и носили тонкие одеяния, разноцветные и разукрашенные».

И упрекнул себя вслух третий:

— Ах, не сами ли мы виноваты, что продолжали жить в бедности, а сметливые люди тем временем разделили между собой наши доходы и воспользовались нашей доблестью? Зачем винить других в собственной нерадивости и лени? Как можешь ты, Народ кочевников, дальше жить, созидая свой Вечный Племенной Союз, когда ты оказался нерасчетлив и недальновиден?!

И поддержал громко четвертый:

— Весной наш обычай был таков, что никто не сидел с утра в воде, не мыл рук в реке, не черпал воду золотой и серебряной посудой и не расстилал на земле вымытой одежды. А когда мы видели, что такое совершает кто-то другой, то быстро садились на коней и старались ускакать подальше от дурного места. Потому что зачем быть рядом с теми, кто накликает на себя сильный гром и молнию? Сейчас, если мудро подойти к обстоятельствам, то надо признать, что беду купцы здесь на нас, хазар, уже накликали. Так не сесть ли нам всем скорее на коней и не унести ли ноги подальше от этого города?..

И закричали люди:

— Убежим!

— Убьем ишу Иосифа!

— Нет, удавим Тонга Тегина!

— Перебьем всех купцов!

— Нельзя лишать возраста купцов, когда мы сами виноваты...

Так внезапно раскололось Собрание Сильных, и не стало на нем голоса Всей Массы Народа, а стало много разных голосов, и при погасшем Вечном Огне стали лаять все вразнобой, как лают голодные псы без хозяина. И кто знает, может быть, люди, как псы, в бессильной злобе бросились бы перегрызать друг другу глотки. Но тут, незаметно разгородив проход в тамарисковой ограде, чинно, будто на параде, подметая землю длинными завитыми хвостами своих коней, въехал прямо на место собрания отряд каткулдукчи во главе с Гер Буланом, состоявший из не ушедших с арсиями прозелитов из стражи. Сильный отряд въехал — с саблями наголо и копьями, у каждого к правой ноге привязанными. Никому никогда не разрешалось конными въезжать в священный круг собрания. Оскорбление это совещающимся и угроза недвусмысленная. Однако разве не показал уже сегодня всем сам Волчонок такой пример?!

И переменились роли.

Где тот иша Иосиф, которого обмывали, приготовляя в жертву? Он пропал за тамарисковой оградой. А кто пришел (как быстро он успел одеться!)? Попирает недвижные тела убитых царским величием и вдыхает едкий аромат страха перед собою сам Царь Иосиф. Где унижение и растерянность? Пришли сила и величие! Как горд царский профиль! Как высокомерен коршуний нос

с раздувающимися ноздрями! Губы Иосифа рдеют, как влажные вишни. Очи Иосифа пылают, как костры, под сенью витых, как древко лука, бровей. О, как величественно откинута рыжая голова! Раздвоенная борода упирается прямо в небо! Красный коршун пустыни снова царит над городом — он, Иосиф!

— Подданные мои! Сыны Кагана! Все вы стали свидетелями, как свершилось знамение. Погас огонь рода Ашины, и предстоит теперь всем нам зажечь огонь свежий и сильный — нового правящего рода огонь. Небо дало нам знамение, чтобы поставили мы над собою Кагана от новой зеленой ветви, ибо ашинова ветвь застыла и обуглилась. Но, прежде чем поставим мы над собою нового достойного нашей доблести, нашего богатства Кагана, я хочу держать с вами совет. Я хочу выслушать вас, являющихся сливками Всей Массы Народа кочевников, и поступить в согласии с вашими мудрыми опасениями. Да соделает всевышний бог наследующими вас вечную жизнь и даст наслаждаться потомкам вашим обширным царством и благами власти! Главы кочевых Домов великого народа! Всесильные тавангары! Хазары! Я пришел с вами говорить ввиду грозящей всем нам опасности честно и прямо, как подобает правителю с верными подданными. Охладим же свой гнев и подумаем совместно о том, что корабль государства, управляемый многими веслами, может быть потоплен небольшим утесом, торчащим из моря, ежели примутся за работу кормчего многие люди с различными устремлениями и будут стараться направить корабль в личных интересах. Не будем же уподобляться маленьким муравьям, которые хотят в одиночку заесть вола. Подданные мои! Я надеюсь только и всецело на одних вас и поэтому отпустил вчера от нас на родину арсиев во главе с Арсом Тарханом... — Иосиф подтвердил эти свои слова величественным жестом, восторгаясь сам собою, как сумел он даже из несчастия сделать себе счастие, и из бегства стражников сделать довод в пользу себе. — Из стражников я оставил с собой только самых верных, на которых можно надеяться... Я сделал так, полагая, что в наших обстоятельствах самым главным должно стать укрепление власти... И я рад, что вот даже бывший Наследник, презренный лепешечник Тонг Тегин, который не сохранил в себе Волчонка, понял, что при нынешних обстоятельствах, кроме меня, Иосифа, нет другого более верного и надежного хозяина в городе, и потому во имя города и всех вас сам пришел сюда, чтобы сохранить для Эля Царя. И вместо меня — ибо я, Иосиф, здесь нужнее — изъявил перед всеми похвальное желание отправиться ходатаем к богам на небо. Так что поблагодарим Тонга Тегина за разумный поступок и единственно что пожурим его за то, что не очень правдиво, просясь на небо, он разговаривал с богами, слишком уж набивал себе цену и даже назвал меня — это Царя-то! — своей прислугой, поступая, подобно плохому торговцу, который, расхваливая свой товар, забывает о правде. Но ведь боги-то лучше знают наши обстоятельства и вот не взяли его на небо к себе, а возмущенные его клеветой даже огонь его рода погасили, дав нам знак, что выродился его род...

Да, умел убеждать Иосиф. Если ему дать говорить, то становился он, как бог, всесильным и могущественным, он правил душами слушающих его, как опытный возница разгоряченными конями. Он знал и когда хлестнуть, и когда окриком подбодрить. Он умел и вдалбливать в умы нужное — сколько вот уже он раз повторил про знамение и как ловко обернул знамение против рода Ашины!

А с каким достоинством и уверенностью он говорит, глядя людям прямо в глаза и умиротворяя и одушевляя их своей откровенностью!

— Тавангары! Я знаю ваши сомнения! Я догадываюсь, что вы хулили пришельцев. И я не хочу спорить: конечно, иные из пришедших людей, имея опыт оседлости, зажили лучше, чем вы, более достойные. Однако я призываю вас, претерпев стыд на короткое время, сохранить свою славу на вечные времена. Тавангары! Лишь военные подвиги и богатая добыча могут теперь сравнять в нашем городе бедных с богатыми... Простим же Тонга Тегина из рода Ашины, не будем отправлять его на небо. Поскольку Небо дало нам знак, что угасла божественность его рода, то какой же теперь из него гонец?..

Иосиф подошел к Тонгу и самолично снял у него с шеи золоченую удавку, накинул на него одежды. Возвратил ли этим своим жестом Царь Иосиф свой долг Волчонку? Подарил ли ему жизнь в благодарность за жизнь собственную?.. Ни один из хронистов не попытался подобным образом объяснить сей Иосифов поступок. И мы тоже, читатель, не решимся внушить тебе, будто гор-

дый, прекрасный Иосиф пожалел в последний момент своего поверженного противника. Нет, читатель, Царь Иосиф помиловал Тонга Тегина потому, что был мудр и понимал, что люди сегодня, в данный момент, думают так, а завтра с трезвой головой уже способны думать по-иному, что сегодня те же люди ненавидят и зверствуют, а назавтра скорбят душой и проливают слезы умиления над своими жертвами. Не всегда убитый противник — самый безопасный. Когда дело идет о душах людей, то души как-то больше всегда склонялись перед ушедшими. Живой заставляет стоять перед собою на коленях с помощью кнута. Перед могилой люди охотно становятся на колени сами и начинают превозносить ушедшего порой даже за то, за что прежде хулили. Мудрый Иосиф побоялся сделать из последнего в роду Ашины народного героя. Иосифу нужно было, чтобы последний из рода Ашины сам бы склонился перед ним и пошел к нему в тутгару — прислугу, вот тогда государственный переворот, который проходил в Хазарии больше полувека, можно бы считать наконец завершившимся.

Иосиф хлопнул в ладоши. Хлопка его, видно, уже заранее ждали за оградой, потому что прибывшие с отрядом Булана слуги тут же внесли внутрь ограды и положили рядом с пеплом от погасшего вечного огня Эля большую шкуру быка и разложили на ней куски свежепеченого мяса. Из-за этого мяса, из-за этой шкуры припоздал Гер Булан со своим отрядом и оставил Иосифа один на один с Собранием, что было, разумеется, опрометчивостью. Но теперь вот была исправлена опрометчивость.

Иосиф встал на шкуру и закричал что есть силы:

— Эгей! Харан — свободные люди! Тавангары — люди силы и богатства! Все кочевники! Хазары! — У него даже голос по-особому задрожал, когда он произносил «хазары». — Пробил час. Отведайте же все со мною вместе мяса войны. Отведайте и встаньте все затем на шкуру моего полководства. Вы только попробуйте, какое лакомое мясо приготовлено для вас по моему приказу. Но то ли еще будет?! Хазары! Сколько лет подряд требовали вы все от меня, чтобы я приказал вынести шкуру войны и пригласил вас в поход за лакомой Одье — добычей. Однако обстоятельства складывались так, что, зная о вашем желании, не мог я сразу такового содеять, потому что тогда было еще не время. Но вот теперь время! Уверяю вас, я делал все, чтобы избежать напрасного риска и не подвергать испытанию вашу доблесть и ваш дух без крайней надобности. Вы знаете: я всегда придерживался того осторожного правила, что можно и не ходить в дальние походы, если добыча, как рыба, сама обильно приплывает в ловко расставленные нами сети. Сегодня ожидаемая добыча пришла к нам настолько огромной, что мы не справимся с нею и сами окажемся ее жертвою, если не объединимся все вместе и все, как один, не встанем на общую шкуру войны. Вот я вынес вам свою шкуру войны. Вставайте! Я согласен сам повести вас всех на победный бой!.. Вставайте же скорее!..

Иосиф перевел дух. Он видел, что все мялись, переступали с ноги на ногу. Многие оглядывались.

И понял Иосиф, что сейчас крайне нужно ему найти для них заразительный пример. Кто-то должен был, как бык, привычно заводящий стадо в загон на бойню, затащить всю эту мнущуюся толпу (иначе, как о толпе, Иосиф о собравшихся не думал!) на шкуру войны. И тут Иосиф остановил взгляд на Волчонке. Каким примером будет, ежели Тонг Тегин, сам когда-то признанный полководец и последний из рода Ашины, встанет на принесенную им, Иосифом, шкуру, то есть признает Иосифа своим Полководцем.

Иосиф снова похлопал в ладоши. Опять пригласил всех:

— Отведайте испеченного мною мяса! Станьте на мою шкуру!..

Наверное, прикидывал в этот момент Иосиф, как бы сподручнее, когда возникнет очередь к его шкуре и начнется давка за мясом, мигнуть Геру Булану, чтобы втащили на шкуру и Тонга, а потом и показать бы всем это.

Однако судьба на этот раз распорядилась с Иосифом иначе. Опять приготовила она ему неожиданное, заранее им не обсчитанное, чего никак вроде и вычислить было нельзя.

По-прежнему мялись все, переступали с ноги на ногу, а на шкуру войны (желанную шкуру войны, о которой столько лет только и мечтали, едва напьются хмельного кумыса!) никто становиться не хотел. Оказалось, что хоть и называли они ее в своих мечтах шкурой войны, но не о войне, а о легкой добыче думали, теперь же, когда они приближались к городу, думал каждый больше

о собственной шкуре. Потяжелели плоские лица, свидетелями нелегких раздумий заходили на них желваками темные скулы, и уже даже переминаться с ноги на ногу перестали тавангары — замерли.

Нетерпеливо глянул Иосиф на тавангар. Что же медлят? Разве не подкармливал он их всегда, как полезных псов; разве не назначал амилями — сборщиками налогов?.. Но, видно, хоть и пел на базаре скоморох, что давно нету печени у тавангар, что стали они куклами, подвешенными к верху шатра, хозяин которого дергает их, как хочет, за веревочки, однако было даже для кукол сегодня слишком — вернуться в свои Дома с сообщением, что, мол, я отведал Иосифова мяса войны и стал на шкуру Иосифова полководства. То есть так, мол, и так: обязался я тем самым прийти со всем своим родом в полную власть полководца Иосифа.

«Ах! — наверняка думал про себя сейчас каждый из тавангар, — если я вернусь с Собрания Сильных к своим сородичам с сообщением, что встал на шкуру Иосифа, не посчитали ли бы меня за женщину, ибо женщина известна непостоянством в мыслях? Никто ведь никогда не признавал Иосифа ни за полководца, ни тем более за Кагана, идущего впереди войска со сверкающим, как солнце, медным знаменем. Как бы не прогневались, узнав, что я принял Иосифа за доблестного полководца и даже за Кагана, на меня все мои сородичи и не поступили бы со мной, как с изменившей дому женщиной? Известен ведь обычай: изменившей дому (мужу своему) женщине следует учинить допрос и после того, как она под палками и пыткой непременно сознается, надлежит зашить ей верхние и нижние отверстия тела и, завернув в кошму, бросить в воду... Ах, как бы за признание Иосифа полководцем мне самому завернутым в кошму после пыток не оказаться?»

Короче говоря, не захотели представители Домов, чтобы с ними дома поступили, как с потаскухами, и решили подождать.

Иосиф наморщил лоб, позвал Булана. Лосенок расторопно подскочил, и Иосиф еще раз благословил всевышнего за то, что тот внушил ему мысль приблизить к себе Лосенка. Отойдя от Иосифа, Лосенок подошел сзади к Тонгу и уперся ему в спину копьем против печени.

— Покажи, Тонг Тегин, всем пример, — сказал громко Иосиф. — Ты сам был славным полководцем, много

думал об Эле. Теперь ты понимаешь, что надо выходить с войском навстречу ИМ. Надо собирать большое войско и выходить на битву. Забудь обиды. Покажи пример! Стань на мою шкуру!..

И увидели все, как кровь потекла по спине Тонга Тегина. Это впилось в нее острие копья Гера Булана. Еще семь копий стражников тут же начали щекотать Тонгу Тегину спину.

Но Тонг Тегин Волчонок только сплюнул смачно себе под ноги и спросил:

— Что ты надумал, шпа Иосиф? Для кого ты шкуру войны расстелил? Уж не хочешь ли обманывать каких-нибудь пахарей, у кого вместо мечей лопата, вместо панциря — кожаная накидка, вместо коня гордого с высокой гривой — бык пахотный? Не к тем ты, жалкий, пришел со своей шкурой!..

И крикнул ко всем Тонг Тегин:

— Эй, Вся Масса Народа кочевников, уходи прочь! Все уходите! Степь широка! Оставьте здесь шпу Иосифа с его тутгарой — прислугой, а сами скорее уходите. Прискакал ко мне вестник. Бегите на восток — встретите полк со знаменем, который идет с Алтая на помощь нашему Элю. Проситесь под руку бека Мергена. А меня оставьте одного — искупать грехи ваши. Зачем вам сражаться с русами? Разве рус не был прежде братом хазару-кочевнику?!

Выкрикнул так Тонг Тегин и запел. Он стал петь степную песню, как будто уже едет по Степи и поет ей колыбельную.

«Буч-буч» — поет семюргук,
Клюет корм ради своего горла.
Моя душа — перепел, который
Бьется в огне...

Красиво запел Тонг, и все его слушали, и даже Булан-Лосенок не решился оборвать Тонга, а только незаметно стал надавливать на копье, упершееся против печени Тонга.

Тонг Тегин же, закончив песню Степи, запел песню о луноликой девушке. Все видели теперь, что его тело терзает копье и что улетает он, и уважительно молчали, слушая новую песню. Тере — обычай разрешает герою, уходящему на небо, раскрыть то, что скромность всегда заставляет держать в тайне. Герой имеет право обнару-

жить, уходя на небо, свои чувства и даже признаться людям, что жил с разбитым сердцем. Поэтому никто не осудил Тонга Тегина за песню о луноликой девушке, тем более что все сразу догадались, о ком он поет.

Ее глаза колдовские,
Ее душа — золотой свет,
Ее лицо — Жемчужина.
Тана разбила мое сердце.
Я спросил ее: «Златокудрая,
Направляясь к нам, как
Ты прошла через обширвые равнины,
Высокие, большие плоскогорья?»
Она моргала синими глазами,
Она смеялась мне в ответ:
«На пути к тебе, принесшем мвогие мучевья,
Твердые холмы стали мягкими,
Ибо мое сердце устремилось к тебе!..»

Тонг Тегин упал с исколотой печенью, и люди потом поняли, почему он примчался на белом коне Орок Сингула, чтобы его отправили ходатаем за Эль к богам! Люди поняли, что перед пим был пример его любимой, отдавшей себя в жертву Хорсу — солнцу...

А па шкуру Иосифа после строптивости Тонга Тегина так никто и не встал. И хотя изворотливый Иосиф все-таки вывернулся и приказал привести из Куббы дряхлого Кагана (который оказался с бельмами вместо глаз и потерявшим слух и язык — все ведь можно растерять по дороге, когда ведут тебя слишком долго), и заставил Кагана все-таки взять в руки не поднимавшееся много лет медное знамя кочевников; но пошли люди на битву за Каганом, а не за Иосифом. Впрочем, многие полагают, что лучше бы и не ходили...

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

Царь Иосиф

Разгневанный, я направился за добычей,
Я зарычал, словно лев,
Я рубил головы героев. Кто меня удержит?
Мужам я отделил головы от шей,
Золото и серебро я захватил.
Кто за меня не радуется?
Кровь руса текла, как вода,
Кости руса легли, как горы,

Его крепкое мужское потомство стало рабами,
Его чистое женское потомство стало рабынями.
Мы хлынули на них, как поток,
Мы появились у их селений,
Мы разрушили их храмы,
Мы нагадили на их идолов.

Звонкий детский голос громко пел под окнами Белого храма песню. Дети играли в войну с русом. Дети повторяли обряды взрослых, которые вчера во главе с Каганом вышли из Города и пошли навстречу русу, и тот ребенок, который так звонко сейчас пел, изображая шамана, стоявшего за спиной Кагана и певшего за него, а другой ребенок, который изображал самого Кагана, только разевал рот и шлепал, облизываясь, губами.

Дети играли в победу над русом. Но Иосиф уже знал, что свершилось противоположное, и смеялся.

Потом он приказал:

— Пойди, Булан! Прикажи детям не играть больше в войну! Пойди: там ведь и твои дети.

Во дворе Белого храма была масса детей — родители свели их сюда на время военных действий. Под защиту храмовых стен.

Дети замолкли, и Иосиф подумал, как хорошо все-таки, что он не вышел на битву, а взял отряд Булана и остался на острове, чтобы до последнего оборонять храм. Чтобы остаться последним погибшим героем!

— Мы умрем красиво! — сказал вслух Иосиф и обнял вертевшуюся возле него Серах. Она оказалась лучше, чем он о женщинах думал. Отправив сокровища, Серах вдруг вернулась и старалась в эти последние дни всячески сгладить тяготы, сделать все, что можно, для Иосифа. Она и отряд Булана удержала от бегства. Ей нравилось, что среди всеобщего уныния и смуты она одна выглядела неизменившейся — красивой, молодой, уверенной, напористой, деловой, преданной.

Иосиф дружески обнял Серах и благодарно засмеялся. Потом, отпустив жену, долго пытался остановить улыбку. Ладонями массировал себе лицо. Но его мускулус ризориус (мышца смеха) свело от напряжения, кожу лба собрало гармошкой, щеки раздуло, губы растянуло, и он все никак не мог разгладить их.

Улыбаться Иосиф начал еще вчера на рассвете и беспрестанно улыбался весь день и всю ночь.

Он улыбался, когда ему сообщили, что никого подкупить из присоединившихся к Барсу союзников не удалось, а значит, вероломства на поле битвы не будет. Улыбался, когда Барс отказался от выкупа. Улыбался, когда тавангары вышли из повиновения — собрали вооруженных родичей и кое-какие подкрепления, присланные из Степи, и, уже не спрашиваясь у Иосифа, посадили Кагана на арбу, поставили перед ним воина, который за Кагана держал медное знамя, и двинулись навстречу Барсу Святославу.

Тавангары понадеялись на удачный конный бой с Барсом, но наткнулись на ощетинившиеся копьями пешие ряды.

Бежав на остров, Иосиф проулыбался еще и всю ночь. Он помнил завет Неизреченного бога, что надо делать веселое лицо, когда не знаешь, что делать. И, пожалуй, исполнил этот завет слишком старательно, вовсю показывая окружавшим его женщинам (и богу!) свои бело-

снежные и, несмотря на несчастье, заботливо начищенные ревенем зубы.

Он подошел к Серах и рассказал ей при всех забавную историю, как во время пожара, когда уже рушилась крыша, муж все никак не мог оторваться от жены. Он погладил по головкам двух чужих малышей, пошутив, что охотно сделал бы одного из них, так, мол, они оба красивы, своим Наследником, жаль, правда, что теперь, кажется, уже ему нечего им завещать. Он вел себя и с другими женщинами и детьми так, как будто не было сейчас в государстве для его главы более важного дела, чем заботиться о подросшем семени и о том, как ободрить женщин. И он смеялся беспрерывно и в душе благодарил Неизреченного за то, что тот надоумил его такому надежному способу остаться в памяти бесстрашным героем и смельчаком.

Но вот беда: к утру его мускулус ризориус, не выдержав нагрузки, сдала. Мало, видимо, он тренировал ее

раньше. Лицо у Иосифа одеревенело, превратилось в сплошную маску смеха, усеянную вдруг проступившими застарелыми оспинами и неуклюже украшенную будто приклеенным, раздвоенным клином зелено-красной бороды (брадобрей со страху перепутал пропорции красителя).

Теперь каждый раз, чтобы убрать с лица маску смеха, Иосифу приходилось массировать лицо руками, помогать пальцами мышцам, и с каждым разом эта помощь продолжалась все труднее и дольше.

Когда взошло солнце, Иосиф ушел со двора в храм. Он искал прохлады. Но и внутри всегда холодного, золотисто-белого храма было сегодня жарко. Горевший всю ночь по обоим берегам город раскалил воздух, и тот, словно нагнетаемый насосом, теперь устремлялся к острову — к холму, на котором стоял храм. За несколько часов этот горячий воздух высушил и сморщил, как урюк, кипарисовый потолок, мозаичный пол и резные украшения, прибитые к колоннам. Глинобитные стены храма отдавали жаром, как камни очага.

Серах приказала желтоизным (она очень усердно командовала всеми, заменяя Главнокомандующего, и даже решилась приказывать в храме) погасить огонь в жертвеннике — достаточно было искры, чтобы храм вспыхнул, будто склеенный из китайской бумаги, и все находившиеся в нем сгорели бы заживо.

«А впрочем, может быть, напрасно отдала Серах такое распоряжение? — сейчас думал Иосиф. — Сгореть в храме — разве не красивая смерть? Это же смерть праведника?!»

Иосиф сейчас уверял себя, что при всей безусловной древности поклонения Неизреченному богу в его исторических свитках недостает мучеников. Выходило, что сам-то бог весьма устрашал людей, а вот люди за бога не мучились. Когда чего-то хочешь вообразить, то вообразишь уж непременно; и Иосиф предположил, что Неизреченный, видимо, хотел обойтись без наивных упрямцев, вся святость которых состоит лишь в том, что они ложились под колесо судьбы, даже не попытавшись хоть чуточку сдвинуться с проезжей части.

Иосиф поднял глаза к потолку: потолок чернел на глазах. Иосиф перевел глаза на стены: глинобитные стены были в паутине трещин. Он шагнул к двери. Он шел к выходу — иша, опрометчиво ставший Царем, и думал: «Властителем этой страны был я всегда. Но странное дело: меня стали прославлять одни и поднялись против меня другие вовсе не в те годы, когда я безраздельно царил, но лишь только после того, как я сам раструбил о своем царствовании на весь мир и принародно водрузил себе на голову корону. Неужели так устроены люди, что власть им не во власть и сила не в силу, покуда не поставлены на оных печати?! Неужели люди повсеместно живут только печатью?! Только печати слова поклоняются и за печать слова умирают?.. Всем я был здесь. Но безропотно сносили мое самовластие кочевники, пока не заставили меня обстоятельства объявить себя равным Кагану, —и тогда тут же мои подданные не нашли ничего лучшего, кроме как попытаться принести меня в жертву за грехи свои и, лишив возраста, отправить на небо?! И ведь отправили бы, не смилуйся надо мною глупость Наследника... О великий Масон, Ангел Лика, о, сам ты, Эн-Соф, — осмелев, назвал Иосиф громко вслух другое, неизрекаемое имя своего Неизреченного бога, — неужели ты предал меня?..»

Он думал все другие слова, а вслух только громко кричал и кричал неизрекаемое имя своего Неизреченного бога.

Он думал: «Сейчас разрушатся храмовые стены. Пусть хоть разрушатся они не безгласно, а с именем бога моего!..»

Но смолчали стены, и даже эхо не откликнулось на Иосифа крик. Будто умер бог его. Неназванный — всем для всех был он, а названный — пустота.

И встал на колени, и возопил тогда Иосиф:

— Соратники мои! Подойдите — не найду я мудрого меж вами. Ты, Гер Фанхас, где ты? Об двери во дворец мой тебя разбили!.. Ты, Арс Тархан? К предкам своим убежал от меня ты... Ты, Гер Булан? Что-то давно уж не слышу я голоса твоего во храме? Говорил ты мне, что, как лодия, плавает твой конь, коня твоего я во дворе храма не вижу?.. А ты, Памфалон? Разве не поднял тебя из грязи в князи я с помощью своих людей в Константинополе, подкупивших владетельных бога твоего?.. Но со страху разорвалось твое трусливое сердце... Не считал я тебя своим единоверцем, Вениамин, но ведь помиловал. Однако и тебя нет: сам ты себя, по неразумности своей, на жертвенник положил, сам себя ножом толпы

проткнул... Кто еще? Ах, есть у меня бесплодная жена Серах. Убежала, прибежала! Бог с нею, бесплодною. Куда ни побежит — плода не принесет... Прошли дни мои. Думы мои — достояние сердца моего разбиты. Если бы я ожидать стал, то преисподняя — дом мой. В тьме стелить мне постель мою. Гробу говорить: «Ты — отец мой!» Червю: «Ты — мать и сестра моя!..» Эй, где же моя надежда? И ожидавшегося мною кто теперь увидит?.. И оставляемое мною кто со мной разделит? А Серах, кажется, опять сбежала?

И тогда вышла из темноты храма к Иосифу чернокудрая Серах и к нему прижалась, и сказала, прикасаясь пальцами к короне на его голове:

— Я не убежала. Я здесь. Я увижу. Я с тобой все разделю. Никто, кроме женщины, тебя теперь не увидит. Никто, кроме женщины, с тобою, обездоленным, беду твою, как ложе, не поделит... Что мне жизнь моя в бегстве, когда ты, такой красивый и гордый, не обласкан? Дай, защищу я тебя! Дай, я тебя в себе сохраню — величавого!.. Всегда одного тебя я любила, как увидала, ненаглядный, красивый мой! Об одном тебе в мечтах мечтала, в надеждах своих на тебя надеялась!.. Поцелуй же меня долгим поцелуем — не побрезгуй перед огненной пещью!.. На все я ради тебя, прекрасный мой, готова. Но что сделать мне сейчас? Что совершить? Какой тебе от меня нужен подвиг? Каюсь я, грешная: о себе молодой я подумала, когда ОНИ к городу подошли. Испугалась, бежать одна хотела. Ведь не только, чтобы ценности в Крыму, в горах, в караимском храме древнем Чуфут Кале спрятать, скинию и ковчег для единоверцев наших, из Хазарии исходящих, сохранить, села я на лодии уплывавшие. Но тебя, ненаглядного, единственного моего, бросить собралась. Подумала, стар уже он, а я юна. Осень у него, а у меня весна. Зачем мне с ним погибать? И так всю ему себя я без остатка отдала, юность свою цветущую с ним, окаянным, ненасытным, погубила?! А он-то пожил — много за пять десятков лет своих удовольствий и почестей имел, много сладкого вина высокомерия выпил, в тщеславии выкупан, преклонениями умащен. Я же, веточка зеленая, с листочками изумрудными, солнцу еще не нарадовавшаяся, перед луной высоко не напрыгавшаяся. Зачем мне неизбежное раньше срока принимать? А не умнее ли, не полезнее за отца своего Вениамина-мученика раскаянные приношения от

единоверцев принять?! Как на титлах в древнем храме Чуфут Кале имя его золотом выпишут, насмотреться! К народу выйти, чтобы знал народ, что семя мученика с людьми осталось — вот в дочери живет, а дочь внуков достойных деда народу своему родит...

Так, каюсь я, грешная, думала. Но, видно, думать полезно для себя — это одно. А думы свои противу сердца своего, противу жилочки каждой, тебя, любимого, помнящей, по тебе воплем тоскующей, — это совсем другое. Дочь любви я! Дочь крови горячей! Не хотела, а не заметила, как я вот вернулась. Вот опять обнимаю тебя. Тело твое чувствую, и мне хорошо, и сердце сладостью полно. Скажи теперь, как мне дальше быть? Вспоминаю я завет предков — пример и опору в душе ищу. Была бы я Иудифь, вдова иудейская красива видом и привлекательна взором, — а Барс, подошедший к городу, был бы Олоферн из рода Навуходоносорова. Сняла бы я тогда голову с Олоферна. Уж исхитрилась бы! Вся я соблазн, и нет стражи, которая сможет остановить меня. Только вот беда — не вдова я. Как мне при живом муже прелюбодействовать? Даже и святого дела ради прелюбодействовать не велит наш Закон!

Сказала так и опустилась на колени рядом с молившимся мужем своим прекрасным Иосифом Серах, и упала в ноги ему, и заголосила, как по покойнику голосят:

— Ой, любимый, прекрасный мой! Почему уже не вдова я, чтобы за тебя отомстить? Почему ждать часу своего должна?

И в ответ усмехнулся Иосиф и руку свою к змеившимся черным волосам своей Серах протянул. Но не погладил ее кудрей, потому что шел уже от них такой жар, что показалось ему, что вспыхнут они, если их погладить, как пакля от трения. Отдернул он, как от костра, руку и сказал:

— Вот ты и вправду Серах (Огонь!). А вдовой стать куда торопишься? Еще солнце за небосклон не зашло, природа не овдовела.

Проглотила слезы Серах:

— Зачем над тайной усмехаешься?! Знаю я давно, что все мы — «дети вдовы». Отец ведь мой Вениамин посвященным был и от любимой дочери тайны не скрывал. Знаю, что считают христианские еретики манихеи, вроде убиенного епископа Памфалона, себя «сыновьями вдовы», и что из-за этого их в преступной связи с посвя-

щенными в «Йоциру» обвиняют, в знании Каббалы и закрытых чисел, в прочих от «детей вдовы» исходящих совращениях, и что ты с манихеями нашими городскими всегда на одном языке говорил. Все знаю. Помню, что наравне с моим отцом Вениамином-мучеником ты себя всегда тоже РЕМЕСЛЕННИКОМ называл. Говорил доверенным своим: «Разве управление не требует навыка потомственного ремесленного, цехового?! Разве везир — не профессия? Разве у иш-везиров не может быть своих тайн мастерства, что, как во всяком порядочном цехе, от отца к сыну передают, а чужим, чтобы не похитили навык, тайны не доверяют?» Я все помню!.. Только где же сейчас твое РЕМЕСЛО? Что же оно тебя использовало, как девку непотребную, и бросило — на потеху, на расправу воям Барса тебя, Мастера, равнодушно отдает?! Или ты не Мастер?!

Поднял гордо голову Иосиф; хоть и на коленях в молитве последней, однако гордо сказал:

— Мак бенаш! (истлел труп!)

Надо полагать, что мастером Хирамом чувствовал себя в тот сладостный миг Иосиф. Известно всем про Хирама, что это он, сын одной вдовы, из колена Неффалимова, призванный Соломоном, строил Храм и притвор Храма. Известно посвященным и о том также, что, строя Храм, разделил он строителей на разряды, чтобы получали строители каждый согласно труду своему и в соответствии со своими талантами и усердием. И потому мастерам шепнул заветное слово, зная которое они получали только им одним награду положенную, а подмастерья взбунтовались, захотели получать столько же, сколько мастера, и убили Хирама; мастера же нашли его могилу и над нею, покрыв себе руки белой тканью (в знак невиновности своей) сказали друг другу: «Мясо отделилось от костей. Мак бенаш! Труп истлел».

Мастера и до сих пор таинственно друг другу так говорят, сделав эти слова посвящением, и подмастерьев низких в свой круг с тех пор и впредь навсегда не допуская. Погиб Хирам, но подмастерьям заветного слова, чтобы они не по трудам своим могли получать, все-таки не выдал. Вот и Иосиф тоже решил для себя, что уйдет он теперь в мир иной героем, но не предаст установления. Оттого гордо и поднял голову, хоть и стоял на коленях. Оттого и сказал, как в завете:

— Мак бенаш! (истлел труп!)

Хотел он тоже, чтобы и о нем слово передавалось впредь из поколения в поколение, от мастера к мастеру.

Но поднялась на ноги лежавшая ничком и рыдавшая у ног Иосифа верная Серах. И встала над ним. И обе руки к нему, прося, протянула и закричала, как под рукой палача на плахе:

— Нет! Нет! Не хочу! Не истлел еще твой труп, муж мой прекрасный Иосиф. Зачем ты себя и меня на смерть обрекаешь?! Ради кого и чего? Что нам с тобой от того будет, что от мастера к мастеру кто-то на ухо «Мак бенаш» прошепчет?! Мы-то рядышком в землю сырую сейчас ляжем. Мы-то никогда уже друг друга сладко не обнимем, на ложе не взойдем с любовью. Бежим отсюда скорее, милый, прекрасный мой! Сестры мои за сакалабами в замужестве. Укроемся у них. Не отдадут шурины мои ни меня, ни тебя, мужа моего, в обиду. Переждем, укрываясь у них, беду, а там, глядишь, и небо раздвинется, и луна полная выйдет. Нам поможет! Давно уже не чужие мы этой земле, а родная земля нас не выдаст!

— Родная? — искривилось горьким смехом лицо Иосифа. И нельзя было понять, то ли мускулус ризориус (мышца смеха), перетруженная, опять его подвела: гримасу вместо теплой памяти от бессильной усталости изобразила; то ли сам он только уже горечью жил, горечи хотел и одну горечь из себя выдавить смог. — Это ты, Серах, «родная земля нас не выдаст», говоришь? Ты, которая меня все ссорила с нею! «Кочевники — скот. Купцы — псы. Ремесленники — тутгара — прислуга. Одна ты — Черное Пламя? Дитя вдовы! Единственная женщина. принятая в общество!..» Ну вот, теперь наглядимся на пожар. В пламени сами погибнем! Как красиво! Мы очень красиво будем гореть! Роскошное зрелище!

— Любимый мой! Зачем ты так? Я вернулась не для того, чтобы сгореть с тобой, а чтоб спасти тебя... Сохранить лик твой на земле! Ясный, гордый лик! Нет тебя прекрасней, мой Иосиф!.. Лицо твое — чистое золото, кудри твои — пальмовые гроздья. Очи твои, как голуби на водных потоках, купаются в молоке, сидят у разлива. Губы твои — красные лилии, капающие миррой текучей. Ноги твои — мраморные столбы, поставленные в золотые опоры. Облик твой — как Ливан, ты прекрасен, как кедры его. Таков ты, мой милый, таков мой муж. Завидуйте, женщины Хазарана. Досталась я милому, и меня он желает, — пойдем, мой милый, выйдем в поля,

в шалашах заночуем. Выйдем утром в виноградники: зеленеют ли лозы, раскрываются ль бутоны, зацветают ли гранаты? Там я отдам мои ласки тебе. Разве тебе для счастья мало? — и хочет обнять Серах своего прекрасного Иосифа, голову ему свою чернокудрую на плечо положить, — вместе мы. Что нам еще от жизни надо?.. Пойдем же скорее, пойдем отсюда, из ада этого прочь. Иосиф! Пойдем в поля — там переночуем и решим, как быть дальше... Все начнем с тобой сначала. В чем-то мы здесь ошиблись... Сироты мы теперь с тобой, мой царь! Истинно дети вдовы-природы. Бежим в поля: добрые люди сирот пожалеют...

Растрогался Иосиф. Протянул было опять руку, чтобы обнять за плечи свою Серах, но отдернул руку — показалось ему, что в костер он руку опускает, что Черное Пламя его лизнуло. Сказал:

— Какие же мы сироты, Серах, коли сами мать свою извели? Если дети убили свою приемную мать, то равно тяжек грех. Что ты Единому скажешь: «Нашла я, сирота, себе землю, обласкала она меня, поила, кормила, а я ее разорила... Прости меня, Единый! За сиротство пожалей!..»

Попыталась поцеловать любимого Серах:

— Не бери на сердце, мой царь!.. Разве не о благе для Хазарии думал ты? Много разных языков слилось в один общий котел у нас в Хазаране. Вот ты и обольстился: «Торговля — мир. Торговый язык — для всех един». Разве ты виноват, что стали ссорить языки рахданиты. Не кричали: «Тот купец плохой, потому что конкурент мой». Кричали: «Тот купец плохой, потому что не на святом языке говорит». «Прогони-убей иноверца». Много разных сект развелось у нас в городе: «дети вдовы», «сыновья вдовы», прочие заговорщики-еретики. Все тебе нашептывали: «Обопрись тайно на нас! Мы тебе через сообщников своих в чужих землях поможем. Мы тебя там поднимем, а ты нам тут благоволи». Ты поверил, но вышло, что кордовскому Ремеслу помог, а собственное отечество разорил. Обманули тебя, любимый мой, эти преступники... А ты ведь мудрым был. Ты мне сам открылся: «Ту веру царь должен принять, над которой царит. Тот язык беречь, которым правит». Как ты на Курилтае, Собрании Сильных, ненависть в пользу обернул!.. Разве ты виноват, что ржа далеко зашла, что они тебя после Курилтая не послушали: Кагана старого под знамя вывели?!

Ты еще найдешь применение своей мудрости. А сейчас прочь нам надо!.. Приободрись, Иосиф! Ну, обними меня, мой желанный! Муж мой! Прикоснись ко мне, и силы бежать найдешь!.. Жить дальше будем!

Не прикоснулся, однако, к возлюбленной Серах Иосиф. Молча с колен поднялся и пошел к порогу Храма. Ни одного стражника во дворе Храма уже не было. Только жались к стене Храма осиротевшие ребятишки. Они были испуганы и больше уже в войну не играли.

И засмеялся Иосиф, и сказал:

— Эти сироты — забрать их некому. Так же вот и я сирота. Был Царь, стал дитя вдовы.

Ему было приятно подумать о себе как о сироте. Думалось ему, что вот народ, о котором он заботился, отбился от рук и его, Царя своего, из Небу подобного до детей вдовы — заговорщиков опять низвел. К тайным завистникам вернул...

С порога храма было видно, как в городе по обоим берегам затихает бой. На левобережье сражалось ополчение ремесленников. На правобережье пытались защищать каждый свой дом купцы.

Однако настоящего боя уже давно не было, ибо разве можно было назвать сражающейся толпу обезумевших мужчин, которых медленно обступала белая стена. Мужчины умоляли о пощаде — им в ответ кидали брошенные ими сабли.

«Варвары! — подумал Иосиф. — Они хотят остаться благородными и по своим варварским представлениям полагают, что оказывают этим мужчинам великую милость, разрешая отправиться на небо с саблями в коченеющих руках».

На широкой степе, опоясавшей двор храма, у костров, разведенных под чанами с кипящей смолой, суетились воины из особого отряда Неизреченного. Они были в голубом, как Иосиф, и в руках у них были черпаки с длинными древками. Они собрались защищать до смертного вскрика ковчег и священные сосуды. «Вот мученики, по которым я печалился, — подумал Иосиф. — Только не великие, потому что безымянны. Нет потому что ни у кого из них громкого, как у меня, имени; и ни звания, ни должности тоже нет... Ах, знали бы вы теперь, что собрались умереть, защищая в Белом храме то, чего там нет и никогда не было. Впрочем, что вам?.. Сочинители напишут славы вашей ради, что бог увидел ваш

подвиг и сотворил чудо, и самолично прибрал сосуды, так что когда ворвались варвары, то отдернули они черную занавеску и увидели за нею только пустоту. Ах, напрасно я, видимо, ухожу из храма. Раз должно еще случиться такое чудо, то не сгорит храм. Или он сгорит уже после того, как свершится чудо?.. Всегда ведь храмы сгорают после того, как успеет совершиться в них чудо!..»

Иосиф подошел к смертникам. Были они пока без дела: воины Святослава не торопились осаждать храм. Там в городе по обоим берегам реки они продолжали заниматься своей нехитрой игрою, выкуривая из горящих домов остатки разбитого противника и заставляя их умирать с саблей в руке. Воины Святослава так увлеклись этой забавою, что, к удивлению Иосифа и вопреки обычаям войны, предпочли ее насилию над женщинами и грабежу. Драгоценные вещи они просто кидали в общие кучи посреди улиц. Женщин и детей направляли к берегу реки, где рядом с вытащенными на берег бесчисленными челнами уже варилась на кострах пища, сидели раненые, вокруг которых суетились волхвы, прикладывавшие к ранам кровоостанавливающие коренья.

Иосиф постоял возле одного из чанов с кипящей смолой. Какой-то лучник, похоже, булгарин из союзных со Святославом войск, увидев корону на голове Иосифа, как бы нехотя прицелился, выстрелил. Все на стене замерли, видя, как убийственно медленно, словно замерев в полете, приближается к голове Иосифа краснoперая стрела. Стрела прошла над короной. Иосиф, по-прежнему улыбаясь одеревеневшим лицом, спустился со стены и попросил открыть ворота.

— Куда ты, Царь?! — спросил открывавший ворота смертник в голубом одеянии. Иосиф не ответил. Он вышел из храма и пошел через остров мимо своего дворца к наплавному мосту. Он видел, как за ним выскользнула из храмовых ворот и побежала желтая тень, похожая на Серах. Но не приостановился. Он шел на левый берег — туда, к кострам с ранеными вокруг них, к пище, к детям и женщинам.

Он ждал, что сейчас ему в спину попадет пущенный из пращи камень или между лопаток вопьется стрела, направленная из храма. Камень не попал, а стрела не впилась.

Он уже шел между дерущимися. Возле одного из горевших домов он отломил чудом необуглившуюся зеленую

ветвь и взял ее в руку. Теперь в голубом наряде первосвященника, с широким желтым поясом, с короной на голове и зеленой ветвью в руке он казался себе очень внушительным.

Солнце еще было низким, и в косом утреннем свете, прямо против которого Иосиф шел, горящий город почудился Иосифу похожим на аппликацию из красного шелка, нашитую на черный шелк многоводной Реки внизу и синий шелк Неба вверху.

А потом вдруг увидел Иосиф занесенный над собою меч, и Город стал в его глазах белым-белым, а Река и Небо одинаково черными. Меч был все ближе. Но когда Иосиф, ожидая удара, закрыл глаза, то услышал крик — пронзительный крик женщины. Он открыл от этого крика глаза и увидел, что у самых его ног корчатся два куска человеческого мяса — два обрубка в лоскутах желтой материи, оставшиеся от того, что было мгновением назад прекрасным женским телом. Он перешагнул через обрубки, и когда перешагивал, то ему показалось, что от одного обрубка на него, застывая, глядят прекрасные черные глаза Серах и над ними треплются в воздухе, как черный факел, ее волосы. У нее были груди как башни. Опора любимому! У нее были волосы, как черный виноград, и гроздьями мелкие колечки свисали; длинными лозами пряди по плечам расползались. У нее были губы, как алый сок. Однако какое ему теперь могло быть дело до той, что, заслоня его от меча, приняла смерть раньше, а ему на несколько мгновений жизнь продлила?..

Он шел по наплавному мосту и удивлялся себе: почему он не приказал сжечь этот наплавной мост? Или у него не поднялась рука уничтожить то, что было его детищем и принесло ему столько звонкой благодарности, которую он мог часами считать (щупать, видеть)?

Он споткнулся, зазевавшись. Споткнулся о что-то тяжелое, теплое и липкое и выронил свою зеленую ветвь. Нагнулся, подобрал, зажал в кулак, снова поднял зеленую ветвь над собой. Но теперь с ветви капало ему на лицо что-то теплое и липкое. Иосифу не захотелось поднимать глаза на свою зеленую ветвь, чтобы не убедиться, что он уже вымазал ветвь мира по оплошности кровью.

Барса Святослава он узнал сразу, хотя и был Святослав без голубого княжеского корзна на шее. Святослав уже снял с себя доспехи, и стоял коренастый, в белой ру-

бахе и широченных синих штанах, с кисточкой-оселедцем на бритой голове.

«Таким вот и описал мне тебя в письме из Киева Вениамин, а я по привычке Вениамину не поверил», — подумал Иосиф и, сообразив, что судорожно сведенная мышца смеха все еще кривит его лицо в широкую улыбку, неожиданно для самого себя вслух громко и представительно сказал, умело подобрав славянские слова:

— Приветствую тебя, Барс Святослав — великий полководец! Я слышал, что ты нуждаешься в расторопном ише-везире?..

ДЕНЬ СОРОКОВОЙ

Полководец Добун Мерген

Сокровенное сказание — Летопись кочевников сохранила о хазарах последнюю запись под годом Барс Ил (966 годом).

Летописец записал: «Поздней осенью года Барса случилось еще следующее. Пришел на Итиль-реку с Алтая вызванный оттуда хазарами полк со знаменем. Сын Добуна Мерген согласно воле отца хотел взять хазар под себя. Но, видно, слишком долго добирался полк — никаких достойных людей, чтобы взять их под себя, Мерген на Итиле-реке не нашел».

Полк вышел к Реке перед рассветом, и сначала воинам полка показалось, что они видят только черную тучу, припавшую к воде. Но, подскакав ближе, воины различили остатки Города — обуглившиеся развалины на острове посреди реки, а по обоим берегам заброшенные землянки и юрты, среди которых бродили одичавшие, голодные, готовые растерзать человека псы. В небе каркало бесчисленное воронье. Вдоль реки стоял засохший чакан, меж голых стеблей которого сиротливо гулял холодный ветер.

Недалеко от города полк наткнулся на частокол, внутри которого остались следы священного огня. Рядом с выжженным кругом, уткнувшись в его край сломанными оглоблями, стояла полусгнившая арба и лежало несколько древних Таботаев.

— К полному упадку, видно, пришел этот Эль, — сказал, разглядывая Таботаи, Мерген, — даже вот священный прах древних предков некому у этого народа поднять!..

Воины Добуна горестно склонили головы.

Полк поднял свое медное сверкающее знамя и пошел было назад, на восток, навстречу восходящему солнцу.

Но, заслоняя восходящее солнце на востоке, возникло пыльное облако. Оно росло, как смерч, надвигалось. Затем небо потряс гром тьмы копыт.

Это прикатилась за полком орда.

Она с ходу ударилась о преграду Реки и, смешавшись, растеклась, как в половодье. Люди расседлывали лошадей, ставили шатры юрт, зажигали костры. Мирные пастухи-татары начинали жить.

Люди заселяли свободную землю. Земля на берегу Реки была слишком обильной, чтобы пустовать. И прикатившие за победоносным полком ордынцы, а среди них в основном были люди из обнищавших, разоренных захватчиками племен, как дети, радовались дару Неба.

Мерген долго смотрел на этих счастливо готовившихся к мирной жизни людей, потом широким взмахом воткнул в землю сияющее звонкой медью знамя:

— Здесь наша земля, татары! * Готовьте послов мира к нашему брату Речнику — РУСУ. Коли укрепим братство, никто больше нас с нашей земли не прогонит!.. Сами себя погубили хазары неразумные. Теперь мы здесь будем жить — братья русов татары!..

●

---

* Первоначальное самоназвание одного из племен Великой Степи. Уже к X веку стало употребляться в широком значении «сог-по», то есть «пастухи», «мирные ордынцы». Татары — предки поволжских тюрок, подданных Золотой Орды. Во время монгольского нашествия мирные татары мобилизованы были в своего рода ополчение, которое гнали, не жалея, впереди войска. Отсюда на татар позже упала вина за насилия, чинимые воинственными ордынцами. Такова насмешка истории.

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Анатолий АВДЕЕВ

Анатолий Авдеев уроженец Белгородчины. Работал в северных областях России, освоил несколько профессий, закончил педагогический институт в Кирове. Известный советский поэт Валентин Устинов сказал, что увлечение творчеством, поэзией привело Анатолия Авдеева к постижению лирико философского мировоззрения, «в котором гражданственная болевая тревога за судьбы Отечества поверяется духовно-нравственными категориями добра и любви». Стихи молодого поэта были тепло встречены на зональном совещании молодых писателей в Курске. Сейчас Анатолий Авдеев готовит к изданию свою первую книгу.

НЕ ОСТАВАЯСЬ РАВНОДУШНЫМ

* * *

Под утро проснусь и тихонько присяду
У теплой, пропахшей хлебами печи.
И в память уйду, и упрусь своим взглядом
В тот гвоздь, на котором висели харчи...

И выйду чуть свет с батогом и котомкой,
По выгону ровному стадо пущу,
И, старый плащишко под голову скомкав,
Свернусь калачом, на траве умащусь.

И в утренней дреме увижу девчонку,
С которой за тыном целуюсь тайком.
Она улыбнется и рыжую челку
Взъерошит девичьим своим гребешком.

Завозятся птицы шумнее в гнездовьях,
В лицо мокрым носом толкнет меня пес.
Я встану и ахну: все стадо коровье
По брюхо залезло в колхозный овес.

И будет округа умытая пахнуть
Полынью и паром промокшей земли.
Так стойко лишь пахла под солнцем рубаха,
Которую я на плечах пропылил...

Я встану и выйду чуть свет на дорогу,
Услышу, как горлинка в поле кричит.
И будут по травам нести меня ноги
В те годы, что изредка снятся в ночи.

СКАНЬ

Заярковская слободка —
мое детство.
Грустью вытканные, светлые года.
Только в детстве можно сердцу отогреться.
Что ж тут думать —
в поезд прыгнул, и айда!
Вот иду я по протоптанной дорожке
Яром в ямах,
да по пояс в лебеде.
Как хотите —
только пахнет яр окрошкой,
И лежат, что опрокинутые плошки,
В огуречнике, укропе, резеде
Оба склона.
И чем жарче солнце ярит,
Тем душистей и прохладнее в яру.
Я иду сквозь лебеду, как по базару,
Меж прилавков с овощами поутру.
Дом наш с краю.
Вишняком по огороду
Подхожу и вижу с ведрами отца.
Знать, собрался он к околице по воду:
Там колодец наш стоит на солонцах.
А в колодце,
что там Кисловодск —

Пьешь как соты ешь —
и мед тебе, и воск.
Прибегал к нему я в детские года:
Зачерпну бадейку —
в пазухе еда.
И на срубе сев, ржаной ломоть едал,
И медовою водою запивал.

Я вхожу во двор наш древний:
— Здравствуй, батя!
(Самый старый на деревне
Дом наш, здравствуй.)
Батька смотрит, ставит ведра...
— Матерь!
Здравствуй, баловень вихрастый,
Здравствуй.

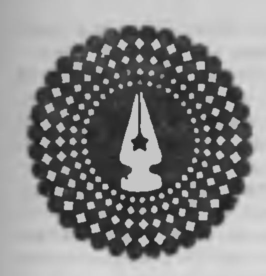
* * *

Не оставайся равнодушным
К цепочкам чьих-то черных бед,
В своем обличье простодушном
Беда заглянет и к тебе.

В один из дней простых и тихих —
И ты, казалось, ни при чем —
Она по-злому: ярко, лихо
Ворвется в жизнь твою с бичом.

И сразу явно станет нужен
Тебе твой друг и твой сосед...
Не оставайся равнодушным
К цепочкам чьих-то черных бед.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

БРАТСТВО НАРОДОВ—НАШЕ ДОСТОЯНИЕ

Багаутдин **КАЗИЕВ**

ТОЛЧЕЯ НА ПУТИ К ПРАВДЕ

По национальности я кумык (одна из народностей Дагестана). Учился в Москве. Живу в Литве. Литва — Дагестан! Две абсолютно непохожих истории, культуры. Два совершенно не схожих языка. Темперамент, цвет волос, привычки, вкусы, начиная с еды и кончая одеждой, — все разное. И тем не менее я, кумык, живу здесь, в Литве, и ничего, привык или, выражаясь научным языком, адаптировался.

Не скажу, что моя жизнь свободна от забот. Заботы есть. И самая большая связана с так называемым национальным вопросом. Дело усложняется еще тем, что я литератор. Пишущий к тому же на русском языке. Это означает, что по-русски я думаю, читаю, говорю. Все русское вызывает во мне живейший отклик, сочувствие, интерес, потому что я люблю русский язык, вместе с ним получил я бесценный дар — великую русскую литературу.

В «Исповеди» Руссо есть такие строки: «Увлечение литературой внушило мне любовь к французским книгам, к авторам этих книг, к родине этих авторов...» Я мог бы сказать о себе то же самое, лишь за-

менив прилагательное «французский» на «русский». Хотя и в первоначальном виде мысль Руссо очень понятна мне.

Я выучил язык французов (с помощью русского!), люблю их литературу, философию. Мне близок сформулированный Франсом пафос французского гения: «Ясность! Ясность! И еще раз ясность! » Но еще больше дорожу я разбуженной в моей душе русской литературой потребностью правды. Правды!

«...Национальный вопрос выдвинулся в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России, это очевидно». Кажется, строки из статьи В. И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу» написаны не 70 с лишком лет назад, а сегодня, сейчас, настолько они актуальны.

С национальным вопросом, в полном смысле этого слова, я столкнулся впервые в Литве. В Дагестане он не выделялся из длинного ряда других проблем. Во всяком случае, когда я оттуда уезжал (в 1982 году). И тем не менее я хочу начать с Дагестана, где в последние три-четыре года положение изменилось. «Патриотические» чувства горцев обострились, и это замечают все более или менее наблюдательные люди. Во взаимоотношениях местных народностей появилась отсутствовавшая раньше раздражающая напряженность.

Между тем совсем недавно республика служила образцом содружества наций — сказывался вековой опыт совместной жизни разноплеменных горцев. Жить мирно и вообще жить из-за особенностей горского характера значило одно и то же. Горец не умеет ненавидеть молча, он прям, откровенность его граничит, на взгляд европейца, с грубостью. Хитрить, заниматься дипломатией он считает унизительным для себя. Лгать — ниже его достоинства. Он так или иначе выдает свое отношение к вам, свои чувства. Он почитает за лучшее думать и говорить о соседях-горцах либо хорошо, либо ничего. Необходимость стала благоразумной добродетелью, ведь в противном случае в Дагестане беспрерывно бушевали бы страсти. Горцы издавна приучили себя находить лучшие качества друг у друга и восхвалять их, а на худшие лишь намекать мягко, в форме безобидной шутки. Поэтому, когда в Дагестане появились русские, в отношении их стали действовать те же правила и законы — мир, взаимопонимание, взаимопомощь... И русские, естественно, приняли этот стиль общения.

Кстати сказать, далекого от национальной вражды подхода к русским людям горцы придерживались даже во времена, когда, казалось бы, у них были основания относиться к ним враждебно. То есть в эпоху восстания Шамиля. По словам историка, факты подтверждают, что сам имам ценил и оберегал русских пленных и не всегда был враждебно настроен по отношению к Российскому государству. Живя в Калуге, он, по свидетельству очевидца, «только и говорил... о доброте государя и русского народа». А в 1866 году даже присягнул на верность России.

Вот образцы дагестанского «национализма» в том виде, в каком он мне запомнился. В компании у юноши спрашивают, нет ли у него ножа. «Я не аварец!» — отвечает он, и все вокруг смеются, в том числе и сами аварцы. Если же у него просят не нож, а авторучку, «я не лезгин!» — говорит под общий смех юноша, намекая тем самым на распространенное в Дагестане мнение о якобы склонности лезгин к кляузам. Я сам не раз бывал свидетелем того, как иной лезгин трунил над этим своим «свойством» не

хуже, чем Иван Иванович из повести Гоголя над своим кривым оком. «Не выводи меня, — говорил он, притворно сердясь, — а то накатаю на тебя телегу. Ведь я лезгин, не забывай про это...»

А вот еще пример. Один мой приятель в Дагестане решил жениться. Родители поставили условие: невеста не должна быть русской, но обязательно мусульманкой, ведь, окажись та армянкой или грузинкой и не будучи русской, она не была бы также и мусульманкой. Жених заверил, что она нерусская и мусульманка. Те выдвинули новое условие: не кумычку (жених был кумык) они в своем доме не потерпят. Выяснилось, что и этому требованию невеста удовлетворяет. Поинтересовались, из какого села ее родители. Оказалось — из ч у ж о г о. Этого было достаточно, чтобы свадьба не состоялась. Потому и часты в Дагестане браки между двоюродными родственниками, что род старается не допустить в свой круг ч у ж о г о. Казалось бы, чужой, входя в род, становится с в о и м, пополняет, увеличивает его. Не тут-то было! Правило: мол, чужого не надо, но и своего не отдадим, — действует в брачной сфере с не меньшей силой, чем в других, ведь здесь понятия с в о й — ч у ж о й не требуют доказательств, здесь все ясно: сын — свой, его избранница — чужая.

Вспоминаю Махачкалу 70-х. Город был буквально набит битком какими-то бандами: поножовщина, грабежи стали повседневным явлением. Но банды эти различались не по национальному признаку, я это отчетливо помню, а по признаку г о р о д с к о й — с е л ь с к и й. Первый был с в о й, второй — ч у ж о й. Это было время, когда грань между городом и селом стиралась особенно усердно. И вот, когда она была основательнейшим образом стерта, горцы, не удерживаемые ничем, хлынули в города. Подозрительность, сдержанность села по отношению к городу возросли до откровенной неприязни, ведь это из города поступали инструкции, указывавшие крестьянину, как и сколько коров ему содержать, ограничивавшие размеры его участка, принуждая больше работать на колхоз, чем на себя, устанавливавшие смехотворно низкие цены на производимые им продукты... Все это в конце концов и вынудило его покинуть родной аул, по существу, родину, землю, природу, которые он любил.

Я учился в многонациональном классе. Были в нем, разумеется, и русские. Они выгодно отличались от дагестанцев: лучше учились, так как лучше знали язык, на котором велись уроки. Были аккуратнее одеты. Чистые, опрятные. Большинство из них были светловолосые, белокожие. Их благозвучные имена — Александр, Андрей, Владимир, Сергей — на фоне наших однообразных арабских Сеража утдин, Ислямитдин, Багаутдин — выглядели еще красивее. Все эти признаки располагали к ним. Лишь этим я могу объяснить то обстоятельство, что в то время дагестанцы как бы стеснялись своего дагестанства — своих имен, языка, черных волос, смуглой кожи, орлиных профилей. Помню, даже находились такие, что гордились тем, что вовсе не знают родного языка, зато русский знают как родной. Магомеды настаивали на том, чтобы их называли Мишами, Сеража утдины превращались в Сергеев, а Бадрутдины и Багаутдины — в Борисов.

Автор этих строк сам два года службы в армии в Оренбурге проходил в Борисах. Боялся как огня вопроса о национальности, так как спрашивающий, как правило, раз пять переспрашивал, увеличивая мое смущение, а запомнив с трудом пять простых

звуков, качал головой и говорил, как бы потерявшись от изумления: «Ну и ну! Кого только нет на свете!..»

В общем, поводов подражать русским, перенимать русское было предостаточно. И дагестанцы, хотя и стесняясь, так и поступали. Теперь я вижу другую крайность: стремление отмежеваться от всего русского, убедить себя и окружающих, что все русское — второсортное, неполноценное, чуждое.

Сегодня турист не найдет в Дагестане ни простодушного хлебосольства 50-х, ни уголовно-приблатненного душка 70-х. Сегодня с иголочки одетые молодые люди с университетским образованием растолкуют за чашкой кофе на хорошем русском языке, насколько местные языки и культуры древнее русского языка и русской культуры, насколько лучше жилось бы горцу, не притесняй беднягу его старший брат — русский...

По моим наблюдениям, охлаждение к русским началось с того момента, когда в умах утвердилось мнение об их аморальности. О доступности русских женщин и трусости мужчин. На фоне местных сорвиголов русские парни действительно казались несколько робкими. Они не бросались в драку из-за того, что на них не так посмотрели, споры старались решать мирным путем, с помощью слова, а не ножа. В том, что все в мире относительно и русские внешне робки лишь в сравнении с горцами, я убедился позже, в Литве, где не раз слышал от литовцев, что русские очень агрессивный, драчливый народ.

Что касается доступности женщин, то и тут причина аналогичная. В самом деле, если мужчина знает, что за малейшую вольность, даже за взгляд, длившийся дольше, чем то дозволяет приличие, его ждет наказание со стороны ее брата, мужа, отца, то девушку, позволяющую парню, идущему рядом с нею, держать себя за талию, он, без сомнения, сочтет распущенной. Но так ли это?!

Ведь горянки, могу засвидетельствовать, в условиях, где они свободны от опеки родственников, ведут себя ничуть не лучше других. И так будет до тех пор, пока в Дагестане не установится действительное, а не провозглашенное равенство полов. Произойдет это, вероятно, не скоро, ибо если женщинам до этого равенства надо лишь возвыситься, то мужчинам придется до него «унизиться». А горец унижаться не любит.

Теперь о Литве, куда я переехал в 1982 году по семейным обстоятельствам. Жизнь противоречива. Одни, к примеру, говорят, что виднее со стороны, другие же считают, что для понимания явления надо изучить его изнутри. Мое положение человека, с одной стороны, — приезжего, а с другой, — живущего здесь достаточно долго и знающего литовский язык, думаю, вполне удовлетворяет этим требованиям.

Но прежде чем начать этот разговор, хотел бы уточнить, что я подразумеваю под терминами «национализм», «националисты», «патриотизм».

Допустим, кто-то считает себя высшим существом. Что ж, пусть себе считает, в этом, на мой взгляд, ничего страшного нет. В конце концов, всем людям кажется, что они особенные, исключительные. Допустим далее, что исключительность свою он видит в принадлежности к определенной нации. И в этом также нет ничего страшного, это еще не национализм, во всяком случае, безобидная его форма. Но вот это «высшее существо» предлагает и

мне смотреть на него его глазами, то есть предлагает относиться к нему как к высшему существу, и делает он это лишь на том основании, что принадлежит к той нации, к которой принадлежит.

В данной ситуации он, по-моему, действует как националист, ибо старается утвердить свое превосходство надо мной исключительно на основании национальной принадлежности.

Перейдем теперь к терминам «патриотизм», «патриот», как я их понимаю. Достаточно ли для того, чтобы быть патриотом, отвергнуть притязания «высшего существа» на это звание? Нет, недостаточно, ведь, отказываясь признать его превосходство над собой, я защищаю лишь собственное достоинство, мотив моего поступка — самолюбие. Патриотом я становлюсь тогда, когда защищаю ценности, из которых складывается понятие р о д и н а — патрис (греч.). Тут уж мною движет любовь к родине — патриотизм, по определению Ленина, «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств» (Л е н и н В. И. Соч., 4-е изд., т. 28, с. 167).

Поначалу, не понимая местных обстоятельств, не раз попадал я в неловкие ситуации, иронизируя (там, где это находил уместным, разумеется) над вещами, которые, как я думал, можно было высмеять без ущерба для самолюбия хозяев, а может быть, даже с пользой для них.

Здесь люди могут годами жить на одной лестничной площадке и не здороваться при встрече. Заметив эту странную для меня деталь, я высказал ее в виде шутки, что, мол, литовцы могут не сказать друг другу «лаба диена!» («добрый день!»), но «гяро апетито!» («приятного аппетита!») скажут обязательно. Что обидного в этой шутке? Тем более что я ничего тут не выдумал, и вторая ее часть столь же правдива, как и первая: работая сторожем в гараже одной гостиницы, я не раз замечал с удивлением, что те же самые люди, что утром проходили мимо, даже не глянув в сторону моей будки, в обед непременно желали мне, любезно улыбаясь, приятного аппетита. Тем не менее в комнате, где была произнесена эта шутка, воцарилась тяжелая тишина. Оказывается, я совершил бестактность. Увы! Я, видать, все еще находился под впечатлением шуточек, что отпускали в адрес друг друга мои самолюбивые земляки дагестанцы. Как видим, темпераментные южане способны иной раз проявлять бо́льшую сдержанность, нежели сдержанные северяне.

Но я бы, пожалуй, вскоре и позабыл об этой неудачной шутке, если бы последующие события не показали мне, что положение мое нешуточное: я никак не мог найти приличную работу. Редактор (теперь уже бывший) русского журнала «Литва литературная» согласился было взять меня, но я опять некстати обнаружил свой веселый нрав и тем испортил все дело: на прямой намек редактора о необходимости для того, чтобы жить в Литве, как он выразился, «облитовиться», я ответил, смеясь, что совсем недавно «обрусел». «Не слишком ли много метаморфоз для одного бедного кумыка?» — спросил я. Он ничего не ответил на это. Не услышал я ничего конкретного и насчет работы. Зато при следующей встрече, будучи в х о р о ш е м настроении, он заявил, что пока он жив, я в этой редакции работать не буду. «Что ж, — ответил я, задетый за живое, — придется подождать». «Литовцы живут до-олго!» — посмотрел на меня исподлобья по-

жилой редактор. «Кавказцы тоже славятся долголетием», — ответил я и вышел вон из его кабинета.

Мне кажется, сейчас самое время вернуться к термину «патриотизм» — приведенный мною пример должен пролить на него новый свет. В нашем многонациональном государстве проявления патриотизма и национализма весьма запутанны и сложны. Происходит это в силу того, что у нас у всех по крайней мере две родины: одна общая — Союз, а другая та, где мы родились и выросли, на языке которой мы говорим. Наши общие, касающиеся всего Союза интересы и интересы каждой нации и народа, составляющих этот Союз, должны совпадать, иначе мы рискуем уподобиться персонажам известной басни. Но всегда ли совпадают они? Давайте разберемся. Посмотрим на патриотизм с двух точек зрения — общей, союзной, и национальной. Это лучше всего сделать на примере Литвы, где процент «национально мыслящих» людей очень велик.

По словам литовцев, с которыми я говорил на эту тему, они объект шовинизма русских, которые стремятся ассимилировать их, навязывать им свой язык и культуру. Если это соответствует действительности, то литовцы, сопротивляясь натиску, действуют как патриоты. Но дело в том, что никакого русского шовинизма я в Литве не заметил. Литовец вполне может обойтись без русского языка, русских книг, газет — они и на литовском языке выпускаются в достаточном количестве. За исключением нескольких предприятий и учреждений союзного значения, где документация ведется на русском языке, везде используется литовский язык. На нем можно спокойно говорить, думать, писать... Тут, пожалуй, литовец возмутится: еще бы, мол, у себя дома я не мог говорить на родном языке! Но тогда о каком шовинизме идет речь? А потом, разве его дом не является частью нашего общего дома? Это далеко не риторический вопрос. Поясню, в чем дело. В одном из своих выступлений по телевидению писатель В. Петкявичус заявил, что почему, мол, русские, попадая во Францию, не ищут там «русское», а попадая в Литву, ищут? Прежде всего установить, действительно ли имеют место такие поиски, довольно трудно. Но допустим, что ищут. Что удивительного видит в этом писатель? Разве Литва от века была отгорожена от России непроницаемой стеной? Разве никогда до 1940 года там не звучала русская речь? Разве более половины культовых строений Вильнюса не русские православные церкви? Разве не в Вильно был крещен в православную веру прадед великого русского поэта Александра Пушкина Абрам Ганнибал? Разве Александр I, по чьему высочайшему соизволению светской литовской главной школе был присвоен в 1803 году статус Университета и который по этому случаю специально прибыл в Вильно, был не русский царь? Разве литовский князь Гедимин не носил титул «короля литовцев и русских» и разве удивительно после этого, что потомки русских подданных «короля» хотят взглянуть на город с высоты башни, носящей имя их бывшего повелителя, и для того ищут ее? Этот список «русского» в Литве можно было бы продолжить, но и перечисленного вполне достаточно, чтобы русские, оказавшись в Литве, искали бы русское.

Теперь что касается Франции, где, кстати говоря, русского тоже можно найти предостаточно, но речь сейчас не об этом. Политический статус Франции и Литвы столь различен, что сравнивать их в том контексте, в каком это делает Петкявичус, по-моему, нельзя. Франция — это совершенно суверенное капиталистическое государство. Литва же социалистическая республика, входящая в состав Союза ССР. Для того чтобы попасть на территорию Франции, я должен был бы заполнить десятки бланков, получить разрешение на выезд, заграничный паспорт и так далее. На таможне меня и мой багаж как следует проверят, а в банке я смогу обменять лишь определенное количество денег. Как видим, попасть во Францию мне не так-то просто. Ну а в Литву? Что мне нужно для того, чтобы поехать в Литву? Нужно всего две вещи — желание и деньги. Ни бланков, ни банков, ни таможни... Я даже могу остаться там жить постоянно, у меня есть такое право — оно зафиксировано в Конституции СССР...

Из всего этого следует, что, во-первых, у русских есть все основания искать русское в Литве, тем более что сами литовцы ищут литовское по всему свету. В той же самой передаче, например, Петкявичус упомянул про то, как литовский князь Ольгерд в свое время дошел до Москвы и даже стукнул разок мечом по Кремлевским воротам. А ведь это тоже своеобразный поиск литовского в России. Литовцы очень хорошо знают про это обстоятельство и, бывая на Красной площади, вспоминают о нем. Искать в России свое никому не запрещено, насколько я знаю.

Во-вторых, мы установили, что Литва — это не Франция, а одна из республик Союза ССР — нашего общего дома. Это означает, что Литва также и мой дом, раз уж я гражданин СССР, и русского, и украинца... Патриотично ли говорить русскому или грузину, живущим в этом доме: «Убирайтесь вон!», если они находятся в нем на тех же основаниях, что и литовец, то есть на основании того, что они точно такие же граждане СССР, как и он? Может быть, с точки зрения национально мыслящего литовца это и патриотично, но с точки зрения гражданина Союза это не только не патриотично, но и юридически неправомочно. Если же Петкявичус, сравнивая Литву с Францией, имел в виду что-то другое — ему, по-моему, следует высказаться яснее.

За границей, где география также, кажется, наука не дворянская, Союз часто называют просто Россией, а граждан СССР русскими. По рассказам моих знакомых, ездивших за границу в одной группе с литовцами, некоторые из них на вопросы «Вы русские? Вы из России?» с возмущением отвечали, что никакие они не русские и по-русски не понимают. Но ведь им же известно, что под словом «Россия» иностранцы подразумевают Союз. Патриотично ли выказывать презрение к нашему общему дому, общей родине? Или, может быть, Литва не является частью этого дома?

Теперь о предложении редактора «облитовиться».

Казалось бы, какая разница для меня — «обрусеть», «облитовиться», «обармяниться» или еще что-нибудь в том же роде, раз уж все равно от кумыка во мне, кроме записи в паспорте, ничего не осталось? Разница, однако, есть. «Обрусел»-то я в детстве, естественным для себя образом, а «облитовиться» мне предлагают в зрелом возрасте, когда я уже не только говорю, думаю, но даже пишу стихи и прозу по-русски. «Ага! — «поймает» меня на слове национально мыслящий литовец. — Значит, все-таки русский шовинизм существует, раз ты признаешь факт своего обрусения, факт забвения родного языка!..»

Дело тут в том, что иногда общественные процессы приобретают

такую степень объективности, что приближаются к природным явлениям. А какие претензии можно предъявить природе? Никогда ни один русский человек не сказал мне: чтобы жить в Союзе, надо «обрусеть»! Но сами условия жизни оказались таковы, что к определенному возрасту это со мной произошло. Никого конкретно обвинить в этом я не могу.

Другое дело в случае с редактором, который предложил мне «облитовиться». Если «обрусел» я постепенно и по своей воле, то «облитовиться» мне предлагают разом и насильственным путем, ибо отнять у человека то, чем он богат, не есть ли акт насилия?

Так кто же он, этот наш национально мыслящий редактор? Патриот? Если он патриот, то лишь наполовину, так как одной рукою он защищается от русских, а другою старается поработить меня.

Мне могут возразить, что редактор воспринимает меня как русского, потому и ведет себя соответственно. Ничего подобного! Русскому он никогда не предложит «облитовиться», ибо не уверен, что тот не возмутится подобным предложением. Что же касается меня, нацмена, то тут он нисколько не сомневается в том, что я должен быть польщен предоставляющейся мне возможностью.

«...Я русский, сын земли литовской...» — вспомнил я, бредя по городу, строчку из стихотворения Юрия Кобрина. «А не податься ли мне в нерусские сыны земли литовской?!» — невесело усмехнулся я и подался в... грузчики. Поначалу меня и туда не хотели брать, мотивируя отказ тем, что я не мог написать заявление по-литовски. Тогда я заверил их, что, хотя я не пишу по-литовски, зато работаю как истинный литовец. Этот каламбур возымел благоприятное для меня действие, и я был принят-таки в славный «орден мешконосцев». Да простят меня мои вчерашние собратья за такую игру слов.

Шутки шутками, а попадал я в ситуации далеко не смешные. Однажды в общежитии, где я жил, несколько аспирантов завели речь о... рок-музыке, заявляя, что Литва является знаменосцем советского, а в будущем и мирового рока. Я, хотя и не являюсь поклонником этой штуки, сказал, что у нас в Дагестане тоже есть рок-группы. Аспиранты засмеялись. «Откуда, откуда у вас могут быть рок-группы?!» Завязался спор. С рока перешли на культуру. По их мнению, в Дагестане ее нет и никогда не было. «Отчего же в таком случае, — возразил я, — стоит лишь заговорить о Дагестане, и люди сразу вспоминают Расула Гамзатова, а разговор о Литве начинается с Сабониса? Кто имеет больше отношения к культуре — стихотворец или баскетболист?» Вновь воцарилось уже хорошо знакомое мне тяжелое молчание. Так я попал в реакционеры, во враги прогресса и демократии, хотя всего-навсего защищал справедливость и правду. Между тем некоторые знакомые мне литовцы — люди в основном образованные, интеллигентные — позволяют себе высказывать в адрес других безудержную иронию. Помню, я расспрашивал одного профессора о заимствованиях в литовском языке. «Англицизмы, полонизмы, — начал перечислять он, — варваризмы...» «А из русского?» — спросил я доверчиво. «Я же сказал — варваризмы!» — ответил только и ожидавший этого вопроса профессор.

Конечно, будь я русским, профессор вряд ли позволил бы себе столь неинтернационалистский каламбур, но некоторые в Литве почему-то думают, что если человек не русский, то обязательно антирусски настроен, словно все русское уж до такой

степени негодно, что любить это можно лишь тогда, когда уже просто некуда деться — то есть лишь будучи русским.

И вообще в республике на волне гласности подогревается такой дух, словно весь мир раскололся на два враждебных лагеря, где, с одной стороны, Литва и все прогрессивное человечество во главе с США, время от времени поднимающими прибалтийский вопрос, а с другой — русские, которые зачем-то хотят якобы раздавить бедную Литву.

Кстати сказать, на Америку здесь возлагаются определенные надежды. Местный обыватель уверен, что она только тем и озабочена, как бы вернуть независимость Прибалтике. А глядя на то, как подробно, заинтересованно освещается в местной печати жизнь Соединенных Штатов, можно подумать, что Литва не одна из республик Союза, а один из штатов Америки. Как видим, трехмиллионных литовцев американское влияние ничуть не пугает. Непонятно, чего же тогда боятся французы, — с болью и тревогой пишут в последнее время во Франции о все возрастающем вторжении в их культуру и жизнь предприимчивого дяди Сэма.

Пока французы препираются с дядюшкой Сэмом, литовцы борются с «русским Иваном». Придаются этой борьбе размеры едва ли не эпические. Оно и понятно: приятно думать, что ты вовлечен в какие-то сверхъестественные процессы, что отстаиваешь не «севрюгу с хреном», а язык, культуру, духовность, то есть ценности вневременные. Ты и сам тогда делаешься велик и могуч, как мифологический герой, и твое существование обретает чуть ли не всемирно-историческое значение. Естественно, что степень прогрессивности индивида определяется его отношением к этой борьбе светлых сил с темными. Эпическое сознание, делящее мир на черное и белое, отметая нюансы и тонкости, торжествует. Я окончательно угодил в реакционеры, когда на вопрос о том, что думают о Литве в Москве, где я часто бываю, ответил, что там о Литве вообще не думают, а живут своей жизнью и занимаются своими делами.

Впрочем, совсем недавно газета «Советская Литва» опубликовала стихотворение А. Вознесенского, где есть такие строки: «...во все наши молитвы подсознательно входит Литва».

Вознесенский, конечно, известный человек, но все же не настолько великий, чтобы олицетворять собою всю Россию. Или же, может быть, он считает возможным, говоря о себе, употреблять местоимение множественного числа, как это делали русские императоры?

Кстати говоря, Вознесенский проявляет большую заинтересованность в деятельности «Саюдиса»*, даже принимал участие в состоявшемся 23—24 октября учредительном съезде последнего, где, вызвав восторг аудитории, сделал попытку приветствовать ее по-литовски. Это ему плохо удалось, но намерение гостя было оценено хозяевами бурно. «Литовский народ заговорил гордым голосом!» — так откликнулась на это событие — на съезд, разумеется, а не на «речь» Вознесенского — «Комъяунимо теса» («Комсомольская правда») — активнейший проводник и пропагандист идеи возрождения литовцев. (Хочу заметить мимоходом, что из всех возрождений, имевших место в истории, это самое быстротечное: всего несколько месяцев понадобилось литовцам, чтобы полностью переродиться и «из ничего стать всем».)

* Организация, возглавляющая движение за перестройку в Литве.

Вознесенский в Литве бывает часто. Автору этих строк довелось брать у него интервью однажды. Когда речь зашла о национальных проблемах, он заявил, что в Москве сейчас (это было зимою 1988 года) очень возросли тенденции по подавлению других наций. Взять хотя бы меня, сказал он вдруг, вновь приравняв свою личность к целой нации, я столько сделал для русской литературы, а они (русские) не оценили... За точность слов не ручаюсь, но смысл их был именно таков. Сказанное поэтом поразило меня. Так мог бы рассуждать какой-нибудь футболист-профессионал, который, заключив контракт, понял вдруг, что продешевил. Русский поэт заявляет, что он продешевил, посвятив свой талант... русской литературе! Точно у Вознесенского был выбор и он, имея возможность внести свою славную лепту в английскую или французскую литературу, внес ее тем не менее в русскую, а русские этого его щедрого жеста не оценили. Обида! Уж не эта ли обида заставляет поэта думать, что в Литве его лепта будет оценена лучше, чем в России?

Часто, навлекая на себя неприязнь, я указывал моим собеседникам на противоречивость их суждений. Заговорите в Литве про Каунас. Вам ответят, что это, мол, чисто литовский город, что там живут почти сплошь литовцы, никаких тебе поляков, русских, евреев! Но следом вам объявят, что Каунас населяют одни торгаши, спекулянты, бездуховные, грубые люди. Когда такие вещи говорят в такой последовательности, то трудно удержаться от соблазна рассматривать одну из них как причину, а другую как следствие.

Или такой пример. Сейчас в редакциях, в других учреждениях стало модным вешать на стену карту «великой» Литвы, когда она была, как тут любят говорить, «от моря до моря». Литовцы вспоминают этот период (XIII—XIV вв.) своей истории с гордостью. Выходит, хорошо, завоевав чужие земли, властвовать на них, диктуя свою волю. Но если это хорошо для одних, то, по такой логике, хорошо и для других. И другие также хотят властвовать и гордиться. Можно ли их осуждать за это? Конечно, можно, но для этого надо самим перестать гордиться тем, что вызывает у нас осуждение в других.

Есть у поборников литовского возрождения в обиходе такое понятие — «лиетувишкумас». Буквально оно означает «литовскость». Смысл этого понятия, насколько я могу судить, включает в себя признак превосходства. «Лиетувишкумас» — нечто такое, что отличает литовца от всех прочих людей, его, если так можно выразиться, фирменный знак. Могу засвидетельствовать, что, несмотря на добросовестнейшие наблюдения, я не обнаружил ни в характере, ни во внешности литовцев ничего такого, чего не было бы у любого другого знакомого мне народа. Но дело не в этом. Я хочу сказать, что стремление объявить монополию на определенные, безусловно, положительные черты является, по-моему, важным признаком мифологического сознания. Да и национализм в целом как явление тоже, как мне кажется, своеобразный продукт подобного сознания. Причем речь идет не о мифе вообще, но о современном мифе.

Вот как, например, характеризует его в одной из работ А. Гулыга: «Современный миф в отличие от мифа первобытного не представляет собой результата стихийного народного творчества.

Он возникает в сфере умственного труда и лишь затем внедряется в массы. Но если науку и философию создают интеллигенты, то миф вынашивается полуинтеллигентами, недоучками, усвоившими лишь внешние признаки образованности».

В настоящее время умами литовцев, если не всех, то многих, очень многих, владеет нечто близкое к понятию «миф». Миф о возрождении литовского народа, об исключительно тяжелых страданиях, выпавших на долю этого народа, о литовской истории, которую пытались замолчать, исказить, переврать, о литовском языке, который якобы хотели стереть с лица земли, о литовской культуре, с которой намеревались обойтись подобным же образом. Но все вынес многострадальный литовский народ и, наперекор враждебным силам, возродился-таки! Таков примерно пафос данного мифа.

Претензия на абсолютную многострадальность тут налицо. Дело, видимо, в том, что многострадальность народа в прошлом — это как бы признак его неуязвимости для ударов истории в будущем, залог его бессмертия. Логика здесь, вероятно, такая: раз страдал — значит, получай жизнь вечную. Кто же от такого откажется?

Но если признать литовский народ самым многострадальным, то как же тогда назвать армянский народ? или еврейский? или балкарский и даже русский?.. Да и вообще, есть ли на свете народ, который бы не страдал, не терпел, не мучился?

Ну хорошо, допустим, что литовский народ действительно самый многострадальный, что он в действительности переживает сегодня свое возрождение. Что же из этого следует? Почему час возрождения литовского народа должен стать часом унижения живущих рядом других народов? Разве не унизительны для них экзамены, что собираются устроить литовские власти на предмет знания нелитовцами литовской истории, их намерение в соответствии с этим решать, предоставлять им право проживать в Литве или же не предоставлять?

Не понимаю, как можно прогонять человека из его дома, в котором он родился и вырос, потому только, что он не знает, в каком году была подписана Люблинская уния! Если это случится и подобные экзамены будут все-таки проведены, то это станет завоеванием социализма (или национализма)?

Руководители литовского движения за перестройку, так называемого «Саюдиса» (по-литовски — «движение»), его вожаки, философ Б. Гензелис и музыковед В. Ландсбергис, пожалуй, станут возражать. Скажут, что «Саюдис» преследует прогрессивные цели, что национализм чужд литовскому духу, что литовский народ самый лиричный, самый доброжелательный народ в мире. Может быть. Но те немногие нелитовцы, оказавшиеся среди этого самого лиричного народа 7 октября 1988 года, на площади Гедиминаса, говорили мне, что боялись заговорить, дабы не обнаружилось, что они нелитовцы: в тот день на башне Гедиминаса государственный флаг Литовской ССР был заменен национальным — трехцветным — литовским флагом. Присутствовавшая при этой церемонии толпа, что видно даже по фотографиям в газетах, являла собой пример редкостного единения, сплоченности.

Впрочем, это единое целое не так уж едино порой, и прогрессивные идеи, зарождающиеся наверху, внизу облекаются в иные — агрессивные формы. Вверху говорят: «Долой бюрократов!», внизу орут: «Русские, вон из Литвы!» Сверху доносится: «Преступления

времен культа личности!», а внизу скандируют: «Русские фашисты! оккупанты! сталинисты!» Вверху требуют перестройки, а внизу — перестрелки. Вверху утверждают, что литовцы самый добрый, самый миролюбивый народ, а внизу молодая женщина, журналист, сидя в гостях у русской подруги, подтверждает это на свой лад, говоря, что скоро, мол, начнем вас, русских, резать, так что ты прибегай ко мне, я тебя спрячу, спасу, и той ничего не остается, как загодя поблагодарить свою будущую спасительницу.

Разумеется, наверху скажут, что они не ответственны за подобные экстремистские выходки низов, что «Саюдис» ничего общего с ними не имеет. Осмелюсь спросить: а кто за них ответствен? Разве эти экстремисты — не литовцы, не ваши братья? Разве не была возмущена вся литовская общественность, в том числе и члены «Саюдиса», тем, что милиция, стараясь успокоить озверевших молодчиков, кричащих: «Русские фашисты!», была вынуждена применить дубинки? Это было сочтено за преступление против демократии. Подумать только! Точно мы все семьдесят лет Советской власти просто купались в лучах демократии и отлично знаем, что это такое! Ведь и на Западе, на который здесь смотрят с обожанием, не всегда обходятся без них. Каждый понимает демократию по-своему. Трудно, например, внушить экстремистам, что демократия заключается не в том, чтобы открыто оскорблять достоинство других лишь на том основании, что они не одной с тобой национальности.

Сами-то вы их, уважаемые члены «Саюдиса», успокоить не хотите — вы, мол, сами по себе, а экстремисты сами по себе, а когда это делает милиция — возмущаетесь. Выходит, что не так уж они вам и чужды, эти самые экстремисты, раз душа за них у вас все-таки болит. А их, между прочим, гораздо больше, чем членов всепонимающего «Саюдиса». Низ, как всегда, превосходит верх по численности. Что толку, что «Саюдис» будет провозглашать высокие идеи, если экстремисты будут интерпретировать их на свой лад.

Уже все согласились с тем, что навешивать ярлыки: этот народ трудолюбив, а этот ленив, — занятие неблагодарное. Здесь же сталкиваешься с этим на каждом шагу. Как истина в последней инстанции провозглашается, что русские и все остальные в Союзе ленивы, а литовцы трудолюбивы и кормят всю эту ораву. Думаю, что эту «истину» даже опровергать не надо. Она просто абсурдна, но уж если литовцам так хочется видеть себя в роли кормильцев, тогда надо хотя бы уточнить, чем именно они кормят этот самый Союз, ведь понятие кормить включает в себя весь круг продуктов и товаров, между тем в Литве не все растет и не все производится. Переведи ее на хозрасчет — и она, вполне возможно, вылетит в трубу*.

Давайте посмотрим теперь, в какой степени идеи «Саюдиса» близки тем, от имени и во имя кого он действует, то есть трудя-

* Согласно законам о бюджетах СССР на 1986 и 1987 годы республиканский бюджет Литвы сводился с дотацией из общесоюзного бюджета. В 1986 году дотация составила 48 052 тысячи рублей, в 1987-м — 230 225 тысяч рублей. (Ведомости Верховного Совета СССР, 1985, № 48, с. 915; 1986, № 47, с. 961). На 1988 год дотации не было, но в свой доход было оставлено 98,2% от самого главного поступления, полученного с налога с оборота. Кроме того, отчислялся в свой весь доход 100% от подоходного налога с населения. Для сравнения: РСФСР — 50% (Ведомости Верховного Совета СССР, 1987, № 42, с. 690).

щимся, рабочим. Не мешает в этой связи напомнить любителям цитировать Ленина следующие строки: «Всякая проповедь отделения рабочих одной нации от другой, всякие нападки на марксистское «ассимиляторство», всякое противопоставление в вопросах, касающихся пролетариата, одной национальной культуры в целом другой, якобы целой национальной культуре и т. п. есть буржуазный национализм, с которым обязательна беспощадная борьба» (Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу).

Трудящиеся к идеям «Саюдиса», судя по всему, пока равнодушны или не понимают их. В подтверждение приведу цитату из газеты «Комъяунимо теса» («Комсомольская правда»), активнейшим образом пропагандирующей идеи «Саюдиса»: «На прошлой неделе «Саюдис» организовал в Республиканском Дворце профсоюзов встречу с рабочими Вильнюса. Зал, к сожалению, не был полон». Раз уж «Ком. теса» признает, что «зал не был полон», то это означает, что он был изрядно пуст. В чем дело? Я думаю, что рабочие действительно понимают не все идеи «Саюдиса». Когда последний заявляет в «Общей программе литовского движения за перестройку» (§ В. Экономика), что «человек должен стать хозяином богатств своего края, вернуть себе право самостоятельно распоряжаться производством и прибылью, освободиться от равнодушия, бездеятельности и недобросовестности...», он это понимает, потому что неоднократно и в разных редакциях эта идея задолго до появления «Саюдиса» доводилась до его сознания. Но вряд ли он сможет уразуметь, отчего ему, фрезеровщику Йонасу, нежелательно жениться на формовщице Татьяне, которую он любит, а ведь именно этого требует от него «Саюдис», провозглашая в параграфе «Национальность», что «Движение считает незаконным и отклоняет практику механического смешения наций... политику слияния наций». Если перевести эти громкие слова на привычный, конкретный, доступный для понимания фрезеровщика Йонаса язык, то они как раз и означают, что ему жениться на формовщице Татьяне нежелательно, так как, женившись на русской, он поступит вопреки стремлению «Саюдиса» «обеспечить для литовского народа условия сохранения и продолжения нации на земле предков».

Так как Йонас и Татьяна — рабочие и принадлежат к разным национальностям, то вышеизложенную идею «Саюдиса» следует рассматривать как довольно откровенную «проповедь отделения рабочих одной нации от другой».

Иной раз мне кажется, что не о будущих поколениях заботятся такие проводники, а о себе, о славе борцов и радетелей, зная, что, проявив некоторую энергию, легко обратят ее в более существенный капитал. Чем иначе объяснить, что седой солидный человек, академик — весь, кажется, ушедший в будущность литовской культуры, — заявляет в местной печати, что все руководящие должности в республике должны занимать исключительно литовцы. Кроме общей абсурдности этого требования, поражает нравственная глухота академика: выходит, руководящая должность нечто до такой степени желанное, важное, ценное, что ее, конечно, ни в коем случае нельзя предоставлять чужаку. Понятно, что русская литература, провозглашающая совсем иные ценности, у данного академика отклика не находит.

Меня часто спрашивают, отчего, мол, ты, кумык, пишешь на русском языке? Потому, отвечаю я, что знаю его лучше, чем

кумыкский, хотя и кумыкский знаю достаточно хорошо. Так сложились обстоятельства, но я не жалею об этом. При всей естественной любви к родине, к родному языку меня не завораживают восторженные, со слезами в голосе, славословия, где ключевыми являются выражения «родной язык!», «родная культура!». Я точно знаю, что мой родной язык, к великому моему сожалению, беднее русского, что на нем я не смогу выразить все свои мысли об этом сложном и прекрасном мире, а выразить их мне хочется.

Тут я уже слышу возражения: а почему бы не обогащать родной язык? Прежде всего: это не под силу одному человеку. Но даже при условии, что таких людей будет много, для настоящего обогащения кумыкского языка, для того, чтобы он мог стать в один ряд с русским языком, этого отнюдь недостаточно.

Немаловажен для меня и такой фактор, как... аудитория. Если бы я писал по-кумыкски, меня прочли бы 300 тысяч человек, по-русски же прочтут 250 миллионов! Прочтут ли? — иронически улыбнется кто-то. Разве для того, чтобы прочли, достаточно лишь написать? Но ведь написать так, чтобы меня прочли, зависит только от меня, не так ли? А размножить 300-тысячных кумыков на 250 миллионов от меня не зависит.

Кумыкский язык не виноват в том, что он беден, слаб, неразвит по сравнению с русским языком. Не виноваты в этом и кумыки. Так распорядилась судьба, история. Ради чего я, по европейскому типу образованный человек, воспитанный на лучших образцах мировой культуры, должен отказаться от полноценного творчества на богатом развитом языке? Ради того, может быть, чтобы потрафить «карьеристам от национализма»? Да и всегда ли «родное» совпадает с понятием «лучшее»? Не всегда.

Но все дело в том, что именно то, что мы считаем «родным», предлагают нам признать худшим. Если, к примеру, признание дагестанской обувной промышленности, более отсталой по сравнению с российской, переносится моими земляками совершенно спокойно, то признать превосходство российского языка они не согласятся ни в каком случае. В чем тут дело? В том, по-моему, что язык играет в жизни человека столь большую роль, что человек склонен рассматривать его как часть самого себя, но часть настолько значительную, что его Я и его язык для него полностью идентифицируются, поэтому признать свой язык менее развитым, чем чужой, для него равносильно тому, чтобы признать свое Я, то есть себя, менее развитым, чем кто-то.

А для чего, могут спросить меня, делать это? Для чего признавать один язык более развитым, чем другой? Сегодня у нас в государстве имеет место такой момент, когда все населяющие его языки (как в древнем, так и в новом значении этого слова) наперебой предъявляют права на первенство, на исключительность.

Но литовцы скажут, пожалуй, что они и не хотят, чтобы их язык распространился по всему Союзу, пусть он хотя бы действует на территории Литвы. Но кто его оттуда изгоняет? Кто запрещает литовцам знать свой язык, литературу, историю? Я таких сил не вижу, но если они считают, что им виднее, то почему бы не высказаться об этом во весь голос, ясно и доказательно?!

Таков, на мой взгляд, сегодняшний языковой момент. Момент опасный. Примерно такой же, как в библейской легенде о вавилонской башне, когда бог, разгневавшись на строителей, смешал их языки, и они перестали понимать друг друга, и испортили все дело — и башню не достроили, и сами рассеялись по земле.

В этом я вижу большое предостережение: во-первых, конечно, лучше не строить таких фантастических башен, а построить нормальный человеческий дом и жить в нем по-людски (перестройка, кажется, и ставит перед собой именно такую цель), во-вторых, раз дело начато, то надо довести его до конца, но для этого нам следует найти общий язык. Я думаю, такой язык есть — это язык Разума и Правды. И этот язык отчетливо говорит нам, что если мы намерены продолжать строить, то мы вынуждены выбрать какой-то язык в качестве общего для всех. Таким языком является, на мой взгляд, русский.

Странно было бы утверждать, что нет людей высоких и низких, все одного роста: мы видим, что одни люди высоки и могучи, другие же низкорослы, слабы. И разница эта не играет никакой роли до тех пор, пока судьба не ставит их в положение соперников. А поскольку соперничество между людьми является основным свойством жизни, то ощущается оно почти постоянно. Это свойство жизни распространяется не только на отдельных людей, но также и на народы, а значит, и на языки.

Кумыков, к примеру, всего 300 тысяч. Какой это народ — большой или малый? Конечно, малый! Но может ли так быть, что народ мал, а язык велик? Обычно в таких случаях приводят в пример евреев. Но, во-первых, евреи не малый народ, ибо если 14-миллионный еврейский народ признать малым, то для кумыков, которых, как я уже говорил, 300 тысяч, просто не останется названия. Во-вторых, большая часть творений, составивших славу этого народа, создана, за исключением Ветхого Завета, не на еврейском языке, а на языках народов, среди которых евреи селились. Можно вспомнить и то, что Спиноза, который сам, как известно, был евреем, в своем «Политическом трактате», «Очерке грамматики еврейского языка», анализируя последний, доказывает несостоятельность мифа о его исключительности.

Литовский писатель Микелинскас заявил недавно в местной печати: «Досадно, что столько лет под нашим небосклоном существовал миф о равенстве наций...» Если это и миф, хочется возразить на такое, то он не результат творчества русского или французского народа, а самой истории, судьбы. А то, что творит история — не миф, это реальность, не считаться с которой нельзя и невозможно.

Желание малого народа быть великим — понятно. Когда малый народ требует свободы и независимости, это тоже понятно. Но когда он под видом равенства наций требует либо того, чтобы все нации объявили великими, либо, наоборот, чтобы у великих наций отняли право называться великими, то это по меньшей мере странно. Такие вещи голосованием не решаются, решаются они Историей, Судьбой, которые можно обвинить в чем угодно, но только не в пристрастности.

И последнее. В Литве меня спрашивают также, а как, мол, на таких, как я, смотрят сами русские? Помогают или отвергают? Ни то, ни другое. Я в равных условиях с ними. Да, для меня было бы унизительно существовать в каком-то облегченном адаптированном мире. Я не хочу, чтобы меня заносили в Красную книгу, как вымирающий вид, освобождая тем самым от страданий и тягот, выпадающих на долю каждого смертного. Мне говорили,

что, мол, нерусский не сможет, как он ни бейся, писать как русский, что русский дух дано выразить лишь русскому. Но я не стремлюсь выражать русский дух, я выражаю свой собственный дух на русском языке. Надеюсь, что в данной работе он присутствует столь же явственно, как и во всех других, и я ни в чем не погрешил против моих строгих судей — Правды и Ясности.

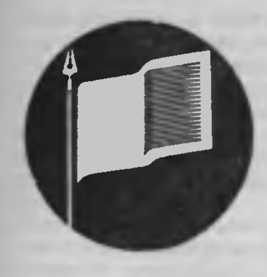
...Написал последнюю фразу и вот о чем подумал. Если мы искренне хотим приблизиться к Правде и Ясности, то вряд ли нам поможет формула «сколько людей — столько и мнений». Все же есть, есть и моральные и материальные критерии оценки даже в столь сложных проблемах, как национальные. К первым, например, относятся те немногочисленные моральные заповеди, глубинную необходимость которых выстрадало человечество, ко вторым, материальным, — историческая точность, объективные экономические результаты.

Но как часто сейчас мы убеждаемся в предумышленном или невольном затемнении этих критериев! В плане общественной морали понятие плюрализма упорно трактуется как вседозволенность, и под сурдинку — а с некоторых пор уже явно, в надежде на обезволенный ум — смешиваются понятия о добре и зле. Эффектность становится в моральном отношении самодостаточной.

То же можно сказать о материальных, в частности, экономических критериях. Нельзя, например, забывать, что в далеко не сытом 1951 году прибалтийский крестьянин получал за трудодень до полутора килограммов пшеницы плюс рубль деньгами, в то время как смоленский — 17 копеек. Конечно, 1,5 кг и рубль меньше, чем «таджикские» 2,4 кг и десять рублей того же времени, но все же...

Мне кажется, наша гласность очень много теряет от чрезмерной эмоциональности. Причем, я бы сказал, заданной какой-то эмоциональности. Ведь если внимательно приглядеться, э т и биения себя в грудь выборочно глушат голос правдивый, э т и размахиваемые шашки хладнокровно отсекают важнейшую — фактологическую — сторону дела! Уверен, что замещение взвешенности истерикой, факта — фразой, позиции — позой, научности — ярлыкотворчеством, — все это не есть признаки подлинной гласности. Это скорее метастазы острой культурной недостаточности, нашего общего недуга. И, по-моему, всякий ныне пишущий и ораторствующий обязан вслушаться в мерный гул подлинной народной жизни и перестать воспринимать его как фон для собственного блистания. Иначе к подлинным духовным критериям жизни нам не пробиться. А пока же у тех, кто не пишет и не ораторствует, кто не ослеплен соблазнительным блеском золотого тельца, не подавлен децибелами, алкоголем и нитратами, то есть у большинства населения, тружеников-созидателей, есть изрядное основание не воспринимать, как правило, самозваных трибунов как выразителей конечного идеала. Более того, наступает время, когда появляются основания и для более определенных выводов.

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Андрей ХВАЛИН

ЧУВСТВО ГРАНИЦЫ

ЗАМЕТКИ О МОЛОДЫХ ПОЭТАХ ПРИМОРЬЯ

Нет провинциальной литературы. Как нет и не должно быть культурных окраин. Утверждение это настолько верное, насколько и общее: его с полным правом может произнести любой литератор российской «глубинки», раскинувшейся от Баренцева моря до Тихого океана. Поэтому при разговоре о молодых приморских поэтах целесообразно порассуждать о тех особых тонах и красках, что вносят они в палитру русской и многонациональной советской литературы.

Истоки же этого своеобразия лежат в историческом прошлом Дальнего Востока. Героическая летопись его освоения и заселения — вот те корни, на которых выросла здесь словесность. Но и сейчас, когда региональная литература сложилась, и гораздо раньше — в русской очерково-мемуарной прозе и документальной маринистике об освоении Дальнего Востока, в произведениях побывавших здесь Гончарова и Чехова на передний план выдвигались идеи нерасторжимой связи восточной оконечности России со всей страной, а следовательно, утверждались высокие нравственные, патриотические идеалы.

В этом отношении дальневосточная литература в своих лучших образцах является «наследницей по прямой» того направления в отечественной словесности, которое берет свое начало от древнерусских житий, поучений, воинских, исторических, биографических повестей, проходит через оды Ломоносова, Сумарокова, Радищева, Державина, комедии Фонвизина, повести Новикова и Чулкова и продолжает развиваться в литературе XIX века. Пафос патриотизма, бескомпромиссность в решении нравственных вопросов — вот ее основные свойства.

Сегодня эти традиции, нисколько не утратив своего значения, получают развитие, наполняются новым содержанием. «Чувство границы», — так, пожалуй, кратко можно определить основное качество мироощущения дальневосточников и, в частности, приморцев. В данном случае имеются в виду не столько географические границы, сколько культурные различия. Если Приморье по отношению, скажем, к Москве воспринимается как далекая восточная провинция, то при сопоставлении с другими странами бассейна Тихого океана и Москва и Владивосток, объединенные общей государственностью и культурой, выступают как единая и неделимая Россия, великая азиатская (а не только европейская) держава.

Поэтому, задаваясь вопросами: как отразились в стихах молодых приморских поэтов и природа края, и история «укоренения» здесь предков, — нельзя сбрасывать со счетов личный опыт авторов. Одно дело, когда впервые попадаешь в эти края уже взрослым человеком, и совсем другое — если образ земли у океана входит в твое сердце вместе с колыбельной песней матери.

Из числа приморских стихотворцев для нашего разговора я выбрал трех — Владимира Тыцких, Раису Мороз, Елену Обоймину. Их стихи известны всесоюзному читателю (по отдельным книгам, антологиям, коллективным сборникам, изданным в Москве). У каждого из них собственная, непохожая на другого «тайна рождения», как говорили древние.

«Служба ратная» — это нечто совершенно иное, нежели экзотика дальних странствий, приводящая и по сей день на Дальний Восток многих людей, несущих, как проклятие, в своей душе психологию «перекати-поле». Когда же задумываешься о судьбе и поэзии Владимира Тыцких, приходят на память основатели поста Владивосток — русские военные моряки, а также продолжатели их славных традиций, которые ни на суше, ни на море не спускали перед врагом флага. В. Тыцких — «приезжий приморец», он родился вдали от этих мест, на Алтае. Поэтому в стихах, вспоминая детство, отрочество, взор устремляет к «прародине». Но, возможно, из-за того, что в Приморье его позвал долг, флотская служба, а не романтическая жажда перемен, нет в его стихах раскаяния блудного сына, а есть ровный и вечный огонь памяти об отчем доме, с порога которого ступил он на дорогу, уходящую на Восток.

Родниковый, обветренный край
Грустью долгой разлуки пронизан,
Как далек ты сегодня, Алтай,
Как ты стал удивительно близок!

Безыскусность этих строчек из стихотворения «Край родной» (сб. «Бухта Лазурная». М., «Современник», 1983) бросается в глаза. Но глубина чувства не всегда требует утонченной версификации. Открывается новый поворот темы: служба на рубежах страны в далеком, как сперва думалось, крае помогла сильнее ощутить тепло родного дома и вместе с тем проникнуться любовью ко всей необъятной Отчизне. Поэтически автор выразил это в другом своем стихотворении — «Владивосток, врастающий в преданья»:

Храню в душе смолистый дух Алтая,
Иртышские крутые берега.
Но разве Ангара мне не родная?
Но разве мне Нева — не дорога?

Причем поэт уже в своих ранних стихах стремится идти не просто путем расширения пространственного масштаба, но показывает и глубинные связи, общие горестные и радостные вехи в судьбе страны, которые, помимо всего прочего, сплачивают людей в народ, в нацию. Поэтическое обращение к опыту поколений, вынесших груз Отечественной войны, важно для автора, поскольку он пишет о современной армии. Именно она превращает вчерашних подростков в мужчин, в защитников Отечества, дает конкретные уроки патриотизма и интернационализма: «И парень из города Степанавана На вахте сигнальной сменил туляка», «Обнимемся, земляк из Казахстана!» По мысли поэта, здесь, на *рубеже*, с особой силой ощущаешь ответственность каждого отдельного человека за судьбу всей страны.

Образ воина — защитника Отчизны традиционен для русской и советской литературы. Никогда у нас не воспевался завоеватель, поработитель других народов. В нашей литературе утвердился образ освободителя, хранителя мира и спокойствия страны. Вот как об этом пишет В. Тыцких, рассказывая о моряках-подводниках, несущих службу на ядерном ракетоносце:

Железной гарью
пахнет ветер века,
гудит над нами
темная волна.
А в тишине
центрального отсека
всемирная
хранится
тишина!

Понятно, сколь высоки должны быть моральные и нравственные качества воина, если он испытывает сегодня ответственность уже за судьбу цивилизации в целом. А ведь это совсем молодой человек, вчерашний школьник. Где взять ему силы, на что опереться? В книгах В. Тыцких делается попытка ответить на поставленный вопрос. «Обобщенный» лирический герой его стихотворений, где бы он ни находился в данную минуту — на боевом посту или «на гражданке», — человек надежный. Такой не подведет в критический момент военного испытания, не сподличает и не струсит в повседневной жизни.

Крепость сегодняшнего морского братства — «мы выбрали море и флот» — уходит своими корнями в славную историю русского флота, а если шире — покоится на традициях ратных людей Руси, когда спешили друг к другу на помощь, если враг стоял у ворот. Поэтому не удивляешься, когда рядом со строчками: «Бессмертен севастопольский редут, Мы не срамили боевого стяга!» — встречаешь в сборнике В. Тыцких и такие: «Пошлю гонца к надежде-другу... Не тронув без нужды меча, Примерю верную кольчугу С родного русского плеча». «Мы» в понимании поэта — это, начиная с седой старины, защитники Отчизны, это и его кержацкий род — «бойцы мировой и гражданской», — и современные воины, чувствующие кровную связь с Родиной и не изменившие «отеческой звезде».

Допрежь в земле славян
Не праздновали труса.
И помнить мы должны,
Коль гордость нам дана,
Что в наших паспортах
Написаны по-русски
Тех ратников Руси
Святые имена.

Не «стареет» военная, военно-морская тема в поэзии В. Тыцких. Есть, вероятно, какая-то насущная необходимость в этих скупых по поэтическим средствам стихах, воспевающих простые и нужные для любого человека, военного и штатского, чувства: долг, верность, отвагу, единство...

Но при чтении его книг «Пишу тебе, любимая» (М., «Современник», 1986) и «Встретимся утром» (Владивосток, 1987) мне не раз приходила в голову мысль о том, что ведь поручик Лермонтов, даже будучи на войне, писал не только о боях и походах, что выпускник Александровского военного училища А. Куприн создал не только «Кадетов» и «Юнкеров». Да мало ли еще можно привести примеров из истории русской литературы, в которой предостаточно было «людей в военных мундирах».

Поэтому наметившаяся в последнее время эволюция в творчестве В. Тыцких, его напряженные раздумья о том, что же с нами всеми происходит, мне представляются закономерными. В тот момент, когда разнонаправленные ветра крутят, словно флюгер, иных поэтов, В. Тыцких как-то «несовременно» сомневается: «Душа моя... Сумеет ли она Родиться вновь и снова стать моею?»

Нет ничего удивительного и в том, что воображение поэта, оттолкнувшись от, казалось бы, типичного приморского явления — прихода сезонного тайфуна, рождает почти апокалипсические картины всемирного бедствия, не признающего земных границ и законов:

По прихоти каких безумных лун,
Сожительством каких слепых ветров
Зачатый далеко от берегов,
На берег мой обрушился тайфун!

Пропало небо. Свист невидных крыл
Ворвался в мир. Свет умер, потемнев.

И обнажились корни у дерев,
Лишая кроны живненосных сил.

Ужас и страдания человека усугубляются еще и тем, что он, даже в эпицентре смерча, осознает себя «венцом творения», на совести которого все тайфуны и штормы. Лирический герой одновременно — и малая песчинка и сердцевина мироздания, он равновелик и небу, и морю, и земле. Вот почему возможно с болью воскликнуть:

Земля моя! Не из твоих ли ран
Твои ручьи свой начинают бег?
Последней кровью обмелевших рек
Не ты ль вскормила грозный океан?

Кормилица! Твой поглощая корм,
Он исподволь готовился к борьбе.
И по тебе прошелся этот шторм.
И этот шторм прошелся по тебе...

Если бы поэт закончил стихотворение точкой — он признал бы равенство Добра и Зла в мире, и тогда не имело смысла уже в другом стихотворении призывать людей сберечь родную землю: «Оставь уютное житье. Вдохни ее дрожащий воздух. Иди и защити ее. Пока не поздно». Поставим вслед за поэтом многоточие...

Творчество Раисы Мороз — явление интересное, сложное и во многом противоречивое. В поэтический мир Р. Мороз читателя книги «Ночные цикады» (Владивосток, 1985) вводит предисловие известного поэта Валентина Устинова. Начав с туманной и ничего не значащей фразы «об осознании мира лирическим героем в его движении вдоль пространственно-временных координат» (?), автор предисловия так и не пояснил — кто, куда, зачем движется. В результате вместо конкретной оценки появляются обтекаемые слова об истоках творчества поэтессы: «Жизненный опыт, опирающийся на трудовые традиции поколений рыбаков Приморья, охотников, огородников, хорошее поэтическое чутье и пристальный художнический взгляд...» Предисловие не подготавливает читателя к встрече с поэтическим миром Р. Мороз, оставляет его «за кадром».

Кое-что проясняется после прочтения стихов — «Озимь», «Творчество», «Ночное купание», «Цикада» и «Боги», отмеченных печатью определенной философичности.

Тысячу лет я была трава —
Самою странной из трав.
Тысячу лет я была права —
Всякий живущий прав.

(«Озимь»)

А что Океан,
Атлантид колыбель и могила? —
Он — лужа на донышке обыкновенных небес,

которые в бурях рождают и гасят светила,
потухшие звезды швыряя,
в мой стиснутый городом лес.
И что я?
Цикада из этого чахлого леса.

(«Цикада»)

Эти стихи напоминают об эстетике «космизма», который подразумевает слияние человеческой личности с беспредельной стихией космического природного мира. Философия «космизма» была распространена в России на рубеже веков, интерес к ней был связан с увлечением Востоком в определенных литературных кругах, с попытками осознать место России в общем русле развития человеческой цивилизации. Дань этому увлечению отдали многие литераторы, хотя в их произведениях Восток в основном представал скорее как некая культурологическая абстракция, нежели живая реальность.

Нетрудно заметить, что «философские» (беру термин в кавычки, поскольку никакой особой «модели мира» автор не предлагает, а именно это характеризует поэта философского плана) стихи Р. Мороз — камерны. Везде в них точка отсчета веков и событий — «лирическая героиня» поэтессы: будь то озимь-трава, цикада из чахлого леса, ночной воды струя или какой-нибудь другой образ.

Истоки такого мироощущения поэтессы — на Востоке. И Р. Мороз этого не скрывает, рассказывая о корнях, о той почве, на которой родилось ее поэтическое восприятие мира в разделе «Привычка к дому отчему». На мой взгляд, стихотворение «Мама», подборка «Праздник» и дилогия «Возвращение домой» — это лучшее, что есть в этой книге. Простые и понятные каждому человеку чувства — любовь к родному дому, горечь утраты и радость единения с близкими людьми — пробуждают эти стихи. В них ярко просматриваются живые и реальные черты жизни сегодняшнего корейского населения в Приморье.

Своеобразие поэтики Р. Мороз в том, что она черпает образы из восточных (корейских) мифов и преданий, восточной литературной традиции с ее философией цикличности, а порой и строфически строит произведения на их основе, но пишет стихи на русском языке. Язык же, сама атмосфера жизни, в которой формировалась личность поэтессы, неминуемо привносит в ее произведения русскую литературную традицию.

Вот, например, стихотворение «Боги». Поэтесса посвятила его известному исследователю Дальнего Востока и Приморья А. П. Окладникову (хотя объективно спорит с его точкой зрения). От зачина «Выжили боги в землях иных» до патетического финала — «Но земля моя и поныне в тайне женьшеневых корешков лепит и лепит фигурки чудные стареньких и позабытых божков», не может не радовать желание автора слиться с этой землей, где жили предки современных корейцев, «укоренить» в почве русского Приморья своих богов.

Все, что касается национальных традиций и мироощущения, предстает в стихах Р. Мороз незыблемым и вечным, побеждающим любые невзгоды и трудности. В противовес прочному патриархальному миру традиций и преданий, родным корням весь окружающий лирическую героиню поэтессы мир выглядит как дисгармоничный, в котором для нее существуют лишь два состояния — постоянного бега среди бессмысленных дрязг, измен и неурядиц и короткого покоя на миг: «Пролетает жизнь — она же смерть — без конца и края, без предела». «Юность пролетела. А теперь? Как же задохнулась я от бега!» «Мы в суете чего-то не заметим...» «А на душе покой. Осенняя пора приходит».

Здесь мы, сколько бы ни искали, не отыщем героя, обретшего гармонию. Но разве вина в том одной поэтессы? Естественно ощущая себя в фантастическом мире преданий и мифов (необязательно древних), она просто теряется порой перед ежедневной необходимостью выбора верного пути.

У Елены Обойминой тоже есть много стихотворений о любви, встречах и расставаниях, об ожидании счастья. Да и какая пишущая стихи женщина не отдавала дань этим темам? Уже первая книжка с верно угаданным, как сейчас понимаешь, названием «Ожидание» (Владивосток, 1982) — дает возможность увидеть образцы любовной лирики Е. Обойминой. Но вместе с тем в ее сборнике можно было обнаружить зачатки иной любви — к земле, где родился, к Приморью, «где мы поверили с рожденья: здесь начинается земля! Где так прекрасны обретенья и прочны наши якоря...» (Е. Обоймина из семьи коренных приморцев, в ее роду было много моряков, чей мирный или ратный труд издавна почитаем в крае).

Она — эта любовь — носила, я бы сказал, «языческий» характер, растворяясь вместе с лирической героиней в небесах и морской волне, в таком непривычном для европейца мире:

И так волнующе и просто,
Как было много тысяч дней,
Над всем Приморьем вспыхнут звезды —
Над малой Родиной моей.
...И в ожидании заката
Сейчас подумается мне:
Я здесь жила давно когда-то
Белесой чайкой на воде.

А параллельно поэтесса пишет стихотворение «Портрет» о «потерянной отчизной» графине Долли Фикельмон:

Сквозь суету былых времен,
в голубизну полуодета,
графиня Долли Фикельмон
глядит возвышенно с портрета.

. . . .

И кажется: уже вот-вот,
переступив приличья света,
графиня Дарьюшка сойдет
с венецианского портрета...

Что здесь общего? Действительно — пока ничего. Только позже, читая стихи Е. Обойминой в журналах и периодической печати, в ее новой книге «На добрых берегах моих» (Владивосток,

1987), обнаружил эту связь: «единокровие» Приморья с Россией, а шире — и с Европой, поэтесса видит в общности культурных традиций, едином типе художественного сознания. Ее взгляд как бы следует за солнцем на запад, к среднерусской полосе — туда, где наши корни и истоки, где родились отважные путешественники и мореходы, откуда пошли навстречу солнцу и неизвестности первые переселенцы. Все чаще лирическая героиня поэтессы предстает перед нами воплощением лучших качеств русской женщины — верной спутницей мужа и хранительницей семейного очага. Как гимн всем женщинам Руси, где бы они ни жили и ни живут — на Вологодчине или в Приморье, — воспринимается стихотворение «Ярославна»:

И сгинет в битве новый враг,
Сгорит в ночи гроза,
коль будет светел твой очаг
и преданной слеза!
Подруга вечная, жена,
в родимой стороне
тысячелетьями одна
на крепостной стене!

Обращаясь в другом стихотворении — «Посвящение» — уже к своим современницам, поэтесса, сохраняя взятую высокую тональность, пишет:

Подруги, любавы, княгини!
Старинным преданьем согреты,
Елена — лучистое имя,
и Ольга — в столетьях воспето.

. . . .

Но свежесть воды родниковой,
но горькая память гранита,
но день — не родился который! —
под нашей сегодня защитой.

Такой традиционный, можно даже сказать, «мифологический» взгляд на Женщину как на первооснову и хранительницу всего сущего сегодня воспринимается более чем актуально.

Низведение женщины до уровня постельного партнера; постоянные дискуссии на тему «Жить или не жить с нелюбимым мужем?»; «независимые» тридцати-сорокалетние дамочки, кочующие по страницам книг, театральным подмосткам, киноэкранам; привнесение в наш быт западной якобы свободной морали и нравов — все это нанесло ощутимый удар по семье — основе государства. Нельзя не видеть в этом угрозы самой жизнеспособности нашего народа, а значит, и всего человечества, поскольку залог существования цивилизации — в многообразии и неповторимости отдельных этносов. Следовательно, от того, как поэт решает извечный (и еще вчера казалось — личный) вопрос о взаимоотношениях между отцом, матерью, любимым, детьми и внуками, от того, что он утверждает и что отвергает, зависит, сможет ли его любовная, семейно-бытовая лирика подняться до высот народного миропонимания.

Творчество приморских поэтов В. Тыцких, Р. Мороз, Е. Обойминой, если говорить о них в целом, не изолировано от поисков, тенденций и проблем, присущих современной русской поэзии. Вместе с тем жизненный, «географический», культурный опыт придает их поэзии особые краски. Наряду с привычным для русского европейца обращением к национальной и западной культурной традиции, здесь ощутим и интерес к Востоку.

Приморье как неотъемлемая часть России по своему географическому положению, исторической судьбе — край воистину многонациональный. Наряду с привычным взаимовлиянием здесь идет процесс «двойного обогащения». Важно, чтобы он не соблазнил никого мнимой легкостью, когда из двух половинок составляется нечто третье, выдаваемое за образчик планетарной культуры.

Наглядный пример подлинного взаимного обогащении, сближения культур разных народов дает фольклор Приморья. Особенность бытования фольклора кран состоит прежде всего в его национальной пестроте. Если Восточную Сибирь заселяли выходцы из северных районов России, то на Дальний Восток переселились жители из семидесяти шести губерний страны. Они сообщались между собой, зачастую жили в одних селах, что привело к смешению русских, украинских, белорусских традиций. «Не случайно уже второе поколение, родившееся в Приморье, — говорится во введении сборника «Фольклор Дальнеречья» (Владивосток, 1986), — не разграничивает фольклор на «свое» и «чужое». Сохранились в памяти народа и несколько легенд восточного происхождения о корне женьшень. Помещено в сборнике и предание о том, как забрали местного парня на германскую войну, с которой он привез домой молодую жену из Литвы. И что характерно, заканчивается рассказ словами односельчан: «Молодец, хоть и обманом, а добрую жену привез». Таким образом, в мощную славянскую реку вливались самые разные потоки, но не было места национальной обособленности и вражде.

Сегодня в Приморье хранятся бесценные сокровища народной мудрости, опыта, традиций. То, что было привезено с собой переселенцами из разных мест, живет, дает новые всходы. Вот тот неиссякаемый источник, к которому обращались раньше, будут обращаться впредь приморские литераторы, чтобы понять современность. В стихах Владимира Тыцких, Раисы Мороз и Елены Обойминой этот своеобразный «приморский мотив» любой вдумчивый читатель сможет разглядеть.

●

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ГРАНИЦЫ ПРИЛИЧИЯ

Из писем в редакцию

О СОСТЯЗАНИИ ЛИЦЕМЕРОВ

У нас повсюду говорят и пишут, что теперь все можно. Кончились, мол, времена «запретительства», наступила пора гласности, а потому что хочу, то и делаю; что мне нравится, то и говорю; чего хочется, того и требую. Это ли не свобода? И если кто попытается мне что-нибудь запретить или хотя бы возразить, то я гневно воскликну: «Опять зажимают! Демократия в опасности!» При этом, можете не сомневаться, обязательно найдутся защитники, которые заступятся за «новатора», обиженного «ретроградами».

Вот я читаю «Аргументы и факты» № 31 за 1987 год. Тут опубликована беседа Н. Солдатенкова с руководителем ленинградской «Поп-механики» С. Курехиным. Редакция сообщает, что он стал рок-знаменитостью — в Великобритании вышли две его пластинки, а в США ему даже целый номер журнала «Клавиатура» посвятили. Ну а если при англо-американской помощи на нашем советском небосклоне вспыхнула новая рок-звезда, то и беседу с ней надо напечатать поскорее, и к ее «звездному» мнению следует прислушаться.

И вот, будьте любезны: «Поп-механика», — сообщает С. Курехин, — это не оркестр, а целое объединение, которое включает в себя огромное количество разных групп, начиная от фольклорных и кончая животными...»

Тут я нетерпеливо спрашиваю: извините, а какими именно животными? Что и как они исполняют? На каких таких инструментах? Оказывается, ничего не исполняют, просто «на солирующего саксофониста бросается козел». Так и сказано: «козел». А зачем? А затем, представьте себе, что «у музыканта возникает ощущение неожиданности, он начинает по-другому играть, и это передается залу».

М-да... Теперь понятно, что тут мы имеем дело с новейшим открытием в музыке: саксофон в сочетании с козлом. Это, всерьез заявляет С. Курехин, «мое кредо».

Правда, такое «козлокредо» еще, вероятно, окончательно не выработано, потому что редакция «Аргументов и фактов» предлагает «откликнуться на эту беседу и поделиться своими мыслями». Надо полагать, тем самым с читателями хотят посоветоваться, кто лучше — козел, а может, баран, а может, и кабан? Чем не оттенок «демократичности»?

Вопрос относительно расширенного состава рок-животных имеет под собой основания. Американский журнал «Клавиатура», называющий С. Курехина «крупной фигурой советской музыки», отмечает, что руководимая им «Поп-механика» иногда состоит из 60 музыкантов, «не считая козлов и других животных»(«Keyboard», 1987, № 7, p. 98). Видите, «и других...» Стало быть, возможен и солидный хряк, и легкомысленные подсвинки. Далее журнал сообщает, что «крупная фигура» была исключена сперва из консерватории, а потом из института культуры. Жаль, конечно, лучше бы человек учился. Но если всерьез поразмыслить, то для выгуливания на сцене козлов и других животных институты вряд ли нужны.

Мое любопытство подстегнул все же не американский, а наш советский журнал «Музыкальная жизнь» (1987, № 6, с. 22—23). В нем говорится, что С. Курехин — «один из наиболее интересных музыкантов сегодняшней ленинградской джаз- и рок-сцены», что в его знаменитой «Поп-механике» для звуковых эффектов используются станки, рельсы и другие механизмы. Что же касается млекопитающих, то они деликатно окутаны туманной фразой об «уникальном по своему музыкальному стилю и составу» ансамбле «Поп-механика».

А зря... Уж кому-кому, а такому журналу следовало бы внятно разъяснить границы приличия в музыкально-песенном искусстве. Прямо сказать, что можно, а чего ни в коем случае делать все-таки нельзя. Растолковать, что рельсы и прочие железяки лучше погрузить в кузов и отвезти на склад вторсырья. Что музыка есть искусство, а не хлев. Напомнить истину, начисто забытую сейчас, но известную Платону две с половиной тысячи лет назад: «Ведь именно потому, что мусическое искусство прославлено несравненно больше остальных видов изображения, здесь-то более, чем во всех них, необходима особая осторожность. Кто здесь ошибется, тот нанесет себе огромный вред, ибо он станет благоволить к дурным нравам» (Платон. Соч. в 3-х т. М., 1972, т. 3, ч. 2, с. 137).

Но сегодня можно подумать, что дурные нравы возводятся в

добродетель. Иные люди к ним явно благоволят, и не потому ли С. Курехин на очередное выступление привел на сцену уже не козла, а ...лошадь («Вечерний Ленинград», 3.11.1987). И сивка-бурка потряхивала гривой, причем, говорят, допустила перед достойной публикой то, что пристойно в конюшне...

О, боги мои, боги! Почему же, скажите на милость, никто из работников культуры не предложил «крупной фигуре» немедленно покинуть сцену и перебраться в ближайшую конюшню? Неужели побоялись посягнуть на демократию? Или испугались криков о «запретительстве»? Ведь есть поступки, которые остаются в вопиющем противоречии с общественной моралью. Да, сегодня нам многое можно, но безобразничать, допускать хулиганство и хамство все-таки нельзя. Ни в ком случае нельзя превращать в свинарник народную культуру. Перестройка предполагает восстановление нравственности и культуры, а не дальнейшее разложение и глумление над ними.

Как ни печально, такое происходит в различных сферах духовной жизни.

Как-то в Москве состоялась выставка, на которой демонстрировались: «Надутая полиэтиленовая «колбаса» метров на десять, внутри одеяло, потрепанные книги, какие-то фото. Две комнаты, набитые помоечным железным ломом, ванна тут же. Три больших листа, ровно заштрихованных твердым карандашом...» («Советская культура», 26.09.1987). И так далее.

В Минске устроили выставку, может, даже похлестче. В зрительный зал художники И. и Ф. Кашкуревичи и Л. Русова доставили со свалки всякие непригодные предметы: старый хомут с вставленной внутрь лошадиной костью, сундук с камнем и собачьим черепом, крест в обрамлении старых босоножек, сапожных колодок и грязных тряпок, порванные перчатки, немытые бутылки, ржавую мясорубку, общарпанный унитаз и т. п.

Все это можно было «выставить» там же, на загородной свалке, но разве кто туда пойдет? Иное дело в центре Минска, в выставочном зале Дома кино. Получилась «выставка», которую назвали «Фрагмент-событие-87». И люди шли. Потом наладили публичное обсуждение такого «события». Поскольку посетители собрались в общественном помещении, нашлись такие, что восприняли увиденное всерьез. Стало даже неудобно — из кучи хлама молодой человек силился извлечь какие-то традиции белорусского национального искусства. Женщина вышла порисоваться и, дабы не сочли ее невеждой, храбро заявила, что «в этом что-то есть».

И действительно, в этом обнаружилась закономерность, нередко наблюдаемая в поведении людей. Например, покажите вы человеку тот же собачий череп или ржавую мясорубку на свалке, и он с презрением отвернется; поместите эти предметы под стекло в выставочном зале и дружно назовите их «новейшим искусством», которого не понимают только простофили, и человек присоединится к хору фальшивых голосов. Почему? По той причине, что человек боится оказаться отсталым и невежественным, а потому он притворяется, лицемерит и охотно присоединяется к ошибочному, хотя и распространенному мнению. В таком случае самая что ни на есть чепуха вдруг становится чем-то значительным, иногда даже «гениальным», чем успешно пользуются напустившие на себя серьезный вид шарлатаны, извлекающие немалый доход от распродажи платьев голого короля.

А рынок таких «платьев» нынче расширился. Идет бойкая распродажа всевозможных дешевых идеек и бредовых замыслов под видом «личных мнений» и «точек зрения», с которыми их авторы постеснялись бы выступить публично в других условиях.

Как говорится, в Одессе все так умеют, только стесняются.

А в Калининграде стесняются явно не все. Там какой-то гражданин предлагает решить все проблемы нашего общества с помощью двух простейших мероприятий: «отменить обращение на «вы» и «везде внедрить «рубль» («Комсомольская правда», 11.11.1988). Вот и вся недолга! Чем не «точка зрения»? И ее, представьте, печатают, не жалеют бумаги.

Не жалеют бумаги и в «Огоньке». Тут перед нами абсурд:

Это есть Это.
То есть То.
Это не То.
Это не есть не Это.
Остальное либо это, либо не это.
Все либо то, либо не то.
Что не то и не это, то не это и не то...

И еще почти полметра такой белиберды. Это представлено творчество «классика абсурдистского гротеска» Д. Хармса. Видите: «классика»... В Одессе вряд ли так сумеют. Полагаясь на слепое доверие к авторитету — поэту, мол, поверят! — Е. Евтушенко лукаво утверждает, что тут... выражен «протест против совмещанства, торжествующего быдлизма». на чем «воспитывалось наше поколение» («Огонек», 1988, № 17, с. 16).

Каково, а? Целое поколение воспитывалось на абсурде. И ладно бы «великий поэт», каким он, скромник, пытается сам себя представить в «Книжном обозрении» № 1, 1989 г., Е. Евтушенко держал такое мнение при себе, а то ведь под видом кружевных изделий преподносит ветошь с литературной свалки.

Терпимость к чужим мнениям, уважение к другой, быть может, необычной точке зрения — непременное условие здорового развития общества. Гласность нужна нам как воздух! Но гласность осмысленная, разумная, обусловленная народной нравственностью и культурой. Иначе, советовал древний философ, обсуждать все мнения бесполезно, «достаточно обсудить наиболее распространенные или же такие, которые, как кажется, имеют известные основания» (А р и с т о т е л ь. Соч. в 4-х т. М., 1983, т. 4, с. 57).

Вот именно! Однако теперь, как видим, широко распространены безосновательные, даже вздорные мнения. Причем характерно то, что чем нелепее вымысел, тем с большей самоуверенностью он произносится. Например, говорится, что активисты «Памяти» «давно уже ведут свою подрывную работу в столице республики» («Літаратура і мастацтва», 25.03.1988), то есть в Минске; в действительности «Памяти» у нас не было и нет. Утверждается, что один белорусский историк написал кандидатскую диссертацию «Лаврентий Павлович Берия — верный друг великого Сталина» («Московские новости», 6.11.1988); на самом деле историк такой диссертации не писал. Драматически произносится фраза о том, будто «на протяжении столетий наш народ молча терпел угнетение, проливал свою кровь, жертвовал миллионами жизней и молчал» («Літаратура і мастацтва», 28.10.1988). Называть наш народ таким уж безропотным и безмолвным все-таки не следовало бы,

потому что даже школьники осведомлены о восстаниях В. Вощилы и К. Калиновского, а весь мир знает о сопротивлении белорусов фашистам в годы оккупации. Мне, потерявшему родную и затем приемную семьи и дважды избежавшему расстрела, это известно.

Так кто говорит неправду? В данном случае писатель В. Быков. Почему? Пожалуй, точно на этот вопрос ответил Ф. М. Достоевский: «Ну а у нас могут лгать совершенно даром самые почтенные люди и с самыми почтенными целями... Хочется произвесть эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою слушателю» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. М., 1980, т. 21, с. 117).

Однако о почтенных целях здесь не может быть и речи. А вот принесение своего авторитета в жертву групповым интересам есть, о чем приходится сожалеть. Ложь и сопутствующие ей непристойности ныне нередки в печати, и свидетельствуют они не только о понижении культуры в обществе, но и о невысоких моральных качествах некоторых людей, их презрительном отношении к народу и Отечеству. И вот в результате на страницы газеты или журнала выходит эдакий развязный автор, с умнейшим видом изрекает нам удивительные вещи, а относиться к ним следует почтительно, будто к Священному писанию, хотя его речи, конечно же, не более чем скромное «личное мнение».

Перечитав немалое количество иностранной литературы и прессы и чего только не наслушавшись, я теперь встречаю в отечественных изданиях такое, что и глазам своим не верю. Вот, например, в тюменской молодежной газете К. Тихомиров публикует статью «Запах лицемерия. Заметки о Силах Зла».

Начинается статья с издевательских рассуждений о «сибирских ура-патриотах», о том, что они повсюду видят сионистов, масонов и пользуются кодом «БЖСР!». Вовек не догадаетесь, читатель, что это за код. Оказывается, «антисемиты» так сократили слова «Бей жидов, спасай Россию!». Потом идет критика Д. Васильева и «Памяти», потом перечисляется большое количество евреев в различных комиссариатах первых лет Советской власти. Спрашивается, почему там их было так много? К. Тихомиров становится в позу крупного знатока и заявляет, что одни народы предпочитали «смешение кровей», другие — «конфронтацию с завоевателями», в результате проигрывали те и другие. А вот третьи — цитирую — «выбирали хитрую политику, уходя в сферы правительственные, культурные и прочие, где их менее всего могли тронуть. И исторически сложилось так, что евреи, не имевшие до 1947 года своей территории, вынуждены были изворачиваться, образовываться всячески, дабы проникнуть в элиту какого-либо государства...» Они, стало быть, накопили замечательный «национальный генофонд», оттого-то так получилось и «в царской России, и в Соединенных Штатах Америки, и в любых других мало-мальски цивилизованных странах...»

Бред, скажете вы. Правильно, расистский бред. Но на этом он не кончается. К. Тихомиров утверждает, что «Протоколы сионских мудрецов» — это «Базельская программа, принятая на первом съезде сионистов в Базеле в 1897 году». В действительности «Протоколы...» — документ неустановленного происхождения объемом в толстую брошюру, а Базельская программа — подлинный исторический документ всего лишь из восьми строк (см.: Еврейский ежегодник Кадима на 1918—1919 гг. Пг., 1918, с. 83). Затем он легко расправляется с поэтом С. Куняевым, походя пинает журнал «Наш современник» и свердловское «Отечество»... А кончает свои разглагольствования о лицемерии «антисемитов», которое — вы только послушайте! — «не на рожах наших мерзких написано, а давно проникло в сердце и плюется оттуда в душу». («Тюменский комсомолец», 23.11.1988).

Вот такой у К. Тихомирова уровень и грамотности, и нравственности, и культуры, определяемый, в общем-то, его двумя словами о «мерзких рожах» людей, с которыми он живет. Тираж газеты — 55 400 экземпляров. Цель статьи — противодействие национальной вражде, ее действительный разультат — разжигание этой вражды, возбуждение антисемитизма, создание путаницы там, где все уже давным-давно ясно. Сказанное подтверждает хотя бы один личный пример. Вот уже больше года люди у меня просят прочитать «Протоколы сионских мудрецов», обижаются и не верят, что я читал их на иностранном языке. Еще совсем недавно, когда не было многочисленной газетной болтовни о «Протоколах...», их читали лишь очень немногие люди.

В жизни часто бывает так, что люди, преследуя одну цель, получают совершенно противоположный, не ожидаемый ими результат. Так было, например, с памятной всем «пятилеткой качества». Отрицательный, ненужный обществу результат уже достигнут и «Тюменским комсомольцем», и бюллетенем «Век XX и мир», о котором приходится кратко сказать.

Открыто, безо всякой «демократической» маскировки тут пускается в совершенно непозволительные рассуждения «видный советский историк» М. Гефтер. С его точки зрения, страна наша — это какой-то «кентавр», «евразийская громада», подлежащая ликвидации. Власть в этой «громаде» тоже никуда не годится. Потому М. Гефтер предлагает «демонтаж «сверхдержавы»... увязать с демонтажем социума власти». Как говорил незабвенный А. Райкин, «урезать так урезать». А начинать надо с России — историка беспокоит мысль о давно назревшем разукрупнении РСФСР («Век XX и мир», 1988, № 7, с. 36—38). Между прочим, последняя практическая попытка такого «разукрупнения» плачевно закончилась 9 мая 1945 года. И вот теперь, как изволите видеть, «точку зрения» преподносит московский журнал.

Повторяю, что бюллетень издается в Москве, в Советском комитете защиты мира, редактирует его А. А. Беляев. «Точек зрения» тут буквально уйма. Один автор желает распродать землю крестьянам, другой недоволен уважением народа к Ленину, третьему опостылела марксистская философия, четвертому не нравится Комитет госбезопасности, а пятый требует распустить армию («Век XX и мир», 1988, № 9, с. 4—12). Подобные непристойности встречаются разве лишь в нью-йоркском «Новом русском слове»...

Это называется как угодно — и «гласностью», и «перестройкой», и «демократизацией»... У нас есть большие мастера выворачивать наизнанку и оборачивать против нас же наши лучшие принципы и понятия. Как говорится, два пишем, три в уме имеем. И вот, глядишь, чуть ли не каждый день волны обновления взбивают комья какой-то грязной пены. Вот «прораб перестройки» А. Нуйкин призывает начинать против неугодных «недемократические репрессивные меры» («Новый мир», 1988, № 2,

с. 227—228). Его единомышленник Б. Ихлов из Перми уже продумал, с кого начинать, — он хотел бы журнал «Наш современник» закрыть, а редколлегию и писателей В. Распутина, В. Белова и В. Астафьева — уничтожить (пермскан «Молодая гвардия», 1988, 21 августа). Кстати, в ответ на это участвовавший в полемике с ним пермский журналист Н. Нечитайлов там же вполне резонно заявил: «...чего стоят ваши слова, что журнал «Наш современник», как «славянофильский», нужно закрыть, а редколлегию уничтожить. Хотя, смею вас заверить, славянофильство при всех своих достоинствах и недостатках никогда не покушалось на культуру другого народа». Рижане С. Зильберг и В. Кричевский называют советских авторов, критикующих сионизм, черносотенцами и фашистами («Советская молодежь», 1988, 29 октнбря), что само по себе предполагает применение явно «недемократических репрессий». А в Ленинграде провокатор А. Норинский старается вызвать такие репрессии посредством распространения фальшивок, подписанных словами «Боевики патриотической организации «Память», вызвавших «благородный гнев» главного редактора журнала «Знамя» Г. Бакланова.

Как видите, есть над чем призадуматьсн.

Прежде всего приходит мысль о том, что многие внешне новые «точки зрения» в действительности оказываются обыкновенным старьем, вытащенным на поверхность общественной жизни по случаю предоставившейся возможности говорить и делать то, что по всем нравственным и культурным нормам не следовало бы говорить и делать. Молодые модники в замызганных джинсах и седеющие флюгера-профессора реанимируют в искусстве какой-нибудь давно осмеянный дадаизм и возвеличивают примитивный абстракционизм, в идеологии и политике под шумок проталкивают социал-демократизм и анархизм, троцкизм и сионизм. Дело доходит до того, что «историк» Ю. Афанасьев (правда, не в своей стране, а в Варшаве) требует реабилитировать Троцкого, Ягоду и Берию. Так и пишет: «...Я считаю, что в ходе реабилитации ко всем деятелям следует относиться одинаково. Я имею в виду прежде всего Троцкого, которого так же, как и других, следует реабилитировать, и даже Ягоду и Берию» («Polityka», 1988, 3 декабрн, с. 14). И каждый, словно щитом, прикрывается словами «гласность», «демократизация» и «перестройка», каждый клянется в верности решениям XIX партконференции, а Б. Ихлов, тот, что собирается уничтожать русских писателей, создает даже неформальный «Союз коммунистов». У нас немало найдетсн умельцев, которые на международных состнзаниях лицемеров были бы увенчаны золотыми медалями и лавровыми венками.

Уже отработаны приемы борьбы с теми, кто твердо отстаивает идеологию и политику партии, интересы государства, чистоту нравственных принципов. Против каждого такого автора или лектора, как и против редакций, сразу следует моральный террор в виде оскорбительных звонков по телефону, раздаются ставшие стереотипными обвинения: «сталинист», «антиперестройщик», «бюрократ», «член «Памяти», «черносотенец» и даже «поклонник палача». Некоторые фамилии, примером чего может служить ленинградская преподавательница, превращаются в оскорбительные ярлыки. Все это — показатель безнравственности и крайне низкой культуры в общем малочисленного, но весьма агрессивного слоя людей.

Последствия их активной деятельности неисчислимы и невидимы на первый взгляд. Козел на сцене и мусор на выставке, чепуха под видом изобразительного искусства и ложь в обличье правды-матки, шовинизм, прикрывшийся интернационализмом, и предательство за ширмой патриотизма не проходят бесследно, они оставляют в сознании свой грязный след. Невозможно вывести формулу этой социально-бытовой «химии», но несомненно то, что она вызывает неверие и цинизм, вседозволенность и лицемерие, распущенность и хамство — все то, что духовно калечит и принижает человека, особенно если он молод и сознание его еще пластично. Посмотрите вокруг — каждый из нас видит сотни тому примеров.

При недугах собственного организма мы иногда хорошо сознаем взаимосвязи совсем несхожих органов — когда насморк одолеет нос, то греем ноги. А вот когда болезни одолевают общественный организм, мы чаще всего не хотим или не можем уяснить диалектические связи самых разнородных нвлений. Хотя пора бы уже понять, что «массовая культура» не окультуривает, а огрубляет человека, неуважение к истории разрушает патриотические чувства, а неустанный плакатный звон о нерушимом единстве не имеет ничего общего с подлинным единством людей. Нынешний охамевший молодой человек, который не умеет и не желает хорошо работать, бесчестно ведет себя в коллективе, постоянно матерится, ворует на работе и публично подчеркивает свою неопрятность, — это не результат, как у нас принято говорить, «неудовлетворительной работы комсомольской организации». Нет, он, этот духовно бедный человек, есть продукт всей огромной суммы наших общественных отношений, которые не на словах, а на деле следует перестраивать и совершенствовать.

Помня, разумеется, совет древнего мудреца Аристотеля: «Быть в некоторой зависимости от других и не иметь возможности делать все, что тебе заблагорассудится, — дело полезное; ведь предоставление каждому возможности поступать по его желанию не может оберегать против того дурного, что заложено в каждом человеке».

Хорошо бы все это и учитывать при высказывании всевозможных «точек зрения».

В. БЕГУН,
кандидат философских наук

НЕБЕЗОБИДНЫЙ АНЕКДОТ

Возбуждение взаимной вражды, междоусобной брани издревле почиталось тнжким грехом. Сегодня это, как и многое другое, стало делом обычным. Открываем, например, «Знамя» № 11 за 1988 год, повесть Василин Гроссмана «Добро вам!». Об Армении. В разгар пахнущего кровью спора о Нагорном Карабахе. Обе стороны ждут прямой поддержки Москвы, но ее не может быть, ибо Москва — «удерживающий» центр, сила, призванная остановить лавину междоусобия. Спорящие разворвчиваются к «либеральному» «общественному мнению» — с одной стороны, грозя-

щему «газаватом» мусульманскому миру — с другой. Для того и другого «союзника», по старым еще представлениям, целостная Россия. Москва — многовековой исторический противник. Брось горящую спичку — и пойдет...

Читаю «Знамя»:

«И тут мне приходят в голову ходячие представления об армянах, бытующие в жизни не только русского лабаза, армянские анекдоты — глупые и ошеломляюще сальные. Ну конечно, армяне примитивны, педерасты, торгаши, смешные людишки из анекдотов. Ну конечно: «Карапет мой бедный, почему ты бледный». Ну конечно, и по сей день — вопросы и ответы армянского радио... И бесчисленные анекдоты: «Скажи, пожалуйста, Карапет...» И со смешком, с усмешечкой произносимые слова: «Наш профессор, знаете ли, армянин», «Представьте, пошла замуж за армяшку...»

Далее В. Гроссман пишет: «Горько, что самая великая литература Земли и величайшие представители этой литературы иногда прикладывали руку к недоброму делу создания ходячего образа армянина — торгаша, сластолюбца, хапуги.

Как могло случиться, что великая литература работала на лабаз, на туполобое, шовинистическое человеконенавистничество?

Только во времена Гитлера, после него во весь свой страшный рост встали вопросы национальной ненависти, национального презрения, национального превосходства».

Где, когда, какие именно «представители» русской словесности «прикладывали руку к недоброму делу создания ходячего образа армянина» — об этом у Гроссмана ни слова. Как ни слова и об обратном. О том, как русские писатели защищали армянский народ в самые тяжелые его годы. Вспомним хотя бы А. С. Грибоедова, занимавшегося переселением армян из Персии в русские пределы и их обустройством во времена, когда, гонимые персами, армяне были «единственно движимы доверенностью к России и желанием быть под ее законами» (Грибоедов А. С. Соч. в 2-х т. М., 1971, т. 2, с. 341). «Одних выселенных из армян, — писал Грибоедов, — к нам перешло до восьми тысяч семейств, и я теперь их общий стряпчий...» (там же, с. 325).

В девятнадцатом, «золотом» веке русской художественной словесности для деятелей армянской культуры не было вопроса — на чьей стороне литература России, как относится она к Армении, армянам. В 1897 году в Москве был издан сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» (сост. Г. А. Джаншиев). В него были включены стихотворения Ф. И. Тютчева, в том числе одна из вершин его поэзии — «Слезы людские», а также чисто политические стихи о судьбах Востока. И таких примеров можно приводить множество.

Увы, сегодня обо всем этом не вспоминают. Сам был свидетелем того, как на недавней встрече молодых литераторов социалистических стран в Москве представитель Армении в числе поддержавших его народ назвал «лучших представителей советской интеллигенции» — А. Сахарова, М. Шатрова, А. Гельмана, но почему-то «забыл» упомянуть Валентина Распутина. Можно разделять или не разделять взгляды Распутина по данному поводу, но ведь это правда — то, что он был одним из первых, если не самым первым, среди поддержавших армянский народ. Но, видимо,

лучше, выгоднее об этом «забыть», дабы не обидеть «прорабов перестройки» упоминанием в их ряду русского писателя.

Я не собираюсь выражать здесь своего отношения к творчеству Василия Гроссмана — это совершенно иная тема. И не о Гроссмане здесь речь, но о нарочито создаваемом журналом «Знамя» констексте.

В. КАРПЕЦ,
член СП СССР

НАРОД СЕБЕ ЗЛА НЕ ЖЕЛАЕТ!

Народ не может желать себе зла. Народная мудрость на то и мудрость, чтобы предвидеть беды, звонить в колокола при опасности, а они звонят и звонили в самые «глухие» дни застоя. Иное дело, что наши средства массовой информации эту боль игнорировали. Ни один ученый, даже тот ученый, что включен обстоятельствами в ведомственный круг, — ни один не дает стопроцентной гарантии атомным станциям! Значит, Чернобыли будут повторяться... и опять в «30-километровой зоне невозможна будет жизнь еще многие десятилетия» («Известия», 1988, 23 декабря). Где же народ будет жить, если уже известен период полураспада плутония и т. д.? Если из журнала «Радиация» (М., «Мир», 1988) мы знаем о воздействии ионизирующих излучений радиоактивных осадков на человека и природу? А если бы нас еще просветила хотя бы Ассамблея ООН и ее научный комитет по действию атомной радиации (зачем-то ведь этот комитет создан?) относительно проблемы захоронения радиоактивных отходов, тогда бы мы сами себе ответили, где нам придется жить после всех этих атомных кладбищенских гигантов!

Народ должен знать все — и в первую очередь то, что может привести к «мирным» катастрофам. Почему Швеция решила демонтировать свои атомные станции? Почему мы однобоко пишем об энергетике США? Ведь в штате Калифорния, например, 18 геотермальных станций (а не атомных!!!), «их совокупная мощность — миллион двести тридцать семь тысяч киловатт (1237 мегаватт) — достаточна для энергоснабжения таких городов, как Сан-Франциско и Окленд, вместе взятые. А в целом в США к 1990 году общая мощность геотермальных станций будет составлять около двух миллионов киловатт» («Знамя», 1988, № 8). Почему Мексика благодаря ГеоТЭС начала продавать электричество в Калифорнию, а мы с нашими несметными запасами камчатской геотермальной энергии до сих пор смогли построить для себя лишь одну ГеоТЭС — Паужетскую (и ту превратили в нерентабельную)? А рентабельность ГеоТЭС, к слову, несомненна. Достаточно сказать, что Япония скрывает доходы от их использования даже от В. Цветова. Но атомщики хотели и на Камчатке — в Петропавловске — отгрохать АЭС наподобие Билибинской. Слава богу, сейсмичность их остановила, как остановила Армянскую АЭС — правда, после «урока», последствия которого могли бы изуродовать население в континентальном масштабе. А что все же остановило атомные станции Одесскую, Краснодарскую? Как и почему общественности удалось остановить реализацию безграмотного (и, конечно, засекреченного!) проекта Даугавпилс-

ской ГЭС? Почему люди поднялись против АЭС Крымской? Почему белорусские писатели выступают против АЭС в их краях? («Литературная газета», 1988, 2 ноября). Тысячи «почему». А нам на эти «почему» никто — старательно — не отвечает!

И не надо народ обвинять в малограмотности — этот прием всегда характерен для тех, кто проводит антинародную политику, кто способен «жертвовать» миллионами жизней в угоду... но в угоду чему— надо еще разобраться.

Хотя что там Чернобыль, что там аварии...

В Москве, например, в целях экономии электроэнергии на мощных ТЭЦ (план, как же!) широко практикуется «ночное», как правило, отключение фильтров. При этом москвичи и гости столицы посыпаются ядовитой пылью.

Народу все ясно: откроешь областную газету «Юность» от 17 декабря 1988 года — перед тобой близкое к истинному соотношение сторонников и противников строительства атомной тепловой станции (АТЭС): 78 против 14 942. Так для кого же строить станцию? Выходит, для 78 человек. А вдруг они... больные? А вдруг у них вообще особые виды на свое личное дальнейшее местопребывание (о морали-то говорить не приходится)? При любом варианте резонно спросить: почему пятнадцатитысячная армия (это только откликнувшихся на опрос) народа не может решить, иметь ли под боком атомного джинна? Или наша гласность распространяется только на проституток, гомосексуалистов и разного пола и роду-племени политиканов? Уже в нашем небольшом районе против АТЭС высказались 7,5 тысячи человек. Уже первый секретарь обкома партии И. А. Толстоухов, выдвинутый кандидатом в народные депутаты СССР, публично записал наказ избирателей: «Не строить...»

Нужен референдум! Но не тут-то было — генеральный директор Ярэнерго Е. А. Тюрин уже пытается зажать рот областной «молодежке». Он считает, что народ идеологически не готов к референдуму. У нас на районном уровне пропаганду ведет председатель райисполкома: атомщики подымут, мол, сельское хозяйство. Как бы то ни было, в нашем районе изыскательские работы под станцию уже ведутся. И стоить они будут ни много ни мало — 5 миллионов рублей. Интересно, скольким вдовам-солдаткам, скольким бывшим колхозницам можно было бы удвоить-утроить их скудные пенсии из этих — народных! — средств... Но, видимо, нельзя. Мы готовы тратиться лишь на благо некоего абстрактного народа. А потом, дай этим «малограмотным» да «некомпетентным» вздохнуть свободнее — они и голову поднимут, и молодых созовут, а потом, глядишь, и «внеплановый» жизненный порядок наведут на «планово добиваемой» русской земле.

...Бюро обкома ВЛКСМ вошло в областной Совет народных депутатов с предложением провести областной референдум по вопросу строительства Ярославской АТЭЦ. Но изыскания идут, а никакого референдума нет.

Народ себе зла не желает. Или у тех, кто ведет нас к пропасти, другое мнение?

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ, отец двоих детей, журналист, общественный инспектор ВООП, пос. Борисоглебский, Ярославская область

БОРОЛИСЬ ЛЮТО ЗА ВАЛЮТУ

Вот так уж как-то получается, достойнейшие сограждане — товарищи, что в реальной жизни мы далеко не всегда последовательны в своих целенаправленных действиях и поступках. С одной стороны, в ситуациях, когда речь идет о сугубо личных приземленных интересах, мы всегда начеку. Никакой поспешности и опрометчивости. Все наперед выясним, прикинем, рассчитаем. И не семь, а семьдесят семь раз примеримся, прежде чем резануть по живому!.. А ежели все же какую промашку и допустим, в силу неких непредвиденных обстоятельств, то тут же оперативно вносим научно обоснованные и проверенные многолетним опытом коррективы в свои действия. К тому ж, не считаясь со временем, посоветуемся с женой, тещей, соседями, сослуживцами, снесемся с дальними и даже с иногородними родственниками... И непременно доведем дело до желанного концавенца!

Совсем иное сплошь и рядом происходит с нами, когда речь заходит об общенародных интересах, то бишь о государственных делах. Тут уж мы себя чрезмерно всякого рода прикидками и раздумьями не загружаем и не отягощаем. И действуем по принципу: не задумываясь, без проволочки принимай любое решение. Или, если сказать еще точнее: вали кулем — потом разберем. И валим! Что есть мочи. И где только можно... Взять хотя бы те же бессмысленные закупки излишнего, никому не нужного весьма дорогостоящего импортного оборудования.

Доказательства? Да сколько угодно!

— Только на складах предприятий нашей области, — доверительно сообщила мне заместитель начальника Запорожского областного управления статистики З. Стецюк, — за многие годы скопилось такого излишнего импортного оборудования на сумму свыше 680 тысяч рублей.

— И что же это за оборудование? — поинтересовался я.

— Самое что ни на есть разнообразное, — последовал ответ. — Кузнечно-прессовое, подъемно-транспортное, строительное и дорожное, энергетическое, электротехническое, пищевой и легкой промышленности...

А чуть позже я повстречался с первым заместителем начальника Донецкого областного управления статистики Ю. Козубом, и он мне сказал:

— У нас в области тоже скопилось излишнего импортного оборудования на сотни тысяч золотых рублей...

И Юрий Васильевич стал добросовестно перечислять залежавшиеся-завалявшиеся многочисленные заморские ценности на складах донецких предприятий.

Короче, и здесь, как видим, борются люто за валюту!

Но, может, подобная ситуация с уникальным дорогостоящим импортным оборудованием, ставшим волею безответственных хозяйственников «бросовым», лишь в этих двух южных украинских регионах? Если бы так!

Золотые — в буквальном смысле — народные рубли идут «в распыл» практически повсеместно и в масштабах для разумного хозяина, оцени он их по достоинству, трудновообразимых.

Адреса, по которым торжествует по меньшей мере абсурд, мно-

гочисленны. А час «торжества абсурда», как правило, относится ко временам ну совсем близким!

Год 1984-й. Вступает в строй первая очередь Белорусского металлургического завода. «Цена» ее — 518 миллионов валютных рублей. Вместо клятвенно обещанной Минчерметом СССР прибыли в 36 миллионов за два года — убыток в размере 44 миллионов. Задай вопрос об окупаемости капвложений — получишь ответ: «И конь не валялся». Что бы сделал рачительный хозяин, хотя бы здравомыслящий человек? Во всяком случае, не то, что проделано в реальности: закуплена вторая очередь завода стоимостью 599 миллионов валютных рублей, причем уже планируется использовать ее вполсилы, а часть оборудования первой очереди вывести в резерв. Но и это еще не все: докупается за рубежом то, что выпускается отечественной промышленностью; будет производиться то, что пригодится самое раннее после 1995 года; заведомо занижены сроки окупаемости, а убытки, таким образом, «хорошо распланированы». Остается добавить, что полноценная поставка сырья (металлизированных окатышей) начнется лишь спустя три года после запланированного срока пуска.

Таким образом, в данной истории просматривается своя логика, и обычно «стекающие» с журналистских перьев пассажи о бесхозяйственности и нерадивости, некомпетентности и головотяпстве звучали бы почти неубедительно: так ли уж мы «растяписты»? Так ли уж из рук вон плохо трудятся на предприятиях люди? Если «начальство» где-то в туманных высях уже давно «просчитало» ход работы, употребив своего рода логику абсурда?

Это «страшное» предположение подтверждается другими приемами-фрагментами чуть ли не отлаженной системы превращения валютных средств в прах.

Вот лишь некоторые из них: организация совместных предприятий без должной проработки технико-экономического обоснования и консультации по финансово-кредитным вопросам, игнорирование арендной платы за землепользование, жилье и инфраструктуру; занижение в 8—10 раз по сравнению со среднемировым уровнем оценки отечественных трудовых ресурсов; завышение доли комиссионных за сбыт продукции на внешних рынках; преждевременный завоз оборудования, обреченного на простой и порчу; необоснованный перенос «таможних» сроков гарантии на ту или иную продукцию на наши, менее благоприятные, климатические условия; перепрофилирование «на марше» строящегося предприятия и как следствие — отказ зарубежного партнера от выданных ранее гарантий, — и многое-многое другое, что приводит к необоснованным прибылям зарубежных партнеров за счет советской стороны.

Из-за недостатка места не стану указывать конкретные «мероприятия», в ходе которых эти, мягко выражаясь, огрехи проявились «сольно» или «аккордно». Хочу только подчеркнуть, что в текущей пятилетке ежегодные наши приобретения машин, оборудования и транспортных средств за рубежом на сумму порядка 25 миллиардов рублей составляют 40 процентов всего импорта СССР — легко представить масштабы ущерба, который наносится народному хозяйству описываемой практикой.

Хозяйство-то народное, а вот коллективные «герои» этого всесоюзного действа — министерства, а именно: Минлесбумпром СССР, Минхимпром СССР, Минчермет СССР, Миннефтехимпром СССР, Минлегпищепром СССР, Мингазпром СССР, Минудобрений СССР... Последнее, кстати сказать, продолжает активно наращивать импортные закупки для создания вредных в экологическом отношении производств без разработки комплекса мер по защите окружающей среды — видимо, в расчете на то, что расходы валюты достигнут некой критической массы, которая сокрушит любую критику защитников природы, то есть нашу с вами, читатель. Логика абсурда подчеркнуто агрессивна по отношению к логике разума, логике жизни, а расчет «абсурдистов» верен в той мере, в какой омертвели, дали себя усыпить души людей. И процессы-то усыпления-оболванивания вкупе с «хитроумным» расточительством взаимосвязаны и, так сказать, подпитывают друг друга.

В решениях же XXVII съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК партии неоднократно указывалось на неэффективность импортной политики многих министерств. Планы импорта машин и оборудования не увязываются с планами капитального строительства. Министерства и ведомства, настойчиво отстаивающие свои запросы на приобретение техники по импорту, в дальнейшем не уделяют должного внимания сооружению мощностей на этом оборудовании. Каждая вторая стройка не завершается в первоначально установленные сроки, а затраченные валютные средства долгое время не дают отдачи. В результате валютные ресурсы надолго омертвляются в незавершенном строительстве. Потому-то запасы импортного оборудования на складах предприятий и строек исчисляются миллиардными суммами. Только стоимость оборудования с утраченными гарантиями иностранных фирм достигает многих сотен миллионов рублей. А потери народного хозяйства в выпуске продукции ежегодно составляют около трех миллиардов рублей.

Вот что еще хотелось бы особо отметить. Допустив, мягко говоря, оплошность при закупке того или иного оборудования, технологии, многие ответственные должностные лица не только не пытаются сделать соответствующие выводы на будущее, но что есть мочи даже стараются отстаивать и защищать ранее принятые ошибочные решения.

Для ясности сказанного приведу хотя бы такой пример. Еще лет десять тому назад из Тольятти через Горловку в Одессу протянулась стальная нитка аммиакопровода. И жидкий аммиак пошел по трубопроводу в Одессу через самые плодородные районы Поволжья и Украины, принудив перепуганных возможными авариями жителей прилегающих селений держать в своих хатах... противогазы. На случай, так сказать, газовой атаки и химического удушения!

В городе Тольятти Куйбышевской области была создана главная часть комплекса — крупнейший в мире завод по производству аммиака. На другом конце трубопровода в Одессе — уникальный специализированный морской порт по переработке химических грузов и крупное химическое предприятие — Одесский припортовый завод. Оснащение импортным оборудованием этих и других предприятий, связанных между собой аммиакопроводом длиной в две с половиной тысячи километров, не обошлось без участия фирмы американского бизнесмена Арманда Хаммера. Кстати, по завершении строительства припортового завода

А. Хаммер цинично отозвался о нем так: «Мы забрали у вас часть биосферы».

Между тем директор Одесского припортового завода В. Горбатко при встрече со мной твердо и вполне официально заявил:

— Претензий к оборудованию, поставленному нашему заводу фирмой Арманда Хаммера, нет: ни в отношении конструкции, ни в отношении технологии, ни в отношении экологии.

А чуть позже я услышал совсем иное суждение.

— Со своей стороны хочу отметить, — сказал мне главный врач Одесской областной санэпидстанции А. Сидяченко, — что в производстве припортового завода имеют место как постоянные, так и периодические выбросы вредных веществ в атмосферу.

Более пространную информацию дал начальник Одесской областной инспекции по охране природы А. Дербоглав. Оказывается, реализация технико-экономического обоснования развития Одесского припортового завода уже привела к несоответствию фактических выбросов вредных веществ в атмосферу проектным. Так, выбросы от производства карбамида по аммиаку в два раза выше, чем по проекту, и более чем в три — против гарантий фирмы. При этом ежегодно происходит увеличение валовых выбросов пыли карбамида, аммиака, достигая пяти тысяч тонн в год. Данные же лабораторных исследований показывают, что уже сегодня на границе санитарно-защитной зоны и за ее пределами в населенных пунктах, прилегающих к предприятию, не обеспечиваются предусмотренные проектом расчетные концентрации, принятые для санитарно-курортных зон.

Режим же работы припортового завода и перегрузка химпродуктов на суда не исключают возможности аварийных ситуаций, при которых выбросы достигают угрожающих здоровью людей концентраций. В такой ситуации наиболее уязвимыми являются существующие в трехкилометровой зоне поселки Григорьевка, Новые Беляры, другие населенные пункты. И когда совсем недавно в этой зоне произошла авария, то образовавшееся облако аммиака быстро распространилось в направлении близлежащего поселка Новые Беляры. А его жители сразу же почувствовали это: у многих начались головные боли, рези в глазах, у некоторых — рвота...

Положение усугубляется еще тем, что завод расположен к тому же в приморской бризовой зоне с преобладающим направлением ветра к Одессе, что может вызвать загрязнение города вредными выбросами и в первую очередь Куяльницкой санаторно-курортной зоны союзного значения, пионерлагеря республиканского значения «Молодая гвардия», жилпоселка имени Котовского...

В подобной ситуации, естественно, по нынешним временам народ не безмолвствует.

— Вот и у нас, в Новых Белярах, на площади у Дома культуры, — сказал председатель поссовета П. Грибанов, — состоялся сход жителей — примерно 1500 человек. На нем также присутствовали первый заместитель председателя Одесского облисполкома А. Бутенко, представители обкома партии и всех служб облисполкома... Для обеспечения безопасности людей решено переселить жителей поселка в другое место...

Так что же, обо всем этом не знает директор Одесского припортового завода В. Горбатко? Знает. И преотлично. Но это почему-то никак ему не помешало дезинформировать корреспондента, дав восторженный положительный отзыв об импортном оборудовании, поставляемом в нашу страну фирмой А. Хаммера.

А между тем и в Донецкой области об оборудовании, поставленном фирмой А. Хаммера, тоже не лучшего мнения.

— После ввода в эксплуатацию на Горловском производственном объединении «Стирол» импортного оборудования для производства аммиака и карбамида, поступившего от фирмы А. Хаммера, резко ухудшилась экологическая обстановка в городе Горловке, — пояснил и. о. главного врача Донецкой областной санэпидстанции А. Арых. — По нашим данным, концентрации вредных веществ в окружении предприятия превышают предельно допустимые. Кратность превышения, например, по аммиаку и окислам азота в три-шесть раз. Качество сточных вод предприятия также ухудшилось, и в 1988 году превышения нормативного загрязнения на сбросе в водоемы по азоту аммонийному достигали 4—13 раз, а по азоту нитратному 1,2—2 раза.

О неудовлетворительной же работе производственного объединения Тольяттиазот, для которого в США было закуплено четыре агрегата аммиака, министр финансов СССР Б. Гостев и председатель правления Промстройбанка СССР М. Зотов в своем совместном письме министру по производству удобрений СССР Н. Ольшанскому высказывались вполне определенно: «...Объединением не выполняются и заниженные по сравнению с проектными заданиями планы. Вложив в строительство более 600 миллионов рублей, государством за весь период эксплуатации недополучено против годовых планов 2,4 миллиона тонн аммиака на сумму 250 миллионов рублей, а против проектных заданий потери удваиваются и превышают 0,5 миллиарда рублей».

Тут же в письме Б. Гостева и М. Зотова указывается, что одной из основных причин неудовлетворительной работы производства аммиака являются... конструктивные недоработки отдельных узлов агрегатов.

В заключение хотелось сказать вот что. Поначалу я думал упомянуть лично каждого министра, каждого заместителя министра, отрасли которых повинны в разбазаривании валютных средств. А потом тут же возникла и другая мысль: а почему, собственно, только министров? Почему только их заместителей? Почему не упомянуть и начальников главков, и их заместителей, и всех других ведущих и рядовых специалистов — работников министерств и ведомств, которые могли бы отстоять государственные интересы при закупке импортного оборудования, да вот не стали этого делать? Ведь по нынешним временам вопрос стоит как? От каждого гражданина будет зависеть наше будущее: быть ли нам нацией рабов и сырьевым придатком международных монополий или действительно дать простор таящимся в народе неизмеримым подспудным силам и проявить себя подлинными сынами своего Отечества!

Времена келейных решений, обрекающих нас на новые испытания, унижающих честь Родины, умаляющих искусственно значение нашего труда, — эти времена должны кануть в Лету. Соборным усилием пробудившейся гражданственности, через обретающие достойное качество Советы мы можем и должны пресечь циничную эксплуатацию народной энергии различными ведом-

ствами, выявлять конкретные цепочки должностных лиц, ответственных за действия, очевидно вредоносные, перечеркивающие будущее великой страны.

Вадим ЦЕКОВ

ВОЗРАЖЕНИЕ ОППОНЕНТА

Прочитал я заметку «Не в нем одном дело», написанную кандидатом философских наук Г. Матвейцом («Молодая гвардия» № 12 за 1988 г.).

Прежде всего хочется отметить, что все ваши полемические и неполемические публикации никак не носят полемического характера. Все они односторонни и направлены на реабилитацию Сталина и сталинщины. Позвольте мне усомниться в том, что вы в порядке полемики публикуете разные точки зрения. Вы публикуете лишь те мнения, которые прямо или косвенно защищают или даже оправдывают сталинизм, хотя подчас и в завуалированной форме. Я уверен, что вы не опубликуете мое мнение, которое расходится с вашим.

Начал свою заметку Г. Матвеец вроде бы в духе нашего времени. Он не снимает вины со Сталина за массовые репрессии 1937 года. Так у него (Г. Матвейца) и напрашивается вставка: «доли вины», так как в дальнейших своих рассуждениях эту вину он раскладывает ни много ни мало на тех же «врагов народа» и оправдывает все злодеяния классовой борьбой и особенностями исторического времени. К тому же берет себе в свидетели М. С. Горбачева, Ю. В. Андропова и писателя В. Астафьева. Получается, по Г. Матвейцу, так, что велась классовая борьба, злодеяния вели настоящие враги народа вкупе с иностранными разведками, шпионами и диверсантами. А товарищ Сталин, мужественно ведя с нами борьбу на пользу нашего народа, мог кого-то и безвинно расстрелять, исходя из принципа «лес рубят — щепки летят». Да, оказывается, многого он и не знал в силу своей занятости. Более того, некоторых из тех, кто сумел пробиться к нему, он даже и помиловал. И опять виноваты троцкисты! Вину рыковцев, зиновьевцев, бухаринцев за гибель миллионов людей Г. Матвеец не называет. Но и без них снова запахло 1937 годом.

И кажется мне, что я читаю не заметку Г. Матвейца, а «Краткий курс истории ВКП(б)». У руководства НКВД, видите ли, стояли враги и политические авантюристы, они-де виноваты во всем. А как же тогда быть с великой мудростью Сталина? Почему же Г. Матвеец не обвиняет «корифея всех наук» в политической близорукости? Почему Г. Матвеец даже не хочет отнести часть вины на сталинское окружение? Почему не называет Молотова, Ворошилова, Кагановича, Жданова, Маленкова и других вождей? Г. Матвеец обвиняет опять-таки каких-то безымянных скрытых врагов, замаскированных врагов. Но ведь получается так, что во всем виноват наш советский народ, который не разглядел рядом с ним находящихся «врагов народа», и Сталин почти не виноват.

Я убежден, что Сталин прекрасно все знал. Он очень своевременно расстрелял руководителей НКВД (ОГПУ) Ягоду и Ежова, после того как они выполнили свое черное дело по уничтожению миллионов неповинных людей. Я также глубоко убежден, что Г. Матвеец, будучи кандидатом философских наук, прекрасно знает всю кухню уничтожения Рыкова, Бухарина и других из «ленинский гвардии» и делегатов XVII съезда ВКП(б), а вместе с ними интеллигенции, военных, рабочих и крестьян. Но Г. Матвеец хочет, чтобы вину Сталина разделил и весь наш народ. Он пишет: «Нет вины одного только Сталина. Есть вина и многих других. Вина Сталина лично в том, что он, ведя борьбу против врагов партии и народа, поручал вести ее лицам, которые сами к ним принадлежали...» (?!). По моему мнению, Г. Матвеец просто кощунствует! Или издевается над нами! Получается так, что Сталин, будучи корифеем всех наук, вождем всех народов, отцом родным, не совсем удачно подбирал палачей. Ну а в этом и вины-то нет никакой!

Фактически на четырех страницах мелкого печатного текста Г. Матвеец, как неплохой адвокат, старается оправдать Сталина. Не выйдет, гражданин Г. Матвеец! История уже осудила Сталина. Думаю, что над этим палачом будет и ВСЕНАРОДНЫЙ СУД.

В. ГОЛЬДШМИДТ,
член КПСС с 1948 года,
ветеран Великой Отечественной войны,
ветеран труда, кандидат технических наук,
г. Красноярск

КРАМОЛЬНАЯ ИДЕЯ?

С большим удовлетворением узнала из газеты «Вечерняя Москва» о создании Товарищества русских художников.

Наконец-то русский центр культуры в России! Всей душой и сердцем поддерживаю такое нужное нам сейчас начинание.

Очень понравилась мне программа работы русского объединения, особенно идея о создании своей литературно-публицистической и просветительской газеты. Эту идею хорошо бы осуществить как можно быстрее, так как надоело получать «информацию» об обществе возрождения памятников старины и сохранения русской культуры со страниц «Советской культуры», журналов «Огонек», «Знамя». Может быть, наконец, сможем получать правдивую информацию со страниц своей газеты.

Представляю, какая шумиха поднимется в связи с публикацией в газете «Советская культура» статьи В. Настиченко «Ширмачи». Совершенно ясно, что статья написана тенденциозно для того, чтобы в очередной раз попытаться скомпрометировать тех, кто никак не поддается более чем сомнительным версиям рыбаковых-шатровых и никак, ну никак не хочет покаяться в журнале Коротича. Непонятно, почему автор не опубликовал полный текст листовки, если считает ее «апофеозом вечера», ведь тогда «у многих читающих» не возник бы вопрос: так что же все-таки это было?» Мне кажется, что идея создания Русской Советской социалистической республики не такая уж крамольная. Думаю, что русские — достаточно заметная нация для того, чтобы претендо-

вать на свои права! В. Настиченко задает авторам воззвания вопрос о том, по какому методу будут определять чистокровных россиян. Разве об этом ставился вопрос? И разве на Украине, например, живут одни чистокровные украинцы? Вопрос явно провокационный.

Почему-то газета «Советская культура» не возмущается поступками таких деятелей, как осужденный Норинский или М. Жванецкий, который поведал нам с экрана телевизора о том, что они — сами по себе, мы — сами по себе. «Они» — это, видимо, те, кто читал и читает В. Белова и М. Алексеева, а «мы» — кто этих писателей не читает, довольствуясь Рыбаковым. А оскорбительные высказывания Овруцкого («Огонек») и Шифрина на творческом вечере И. Резника в адрес русского языка?

Или враждебные выходки Т. Ивановой и Ст. Рассадина («Огонек») в адрес лучших русских писателей и критиков? Рассадин вызывает у меня даже сочувствие — как можно жить с такой ненавистью к народу, на языке которого говоришь и читаешь?

Примеров подобных можно привести еще очень и очень много.

Вот 12-й номер «Дружбы народов» 1987 года — Н. Иванова недовольна употреблением В. Распутиным слов «народ», «нация», «гордость», противопоставляя им более конкретные слова Ю. Черниченко — Иван Рассоха, Анна Иосифовна. «Вот уж действительно у Ю. Черниченко болит душа за судьбу народа».

Вспомните, как на встрече В. Белова с телезрителями выступила девушка в голубой кофточке — у нее даже голос дрожал от неприязни к писателю.

Правильно В. И. Белов назвал журнал «Огонек» желтым. Вот почему так нужна сейчас всем нам газета, где можно давать отпор выступлениям подобных «интернационалистов». Всем сердцем желаю успеха Товариществу русских художников в работе.

Л. Н. КАРПОВ,
Москва

О ФАРИСЕЯХ И «ДЕТЯХ ШАРИКОВА»

В. А. Коротич, нынешний главный редактор журнала «Огонек», сейчас в центре внимания советской и зарубежной прессы. Полемика вокруг этой фигуры сводится в основном к несколько каламбурчой дилемме: кто же он — менестрель застоя или застрельщик перестройки?

В самом деле, общественное положение редактора самого массового в стране иллюстрированного еженедельника предъявляет немалые требования как профессионального, так и человеческого порядка. Увы, фигура В. А. Коротича в последнее время благодаря появившимся в некоторых журналах острым критическим статьям стала многим внушать в этом отношении сильное сомнение. Журнал «Москва» (1988 г., № 12) статьей А. Байгушева «О саддукействе и фарисействе», вообще, кажется, поставил здесь все точки над «і». И ранее с достаточной осторожностью относившийся ко многим публикациям «Огонька», за внешней смелостью которых стояли подчас не совсем здоровые идеи (выпячивание авангардного искусства, однобокость критики «сталинизма», своеобразное понимание интернационализма и т. д.), по прочтении этой статьи я сильно засомневался в искренности главного редактора «Огонька».

С этим убеждением я и пришел 9 января в ДК «Правда», где некая «инициативная группа» предложила Коротича к выдвижению кандидатом в депутаты по Свердловскому району Москвы... Через несколько дней 3-й номер «Огонька» сделал спешное сообщение об этом собрании под заголовком «Дети Шарикова», что и подтолкнуло меня к написанию этого письма.

По прочтении этого наспех сотканного материала мне наконец стало ясно, что это за «инициативная группа» предложила в народные избранники В. Коротича. Подписавшие письмо в «Огоньке» А. Федоровский и М. Малютин известны как вожди небольшой, но крикливой группы интеллигентов, громко именующих себя «московским народным фронтом».

Я, да и, наверное, большинство из присутствовавших на собрании 9 января и прочитавших «отчет» об этом мероприятии в «Огоньке», только укрепились в своих сомнениях в отношении В. А. Коротича и линии редактируемого им журнала, все более сползающего к желтому, бульварному стилю.

Что говорить о тенденциозности отбора очевидцев и фотоматериала, о пересказе слухов и извращении фактов? С этим мы, читая «Огонек», горько сказать, свыклись. Но сам стиль, язык статьи...

Как журнал характеризует своих противников — «черносотенцы», «дети Шарикова» (это что ж, если буквально по Булгакову — «сукины дети»?), «молодчики из мюнхенских пивных», «хамы» («хамские выкрики») с «темным, мутным сознанием», «воинствующая сталинщина», «хулиганы», «штурмовики» («наглые, сытые, самоуверенные»), «организованная банда», «погромщики» с «озверелыми лицами» и, наконец, верх журналистской этики — «подонки» (благодарю покорно). А ведь массовый журнал — не мюнхенская (да и любая другая) пивная, это ведь и своего рода учебник — и изящной словесности, и вообще культуры полемики. Истерика, брань, явное нежелание разобраться в причинах такого «провала» Коротича 9 января — вот что видно из статьи «Дети Шарикова». И вместе с тем удивительное лицемерие рассуждений. С нашей стороны, мол, «доводы разума», «правда», а вот с «их» — «глотки, локти и сапоги»... Хороша же культура!..

Между тем еще В. Распутин («Наш современник», 1988 г., № 1), а затем и отнюдь не сочувствующая «Памяти» (среди противников Коротича на собрании 9 января были в основном люди, не имеющие отношения к «Памяти», как, например, я, но «Огонек» загоняет всех скопом в «Память» — все, мол, одним миром мазаны, со всеми надо разделаться) А. Латынина в «Новом мире» (1988 г., № 8) достаточно ясно показали, что не только нечестно, но и, по сути дела, провокационно обливать грязью многомиллионными тиражами в прессе группу людей и не давать ей возможности также публично ответить.

Создается впечатление, что цель подобных публикаций — спровоцировать «Память» на какие-либо экстремистские шаги. Особую тревогу здесь вызывает присутствие национального аспекта. Назойливое перемалывание темы «черносотенства», «русского шовинизма», а то и «русского фашизма» оборачивается дискредита-

цией достаточно терпеливого к оскорблениям в свой адрес русского народа.

Прямо-таки охранительный окрик «Огонька» — не сметь, мол, «Память», выступать от имени русского народа — заставляет думать, что как раз журнал Коротича такого права не имеет.

Только с чего это вдруг у журнала-интернационалиста все противники перестройки — исключительно русские, будь то «Память» или еще кто. Ведь совсем недавно, казалось, предостерегала группа деятелей русской культуры со страниц «Литературной России» против русофобского экстремизма, против попыток объявить русский народ «носителем сталинизма» — и вот на тебе — «воинствующая сталинщина». Заметьте, такой ярлычок не лепится «Огоньком» на народные фронты Прибалтики, «Толоку» в Белоруссии и даже на комитет «Карабах» — нет, то, по В. Коротичу, организации прогрессивные, демократические, хотя иногда и «пошаливают». Нет, все беды от русских. «Ату их», — кричит «Огонек», обращаясь к своим сторонникам-читателям, поборникам «демократии с кулаками».

Да вот незадача — многомиллионный «Огонек», вроде бы «ум, честь и совесть» перестройки, не смог — в лице своего главного редактора — набрать даже 500 человек в зале ДК «Правды» для выдвижения Коротича кандидатом в депутаты. Но тут, конечно, есть веские оправдания — некая старший корректор Кириллова сообщает, что слышала от неких женщин, что их, дескать, останавливали и разворачивали обратно от ДК некие пикетчики — якобы из «Памяти». Солидный же уровень у журнала, довольствующегося слухами из третьих рук.

Я пришел в ДК за двадцать минут до начала предполагавшегося собрания и никаких пикетчиков не встретил. Наоборот, в дверях здания стояли вполне официальные дружинники и настоятельно уговаривали идти в зал только тех, кто является жителем Свердловского района — то есть как раз была попытка отсеять именно «пришлый» элемент — в подавляющем большинстве — читателей «Огонька», недовольных журналом.

Мало того, еще более двадцати минут после установленного времени организаторы собрания ждали, соберется ли необходимый кворум, и лишь когда стало ясно, что необходимых 500 человек никак не наберется (было зарегистрировано всего 373 жителя района, получивших избирательные жетоны), объявили, что собрание переносится на другой день...

Вот тогда-то все и началось. Закономерный вопрос, заданный из зала устроителям встречи: «А может, не стоит и переносить, народ просто проигнорировал Коротича?» — не получил ответа. В зал и на балкон пришли люди без «избирательных прав», и помещение действительно заполнилось до отказа (750 мест). Сам виновник торжества, сидевший в зале, был буквально атакован желающими получить его автограф на размноженной неизвестными фотокопии достопамятной статьи «Вместе с партией, вместе с народом» из «Политического самообразования» за 1982 год, прославляющей «литературные» сочинения Л. И. Брежнева. Взволновавшийся шеф «Огонька» был вынужден выйти вон, сопровождаемый не совсем одобрительным шумом зала и «мальчиками из народного фронта» (как охарактеризовал он этих лиц на следующий день в Институте философии).

На балконе появились самодельные плакаты с негативными характеристиками (Коротича и журнала). Мастера телевидения из «Взгляда» минут десять, кисло улыбаясь, все-таки снимали этот «возмутительный» плюрализм мнений...

«Инициативной группе» пришлось расстаться в этот вечер и с мыслью провести встречу с предполагающимся кандидатом в народные депутаты — тот проявил незаурядную политическую мудрость и предпочел ретироваться, чтобы на следующий день в соответствующих красках изложить эти события в сочувствовавшей ему аудитории Института философии АН СССР. Обгавкали его, мол, дети Шарикова. Редактируемый им журнал тут же подлил масла в огонь — они, мол, еще попробовали вступить с присутствовавшими врукопашную! Мало того, «Огонек» на всю страну бросил якобы услышанный в зале клич: «Бей жидов». Неужели это и есть гласность по Коротичу или — всего-навсего — политическая провокация?

Алексей ВИНОГРАДОВ,
историк

НАСЛЕДНИКИ ГОЛЬДШТЮККЕРА?

Ни для кого не секрет, что еврейские общины в капиталистических странах, а особенно в США, являются главной опорой сионистского государства Израиль. А вот как характеризует сионизм «Советский энциклопедический словарь» издания 1980 года: «Характерные черты сионизма — воинствующий шовинизм, расизм, антикоммунизм, антисоветизм».

После этого в Москве стали ходить слухи о самороспуске «Советского антисионистского комитета» *, состоящего, как известно, в основном из евреев. Видимо, потому, что он является, по заявлениям лидеров сионизма, единственной преградой на пути интеграции советских евреев с многочисленными еврейскими организациями во всемирном масштабе. Так что бороться с сионизмом у нас скоро будет некому...

В наши дни западные «радиоголоса» и «подголоски» можно слушать по всей стране беспрепятственно, порой даже лучше, чем отечественные станции. Радиостанция «Свобода», финансируемая конгрессом США, 20 января сообщила: ответственный работник Валентин Фалин на встрече с представителями западногерманских еврейских общин на вопрос об обществе «Память» сказал, что в СССР разрабатываются законы против антисемитизма и расизма! Слушая это, я не верил своим ушам.

Десятками миллионов жизней советский народ заплатил за победу в Великой Отечественной войне, за спасение мира от коричневой чумы. Теперь, спустя 44 года после Великой Победы, получается, что советский народ «заслуживает» введения на своей земле законов против антисемитизма! Что может быть ци-

---

* Основная причина таких слухов, распускаемых зарубежными радиостанциями, по мнению председателя Антисионистского комитета советской общественности Д. Драгунского (см. «Аргументы и факты», № 6 за 1989 г.), в том, что деятельность АКСО вызывает «в сионистских кругах Запада и в Израиле крайнее раздражение».— **Ред.**

личнее и абсурднее?! Державе, спасшей евреев от тотального уничтожения, предлагать подобное законодательство!

Как известно, законы против расовой ненависти существуют в законодательствах двух германских государств и Западного Берлина. За их неукоснительным соблюдением осуществляют надзор представители держав-победительниц, в том числе и наши. Почему же мы должны хлопотать о введении законов, принятых в рамках «денацификации»?

Удивительно, но даже в США нет законов против антисемитизма. Там есть законы против расовой сегрегации. В законодательствах западных стран не употребляется термин «антисемитизм». А, например, «Закон о расовых отношениях» 1968 года Великобритании для пресечения монополизации различных сфер жизни одной какой-нибудь этнической группой, не считает дискриминационным отказ в приеме на работу «по причине необходимости соблюдения разумного расового баланса» (ст. 8(2)).

Лауреат Сталинской премии второй степени (за роман «Водители», 1951 г.) Анатолий Рыбаков — известный борец против сталинизма, защищающий права «детей Арбата», едет в сионистский Израиль, в страну, где ежедневно и целенаправленно происходят убийства арабов на оккупированной территории Палестинского государства, где за брошенный в карателей камень сносят бульдозерами дома, где израильтяне осуществляют политику террора и геноцида! Может, А. Рыбаков старается «протолкнуть» законы против антисемитизма в Израиле, ведь, как известно, арабы — это великий семитский народ? Своеобразно понимают «чувства общечеловеческой солидарности» и другие наши именитые деятели культуры. Творя свою и «народную дипломатию», А. Пугачева, И. Кобзон, Е. Винокур, Э. Рязанов, Н. Брегвадзе, Е. Евтушенко, Г. Франк, А. Червинский и им подобные совершают вояжи в «еврейский национальный очаг». Наверное, с этой же целью...

Каково будет общественное мнение, если, например, подобные поездки совершат, руководствуясь чувствами религиозно-кровной солидарности, артисты Туркмении и Узбекистана в лагеря душманов в Пакистане?

Кое-кому в нашем обществе хотелось бы обвинить русские патриотические силы во вражде к евреям. Такую неудачную попытку совершил главный редактор журнала «Знамя» Г. Бакланов, поместив факсимиле подметного письма, подписанное якобы «черносотенцами» из «Памяти». Хорошо, что страна узнала из передачи Ленинградского телевидения и публикации в «Правде» (19.11.88 г.) о личности автора анонимки. Им оказался Аркадий Норинский, еврей по национальности, который из стремления опорочить «Память» разослал свыше сотни подметных писем в различные организации и самым известным людям страны, в том числе академику Д. Лихачеву. Об этом провокатор поведал на суде. К слову сказать, через день после ареста Норинского несколько сот явно сорганизованных ленинградских молодчиков «протестовали» против антисемитизма... властей. Об этом также поведало зрителям Ленинградское телевидение.

Жаль, что эта история неизвестна, видимо, ни В. Фалину, ни писателю Б. Васильеву, который в своих пространных рассуждениях в трех номерах «Известий» в январе этого года, озаглавленных «Люби Россию в непогоду...», пишет: «Отзвуки антисемитской травли в общегосударственном масштабе (имеется в виду «дело врачей». — А. А.) дают о себе знать и в наши дни. Наиболее откровенно в экстремистских призывах общества «Память».

По-видимому, Б. Васильев, Г. Бакланов, В. Коротич и прочие, кто пугает читателя жупелом «Памяти», обладают чрезвычайно важной информацией о замыслах этой организации. Непонятно только, почему советский народ лишен возможности составить собственное представление об опасных смутьянах. Многочисленным «народным фронтам», демократическим союзам и «мемориалам» постоянно предоставляется трибуна в печати и на телевидении, а в Прибалтике они вообще стали играть ведущую роль в средствах массовой информации. Членам же «Памяти» печатно или каким-нибудь другим способом высказать свою позицию до сих пор не удалось. Поэтому мнение об этом объединении можно составить весьма неопределенное, да и то только по огромному количеству критических публикаций в его адрес. Весьма непонятно, почему же, например, журнал «Огонек», похваляющийся своей широтой и терпимостью к полярным взглядам, до сих пор не предоставил страниц оппонентам из «Памяти»?

В «Огоньке» (№ 3 за 1989 г.) представлены якобы как антисемитские плакаты «Памяти», которые были выставлены в столичном клубе «Правда» на предвыборном собрании по выдвижению главного редактора журнала В. Коротича в депутаты. На одном плакате написано: «Журналом, у которого тираж за миллион, не может управлять хамелеон!» — это по поводу двуличия Коротича в «период застоя» и сейчас, когда он появился среди «застрельщиков» перемен. Только при больном воображении можно увидеть ненависть к евреям в словах другого плаката: «Коротич — доморощенный Гольдштюккер»... Конечно, неэтично редактора популярного еженедельника и автора нескольких очерковых книг сравнивать с Гольдштюккером — бывшим председателем Союза писателей Чехословакии, сионистом, которого даже прочили на пост главы страны, не ставшим за свою жизнь автором ни одной книги. «Архитектор» «Пражской весны» 1968 года прославился тем, что сам писал себе письма с угрозами и сам публиковал их с гневными комментариями. Под его руководством сионисты ЧССР в тот тяжелый период почти полностью захватили все средства массовой информации и множество политических структур. Смешно говорить, но сионисты так поверили в свои «возможности», что выпуски теленовостей проходили на фоне заставок, демонстрирующих ритуальные предметы иудаизма!

Подобная же связь с сионизмом наблюдается и при внимательном анализе событий, происходящих в Польше. Приведу цитату из книги Владимира Накарякова «Диверсии против Польши». «Большинство основателей КОРа были сынками когда-то известных ревизионистов, связанных с международными сионистскими, масонскими и неотроцкистскими организациями». КОР — подрывная группировка, «растворенная» впоследствии в комитетах «Солидарности», созданная и действующая по указанию ЦРУ и спецслужб НАТО. Характерно, что лидер польской «Солидарности» Валенса, будучи почетным доктором нескольких университетов, лауреатом нескольких премий, в том числе и Нобелевской, неоднократно публично заявлял, что не прочел в жизни ни одной

книги. Как это символично: «писатель-председатель» Гольдштюккер не написал ни одной книги, а «преобразователь» Польши гордится, что не читал ни одной книги. Но при чем здесь все-таки наш В. Коротич?

Давно всеми забытую послевоенную кампанию по борьбе с «безродными космополитами», а затем продолженную «делом врачей-отравителей», развязанную якобы Сталиным, Б. Васильев представляет как чрезвычайно «плодотворную» — она-де глубоко укоренилась в сознании народа и ее, по-видимому, пора выкорчевывать. Но если бы средства массовой информации не трепали без конца эту пресловутую кампанию, о ней давно не было бы ни слуху ни духу.

Воистину, если бы «дела врачей» не было, его следовало выдумать. Как, впрочем, и общество «Память». Именно этим занялся после посещения праздника-встречи с редколлегиями «Москвы», «Молодой гвардии», «Роман-газеты» популярный поэт Е. Евтушенко, забив во вселенский «лженабат» на страницах «Московских новостей» (распространяемых в 130 странах!), трактуя любое упоминание о евреях как антисемитизм, фарисейски взывая: «Нельзя допускать, чтобы демократию использовали против демократии...» Ловок, однако!

Постоянно расчесывать одну и ту же болячку и громко вопить, требуя хирургического вмешательства, — вот нехитрый рецепт кампаний вроде той, что срежиссирована усилиями Баклапова, Коротича и К°. А желанным завершением ее видится новоявленным гольдштюккерам карательное законодательство, которое станет защитной завесой для сионистских происков!

Кстати, говоря об антисемитизме Сталина, как истолковать невиданные по пышности похороны и погребение в Кремлевской стене в феврале 1953 года Льва Мехлиса, заплечных дел мастера высочайшего ранга, главного свидетеля чистки армии в 1937—1940 годах, а также «Сталинскую премию мира», врученную писателю Илье Эренбургу в январе того же года? Выходит, и Сталин понимал разницу между сионистами и евреями. Жаль, что не понимают этого В. Коротич и К°.

На вечере в Московском Доме литераторов в декабре 1987 года генерал-полковнику Д. Волкогонову, автору книги о Сталине «Триумф и трагедия», был задан вопрос об антисемитизме его героя. И уважаемый генерал-полковник сказал, что он, обладая одним из самых обширных личных архивов в мире об «отце народов», ни в одном из документов не наткнулся ни на малейший факт нелюбви Сталина к евреям. В подтверждение был зачитан список главарей, награжденных за «отличие» в организации принудительных работ на Беломорканале, при строительстве которого были замучены сотни тысяч людей. Большинство среди главных «передовиков», представленных к высшим правительственным наградам, были евреями. Этот список приведен в журнале «Наш современник», № 9 за прошлый год. Будем надеяться, что с рассекречиванием архивов нам станут более понятны мотивы политических спектаклей, которые в столь больших количествах ставились окружением Сталина.

Наивно думать, что сионизм не имеет корней в нашем социалистическом Отечестве. Благодаря его тайной деятельности несколько сотен тысяч евреев выехали из страны, в основном в Европу и в США, прельщенные рекламными посулами. Оккупировав Палестину, сегодня последователи сионизма не столько зывают евреев в «национальный очаг», сколько стараются добиться политических, экономических и других привилегий для евреев тех стран, в которых они проживают.

В годы застоя «борьба» с сионизмом состояла в том, чтобы доказать, будто действует означенный «изм» где-то в дальнем далеке, а в нашем благополучном во всех отношениях Отечестве существует единодушное неприятие этой формы расистской идеологии. Не знаю уж, чьими усилиями насаждалось представление о сионизме только как о любви к своей прародине Палестине. На деле сионизм как всякий национализм повсюду добивается создания привилегированного положения для представителей своей нации, стремится к установлению контроля на важнейших участках государственных и социальных структур. Проделывать это в атмосфере подлинной гласности, конечно, затруднительно. Так что стоит подумать: кому выгодно настойчиво добиваться принятия закона, который позволил бы приравнять борьбу с сионизмом к давно осужденному в стране и упорно приписываемому нашему народу антисемитизму?

А. АРХИПОВ,
инженер,
Москва

ПРЯМОЙ ВОПРОС

Кинорежиссер С. Герасимов писал («Правда» от 9 декабря 1985 года): «Есть мещанская поговорка «О вкусах не спорят». О вкусах как раз и надо спорить. Вкус категория социальная, нравственная, а не только эстетическая, то есть экология личности, сохранение ее эстетических свойств». У нас же, прикрываясь этой поговоркой, нередко прямо-таки рекламируют в кино, печати, на телевидении и радио пьянство, разврат, халтуру, извращенные нравы.

Почему это происходит? Член Политбюро ЦК КПСС А. Яковлев говорил («Известия» от 22 октября 1986 года), что «массовая культура», «это идейно-психологическая агрессия, имеющая целью навязать ложные ценности, пропитанные невежеством. Она направлена на разжигание потребительских инстинктов, дегуманизацию и деморализацию масс, утверждение перевернутой системы оценок, формирование утробных и спасительных для капитализма бездуховных стереотипов обыденного массового сознания. «Масскультура» активно и умело использует естественную тягу людей к развлечениям, отдыху, но ориентируясь при этом на бездуховные начала, на мещанское отношение к жизни и миру, на стандартизацию человеческих чувств и мышлений, на безгражданственность и равнодушие».

К сожалению, этой агрессии не избежала и наша страна. Хуже того, как отметил на XIX партконференции писатель Ю. Бондарев, «имеется попытка одной группой захватить все газеты и журналы. Наша экстремистская критика со своим деспотизмом вожделеет к власти и, отбрасывая мораль и совесть, может по-

ставить идеологию на границу кризиса». С ним солидарен и кинорежиссер С. Ростоцкий, который 8 декабря 1988 года сказал по телевидению, что у нас есть в искусстве такие «умные» люди, которые стараются превратить человека в обезьяну...

И примеров тому предостаточно.

В минувшем году в печати, на радио, телевидении в одном ряду с такими великими поэтами, как А. Пушкин, С. Есенин, Д. Байрон, ставили... В. Высоцкого. Согласимся, что некоторые его песни, говоря языком юристов, «имеют место быть», но до поэтов с мировым именем ему ой как далеко. Да будь он живой, сам бы возмутился такому нелепому сравнению. Он ведь не скрывал своих недостатков и пороков. Писал: «Я не люблю любое время года, когда болею или пью...» Или, отвечая на упрек: «Вы умерли от водки! Да, умер, но потом воскрес...»

Появились у В. Высоцкого «сердобольные» дяди и тети, твердящие о том, что он русский, а он еврей, и тоже не скрывал этого. И правильно, ибо у нас все равны, и судят о человеке не по графе, где записана национальность. Тем более что евреи, скрывающие свою национальность, меняющие фамилии, по вполне справедливому, хотя и резкому суждению Т. Голенпольского («Советская культура» от 15 октября 1988 года), предают своих родителей...

У В. Высоцкого есть такие слова: «На братских могилах не ставят крестов, и жены на них не рыдают». Верно ли это? На братских могилах редко ставят кресты, но зато там ставят обелиски и даже мемориалы, у которых плачут и жены, и дети, и сестры, и братья, и ветераны — весь народ помнит и чтит светлую память тех, кто пал в боях за Родину.

По радио (24 октября 1987 года) передавали воспоминания ветеранов-альпинистов о том, как они в 1943 году сбросили фашистский флаг с Эльбруса и показали путь в горах нашим войскам. Прекрасно пели тогда ветераны. Пели простые и такие человечные русские песни, сложенные в годы войны. Песни, которые утраивали силы бойцов. Разве сравнить с ними рычание о «супергероях» рекламируемого сейчас на каждом углу «барда», который и в армии не служил, и на гитаре брал всего два-три аккорда? Разве это опять-таки не медвежья ему услуга?

В 1987 году при посещении Генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачевым США был организован между нашими странами телемост. Американские ребята резонно спросили тогда: за что, за какие такие качества у нас хвалят В. Высоцкого? Даже за океаном понимают, что расхваливать его не за что. У нас забыли о таких великих певцах, как Э. Карузо, Ф. Шаляпин. Мы почти не слышим блистательных Л. Собинова, С. Лемешева, И. Козловского, О. Петрусенко, Е. Серкибаева, Р. Бейбутова, Г. Гаспарян, Е. Чавдара, З. Соткилаву, И. Богачеву, И. Архипову, В. Атлантова. Не говоря уже о старинных русских романсах в прекрасном исполнении Г. Каревой, которые просто «загнали в угол». Зато нас ежечасно приучают к хрипу, скулежу, визжанию, крику, воплю, бормотанию себе под нос В. Высоцкого и иже с ним. Дело дошло даже до того, что в Ленинграде во время открытия музея-квартиры А. Пушкина (телепередача от 7 февраля 1988 года) вдруг включили репродукторы на всю улицу с хрипом

В. Высоцкого. Разве это не глумление над памятью великого русского поэта, над славой русского народа!

Таким образом, вопреки здравому смыслу халтура разлагает наш народ, особенно молодежь. Неужели это нормально и никого не волнует?

А. ПРОКОФЬЕВ, Я. ГЛОБЧАСТЫЙ, М. ЮЩЕНКО,
Московская область

БИЛЕТ НА ПОШЛОСТЬ

Иду я мимо столичного кинотеатра «Россия» и вижу: народ возле касс толпится. Пригляделся: все собравшиеся желают посмотреть японский кинофильм «Легенда о Нарайяме». Ну, думаю, из-за границы шедевр привезли. И реклама об этом же говорит: так, мол, и так, «в картине причудливым образом уживаются дружба и сплетни, любовь и жестокость».

Купил и я билет. Сижу, радуюсь, что в число счастливчиков попал. Но тут на экране такое началось — впору гигиенический пакет доставать. Не знаю, может, у руководителей московского управления кинофикации В. Плащянского и В. Будько, а также директора кинотеатра «Россия» А. Калязиной картина японских кинематографистов восхищение вызывает, но у меня другие взгляды. От показа половых извращений между грязными, оборванцами, голодными, злыми и уродливыми людьми все добрые чувства исчезают.

Сейчас много говорят об освещении всей правды жизни. Ладно, пусть говорят и пусть правду показывают. Пусть даже потерявшие стыд артисты раздеваются и бесятся перед миллионами кинозрителей. Пусть за деньги звезда экрана «в экстазе» валяется в грязи. В конце концов, при нынешней демократии это их дело. Это на них будут показывать пальцем прохожие, а не на мою сестру и не на мою любимую женщину. Но почему администрации кинотеатра «Россия» (это я уже к юристам обращаюсь) дозволено меня обманывать? Согласно рекламе обещали показать одно, а показали другое. Если уж решили в кинотеатре с таким названием грязь вылить на зрителя, то будьте любезны об этом и сообщить. Так-то, мол, и так, дорогие соотечественники, сегодня и ежедневно до такого-то числа вы сможете лицезреть гнусную пошлость; кто желает уподобиться скотам, приобретайте билеты в нашем кинотеатре. Тогда и споров никаких не будет. Спорить можно о чем угодно, но не о наличии мерзостей. Поэтому, когда меня в родной «России» осчастливили показом еще и того, как нужно заниматься онанизмом, а затем, как проводить половые развлечения не с кем-нибудь, а с собакой, я не выдержал и покинул зрительный зал.

Пришел в кассу и как гражданин правового государства стал требовать возврата своих денег! Дудки! Не возвращают.

— Ишь чего захотел, — возмутилась кассирша. — Я вот сейчас позову...

Кого позовет? Зачем позовет? Я так толком и не понял. Стою и пашпо жду. Время идет, но вижу, деньги вернуть никто не торопится. Скромно о своей просьбе напомнил. Тут кассирша на

меня уже как на врага перестройки посмотрела. Долго и пристально изучала. Мне даже показалось, что дама степень моего опьянения определяет. Видно, убедившись, что я ни в одном глазу, вдруг срамить начала: «Смотри, какой хитрый! Половину фильма посмотрел, а теперь деньги требует. Не верну, и все тут!»

Я попробовал было объяснить ей, что не половину, а только несколько пошлостей видел. Куда там! Ясно одно, ей глубоко начхать на то, чем там пичкают граждан, главное, чтоб моему примеру не последовали.

Е. ЛУГОВОЙ,
журналист,
Москва

ТЕЛЕГРАММА

Выражаем редакции журнала большую признательность за вечер во Дворце спорта «Крылья Советов». Возмущены провокационной статьей Евтушенко в газете «Московские новости». Горды тем, что наш любимый журнал «Молодая гвардия» не прячется за спины других и много лет верен патриотическому курсу, несмотря на злобные нападки апологетов космополитизма. Крепко жмем руки.

Преподаватели **ИВАННИКОВ, КОМАРОВ.**
Редактор **ДЕМЬЯНСКАЯ**

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 16.02.89. Подп. в печ. 27.03.89. А00858. Формат 84×108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт 21,0. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 655 000 экз. Зак. 38. Цена 80 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.